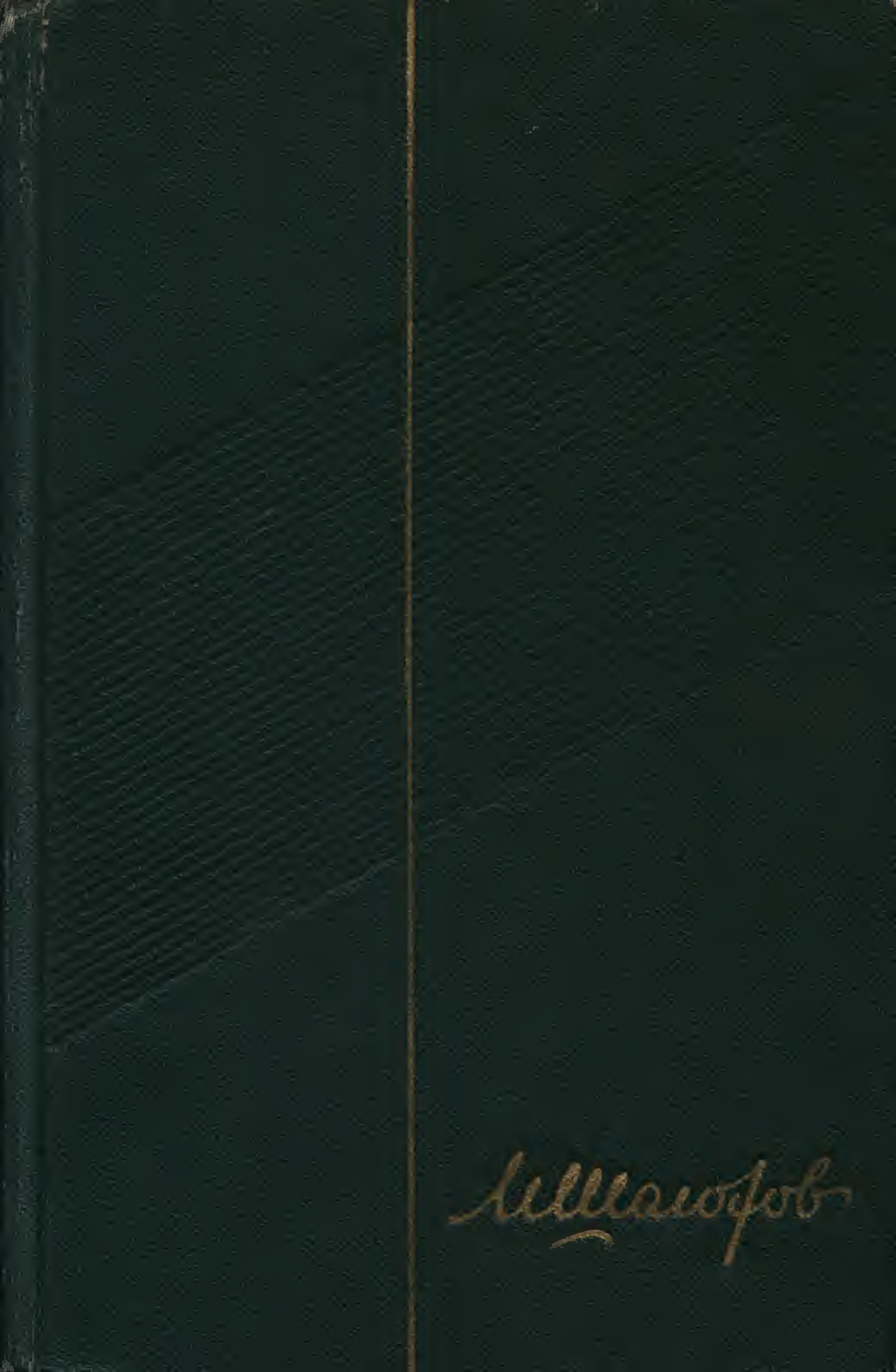

МШолохов

На память школе
от меня.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВОСЬМОЙ

РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ,
СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1969

Р2
Ш78

Примечания
Л. ВОЛЬПЕ

7—3—2

Подп. изд.

РАССКАЗЫ

НАУКА НЕНАВИСТИ

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поврежденными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядами сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах.

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцевито-клейких листках.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

— Как же ты тут уцелела, милая?..

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб.

На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безыменной речушки. Рваная,

зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние всё еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...

* * *

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сегодняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скрещивая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев и сзади — конвоировавшего их красноармейца в выгоревшей, почти белой от солнца, летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно. Мерно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая на солнце жалом штыка. И так же медленно брели пленные немцы, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками, густо заросшими каштановой щетиной,— поравнялся с блиндажом, кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся, на ходу поправляя привешенную к поясу каску. И тогда лейтенант Гера-

симов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким, лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шагу! Веди быстрей, говорят тебе!..

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь,— нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит ничего, я бы сказал — даже с удовольствием, а вот пленных увидит — и либо закроет глаза и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет.— Политрук придвинулся ко мне, перешел на шепот: — Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку: силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось видывать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли,— это страшно!

* * *

Ночью немецкая тяжелая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени, издалека доносился орудийный выстрел, спустя несколько секунд над нашими головами, высоко в звездном небе, слышался железный клекот снаряда, воющий звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади нас, в направлении дороги, по которой днем густо шли машины, подвозившие к линии фронта боеприпасы, желтой зарницей вспыхивало пламя и громово звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные стрельбой лягушки.

Мы лежали под кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе. Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить.

— До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван девятого июля прошлого года. Семья у меня — жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проводах, как полагается, жена и поплакала, и напутствие сказала: «Защищай родину и нас крепко. Если понадобится — жизнь отдай, а чтобы победа была нашей». Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!»

Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось. «Смотри,— говорит,— Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты потомственный рабочий; прадед твой еще у Строганова работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным. Власть-то — твоя, она тебя командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко».

«Будет сделано, отец».

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуску не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов,— говорит мой секретарь,— перед дорогой посидим минутку, по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, черт его знает, показался он тогда мне вовсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что

провожать мужа на фронт никакой жене невесело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит:

«Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте».— «Что ты,— говорю ей,— Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи,— теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась, так же внезапно, как и началась, продолжал:

— До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осмотрю ее со всех сторон. Ничего не скажешь — умные руки эти машины делали. Книги немецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талантливый народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было в конце концов их дело. Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцать седьмого рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы

немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто — табаку или папирос, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники... Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как исступленный, шептал: «Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу,

висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки,— восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Можно. Курите в руку,— охрипшим голосом ответил он.

И, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь папиросой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что, не скупясь, проливали мы там свою кровь, а кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В начале сентября я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцать пер-

вого, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебегали по лощине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это — все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планшетку и оружие кто-то из наших снял с меня.

«Вот и смерть»,— подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа, понятно? Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко

мне, я уже стоял на ногах. Стоял, и качался, и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежачего. Ни одного лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шел,— значит, я был жив и мог еще действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту у меня спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шел и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он еще раз сказал: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личных вещей. Я никогда не носил партбилета в бумажнике, боялся потерять; он был у меня во внутреннем кармане брюк, и его при обыске не нашли. Все же человек — удивительное создание: я твердо знал, что жизнь моя — на волоске, что если меня

не убьют при попытке к бегству, то все равно убьют по дороге, так как от сильной потери крови я едва ли мог бы идти наравне с остальными, но когда обыск кончился и партбилет остался при мне, я так обрадовался, что даже про жажду забыл!

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой и ехало человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел потому, что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стоная, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал:

— Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда, и тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться я не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршит колесо подъезжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился

к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и автомашины взмутили воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой хорошей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти, в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унизить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за огорожу. Сказать, что этот лагерь был адом,— значит, ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по нескольку десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжелораненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения обратиться к врачу, который, как сказали мне, был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: «Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь».

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченый человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«Видели? — спросил у меня врач.— Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь?» Я хотел молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал. Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Из этого лагеря, который являлся как бы распределительным, меня перевели в другой лагерь, находившийся километрах в ста от первого. Там все было так же устроено, как и в распределительном: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного гнилого зерна или же втаскивали в лагерь трупы издохших лошадей, предоставляя пленным самим делить эту падаль. Чтобы не умереть с голоду, мы ели — и умирали сотнями... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода. С умершего красноармейца мне удалось снять гимнастерку и шинель. Но и это не спасало от холода, а к голоду мы уже привыкли...

Стерегли нас разжиревшие от грабежей солдаты. Все они по характеру были сделаны на одну колодку. Наша охрана на подбор состояла из отъявленных мерзавцев. Как они, к примеру, развлекались: утром к проволоке подходит какой-нибудь ефрейтор и говорит через переводчика:

«Сейчас раздача пищи. Раздача будет происходить с левой стороны».

Ефрейтор уходит. У левой стороны огорожи толпятся все, кто в состоянии стоять на ногах. Ждем час, два, три. Сотни дрожащих, живых скелетов стоят на пронизывающем ветру... Стоят и ждут.

И вдруг на противоположной стороне быстро появляются охранники. Они бросают через проволоку куски нарубленной конины. Вся толпа, понукаемая голодом, шарахается туда, около кусков измазанной в грязи конины идет свалка...

Охранники хохочут во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. Крики и стоны. Пленные отбегают к левой стороне огорожи, а на земле остаются убитые и раненые... Высокий обер-лейтенант — начальник лагеря — подходит с переводчиком к проволоке. Обер-лейтенант, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

«При раздаче пищи произошли возмутительные беспорядки. Если это повторится, прикажу вас, русских свиней, расстреливать беспощадно! Убрать убитых и раненых!» Гитлеровские солдаты, толпящиеся позади начальника лагеря, просто помирают со смеху. Им по душе «остроумная» выходка их начальника.

Мы молча вытаскиваем из лагеря убитых, хороним их неподалеку, в овраге... Били и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. Били так просто, от скуки или для развлечения. Раны мои затянулись, потом, наверное от вечной сырости и побоев, снова открылись и болели нестерпимо. Но я все еще жил и не терял надежды на избавление... Спали мы прямо в грязи, не было ни соломенных подстилок, ничего. Собьемся в тесную кучу, лежим. Всю ночь идет тихая возня: зябнут те, которые лежат на самом низу, в грязи, зябнут и те, которые находятся сверху. Это был не сон, а горькая мука.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелилось. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

— Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже...— прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: — У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел «Интернационал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал, как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

* * *

Мне не удалось в ту ночь дослушать рассказ лейтенанта Герасимова. Его срочно вызвали в штаб части. Но через несколько дней мы снова встретились. В землянке пахло плесенью и сосновой смолью. Лейтенант сидел на скамье, согнувшись, положив на колени огромные кисти рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать...

— Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того, как услышали мы ночью орудийный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменились оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге...

Впрочем, одного унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. Мы шли через картофельное поле. Старшина, по фамилии Гончар, украинец по национальности, поднял эту проклятую

картофелину и хотел спрятать ее. Унтер заметил. Ни слова не говоря, он подошел к Гончару и выстрелил ему в затылок. Колонну остановили, построили. «Все это — собственность германского государства,— сказал унтер, широко поводя вокруг рукой.— Всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит».

В деревне, через которую мы проходили, женщины, увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Кое-кто из наших успел поднять, остальным не удалось: конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было идти быстрее. Но ребятишки — бесстрашный народ, они выбегали за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, съели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу. Немцы значительно усилили охрану, выдали нам лопаты. Нет, не строить им укрепления, а разрушать я хотел!

В этот же день перед вечером я решился: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику... До этого я приметил, что остальные немцы находятся у рва и, кроме этого, какой наблюдал за нашей группой, поблизости никого из охраны не было.

— У меня сломалась лопата... вот посмотрите,— бормотал я, приближаясь к солдату. На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что если не хватит сил и я не свалю его с первого удара,— я погиб. Часовой, видимо, что-то заметил в выражении моего лица. Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове, на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь.

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцой. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше. Всхлипывая и задыхаясь от усталости, пробирался я по чаще на той

стороне холма, когда далеко сзади застучали очереди автоматов и послышался крик. Теперь поймать меня было нелегко.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть на мой след и приблизиться,— только последний патрон я приберег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

Ночевал в лесу. Какая-то деревня была от меня в полукилометре, но я побоялся идти туда, опасаясь нарваться на немцев.

На другой день меня подобрали партизаны. Недели две я отлеживался у них в землянке, окреп и набрался сил. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, несмотря на то что я достал из-под подкладки шинели кое-как зашитый мною в лагере партбилет и показал им. Потом, когда я стал принимать участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною фашистам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду залечивать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь до конца.

* * *

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

— ...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»,— а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же

время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю,— закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно-белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался.

1942

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Евгении Григорьевне Левицкой,
члену КПСС с 1903 года

Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули теплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны.

В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станицу Букановскую. И расстояние небольшое — всего лишь около шестидесяти километров, — но одолеть их оказалось не так-то просто. Мы с товарищами выехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей, в струну натягивая постромки, еле тащила тяжелую бричку. Колеса по самую ступицу проваливались в отсыревший, перемешанный со снегом и льдом песок, и через час на лошадиных боках и стегнах, под тонкими ремнями шлеек, уже показались белые пышные хлопья мыла, а в утреннем свежем воздухе остро и пьяняще запахло лошадиным потом и согретым дегтем щедро смазанной конской сбруи.

Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело, но по обочинам дороги все еще держался хрустально поблескивавший на солнце ледок, и там пробираться было еще труднее. Только

часов через шесть покрыли расстояние в тридцать километров, подъехали к переправе через речку Еланку.

Небольшая, местами пересыхающая летом речушка против хутора Моховского в заболоченной, поросшей ольхами пойме разлилась на целый километр. Переправляться надо было на утлой плоскодонке, поднимавшей не больше трех человек. Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, видавший виды «виллис», оставленный там еще зимою. Вдвоем с шофером мы не без опасения сели в ветхую лодчонку. Товарищ с вещами остался на берегу. Едва отчалили, как из прогнившего днища в разных местах фонтанчиками забила вода. Подручными средствами конопатили ненадежную посудину и вычерпывали из нее воду, пока не доехали. Через час мы были на той стороне Еланки. Шофер пригнал из хутора машину, подошел к лодке и сказал, берясь за весло:

— Если это проклятое корыто не развалится на воде, часа через два приедем, раньше не ждите.

Хутор раскинулся далеко в стороне, и возле причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны. От воды тянуло сыростью, терпкой горечью гниющей ольхи, а с дальних прихоперских степей, тонувших в сиреневой дымке тумана, легкий ветерок нес извечно юный, еле уловимый аромат недавно освободившейся из-под снега земли.

Неподалеку, на прибрежном песке, лежал поваленный плетень. Я присел на него, хотел закурить, но, сунув руку в правый карман ватной стеганки, к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла. Во время переправы волна хлестнула через борт низко сидевшей лодки, по пояс окатила меня мутной водой. Тогда мне некогда было думать о папиросах, надо было, бросив весло, побыстрее вычерпывать воду, чтобы лодка не затонула, а теперь, горько досадуя на свою оплошность, я бережно извлек из кармана раскисшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы.

Был полдень. Солнце светило горячо, как в мае. Я надеялся, что папиросы скоро высохнут. Солнце

светило так горячо, что я уже пожалел о том, что надел в дорогу солдатские ватные штаны и стеганку. Это был первый после зимы по-настоящему теплый день. Хорошо было сидеть на плетне вот так, одному, целиком покорясь тишине и одиночеству, и, сняв с головы старую солдатскую ушанку, сушить на ветерке мокрые после тяжелой гребли волосы, бездумно следить за проплывающими в блеклой синеве белыми грудастыми облаками.

Вскоре я увидел, как из крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика, судя по росту — лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

— Здорово, браток!

— Здравствуй.— Я пожал протянутую мне большую, черствую руку.

Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

— Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофер, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил:

— Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно приподнял белесые бровки.

— Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные — снежки катал потому что.

Сняв со спины тощий вещевой мешок, устало присаживаясь рядом со мною, отец сказал:

— Беда мне с этим пассажиром! Через него и я подбился. Широко шагнешь — он уже на рысь переходит, вот и изволь к такому пехотинцу приноравливаться. Там, где мне надо раз шагнуть, я три раза шагаю, так и идем с ним враздробь, как конь с черепахой. А тут

ведь за ним глаз да глаз нужен. Чуть отвернешься, а он уже по лужине бредет или ледeнику отломит и сосет вместо конфеты. Нет, не мужчинское это дело с такими пассажирами путешествовать, да еще походным порядком.— Он помолчал немного, потом спросил: — А ты что же, браток, свое начальство ждешь?

Мне было неудобно разуверять его в том, что я не шофер, и я ответил:

— Приходится ждать.

— С той стороны подъедут?

— Да.

— Не знаешь, скоро ли подойдет лодка?

— Часа через два.

— Порядком. Ну что ж, пока отдохнем, спешить мне некуда. А я иду мимо, гляжу: свой брат шофер загорает. Дай, думаю, зайду, перекурим вместе. Одному-то и курить и помирать тошно. А ты богато живешь, папироски куришь. Подмочил их, стало быть? Ну, брат, табак моченый, что конь леченый, никуда не годится. Давай-ка лучше моего крепачка закурим.

Он достал из кармана защитных летних штанов свернутый в трубку малиновый шелковый потертый кисет, развернул его, и я успел прочитать вышитую на уголке надпись: «Дорогому бойцу от ученицы 6-го класса Лебедянской средней школы».

Мы закурили крепчайшего самосада и долго молчали. Я хотел было спросить, куда он идет с ребенком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

— Ты что же, всю войну за баранкой?

— Почти всю.

— На фронте?

— Да.

— Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше.

Он положил на колени большие темные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Выломав из плетня сухую искривленную хворостинку, он с минуту молча водил ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры, а потом заговорил:

— Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь! — И вдруг спохватился: ласково подталкивая сынишку, сказал: — Пойди, милок, поиграйся возле воды, у большой воды для ребятишек всегда какая-нибудь добыча найдется. Только, гляди, ноги не промочи!

Еще когда мы в молчании курили, я, украдкой рассматривая отца и сынишку, с удивлением отметил про себя одно, странное на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но добротно: и в том, как сидела на нем подбитая легкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчетом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки — все выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: прожженный в нескольких местах ватник был небрежно и грубо заштопан, латка на выношенных защитных штанах не пришита как следует, а скорее наживлена широкими, мужскими стежками; на нем были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их не коснулась женская рука... Еще тогда я подумал: «Или вдовец, или живет не в ладах с женой».

Но вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял, снова заговорил, и я весь превратился в слух.

— Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятьсотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один. Родни — хоть шаром покати,— нигде, никого, ни одной души. Ну, через год вернулся с Кубани, хатенку продал, поехал

в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели, потом пошел на завод, выучился на слесаря. Вскорости женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная, веселая, угодливая и умница, не мне чета. Она с детства узнала, почем фунт лиха стоит, может, это и сказалось на ее характере. Со стороны глядеть — не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на нее глядел, а в упор. И не было для меня красивей и желанней ее, не было на свете и не будет!

Придешь с работы усталый, а иной раз и злой, как черт. Нет, на грубое слово она тебе не нагрубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить, бьется, чтобы и при малом достатке сладкий кусок тебе сготовить. Смотришь на нее и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь ее, скажешь: «Прости, милая Иринка, нахамил я тебе. Понимаешь, с работой у меня нынче не заладилось». И опять у нас мир, и у меня покой на душе. А ты знаешь, браток, что́ это означает для работы? Утром я встаю как встрепанный, иду на завод, и любая работа у меня в руках кипит и спорится! Вот что это означает — иметь умную жену-подругу.

Приходилось кое-когда после получки и выпивать с товарищами. Кое-когда бывало и так, что идешь домой и такие кренделя ногами выписываешь, что со стороны небось глядеть страшно. Тесна тебе улица, да и шабаш, не говоря уже про переулки. Парень я был тогда здоровый и сильный, как дьявол, выпить мог много, а до дому всегда добирался на своих ногах. Но случалось иной раз и так, что последний перегон шел на первой скорости, то есть на четвереньках, однако же добирался. И опять же ни тебе упрека, ни крика, ни скандала. Только посмеивается моя Иринка, да и то осторожно, чтобы я спьяну не обиделся. Разует меня и шепчет: «Ложись к стенке, Андрюша, а то сонный упадешь с кровати». Ну, я, как куль с овсом, упаду, и все поплывет перед глазами. Только слышу сквозь сон, что она по голове меня тихонько гладит рукою и шепчет что-то ласковое, жалеет, значит...

Утром она меня часа за два до работы на ноги подымет, чтобы я размялся. Знает, что на похмелье я ничего

есть не буду, ну, достанет огурец соленый или еще что-нибудь по легости, нальет граненый стаканчик водки. «Похмелись, Андрюша, только больше не надо, мой милый». Да разве же можно не оправдать такого доверия? Выпью, поблагодарю ее без слов, одними глазами, поцелую и пошел на работу, как миленький. А скажи она мне, хмельному, слово поперек, крикни или обругайся, и я бы, как бог свят, и на второй день напился. Так и бывает в иных семьях, где жена дура; насмотрелся я на таких шалав, знаю.

Вскорости дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через года еще две девочки... Тут я от товарищей откололся. Всю получку домой несу, семья стала числом порядочная, не до выпивки. В выходной кружку пива выпью и на этом ставлю точку.

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку на грузовой. Потом втянулся и уже не захотел возвращаться на завод. За рулем показалось мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека, приметил он, как жизнь прожил? Ни черта он не приметил! Прошлое — вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шел по ней, все было ясно кругом, а отшагал двадцать километров, и вот уже затянула степь дымка, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса...

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на «отлично», а старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него проявился такой огромадный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень мне это было лестно, и гордился я им, страсть как гордился!

За десять лет скопили мы немного деньжонок и перед войной поставили себе домишко об двух комнатках, с кладовкой и коридорчиком. Ирина купила двух коз. Чего еще больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, все в порядке. Только построился я неловко. Отвели мне

участок в шесть соток неподалеку от авиазавода. Будь моя хибарка в другом месте, может, и жизнь сложилась бы иначе...

А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий — пожалуйте в эшелон. Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери — Настенька и Олюшка. Все ребята держались молодцом. Ну, у дочерей — не без того, посверкивали слезинки. Анатолий только плечами передергивал, как от холода, ему к тому времени уже семнадцатый год шел, а Ирина моя... Такой я ее за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видал. Ночью у меня на плече и на груди рубаха от ее слез не просыхала, и утром такая же история... Пришли на вокзал, а я на нее от жалости глядеть не могу: губы от слез распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, несмысленные, как у тронутого умом человека. Командиры объявляют посадку, а она упала мне на грудь, руки на моей шее сцепила и вся дрожит, будто подрубленное дерево... И детишки ее уговаривают и я,— ничего не помогает! Другие женщины с мужьями, с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: «Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье». Она и говорит и за каждым словом всхлипывает: «Родненький мой... Андрюша... не увидимся... мы с тобой... больше... на этом... свете...»

Тут у самого от жалости к ней сердце на части разрывается, а тут она с такими словами. Должна бы понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться, не к теще на блины собрался. Зло меня тут взяло! Силой я разнял ее руки и легонько толкнул в плечи. Толкнул вроде легонько, а сила-то у меня была дурачья; она попятилась, шага три ступнула назад и опять ко мне идет мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: «Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» Ну, опять обнял ее, вижу, что она не в себе...

Он на полуслове резко оборвал рассказ, и в наступившей тишине я услышал, как у него что-то клокочет и

булькает в горле. Чужое волнение передалось и мне. Искоса взглянул я на рассказчика, но ни единой слезинки не увидел в его словно бы мертвых, потухших глазах. Он сидел, понуро склонив голову, только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твердые губы...

— Не надо, друг, не вспоминай! — тихо проговорил я, но он, наверное, не слышал моих слов и, каким-то огромным усилием воли поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

— До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда ее оттолкнул!..

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он все же кое-как сделал крученку, несколько раз жадно затянулся и, покашливая, продолжал:

— Оторвался я от Ирины, взял ее лицо в ладони, целую, а у нее губы как лед. С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне — мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, а оно не выходит. А Ирина прижала руки к груди; губы белые как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнет, а сама вся вперед клонится, будто хочет шагнуть против сильного ветра... Такой она и в памяти мне на всю жизнь осталась: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза, полные слез... По большей части такой я ее и во сне всегда вижу... Зачем я ее тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут...

Формировали нас под Белой Церковью, на Украине. Дали мне ЗИС-5. На нем и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видал и знаешь, как оно было поначалу. От своих письма получал часто, а сам крылатки посылал редко. Бывало, напишешь, что, мол, все в порядке, помаленьку воюем, и хотя сейчас отступаем, но скоро соберемся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что еще можно было писать? Тошное время было, не до писаний было. Да и признаться,

и сам я не охотник был на жалобных струнах играть и терпеть не мог этаких слюнявых, какие каждый день, к делу и не к делу, женам и милахам писали, сопли по бумаге размазывали. Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди, убьют. И вот он, сука в штанах, жалуется, сочувствия ищет, слюнявится, а того не хочет понять, что этим разнесчастным бабенкам и детишкам не слаже нашего в тылу приходилось. Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли! А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и трудящую женщину как рюхой под ноги. Она после этого письма, горемыка, и руки опустит, и работа ей не в работу. Нет! На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы все вытерпеть, все снести, если к этому нужда позвала. А если в тебе бабьей закваски больше, чем мужской, то надевай юбку со сборками, чтобы свой тощий зад прикрыть попышнее, чтобы хоть сзади на бабу был похож, и ступай свеклу полоть или коров доить, а на фронте ты такой не нужен, там и без тебя вони много!

Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время был ранен, но оба раза по легости: один раз — в мякоть руки, другой — в ногу; первый раз — пулей с самолета, другой — осколком снаряда. Дырявил немец мне машину и сверху и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло, да и довезло до самой ручки... Попал я в плен под Лозовеньками в мае сорок второго года при таком неловком случае: немец тогда здорово наступал, и оказалась одна наша стодвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами по самую завязку, и сам я на погрузке работал так, что гимнастерка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идет, впереди стрельба, и уже начало попахивать жареным...

Командир нашей автороты спрашивает: «Проскочишь, Соколов?» А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? «Какой разговор! — отвечаю ему.— Я должен

проскочить, и баста!» — «Ну,— говорит,— дуй! Жми на всю железку!»

Я и подул. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом осторожность в езде нужна, но какая же тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воюют, когда дорога вся насквозь артогнем простреливается. Пробежал километров шесть, скоро мне уже на проселок сворачивать, чтобы пробраться к балке, где батарея стояла, а тут гляжу — мать честная — пехотка наша и справа и слева от грейдера по чистому полю сыпет, и уже мины рвутся по их порядкам. Что мне делать? Не поворачивать же назад? Давлю вовсю! И до батареи остался какой-нибудь километр, уже свернул я на проселок, а добраться до своих мне, браток, не пришлось... Видно, из дальнобойного тяжелый положил он мне возле машины. Не слыхал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался я живой тогда — не понимаю, и сколько времени пролежал метрах в восьми от кювета — не соображу. Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дергается, всего трясет, будто в лихорадке, в глазах темень, в левом плече что-то скрипит и похрустывает, и боль во всем теле такая, как, скажи, меня двое суток подряд били чем попадя. Долго я по земле на животе елозил, но кое-как встал. Однако опять же ничего не пойму, где я и что со мной стряслось. Память-то мне начисто отшибло. А обратно лечь боюсь. Боюсь, что ляжу и больше не встану, помру. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как тополь в бурю.

Когда пришел в себя, опомнился и огляделся как следует, сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, какие я вез, неподалеку моя машина, вся в клочья побитая, лежит вверх колесами, а бой-то, бой-то уже сзади меня идет... Это как?

Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал, как срезанный, потому что понял, что я — уже в окружении, а скорее сказать — в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает...

Ох, браток, нелегкое это дело — понять, что ты не по своей воле в плену. Кто этого на своей шкуре не

испытал, тому не сразу в душу въедешь, чтобы до него по-человечески дошло, что́ означает эта штука.

Ну, вот, стало быть, лежу я и слышу: танки гремят. Четыре немецких средних танка на полном газу прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал... Каково это было переживать? Потом тягачи с пушками потянулись, полевая кухня проехала, потом пехота пошла, не густо, так, не больше одной битой роты. Погляжу, погляжу на них краем глаза и опять прижмусь щекой к земле, глаза закрою: тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно...

Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах в ста от меня. Гляжу, сворачивают с дороги и прямо ко мне. Идут молчаком. «Вот, думаю, и смерть моя на подходе». Я сел, неохота лежа помирать, потом встал. Один из них, не доходя шагов нескольких, плечом дернул, автомат снял. И вот как потешно человек устроен: ни какой паники, ни сердечной робости в эту минуту у меня не было. Только гляжу на него и думаю: «Сейчас даст он по мне короткую очередь, а куда будет бить? В голову или поперек груди?» Как будто мне это не один черт, какое место он в моем теле прострочит.

Молодой парень, собою ладный такой, чернявый, а губы тонкие, в нитку, и глаза с прищуром. «Этот убьет и не задумается»,— соображаю про себя. Так оно и есть: вскинул он автомат — я ему прямо в глаза гляжу, молчу,— а другой, ефрейтор, что ли, постарше его возрастом, можно сказать, пожилой, что-то крикнул, отодвинул его в сторону, подошел ко мне, лопочет по-своему и правую руку мою в локте сгибает, мускул, значит, щупает. Попробовал и говорит: «О-о-о!» — и показывает на дорогу, на заход солнца. Топай, мол, рабочая скотинка, трудиться на наш райх. Хозяином оказался, сукин сын!

Но чернявый присмотрелся на мои сапоги, а они у меня с виду были добрые, показывает рукой: «Сымай». Сел я на землю, снял сапоги, подаю ему. Он их из рук у меня прямо-таки выхватил. Размотал я портянки, протягиваю ему, а сам гляжу на него снизу вверх. Но он заорал, заругался по-своему и опять за автомат хватается. Остальные ржут. С тем по-мирному и отошли.

Только этот чернявый, пока дошел до дороги, раза три оглянулся на меня, глазами сверкает, как волчонок, злится, а чего? Будто я с него сапоги снял, а не он с меня.

Что ж, браток, деваться мне было некуда. Вышел я на дорогу, выругался страшным, кучерявым, воронежским матом и зашагал на запад, в плен!.. А ходок тогда из меня был никудышный, в час по километру, не больше. Ты хочешь вперед шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает, возит по дороге, как пьяного. Прошел немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков. Тот, какой впереди колонны шел, поравнялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь хлыстнул меня ручкой автомата по голове. Упади я — и он пришил бы меня к земле очередью, но наши подхватили меня на лету, затолкали в средину и с полчаса вели под руки. А когда я очухался, один из них шепчет: «Боже тебя упаси падать! Иди из последних сил, а не то убьют». И я из последних сил, но пошел.

Как только солнце село, немцы усилили конвой, на грузовой подкинули еще человек двадцать автоматчиков, погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле черт-те насколько видно, ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожженное село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу — ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастерках и штанах, так что постелить и разу нечего. Кое на ком даже и гимнастерок не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастерки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И еще артиллерийская прислуга была без гимнастерок. Как работали возле орудий растелешенные, так и в плен попали.

Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Тут купол снесло тяжелым снарядом или бомбой с самолета, а тут крыша вся начисто

побитая осколками, сухого места даже в алтаре не найдешь. Так всю ночь и прослонялись мы в этой церкви, как овцы в темном катухе. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит, и пухнет, и ужасно как болит. Он твердо так говорит: «Сымай гимнастерку и нижнюю рубашку». Я снял все это с себя, он и начал руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света невзвидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он все щупает и злобно так отвечает: «Твое дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас еще больнее будет». Да с тем как дернет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты ее так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я ее на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошел в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену и в потемках свое великое дело делал.

Беспокойная это была ночь. До ветру не пускали, об этом старший конвоя предупредил, еще когда попарно загоняли нас в церковь. И, как на грех, приспичило одному богомольному из наших выйти по нужде. Крепился-крепился он, а потом заплакал. «Не могу, говорит, осквернять святой храм! Я же верующий, я христианин! Что мне делать, братцы?» А наши, знаешь, какой народ? Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас, а кончилась эта канитель очень даже плохо: начал он стучать в дверь и просить, чтобы его выпустили. Ну, и

допросился: дал фашист через дверь, во всю ее ширину, длинную очередь, и богомольца этого убил, и еще трех человек, а одного тяжело ранил, к утру он скончался.

Убитых сложили мы в одно место, присели все, притихли и призадумались: начало-то не очень веселое... А немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: «Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастерку снял, так за рядового сойдешь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела». Это говорит ближний ко мне, какой рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: «Я всегда подозревал, что ты, Крыжнев, нехороший человек. Особенно, когда ты отказался вступать в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?» Тот лениво так отвечает своему взводному: «Ну, окончил, и что из этого?» Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнев». А тот засмеялся тихонько. «Товарищи, говорит, остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, все равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе».

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлючности. «Нет, думаю, не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вытянут тебя, как падлу, за ноги!» Чуть-чуть рассвело — вижу: рядом со мной лежит на спине мордатый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной исподней рубашке, колени обнял, худенький такой, курносенький парнишка, и очень собою бледный. «Ну, думаю, не справится этот парнишка с таким толстым мерином. Придется мне его кончать».

Тронул я его рукою, спрашиваю шепотом: «Ты взводный?» Он ничего не ответил, только головою кивнул. «Этот хочет тебя выдать?» — показываю я на лежачего парня. Он обратно головою кивнул. «Ну, говорю, держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!» — а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык на боку!

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал и говорю взводному: «Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика».

Как и говорил этот Крыжнев, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками и трое эсэсовских офицеров начали отбирать вредных им людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было чуть не половина, и командиры были, и, само собою, и комиссары были. Только четырех и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трех русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: «Юде?» Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят. «Выходи» — и все.

Расстреляли этих бедолаг, а нас погнали дальше. Взводный, с каким мы предателя придушили, до самой Познани возле меня держался и в первый день нет-нет да и пожмет мне на ходу руку. В Познани нас разлучили по одной такой причине.

Видишь, какое дело, браток, еще с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не предоставился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашелся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата мерло от дизентерии; рою я познанскую глину, а

сам посматриваю кругом и вот приметил, что двое наших охранников сели закусывать, а третий придремал на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошел за куст... А потом — бегом, держу прямо на восход солнца...

Видать, не скоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров,— сам не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвертые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе.

На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трех километров, я и залег в овсе на дневку. Намял в ладонях зерен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас — и вот слышу собачий брех, и мотоцикл трещит... Оборвалось у меня сердце, потому что собаки все ближе голоса подают. Лег я плашмя и закрылся руками, чтобы они мне хоть лицо не обгрызли. Ну, добежали и в одну минуту спустили с меня все мое рванье. Остался в чем мать родила. Катали они меня по овсу, как хотели, и под конец один кобель стал мне на грудь передними лапами и целится в глотку, но пока еще не трогает.

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били в полную волю, а потом натравили на меня собак, и с меня только кожа с мясом полетели клочьями. Голого, всего в крови и привезли в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но все-таки живой... живой я остался!..

Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли замученные там, в лагерях,— сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать...

Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте уголек откатывал, и в Баварии на земляных работах горб наживал, и в Тюрингии побыл, и

черт-те где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково. А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадется, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево.

Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься. Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверно, на всех нас не хватало в Германии.

И кормили везде, как есть, одинаково: полтораста грамм эрзац-хлеба пополам с опилками и жидкая баланда из брюквы. Кипяток — где давали, а где нет. Да что там говорить, суди сам: до войны весил я восемьдесят шесть килограмм, а к осени тянул уже не больше пятидесяти. Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было не под силу. А работу давай и слова не скажи, да такую работу, что ломовой лошади и то не впору.

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-14, неподалеку от Дрездена. К тому времени в этом лагере было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вручную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма — четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь. Это как, браток? Лихо? Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идет, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше, на Сибирь. Одно горе к другому, да так гнут, что глаз от земли не подымаешь, вроде и ты туда, в чужую, немецкую землю, просишься. А лагерная охрана каждый день пьет, песни горланят, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шел, лохмотья на нас хоть выжми; все мы на холодном ветру продрогли как собаки, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться — то же самое, и к тому же голодные не то что до смерти, а даже еще хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рванье, кинул на нары и говорю: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». Только и сказал, но ведь нашелся же из своих какой-то подлец, донес коменданту лагеря про эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или, по-ихнему, лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белесые, навыкате. По-русски говорил как мы с тобой, да еще на «о» налегал, будто коренной волжанин. А матерщинничать был мастер ужасный. И где он, проклятый, только и учился этому ремеслу? Бывало, выстроит нас перед блоком — барак они так называли,— идет перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлете. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцев не повредить. Идет и бьет каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку «профилактику» устраивает, завтра второму и так и далее. Аккуратный был, гад, без выходных работал. Только одного он, дурак, не мог сообразить: перед тем как идти ему руку прикладывать, он, чтобы распалить себя, минут десять перед строем ругается. Он матерщинничает почем зря, а нам от этого легче становится: вроде слова-то наши, природные, вроде ветерком с родной стороны подувает... Знал бы он, что его ругань нам одно удовольствие доставляет, уж он по-русски не ругался бы, а только на своем языке. Лишь один мой приятель, москвич, злился на него страшно. «Когда он ругается, говорит, я глаза закрою и вроде в Москве, на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится».

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. «Кто Соколов Андрей?» Я отозвался. «Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует». Понятно, зачем требует. На распыл. Попрощался я с товарищами, все они знали, что на смерть иду, вздохнул и пошел. Иду по лагерному двору, на звезды поглядываю, прощаюсь и с ними, думаю: «Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по-лагерному — номер триста тридцать первый». Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жаль эта утихла, и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидали в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться все-таки трудно...

В комендантской — цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом — все лагерное начальство. Пять человек сидят, шнапс глушат и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутыль со шнапсом, хлеб, сало, моченые яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту жратву, и — не поверишь — так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный, как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.

Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играется, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнет, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щелкнул, громко так докладываю: «Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился». Он и спрашивает меня: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки — это много?» — «Так точно, говорю, герр комендант, много».— «А одного тебе на могилу хватит?» — «Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется».

Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдем во двор, там ты и распишешься».— «Воля ваша»,— говорю ему. Он постоял, подумал, а

потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и все это подает мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

Я было из его рук и стакан взял и закуску, но как только услыхал эти слова — меня будто огнем обожгло! Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант? Один черт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель». А что мне было терять? «За свою погибель и избавление от мук я выпью»,— говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдемте, распишете меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подает мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему свое: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щеки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил врастяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство

и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьезный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я — тоже солдат, и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость»,— и подает мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей». Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от нее потянуло...

Вышел я из комендантской на твердых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементовый пол без памяти. Разбудили меня наши еще в потемках: «Рассказывай!» Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. «Как будем харчи делить?» — спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. «Всем поровну»,— говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учет, ну, а сала, сам понимаешь,— только губы помазать. Однако поделили без обиды.

Вскорости перебросили нас, человек триста самых крепких, на осушку болот, потом — в Рурскую область на шахты. Там и пробыл я до сорок четвертого года. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты перестали пленными брезговать. Как-то выстроили нас, всю дневную смену, и какой-то приезжий обер-лейтенант говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофером — шаг вперед». Шагнуло нас семь человек

бывшей шоферни. Дали нам поношенную спецовку, направили под конвоем в город Потсдам. Приехали туда, и растрясли нас всех врозь. Меня определили работать в «Тодте» — была у немцев такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на «оппель-адмирале» немца-инженера в чине майора армии. Ох, и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в заду плечистый, как справная баба. Спереди у него над воротником мундира три подбородка висят и позади на шее три толстючих складки. На нем, я так определял, не менее трех пудов чистого жиру было. Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет — только держись! Целый день, бывало, жует да коньяк из фляжки потягивает. Кое-когда и мне от него перепадало: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в добром духе — и мне кусок кинет, как собаке. В руки никогда не давал, нет, считал это для себя за низкое. Но как бы то ни было, а с лагерем же не сравнить, и понемногу стал я запохаживаться на человека, помалу, но стал поправляться.

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей против наших. И тут я спать окончательно разучился: ночи напролет думал, как бы мне к своим, на родину сбежать.

Приехали мы в город Полоцк. На заре услыхал я в первый раз за два года, как громыхает наша артиллерия, и знаешь, браток, как сердце забилось? Холостой еще ходил к Ирине на свиданья, и то оно так не стучало! Бои шли восточнее Полоцка уже километрах в восемнадцати. Немцы в городе злые стали, нервные, а толстяк мой все чаще стал напиваться. Днем за городом с ним ездим, и он распоряжается, как укрепления строить, а ночью в одиночку пьет. Опух весь, под глазами мешки повисли...

«Ну, думаю, ждать больше нечего, пришел мой час! И надо не одному мне бежать, а прихватить с собою и моего толстяка, он нашим сгодится!»

Нашел в развалинах двухкилограммовую гирьку, обмотал ее обтирочным тряпьем, на случай, если

придется ударить, чтобы крови не было, кусок телефонного провода поднял на дороге, все, что мне надо, усердно приготовил, схоронил под переднее сиденье. За два дня перед тем, как распрощался с немцами, вечером еду с заправки, вижу, идет пьяный, как грязь, немецкий унтер, за стенку руками держится. Остановил я машину, завел его в развалины и вытряхнул из мундира, пилотку с головы снял. Все это имущество тоже под сиденье сунул и был таков.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет, а у меня сердце из груди чуть не выскакивает. Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутся. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены под боком. Ну, я его и тюкнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его еще раз стукнул, но убивать до смерти не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кобуры парабеллум, сунул себе в карман, монтировку вбил за спинку заднего сиденья, телефонный провод накинул на шею майору и завязал глухим узлом на монтировке. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько напялил на себя немецкий мундир и пилотку, ну, и погнал машину прямиком туда, где земля гудит, где бой идет.

Немецкий передний край проскакивал между двух дзотов. Из блиндажа автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками махают, мол, туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошел на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулеметов по машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

Тут немцы сзади бьют, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырех местах ветровое стекло пробили, радиатор попороли пулями... Но вот уже

лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую ее, и дышать мне нечем...

Молодой парнишка, на гимнастерке у него защитные погоны, каких я еще в глаза не видал, первым подбегает ко мне, зубы скалит: «Ага, чертов фриц, заблудился?» Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: «Милый ты мой губошлеп! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас отвяжите этого борова, какой в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру». Сдал я им пистолет и пошел из рук в руки, а к вечеру очутился уже у полковника — командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается, душой и телом чистый и в полной форме. Полковник встал из-за стола, пошел мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привез от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати «языков». Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к пра[redacted]енной награде». А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдавить: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть».

Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернешься к нам, посмотрим, куда тебя определить».

И полковник, и все офицеры, какие у него в блиндаже были, душевно попрощались со мной за руку, и я вышел окончательно разволнованный, потому что за два года отвык от человеческого обращения. И заметь, браток, что еще долго я, как только с начальством приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся, что ли, как бы меня не ударили. Вот как образовали нас в фашистских лагерях...

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал все коротко, как был в плену, как бежал вместе с немецким майором. И, скажи на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась? Не утерпел-таки, сообщил, что полковник обещал меня к награде представить...

Две недели спал и ел. Кормили меня помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться, так доктор сказал. Набрался силенок вполне. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома нет, и я, признаться, затосковал. Еда и на ум не идет, сон от меня бежит, всякие дурные мыслишки в голову лезут... На третьей неделе получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай бог никому таких писем получать!.. Сообщает он, что еще в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод и одна тяжелая бомба попала прямо в мою хатенку. Ирина и дочери как раз были дома... Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте хатенки — глубокая яма... Не дочитал я в этот раз письмо до конца. В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается. Прилег я на койку, немного отлежался, дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбежки был в городе. Вечером вернулся в поселок, посмотрел на яму и в ночь опять ушел в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и все.

Когда сердце разжалось и в ушах зашумела кровь, я вспомнил, как тяжело расставалась со мною моя Ирина на вокзале. Значит, еще тогда подсказало ей бабье сердце, что больше не увидимся мы с ней на этом свете. А я ее тогда оттолкнул... Была семья, свой дом, все это лепилось годами, и все рухнуло в единый миг, остался я один. Думаю: «Да уж не приснилась ли мне моя нескладная жизнь?» А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я крепкий, я выживу, и опять мы будем все вместе... Значит, я два года с мертвыми разговаривал?!

Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом:

— Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье давит.

Мы закурили. В залитом полой водою лесу звонко выстукивал дятел. Все так же лениво шевелил сухие сережки на ольхе теплый ветер; все так же, словно под тугими белыми парусами, проплывали в вышней синеве облака, но уже иным показался мне в эти минуты скорбного молчания безбрежный мир, готовящийся к великим свершениям весны, к вечному утверждению живого в жизни.

Молчать было тяжело, и я спросил:

— Что же дальше?

— Дальше-то? — нехотя отозвался рассказчик.— Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был уже в Воронеже. Пешком дотопал до места, где когда-то семейно жил. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина кладбищенская. Ох, и тяжело же было мне, браток! Постоял, поскорбел душою и опять пошел на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно в дивизию.

Но месяца через три и мне блеснула радость, как солнышко из-за тучи: нашелся Анатолий. Прислал письмо мне на фронт, видать, с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он поначалу в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике. Через год с отличием закончил училище, пошел на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей «сорокапяток», имеет шесть орденов и медали. Словом, обштопал родителя со всех концов. И опять я возгордился им ужасно! Как ни крути, а мой родной сын — капитан и командир батареи, это не шутка! Да еще при таких орденах. Это ничего, что отец его на «студебеккере» снаряды возит и прочее военное имущество. Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, все впереди.

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить буду, плотничать и внучат нянчить. Словом, всякая такая стариковская штука. Но и тут получилась

у меня полная осечка. Зимою наступали мы без передышки, и особо часто писать друг другу нам было некогда, а к концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмишко, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от одного поблизости. Жду не дождусь, прямо-таки не чаю, когда мы с ним свидимся. Ну, и свиделись... Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер...

Во второй половине дня вызывает меня командир роты. Гляжу, сидит у него незнакомый мне артиллерийский подполковник. Я вошел в комнату, и он встал, как перед старшим по званию. Командир моей роты говорит: «К тебе, Соколов», а сам к окну отвернулся. Пронизало меня, будто электрическим током, потому что почуял я недоброе. Подполковник подошел ко мне и тихо говорит: «Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдем со мной!»

Качнулся я, но на ногах устоял. Теперь и то как сквозь сон вспоминаю, как ехал вместе с подполковником на большой машине, как пробирались по заваленным обломками улицам, туманно помню солдатский строй и обитый красным бархатом гроб. А Анатолия вижу вот как тебя, браток. Подошел я к гробу. Мой сын лежит в нем и не мой. Мой — это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далекую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошел в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слезы вытирают, а мои невыплаканные слезы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?..

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далекий путь, и словно что-то во мне оборвалось... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут вскорости меня демобилизовали. Куда

идти? Неужто в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живет мой дружок, демобилизованный еще зимою по ранению,— он когда-то приглашал меня к себе,— вспомнил и поехал в Урюпинск.

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофером в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля, приютили они меня. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, какой в песке играется.

Из рейса, бывало, вернешься в город — понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день — опять вижу. Этакий маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечесаный, а глазенки — как звездочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нем, спешу из рейса поскорее его увидать. Около чайной он и кормился,— кто что даст.

На четвертый день прямо из совхоза, груженный хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему видать, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазенки широко раскрыл, ждет, что̀ я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и все знаю.

Зашел он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уже научился вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: «Где

же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте».— «А мама?» — «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали».— «А откуда вы ехали?» — «Не знаю, не помню...» — «И никого у тебя тут родных нету?» — «Никого».— «Где же ты ночуешь?» — «А где придется».

Закипела тут во мне горючая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети. И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я твой отец».

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьет, и руки трясутся... Как я тогда руля не упустил, диву можно даться! Но в кювет все же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошел, побоялся ехать: как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сынок мой все жмется ко мне изо всех силенок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

Бросил машину возле ворот, нового своего сынишку взял на руки, несу в дом. А он как обвил мою шею ручонками, так и не оторвался до самого места. Прижался своей щекой к моей небритой щеке, как прилип. Так я его и внес. Хозяин и хозяйка в аккурат дома были. Вошел я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: «Вот и нашел я своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!» Они, оба мои бездетные, сразу сообразили, в чем дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не оторву. Но кое-как уговорил. Помыл ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка щей ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так

и залилась слезами. Стоит у печки, плачет себе в передник. Ванюшка мой увидал, что она плачет, подбежал к ней, дергает ее за подол и говорит: «Тетя, зачем же вы плачете? Папа нашел меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете». А той — подай бог, она еще пуще разливается, прямо-таки размокла вся!

После обеда повел я его в парикмахерскую, постриг, а дома сам искупал в корыте, завернул в чистую простыню. Обнял он меня и так на руках моих и уснул. Осторожно положил его на кровать, поехал на элеватор, сгрузил хлеб, машину отогнал на стоянку — и бегом по магазинам. Купил ему штанишки суконные, рубашонку, сандалии и картуз из мочалки. Конечно, все это оказалось и не по росту, и качеством никуда не годное. За штанишки меня хозяйка даже разругала. «Ты, говорит, с ума спятил, в такую жару одевать дитя в суконные штаны!» И моментально — швейную машинку на стол, порылась в сундуке, а через час моему Ванюшке уже сатиновые трусики были готовы и беленькая рубашонка с короткими рукавами. Спать я лег вместе с ним и в первый раз за долгое время уснул спокойно. Однако ночью раза четыре вставал. Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под застрехой, тихонько посапывает, и до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь! Норовишь не ворохнуться, чтобы не разбудить его, но все-таки не утерпишь, потихоньку встанешь, зажжешь спичку и любуешься на него...

Перед рассветом проснулся, не пойму: с чего мне так душно стало? А это сынок мой вылез из простыни и поперек меня улегся, раскинулся и ножонкой горло мне придавил. И беспокойно с ним спать, а вот привык, скучно мне без него. Ночью то погладишь его сонного, то волосенки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...

Первое время он со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так не годится. Одному мне что надо? Краюшку хлеба и луковицу с солью, вот и сыт солдат на целый день. А с ним — дело другое: то молока ему надо добывать, то яичко сварить, опять же

без горячего ему никак нельзя. Но дело-то не ждет. Собрался с духом, оставил его на попечение хозяйки, так он до вечера слезы точил, а вечером удрал на элеватор встречать меня. До поздней ночи ожидал там.

Трудно мне с ним было на первых порах. Один раз легли спать еще засветло, днем наморился я очень, и он — то всегда щебечет, как воробушек, а то что-то примолчался. Спрашиваю: «Ты о чем думаешь, сынок?» А он меня спрашивает, сам в потолок смотрит: «Папка, ты куда свое кожаное пальто дел?» В жизни у меня никогда не было кожаного пальто! Пришлось изворачиваться. «В Воронеже осталось»,—говорю ему. «А почему ты меня так долго искал?» Отвечаю ему: «Я тебя, сынок, и в Германии искал, и в Польше, и всю Белоруссию прошел и проехал, а ты в Урюпинске оказался».— «А Урюпинск — это ближе Германии? А до Польши далеко от нашего дома?» Так и болтаем с ним перед сном.

А ты думаешь, браток, про кожаное пальто он зря спросил? Нет, все это неспроста. Значит, когда-то отец его настоящий носил такое пальто, вот ему и запомнилось. Ведь детская память, как летняя зарница: вспыхнет, накоротке осветит все и потухнет. Так и у него память, вроде зарницы, проблесками работает.

Может, и жили бы мы с ним еще с годик в Урюпинске, но в ноябре случился со мной грех: ехал по грязи, в одном хуторе машину мою занесло, а тут корова подвернулась, я и сбил ее с ног. Ну, известное дело, бабы крик подняли, народ сбежался, и автоинспектор тут как тут. Отобрал у меня шоферскую книжку, как я ни просил его смилостивиться. Корова поднялась, хвост задрала и пошла скакать по переулкам, а я книжки лишился. Зиму проработал плотником, а потом списался с одним приятелем, тоже сослуживцем,— он в вашей области, в Кашарском районе, работает шофером,— и тот пригласил меня к себе. Пишет, что, мол, поработаешь полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сынком и командируемся в Кашары походным порядком.

Да оно, как тебе сказать, и не случись у меня этой аварии с коровой, я все равно подался бы из Урюпин-

ска. Тоска мне не дает на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастет и придется определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле.

— Тяжело ему идти,— сказал я.

— Так он вовсе мало на своих ногах идет, все больше на мне едет. Посажу его на плечи и несу, а захочет промяться — слезает с меня и бегает сбоку дороги, взбрыкивает, как козленок. Все это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять... Иной раз так схватит и прижмет, что белый свет в глазах меркнет. Боюсь, что когда-нибудь во сне помру и напугаю своего сынишку. А тут еще одна беда: почти каждую ночь своих покойников дорогих во сне вижу. И все больше так, что я — за колючей проволокой, а они на воле, по другую сторону... Разговариваю обо всем и с Ириной и с детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть — они уходят от меня, будто тают на глазах... И вот удивительное дело: днем я всегда крепко себя держу, из меня ни «оха», ни вздоха не выжмешь, а ночью проснусь, и вся подушка мокрая от слез...

В лесу послышался голос моего товарища, плеск весла по воде.

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твердую, как дерево, руку:

— Прощай, браток, счастливо тебе!

— И тебе счастливо добраться до Кашар.

— Благодарствую. Эй, сынок, пойдем к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его родина.

С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы благополучно при нашем расставанье, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

1956

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПО ПРАВОБЕРЕЖЬЮ ДОНА

По Верхнему Дону весна началась как будто и рано. На 5 апреля колхозы Вешенского района, в частности левобережная сторона, по песчаным землям, рано обнажившимся от снега, обсеменили 115 га зяби. Но неожиданно с севера подул холодный, «московский» ветер, наволочью покрылось небо, запорошил поздний снег, и бригады, выехавшие было на поля и раскинувшие станы, потянулись обратно в хутора. Пятидневка дала ничтожный прирост в 69 га по району. Из Лебяжинского колхоза, раньше всех выехавшего в поле, после первых же заморозков стали наведываться на пашню, заботливо разгребали рыхлую, притрушенную снегом землю, доставали набухшее, пустившее росток зерно, опасаясь, не прихватил ли мороз. Но двухдневные заморозки сменились оттепелью, дождями, земля отмякла, и зерно не пострадало. Следующая пятидневка дает по району резкий прирост: засеяно уже 2450 га. В сев частично включилось и правобережье района.

В прошлом году в ряде колхозов волынили, по нескольку дней не выезжали на работу, а вспухшая, алчущая обсеменения земля сохла, одевалась черствой коркой и осенью жестоко мстила недородом за несвоевременный посев.

В прошлом году в Черновском колхозе, где почти не осталось после гражданской войны мужчин, казачки, начавшие волынку, на уговоры секретаря окружкома бесстыдно ругались, орали, вводили в великий стыд

секретаря — краснознаменца и бывшего комиссара одной из дивизий Первой Конной.

— У нас казаков нет! С нами спать некому, а ты приехал нас уговаривать сеять. Оставайся с нами, тогда и сеять поедем!

И указывали на неполадки в устройстве молодого колхоза.

— Как казак — так либо бригадир, либо десятник. Они, кобели, воткнут за уши карандаши и ходят начальниками, а бабы и плугатари, и погонычи, и кашевары! Не желаем таких порядков! Советская власть не так диктует!

Но в этом году у всех упорное желание работать, большое хозяйственное рвение. Показательны в этом отношении цифры: первая пятидневка массового сева в прошлом году дала 5307 гектаров, в этом году — 25 520 гектаров.

Причем необходимо иметь в виду, что в районе в прошлом году было значительно больше рабочего скота. И несмотря на это, район засевает в первую пятидневку чуть ли не в пять раз больше.

* * *

В последних числах апреля вдвоем с заврайзо Вешенского района тов. Шевченко выезжаем на правую сторону Дона. На перевале в степи, за хутором Чукаринским, бригада Базковской МТС. Три «кейса» стоят на пашне. Возле стана толпа молодых ребят. Позванивает балалайка, настроение самое праздничное. Шевченко на ходу спрыгивает с автомобиля.

— Почему не работаете? Где бригадир?

Подходит бригадир, малость смущенный.

— Семена кончились, поехали в хутор.

А до хутора пять километров. Из-за того, что вовремя не успели обеспечить сеялку семенами, простаивают тракторы, бездельничают люди. К вечеру приезжаем в зерносовхоз № 8. В зерносовхозе прорыв: не успели обеспечить участки семенным зерном. Часть зерна находится на полпути от станции, в пятидесяти километрах от главного участка. Идет переброска зерна

тракторами, в то время как подошла пора бороновать зябь, земля перестраивается, дорог каждый час. Зерносовхозцев отчасти выручает то обстоятельство, что к пяти «катерпиллерам» из партии, полученной зимой, недоданы прицепки. Механическая мастерская зерносовхоза не в состоянии сделать прицепок, и тракторы используются на переброске зерна. Зерносовхоз № 8, как единственная в районе МТС, не является ведущим. Колхозы района на своем тягле за зиму перевезли для зерносовхоза около полумиллиона пудов груза, рассчитывая на поддержку в дни весенней посевной, но из разговора с заместителем директора зерносовхоза с совершенной очевидностью выясняется, что в севе колосовых на помощь зерносовхоза рассчитывать ни в коем случае нельзя. Зерносовхоз сам не в состоянии будет к 1 мая (крайний срок сева колосовых) выполнить свой план, и если поможет району, то только в севе пропашных[1].

В поле, в нескольких километрах от участка, работают по бороньбе новые «катерпиллеры». Я долго с почтительным изумлением смотрел на работу этой мощной машины. Шестидесятисильный гусеничный трактор волочил за собой длинный ряд борон. Я смерил расстояние, охватываемое боронами,— оказалось двадцать семь шагов. С удивительной легкостью, без малейшего напряжения тянул он два ряда борон. Мотор стучал отчетливо и строго, как предельно здоровое сердце, а сзади, на бурых комьях зяби, поскрипывая и мелко дрожа, метались бороны, не привыкшие к шаговитому ходу гусеничного гиганта. И я вспомнил, как в прошлом году на этой же, извеку непаханной целине появились впервые совхозские «джондиры», как поползли они по кочковатой степи, выворачивая лемехами гнезда ковыля и железно крепкой тимурки. Было радостно глядеть на борьбу машины с землей, до этого попираемой только копытами косячных кобылиц, отгуливающихся на отводе. И становилось страшно за машину, когда, нарвавшись на клеклую, столетиями уплотненную землю, трактор глухо и злобно рычал и, будучи не в силах

---

[1] На 2 мая колхозы района засеяли 73 проц. плана колосовых, в то время как зерносовхоз — только около 50 проц.

разодрать лемехами плугов слежавшуюся грудину степи, становился, как лошадь, на дыбы; рев мотора достигал все большего напряжения и звучал непотаенной и ярой угрозой. Казалось, что опутанная жилистой сеткой травяных корневищ земля не пустит дальше плуга. Но еще какой-то толчок напряжения, и трактор медленно опускался, туго двигался вперед, и на сторону, как сраженные насмерть, тихо отваливались серебристо-глянцевитые пласты земли, кровоточа белой кровью перерезанных корневищ ковыля и разнотравья.

Теперь — наперекрест — до еле видимых в сумерках степных увалов степь лежала, побежденная человеком. В сумерках чуть заметно дымилась бархатисто-черная зябь. Земля покорно ждала обсеменения. И всюду по ней красными звездами рассыпаны огни машин; ухо отовсюду ловит стук моторов, живой и бодрящий.

* * *

Основным недостатком в работе совхоза, несмотря на все старания энергичного и толкового директора тов. Пара, является неумение организовать труд по-настоящему. Зерно необходимо было завезти зимой, до весенней распутицы, когда дороги становятся непроездными. Участки должны были обеспечить себя всем необходимым до начала сева. На самом же деле на ряде участков, отдаленных от мастерской расстоянием в несколько десятков километров, зачастую не имеется самого необходимого. Единственный механик сидит на участке, а у тракториста, работающего где-нибудь в поле, нет под руками даже французского ключа. Малейшая неполадка в моторе,— нечем отвинтить гайку,— надо бросать трактор и пешком идти на участки. Кстати, трактористы очень жалуются на плохое качество баббита. Через два-три дня приходится подтягивать подшипники. Общая нехватка запасных частей. Зерносовхоз № 8 у Зернотреста на положении пасынка. Пустяковое дело — серебра для магнето нет; для этого надо специально выделять человека, и тот мечется по хуторам в поисках десятка серебряных рублей. Но бывает и так, что люди, оглушенные и издерганные мелкими

неполадками, теряются, не умеют найти выхода. Характерный пример: Базковская МТС некоторое время не могла наладить ночной пахоты из-за отсутствия фонарей. Имевшиеся у них были неудачно сделаны заводом (слишком высоко подняты сетки, отчего огонь в фонаре при движении гас). Казалось бы, дело простое: взять в том же колхозе старые фонари на поле, взамен их отдать новые, так как в конюшне, например, и в этих огонь бы не гас. Вместо этого мтэсовцы «увяли»: нет фонарей, не в темноте же работать!

* * *

Из зерносовхоза с рассветом выезжаем в Нижне-Яблонский сельсовет. Неподалеку от хутора в степи, как скирды, раскиданы станы бригад. Местами пашут мягкую землю. Председатель сельсовета Шевцов — в посевном штабе. Вместе с ним едем во вторую бригаду. Ладная и неплохая работа. По плану одиннадцатирядная сеялка за день должна засевать 4,5 гектара, бригада, соревнуясь с другой бригадой, засевает 6 и $6^1/_4$.

— Как с кормами? — спрашиваю у Шевцова. Тот неприязненно косится на Шевченко и заговорщически шепчет:

— Уговори ты Шевченко, чтоб не наседал на нас! Требует помочь кормом наполовцам, а откуда его наберешь? Самим лишь бы на неделю хватило.

— А не прибедниваешься ты?

И Шевцов не выдерживает: левый глаз его лукаво щурится.

— Дадим... У нас, браток, еще сено есть, ни один черт в районе не знает! — и, увидя, что Шевченко прислушивается, круто переводит разговор: — Вчера захожу к одному единоличнику, а он саботирует, гад. Семена не засыпал и дома сидит. «Будешь сеять?» — спрашиваю. «Нечем».— «Отдай колхозу быков на время, а то ведь пропадет земля».— «Нет, не дам». Пошли на баз, он вилы ухватил и ко мне, запороть хочет, а у меня в руке и хворостины нет...

— Быков-то взял? — спрашиваю я.

Шевцов молчит, щурится, потом нехотя отвечает:

— Взял.

— Как же?

— Пропаганду в него пустил. Насилу уломал. Другие единоличники услыхали — поехали. А то такую петрушку разводили: «Не будем сеять, картошкой проживем». Под кулацкую удочку некоторые подпали. Кулак ведь не дремлет, всячески старается сорвать сев.

Шевченко соскакивает с автомобиля, идет за сеялкой, по пахоте. Он открывает ящик и щупает зерно, осматривает сошники. Шевченко — с детства у земли. В гражданскую войну был комиссаром в одной из ворошиловских частей. Из Донбасса на Морозовскую, Царицын. Сыпняк. Ранения.

После войны окончил агрономический институт, вновь вернулся к земле, чтобы взять ее в большевистскую работу. В нем целехонькой сохранилась ворошиловская закалка: он расчетлив, напорист, строг к себе и людям, умеет, когда надо, наступить на горло. Броским солдатским шагом идет он по лану, мнет в горсти землю, расспрашивает у бригадира о том, как кормят быков и дают ли норму концентрированных.

— Грубых кормов давайте, сразу на зеленку нельзя! — доплескивает ветер его крик.— А сколько на гектар по этой земле высеваешь? А боронуете во сколько следов?

Я вижу, как подымает он руку и грозит пальцем:

— Из-ви-няюсь! В три следа надо! Да поперек, а не вдоль!

На обратном пути он расковыривает ногой бычий помет, всматривается. На мой взгляд, посмеиваясь, отвечает:

— Проверял, ячменные зерна есть — значит, дают. А то вот в Малаховском ухитрились по разу в день худобу кормить, и зерно воловники разворовывают. Из-ви-няюсь! Это же вредители, сукины сыны! А в Каргинской быки легли, так вместо них шестерых племенных бугаев запрягли, пусть, дескать, коровы без приплода. Ну, Шевцов, наполовцам соломы ты дай!

— Товарищ Шевченко, с дорогой душой бы!

— Тебе что, дороги интересы одного Яблонского колхоза? Извиняюсь, дашь, без разговоров!

Солнце поднялось в полдуба, когда мы выехали в Наполовский колхоз. Там особенно неблагополучно с кормами. Прошлогодние крыши раскрыты и уже потравлены скотом. До Наполовского километров тридцать пять летним шляхом. Выезжаем на гребень. Сзади за «фордом» ветер торопливо сучит пыль. Шевченко вздыхает:

— Земля сохнет...

По степи, по обочинам дорог часто попадаются стрепета. Самцы с черным ожерельем на шее взлетывают от шума машины, и долго виднеется серебристый на солнце отлив стремительно взмахивающих крыльев. Степная птица вытеснена с территории зерносовхоза и начинает гнездиться по безлюдным буграм. Неподалеку от хутора, возле самой дороги, из старюки-травы поднимается самец-дудак. Эта обычно сторожкая и строгая птица удивленно и настороженно смотрит на надвигающуюся машину, подпускает ее на двадцать саженей и только тогда трогается, с поразительной легкостью и грацией неся свое полуторапудовое тело. Дудак — ядреный старый усач, он по-весеннему в брачно-нарядном оперенье. Косясь на нас, он зыбко покачивается на коротких могучих ногах, раздувает желтоватый с белесым подбоем хвост и вдруг тяжело отталкивается от земли, летит. И как же незабываемо красив и могуч саженный размах его величественных крыльев, как тяжек и медлителен редкий их взмах!

В Наполовском мы никого не находим ни в сельсовете, ни в правлении колхоза: все в поле. Едем километров за восемь в одну из бригад — люди полуднюют возле стана; от котла еще тянется жидкий пар. Быки кормятся у длинных, сбитых из шелевок яслей. Подхожу к быкам. Пар десять особенно истощенных лежат, не поднимая голов, остальные жадно хватают резаную солому, перетрушенную зерном. Возле будки толпа отдыхающих казаков. Хохот. Подхожу.

— Вот, товарищ, пишут все насчет одоления техники,— обращается ко мне белоусый немолодой казак.— Надысь был я в Боковской, там уполномоченный райкома из городских. Приезжает он на поля, колхозники волочат. Он увидал, что бык на ходу мочится, и бежит

по пахоте, шумит погонычу: «Стой, такой-сякой вредитель! Арестую! Ты зачем быка гонишь, ежели он мочится?» А бычиной техники он не одолел, не знает, что бык — это не лошадь и что он, чертяка, по часу опорожняется. А погоныч и говорит: «Один начнет — останавливай, потом другой; а ежели у меня их в плуге будет четыре пары? Когда я буду пахать? Так круглые сутки и сиди возле них?» Животы порвали, а Кальман-уполномоченный не верит, пошел к агроному спрашивать...

— На сдельщину перешли? — спрашиваю я. Пожилой казак равнодушно пожимает плечами.

— Вроде перешли.

— А что такое сдельщина, объяснили?

Колхозники переглядываются, один неуверенно говорит:

— Ну, значится, кто больше работает, энтот больше и получит... Или как?

Точного представления о сути сдельщины никто — зачастую даже руководители колхозов — не имеет. Надо сказать, что политический уровень колхозного актива очень невысок. Секретарь калининской партячейки на незамысловатый вопрос председателя рика: «А какой кулак вреднее, который выступает против Советской власти или тот, который обещается ей помогать?» — отвечал буквально следующее: «Тот кулак совсем невредный, какой говорит, что будет работать с нами. Его можно привлекать к совместной работе». Не мудрено поэтому, что в ряде колхозов ничего не знают о сдельщине и даже о тезисах Яковлева слыхом не слыхали... Слаба по району разъяснительная работа, и еще упорно держатся разговорчики об «уравниловке».

— Ну, а с соревнованием как? — продолжаю расспрашивать.

Пожилой казак сдвигает на лоб малахай, горестно машет рукой.

— Какое уж там соревнование! Половина скотины лежит... Задание и то не выполняем... Стыдобушки не оберешься! Веришь, кусок хлеба в горле становится, как глянешь на быков! Уж кормим так аккуратно...

— Бабы по ночам в подолах быков зерном кормят,

чтобы ни одна зернина зря не пропала,— вставляет другой.— Но ведь не тогда собак кормить, когда на охоту идтить,— а мы в аккурат так и сработали. Всю зиму езда чертячья, а корм — одна солома. Вымотали быков, а теперь его хоть по уши напхай зерном, все одно — не потянет. Да вот гляди: как на них работать?

Быков криками и кнутами поднимают гнать на водопой. Первый бык, дойдя до пахоты, подгибает передние ноги и ложится.

— Цоб! Цоб, белоноздрый! Цоб, проклятый! —надрывно кричит молодая казачка, пиная быка остроносым чириком.

К быку подходят трое парней; они орут и хлещут кнутами по звонким бычиным кострецам. Бык судорожно порывается встать и снова обессиленно роняет на борозду голову, круглым замученным глазом смотрит на небо. Парни за хвост с трудом поднимают быка; он несколько секунд качается, не решаясь сделать первый шаг, потом идет, и ноги у него волочатся, как привязанные. Падает еще несколько быков. И опять около них шум, крики...

А до пруда два с половиной километра. Наполовцы упустили ближний пруд, недоглядели, как размыло плотину вешней нагорной водой, и теперь скот приходится гонять за два с половиной километра. Огромная потеря времени и дорогой энергии тягла и людей.

Уполномоченный райпарткома, отойдя с нами, тихо говорит:

— Корму осталось на одну дачу. Ночью быки будут стоять голодные. Завтра не на чем работать. Товарищ Шевченко, дай хоть пять арб соломы!

Шевченко торопливо пишет в блокноте: «Председателю Нижне-Яблонского сельсовета тов. Шевцову. Приказываю в боевом порядке без промедления отпустить Больше-Наполовскому колхозу 4 арбы соломы».

Наполовцам необходимо помочь и концентрированными кормами. Надо ехать в район, чтобы перед райкомом поставить вопрос о выдаче наполовцам дополнительной нормы кормового зерна. Идем к машине. Молодой, коричневый от вешнего ветра парень шагает рядом со мной.

— Кончите в срок посев?

Парень смотрит на меня и улыбчиво и серьезно.

— Ты, товарищ, не сумневайся. Мы все насквозь понимаем, как хлеб нужен государству. Ну, может, чуток припозднимся, а посеем всё до зерна. Лягут быки — сами в садилки впрягемся, а кончим... — и улыбается.— Осенью до морозов полубосые мы эту зябь пахали, сколько силов убито, да вдруг не засеять? Ну, нет!..

* * *

Краем отпущено было Вешенскому району три тысячи центнеров концентрированных кормов. Две тысячи четыреста из них были розданы колхозам еще зимой, а шестьсот центнеров оставлено про запас на глубинных пунктах. Районное руководство, вопреки настояниям Шевченко, не разверстало остаток по наиболее нуждающимся колхозам и не перебросило его заблаговременно. В районе проморгали с этим делом. А в разгар сева, когда ясно обозначился прорыв в кормах (например, с Больше-Наполовским колхозом) и отсутствие кормов поставило сев под прямую и непосредственную угрозу, в районе всполошились: «Поезжайте, возьмите корма». Тому же Больше-Наполовскому колхозу для того, чтобы перебросить дополнительно выданные 70 центнеров с Боковского глубинного пункта, надо было оторвать от работы в самое горячее время двадцать пар лучших быков и отправить их на три дня. Какую же брешь в работе образовывает такая, мягко выражаясь, непредусмотрительность! Мало этого. Колундаевскому колхозу, находящемуся от Боковской на расстоянии семидесяти с лишним километров, для того чтобы привезти зерно, надо проделать 150 километров, оторвать тридцать — тридцать пять пар наиболее сильных быков да вдобавок еще тратить время на переправу через Дон, отнимающую двое суток. Результаты: из посевного строя для переброски зерна будет выбито по району немалое количество рабочих быков и людей на несколько драгоценнейших дней, а ведь все это можно было сделать зимой, не нанося такого ощутимого вреда севу.

* * *

Вешенский район по всем показателям — не из последних в крае. Но второй большевистский сев служит суровым уроком и для районного руководства, и для колхоза. Район с малым запозданием окончит сев колосовых, но с пропашными, несомненно, выйдет заминка. Нужно будет огромное напряжение, мобилизация всех сил для того, чтобы и с пропашными покончить вовремя.

Мы имеем предупреждение: в прошлом году в районе, несмотря на раннюю весну, сеяли пропашные до... июня, и пропашные погибли.

	Посеяно в 1930	Погибло
Подсолнуха	5408 га	2589 га
Кукурузы	1254 »	1195 »
Проса	6688 »	4446 »

С 1254 га кукурузы было собрано только около 50 центнеров...

У ряда работников, и не только Вешенского района, намечаются такие настроения: «Колосовые важны, а пропашные когда кончим — тогда и ладно». После поездки по району, когда я обратил внимание одного члена бюро Вешенского райкома на огромную цифру погибших пропашных в прошлом году, он спокойненько заявил:

— Да, сеяли не вовремя, добивали план. Но зато в этом году эти мягкие земли будет легко обрабатывать.

По таким крайне вредным, правооппортунистическим настроениям необходимо ударить со всей силой. Колхозы Вешенского района имеют все данные для того, чтобы закончить сев вовремя! И они его закончат.

1931

ПРЕСТУПНАЯ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ

В северодонецком совхозе № 23 Скотоводтреста на зимовку стало около 29 000 голов скота, преимущественно молодняка, закупленного в колхозах в 1931 году. К настоящему времени поголовье уменьшилось до 26 000. Чем объясняется такой чудовищный «отход»? Кто повинен в падеже столь огромного количества драгоценного молодняка? На эти вопросы можно получить ответ, рассмотрев те моменты «работы» по сохранению скота, которые практиковало правление Скотоводтреста.

Прежде всего, укомплектование совхозного стада было закончено лишь в декабре (последняя партия скота поступила 28 декабря 1931 г.). Правление Скотоводтреста, будучи осведомлено о том, что строительство на участках совхоза не обеспечивает помещениями всего наличия уже имевшегося в совхозе скота, проявило необъяснимое, граничащее с вредительством легкомыслие, предложив дирекции совхоза № 23 продолжать укомплектование стада, доведя поголовье до... 52 000, в то время как помещений хватало лишь на 7000 голов.

Рассчитывая на колхозные базы, дирекция продолжала укомплектование. На участки тысячными партиями прибывали телята, но оказывалось, что вблизи у колхозов нет лишних базов, и стада телят, уже по первозимью, стали странствовать по обширным степям Верхнедонья в поисках убежища.

Совхоз, собрав около 29 000 голов скота, 7000 разместил на своих базах, а остальной скот, врученный

гуртовщикам, уже по глубокому снегу начал скитаться в степи, перегоняемый от хутора к хутору. Однажды стадо телят, застигнутое в степи снежным бураном, было брошено сопровождавшими его гуртовщиками. Гуртовщики ушли в хутор, а стадо буран согнал в лог. Там и простояло оно сутки, издрогнув на лютом ветру, почти занесенное снегом... Тридцать девять телят замерзли. В другой раз на левой стороне Дона партия скота трое суток простояла в степи без корма.

Перед дирекцией совхоза стала альтернатива: или поморозить скот, или хотя бы в отдаленных от участков местах найти базы. И базы нашли, разбросав стадо по семи административным районам Северо-Кавказского края, Центрально-Черноземной области и Нижней Волги, в местах, отстоящих от центральной усадьбы на... 200 километров и больше.

В Вешенском районе около тысячи телят за неимением базов разместили в землянках, где некогда жили выселенные кулаки. Разместили так плотно, что на один квадратный метр приходилось четыре теленка. Без притока свежего воздуха, рог с рогом стояли они в землянках (стоят и до сих пор), в оттепель затопляемые водой, в сухую погоду задыхаясь от собственных испарений... Мокрых от пара телят выгоняют на водопой, их охватывает зимним ветром, в результате — легочное заболевание, и телята дохнут пачками. При вскрытии неизменно обнаруживаются остатки сгнивших легких. Повсеместно среди уцелевших телят свирепствует короста. В хуторе Ясеновке Вешенского района от четырехсот телят осталось около трехсот, но и из них не будет прока: короста съела шерсть, и дикое зрелище являют уготованные на «нагул» телята — что ни телок, то сгорбленный, голый, как бубен, заморыш...

Создавшееся в совхозе тягчайшее положение усугубляется тем, что колхозы, в основном доставлявшие корм для совхозного скота, в настоящее время ставят 90% своего рабочего скота на откорм перед началом весенних полевых работ. (Вовремя не подвезенный к совхозным базам корм находится в степи, в скирдах, на расстоянии от 4 до 15 километров.) А до выхода на подножный остается еще больше месяца. Возникает угроза

дальнейшего продолжения падежа в совхозном стаде — в том случае, если будут перебои в снабжении кормом.

По словам директора совхоза тов. Тарниченко, не менее 30% оставшегося поголовья крайне истощено и при могущем возникнуть от нехватки кормов недоедании, несомненно, падет. Но не одна беда ходит по совхозным базам: совхоз должен колхозам за подвозку фуража, базы и уход за скотом 400 000 рублей и 440 000 Союзпродкорму, у которого закуплен фураж. Под фураж были уплачены задатки, был он принят представителями совхоза по актам, но так как оплата не произведена полностью, работники Союзпродкорма не нашли иного выхода, как прекращение отпуска фуража задолжавшему совхозу. Скот подыхает с голоду, а вооруженная охрана Союзпродкорма не подпускает к скирдам приехавшие за кормом за 10—15 километров подводы совхоза. Более гнусное отношение к нуждам дела, служащего рабочему снабжению, трудно представить!

Со стороны Колхозцентра необходимы срочные указания райколхозсоюзам Верхнедонского и Вешенского районов Северо-Кавказского края, Кумылженского, Нехаевского, Алексеевского — Нижней Волги и Калачеевского и Петропавловского — Центрально-Черноземной области о том, чтобы колхозы этих районов выделили часть рабочего скота для бесперебойной подвозки фуража к базам совхоза. Не только 30% оставшегося поголовья, но ни одной головы не должно потерять совхозное стадо! Кроме этого, со стороны руководства Союзпродкорма требуется надлежащий нажим на своих усердных не по разуму представителей, запрещающих отпуск неоплаченных кормов.

Колхозная общественность возмущена творящимися безобразиями. Необходимо найти прямых и косвенных виновников падежа и сурово покарать их. Необходимо вмешательство наркомата, который до сих пор ничего не сделал для ликвидации этих безобразий.

Два слова о Союзпродкорме: колхозы в свое время сдавали излишки фуража райполеводсоюзам, те перепродавали его Союзпродкорму; путешествуя, фураж

постепенно обрастал «накладными расходами» и, достигнув прямого назначения — базов скотоводческого совхоза, стоил по расценке Союзпродкорма почти наравне с зерном:

Степное сено	— 7 р. 80 к. центнер
Луговое сено	— 7 р. 20 к. »
Пшеничн. солома	— 3 р. 80 к. »
Ржаная солома	— 3 р. 70 к. »

Комментарии к этому, как говорится, излишни...

1932

ЗА ЧЕСТНУЮ РАБОТУ ПИСАТЕЛЯ И КРИТИКА

Многие из советских писателей (в том числе и автор этих строк) погрешны в злоупотреблении «местными речениями». Большинству из нас присущи, в той или иной мере, и другие литературные недостатки. Но утверждать за собою право плохо писать да еще поучать тому же молодых писателей — на это хватило «мужества» у одного лишь Ф. Панферова.

Общеизвестно, какой конфуз претерпел Панферов, выступивший с заключительным словом на дискуссии о «Брусках» и неосмотрительно утверждавший, что пишет он «языком миллионов». О Панферове, в достаточной мере разоблаченном А. М. Горьким, пожалуй, можно бы больше и не говорить, если б не было у него многочисленных последователей, загромождающих литературу антихудожественными, литературно безграмотными и бесталанными произведениями, если б Панферов, присваивающий себе роль «литературного вождя», не пытался возглавить этот отряд литературных бракоделов, если б сам Панферов писал не по принципу: «Если из ста слов останется пять хороших, а девяносто пять будут плохими, и то хорошо».

А «Бруски» именно так и написаны. Для доказательства этого моего утверждения нет нужды умножать приведенные А. М. Горьким примеры проявленной Панферовым разительной литературной малограмотности, беззаботности в отношении слова и невежественности.

Всякий может сделать это сам, внимательно перечитав три книги «Брусков».

Критический разбор произведений Панферова не входит в мои задачи, меня интересует другое: неужто до статьи Горького никто из критиков не видел тех недостатков, которыми — в большей мере, чем любое из ведущих произведений,— были перенасыщены «Бруски»? Как могло случиться, что писатель, широко известный у нас и за границей, выпускал книгу за книгой, и все со значительными литературными «огрехами»?

Несомненно, что критики недостатки видели, но, за редким исключением, говорили о них невнятно и глухо, в подавляющем же большинстве почти совсем не говорили, а взамен этого пели сплошные и неумные дифирамбы и, будучи не особенно изобретательными по части восхвалений, желая оглушить читателя и во что бы то ни стало убедить его в том, что «Бруски» преисполнены всяческих достоинств, шли по линии «остроумных» сравнений: Панферов — Бальзак, Панферов — Успенский и т. д.

Образчиком такой недобросовестной критики смело может послужить статья Васильковского («Литературный критик», № 4 за 1933 г.). Автор статьи обуреваем стремлением выдать Панферову паспорт на литературное бессмертие. Ему нет дела до того, что читатель, ознакомившийся с его статьей, так и не поймет, что же в третьей книге «Брусков» хорошо и что плохо, в чем Панферов силен, а в чем слаб. И создается такое впечатление, будто статья эта писана не для читателя, а для одного Панферова. Этакий мадригал в прозе!

Васильковский не стремится и к тому, чтобы помочь Панферову преодолеть свойственные ему недостатки. Неблагополучие у Панферова с языком? Васильковский смело утешает:

«Говорят, что у Панферова тяжелый язык. Что ж, таков язык волжских крестьян. Было бы смешно, если бы Никита Гурьянов заговорил стилизованной прозой».

Какая непревзойденная наивность! Как будто речь идет только о языке панферовских героев.

Неблагополучно у Панферова с сюжетом? И здесь услужливый Васильковский забегает вперед, чтобы заслонить собою автора «Брусков»:

«Сюжетности, если можно так выразиться, в книге мало. Но это и минус и плюс. Прочитайте «Крестьян» Бальзака. Там тоже почти нет сюжета».

Дальше, говоря о том, что Панферов иногда поступает так же, как его герой Никита Гурьянов, который, как известно, захватил лавку из нардома: «Пригодится посидеть... аль что...»,— Васильковский пишет:

«Панферов тоже иногда тащит к себе в книгу на всякий случай множество фактов, утяжеляющих ее».

Вы думаете, что это упрек придирчивого критика? Успокойтесь. Тремя строчками ниже Васильковский не только оправдает такую крестьянскую рачительность, но и «базу» подведет под это оправдание:

«И опять сошлемся на Гейне. «Величайшая заслуга Гёте,— писал Гейне,— заключается именно в законченности всего им изображаемого. У него нет соединения подробностей вполне хороших со слабыми, полно законченными в рисунке — с легким наброском, нет никакой робости... Каждое лицо в своих драмах и романах он обрисовывает с такой полнотой, как если бы оно было главное. То же самое и у Гомера, то же и у Шекспира».

Здорово сделано? Вот тут и поговори, что критика наша еще несовершенна...

Хотя в некоторой доле «объективности» Васильковскому отказать нельзя. На стр. 54 он пишет:

«Еще и еще раз перелистывая третью книгу «Брусков», будущий критик к ней, несомненно, подойдет подругому, а может, и... строже».

Но «другой подход» оставлен для будущего критика, а сам Васильковский, утверждая в конце своей статьи, что «Бруски» — строящийся монументальный памятник нашей великой революционной эпохи, ничтоже сумняшеся, заканчивает:

«Панферов работает над четвертой книгой. И еще многие тома (15—20 томов — это не фантазия критика) он должен будет создать, чтобы коллективизация получила свою «Человеческую комедию».

Ну, что касается памятника, то памятники, как известно, разные бывают. Статья Васильковского, по моему глубочайшему убеждению, тоже останется для будущих поколений монументальным памятником о тех временах, когда критики еще писали безответственные статьи. Высказывать всяческие пожелания, разумеется, никому не возбранено, но по обязанности критика Васильковский должен был прямо и честно предупредить Панферова о том, что если он осуществит пожелание его — Васильковского — и напишет еще 15—20 томов так, как написал первые три тома «Брусков», то это событие будет уже не предметом для литературной дискуссии, а целым стихийным бедствием.

В том же номере «Литературного критика» напечатана статья К. Зелинского «Интересы профессии». Скорбя по поводу того, что действительность постигается критиками больше из газет, Зелинский пишет:

«Разве можно, например, по-настоящему написать об «Энергии» Гладкова и не знать Днепровского строительства? Очень нетрудно предложить Гладкову ряд языковых советов. Но действие художественного образа, его идейно-воспитательная, политическая, наконец, роль в массе читателей может быть полностью установлена только после того, как созданный образ будет поставлен в связь с действительностью».

И дальше:

«Вот вышла третья книга «Брусков» Панферова. Дегустатору и оценщику нечего будет с ней делать. Надо знать колхозное движение, знать деревню и колхозника, знать партию и ее работу в деревне, чтобы иметь право писать об этой книге. Много ли среди критиков-профессионалов найдется таких универсально образованных людей?»

Неужто в понимании Зелинского язык художественного произведения столь маловажный предмет, что писать только о языке ниже достоинства серьезного критика? Короткая, деловая и — на первый взгляд — «однобокая» статья во много раз важнее для писателя и читателя, нежели какой-нибудь многословный, «всеобъемлющий» и — зачастую — псевдоученый «труд». Это во-первых. Во-вторых, в наше время давно пора

перестать рассматривать книгу как личное дело писателя, а работу критика — как работу некоего посредника, ничего не приобретающего и не теряющего ни от успеха книги, ни от провала ее. Я склонен по-иному рассматривать работу критика, не принадлежащего к разряду «универсально образованных». Слов нет, было бы гораздо лучше, если бы знал он действительность и воочию видел жизнь. Но коли нет у него этих знаний — пусть хоть о языке пишет, пусть хоть этим поможет писателю сделать книгу более полноценной и звучащей.

А писатель будет и за эту помощь благодарен. И благодарен будет вовсе не потому, что принято считать полезным получить «с паршивой овцы хоть шерсти клок», а потому, что в преобладающем большинстве мы, писатели, всё еще далеки от совершенства во владении языком. Да и с книгой у нас сейчас, как на строительстве: никому стоять в стороне без дела нельзя, тем более — критику. Не имеешь должных знаний — учись, а пока, если не способен на большее,— подноси хоть кирпич!

Одной из основных причин увеличения литературного брака является отсутствие добросовестной, серьезной, отвечающей за свое слово критики. Давно бы надо ей усвоить эти необходимейшие качества и поднять на свои плечи хоть часть той ответственности, которую должен нести писатель за недоброкачественную продукцию. Только при преступном попустительстве критики плохая книга выдерживает многочисленные издания да еще служит руководством для начинающих писателей.

Второй из причин, способствующих расширению литературного брака, является процветающая и после Постановления ЦК от 23 апреля групповщина. И Панферову, не устающему до сей поры лягать ликвидированную РАПП, не мешало бы всерьез пересмотреть вопрос о творческой группировке, которую сам он возглавляет. Если бы «самокритика» в этой группе не шла по линии «кукушка хвалит петуха, а петух кукушку», то и «Бруски» были бы на несравненно высшем художественном уровне; во всяком случае, не было бы тех «описок», на которые справедливо указал Панферову Алексей Максимович.

Статья А. С. Серафимовича «О писателях «облизанных» и «необлизанных», исполненная настойчивого желания оправдать плохую работу Панферова, получила заслуженную оценку и в редакционной статье «Литературной газеты», и в открытом письме А. М. Горького. Не может не вызвать недоумения восхищение А. С. Серафимовича образом из третьей книги «Брусков», взятым для подтверждения той пресловутой «мужичьей силы», которая, по словам А. С. Серафимовича, сидит в Панферове:

«Да там, брат, у тебя у забора на заду лошадь сидит и жует забор». Вдумайтесь в смысл этого образа. Как здесь много сказано и до какой степени сжато! На заду лошадь сидит? Да ведь этого не забудешь никогда, и это жутко!» — восклицает А. С. Серафимович.

Жутко не это, а сам образ жуток по своей надуманности, неправдоподобной и элементарной безграмотности. Ведь истощенная лошадь не садится, а ложится, в сидячем положении (в котором, кстати, бывает она лишь тогда, когда пытается встать) не кормится, а в том случае, если сама она не в состоянии подняться и стоять — ее поднимают, затем подвешивают. Это ж не образ, а очередная «описка»... Точно так же непонятно, как может лошадь «жевать» забор. Пожалуй, понятно это будет только тому, кто не видит различия между словами «грызет» и «жует».

Тысячу раз прав Алексей Максимович, когда он пишет:

«Кто-то редактирует, кто-то издает обильнейший словесный брак, какие-то безответственные люди хвалят эту продукцию безответственных бракоделов, хвалят, очевидно, по невежеству и по личным симпатиям к автору».

Думаю, что не личные, а групповые симпатии заставили Александра Серафимовича оправдывать и хвалить плохую работу Панферова. Покривил он на старости лет душой. А не надо бы!

Пришла пора говорить о литературе настоящим, мужественным языком и вещи называть их собственными именами. Нам нужны и доподлинно новые слова, созданные революцией, и новаторство в литературной

форме, и новые книги, рисующие величайшую из эпох в истории человечества. Но только тогда сумеем мы — писатели — создать такие произведения, которые будут стоять на одном уровне с эпохой, когда научимся и новые слова тащить в литературу, и книги писать не по панферовскому рецепту, а наоборот: чтобы девяносто пять слов были отличными, а остальные пять хорошими; когда новаторство будет шагать дальше незамысловатого переименования глав в «залпы», «звенья», «подкрылки» и т. п.

Когда критика наша прекратит либеральное сюсюканье и покровительственно-родственное отношение к писателю («хоть сопливое, да мое»); когда станет она подлинно революционной, беспощадной, суровой и не закрывающей перед правдой глаза,— тогда перестанут групповые зазывалы кричать на литературных перекрестках, расхваливать «своих» писателей и порочить «инаковерующих».

Только при этих условиях выполним те многочисленные, широковещательные обещания, которые давали мы советской общественности. Иначе же так и останемся «честными болтунами» и творцами посредственных произведений.

1934

АНГЛИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

(Предисловие для английского издания «Тихого Дона»)

Я рад тому, что мой роман «Тихий Дон» тепло встречен английским читателем и прессой. Особенно рад потому, что Англия — родина крупнейших писателей, вложивших в сокровищницу мировой литературы немало ценностей и способствовавших своим бессмертным творчеством воспитанию вкусов читателей-англичан.

Меня несколько смущает то обстоятельство, что роман воспринимается в Англии как «экзотическое» произведение. Я был бы счастлив, если бы за описанием чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель-англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции.

В мою задачу входит не только показать различные социальные слои населения на Дону за время двух войн и революции; не только проследить за трагической судьбой отдельных людей, попавших в мощный водоворот событий, происходивших в 1914—1921 годах, но и показать людей в годы мирного строительства при Советской власти. Этой задаче и посвящена моя последняя книга — «Поднятая целина».

В заключение мне хочется сказать следующее: в отзывах английской прессы я часто слышу упрек в «жестоком» показе действительности. Некоторые критики говорили и вообще о «жестокости русских нравов».

Что касается первого, то, принимая этот упрек, я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб правде и щадил бы чувствительность читателя из ложного желания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда и единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению.

А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость нравов любой другой нации... И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918—1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались вооруженной рукой навязать свою волю русскому народу?

1934

ЛИТЕРАТУРА — ЧАСТЬ ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА

(Из речи на собрании ударников Лензавода и железнодорожного узла в Ростове-на-Дону)

Прежде всего, товарищи, разрешите от имени Союза советских писателей передать сердечный привет пролетариям Лензавода и Ростовского узла, вписавшим одну из замечательнейших страниц в историю революционной борьбы за освобождение России.

Сегодня, на встрече со старыми кадровыми рабочими Лензавода, мне пришла на память одна из замечательных мыслей товарища Ленина, высказанная некогда в форме пожелания, что «литература должна стать частью общепролетарского дела». Это пожелание в настоящее время осуществляется. И ярчайшей иллюстрацией этого положения является то колоссальное внимание, с которым рабочий класс отнесся, в частности, к творческой дискуссии о языке, поднятой статьей Алексея Максимовича Горького. Еще более наглядным доказательством того, что литература в наше время, в нашу эпоху, стала частью общепролетарского дела, является то огромнейшее внимание, которое рабочий класс, вся советская общественность уделили Всесоюзному съезду писателей, происходившему месяц тому назад.

Мне кажется, что показатель культурного роста читателей нашего Союза должен определяться не только ростом тиражей наших книг, которые для писателей-

иностранцев, присутствовавших на съезде, кажутся совершенно сказочными тиражами.

Еще более ярким показателем того, что культурный рост нашего читателя высок, является постоянная, каждодневная связь между читателями и нами — писателями. На собственном примере должен сказать, что нет такого дня, когда бы я не получал десятка писем от своих читателей, разбирающих «Поднятую целину» и типы, выведенные там. Среди этих писем есть такие, которые мне как писателю, в какой-то мере уже познавшему литературное ремесло, дали значительно больше, чем литературно-критические статьи заведомо признанных критиков.

В свое время в практике моей работы над «Тихим Доном» я был крепко связан с Ленинградским областным союзом металлистов, и отзывы рабочих-металлистов, которые я получал сотнями, очень много помогли мне в усвоении и преодолении тех ошибок, что были свойственны первым моим книгам. Я считаю, что связь между рабочими-читателями и писателями Советской страны — нерушимый залог того, что наша советская литература и впредь будет ведущей литературой мира, какой она является на нынешний день.

Я не хочу ограничиться пересказом того, что происходило на съезде писателей, полагая, что многие из вас, во всяком случае — большинство, внимательно следили за работой съезда и наверняка знакомы с основными докладами, которые были сделаны на съезде. Мне хочется, поскольку литература стала частью общепролетарского дела, говорить о литературе. На вашем заводе, в Ростовском железнодорожном узле имеется огромная армия рабкоров — что-то, кажется, около шестисот человек. Из них большое число пишет. И я глубочайше убежден, что из этих кадров рабочих, призванных в литературу, тоже пером — рабкоровским пером помогающих промышленности, вашему заводу и железной дороге изживать недостатки, выйдут десятки незаурядных писателей и поэтов, таких писателей и поэтов, которые наверняка перешагнут нас.

Дискуссия, развернувшаяся перед съездом по вопросу о языке, показала, что рабочий-читатель неизме-

римо вырос даже по сравнению с недавними годами, например с 1926—1927 годами, что вкусы его, потребности возросли в огромных размерах, что зачастую мы, писатели, отстаем в удовлетворении этих потребностей. По этому поводу мне хочется сказать, что, сколь культурный уровень рабочего класса неизмеримо возрос, что, сколь перед нами, писателями, рабочие в своих выступлениях, в письмах к нам, в критических статьях, которые присылаются в журналы, ставят как краеугольный камень проблему повышения качества,— я считаю, что вопрос обсуждения литературных дел — и не вообще, а конкретно, по произведениям, которые в настоящий момент являются ведущими произведениями советской литературы,— даст чрезвычайно много, в частности, иным писателям и вам, как нашим читателям.

Всесоюзный съезд советских писателей, проходивший в обстановке исключительного внимания советской общественности и мировой рабочей общественности, подвел итоги тем достижениям, которые мы имеем на сегодняшний день. Надо прямо сказать, что на съезде с особой четкостью выяснился водораздел, разделяющий литературу мира. С особой рельефностью выяснилась линия все более растущего подъема нашей советской литературы и линия упадка буржуазной литературы, линия, которую единодушно отмечали делегаты западноевропейских стран. Мне не хочется приводить примеры того, насколько падает искусство на Западе, так как эти примеры вы можете черпать ежедневно из нашей печати. Вы знаете о том, что в фашистских странах книги сжигают, что новый закон австрийского правительства уничтожает десять тысяч книг, в том числе все переводные книги советских писателей. Вы знаете, со слов выступавшей на съезде китайской писательницы, о том, что китайские революционные писатели, призывающие рабоче-крестьянские массы Китая на борьбу с поработителями огромной страны древнейшей культуры, что эти писатели подвергаются не только наказанию, в виде изъятия их книг из библиотек, но эти писатели заточаются в тюрьмы и кончают свою жизнь на плахе.

Этот водораздел, который ярко проявился на съезде, показывает два мира, ставших и в области искусства

друг против друга. И совершенно очевидно уже сейчас, что наше советское искусство побеждает во всем мире. Об этом свидетельствовали выступления западноевропейских писателей, в частности немецкого писателя-коммуниста Вайскопфа. Вайскопф заявил, что по произведениям советских писателей немецкий пролетариат, который находится под тягчайшим игом фашизма, узнает доподлинно, что такое классовая борьба, как нужно бороться с врагами, чтобы мировая революция, великие идеи коммунизма торжествовали во всем мире. Вайскопф говорил, что по произведениям советских писателей, посвященных крестьянской тематике, немецкий читатель узнает, как боролись наша партия, наш рабочий класс и передовая часть крестьянства за то, чтобы от звериных форм единоличного хозяйства наше крестьянство перешло на рельсы крупного коллективного хозяйства.

Будет очень неплохо, если мы на этой первой встрече, которая, надеюсь, не будет последней, установим некоторые взаимоотношения читательско-писательского порядка и поможем друг другу уяснить некоторые вопросы, которые до настоящего времени остаются неразрешенными.

Дискуссия о литературном языке, развернувшаяся вокруг «Брусков» Панферова, со всей наглядностью показала наши слабые стороны, обнаружила, что мы, писатели, в погоне за актуальной тематикой, желая отобразить нашу ярчайшую эпоху, зачастую пренебрегаем качеством наших произведений и даем недоброкачественную продукцию. Горький совершенно справедливо спрашивал: почему если рабочий какого-либо предприятия работает плохо и дает бракованную продукцию, то это считается у нас преступлением, это клеймится в печати, порицается общественностью, почему же в отношении писателя, который выпускает продукцию плохого качества, мы ограничиваемся легкими критическими розгами — этаким наказанием, которое вообще для писателя является не особенно ощутимым?! Почему в отношении такого писателя, который может, но не хочет работать тщательно, мы не применяем более мощных средств воздействия?

А что такое мощные средства воздействия? Это ваш читательский полновесный голос, который будет заставлять писателя продумать тысячу раз один и тот же вопрос, думать над каждым оборотом фразы, думать над идеей и построением повести, романа, стараться, чтобы его произведение звучало во много раз сильнее, и будило, и звало на борьбу, и вдохновляло бы на дело доблести, чести и геройства. Я думаю, что ваш голос, рабочих-читателей, будет, несомненно, решающим голосом в таких делах.

Теперь еще замечание в порядке разговора о литературе. У нас с некоторых пор существует такое читательское убеждение, которое, по существу, является неверным и неправильно ориентирует писателей. Вы читаете то или иное произведение, допустим — «Ведущую ось» Ильенкова. Неплохой роман, который пытается показать жизнь крупнейшего коллектива паровозостроительного завода. Роман, правда, с недостатками, на которые указывал Ильенкову Горький, роман, вокруг которого развернулась некогда горячая дискуссия в литературных кругах и, пожалуй, еще недостаточно оцененный всей советской читательской общественностью,— читаете и говорите, что вот замечательно: нашелся такой писатель, который показал нас — рабочих паровозостроительного завода, показал ячейку, старого рабочего в его быту и в семье, на производстве у станка, но как же он обошел молчанием взаимосвязь города с деревней? И примерно с таким критерием норовят многие читатели и критики подойти к каждому произведению. Если это о колхозной деревне, то тоже говорят, что хорошо, мол, показал ячейку, деятельность комсомола, партии, рост женщины, но как же мог упустить кооперацию?

Надо все-таки иметь в виду, что существует такая хорошая поговорка: самая красивая девушка не может дать больше того, что имеет, и есть другая поговорка: нельзя объять необъятное. А зачастую к писателям подходят с несоразмеримыми требованиями, забывая, что, пожалуй, ни один писатель не в силах охватить во всей многогранности все события, все переломы, все видоизменения, которые происходят в нашей стране каждо-

дневно, ежечасно. Если завод сегодня представляет одну картину, то через год этот завод уже трудно узнать. Всякий пишущий может оказаться в положении кинорежиссера Эйзенштейна, который взялся снимать картину под названием «Генеральная линия». В то время (в 1928—1929 гг.) партия прилагала все усилия к тому, чтобы сколотить единоличные крестьянские хозяйства в карликовые колхозы. На это дело затрачивались средства, отпускались кредиты, создавались товарищества по совместной обработке земли, или ТОЗы, которые существовали, правда, еще единицами. На определенном этапе это была «генеральная линия». Но когда Эйзенштейн доснимал до 1930 года, то в 1930 году произошла сплошная коллективизация,— и из картины Эйзенштейна генеральной линии не получилось.

В таком положении бываем и мы, писатели. Я писал «Поднятую целину» по горячим следам, в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях, происшедших в деревне и коренным образом перевернувших ее: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы.

И когда под свежим впечатлением этих событий я стал писать «Поднятую целину», дописал до конца первую книгу, то я стал перед проблемой: в настоящий момент уже не это является основным, не это волнует читателя — и такого, о котором ты пишешь, колхозного читателя. Ты пишешь, как создавались колхозы, а встает вопрос о трудоднях, а после трудодней встанет вопрос уже о саботаже 1932 года. События перерастают, перехлестывают людей, и в этом трудность нашей задачи.

По вопросу о качестве литературной продукции. После Всесоюзного съезда писателей перед каждым из нас, пишущих, вплотную встал вопрос: как писать дальше? На съезде были не только писатели. Там были представители от читательских масс, были представители от колхозников, от рабочих, от Красной Армии. Этот массовый читатель выходил на трибуну и предъявлял нам, писателям, такой колоссальный счет, который, нужно прямо сказать, будет очень трудно оплатить в ближайшее время. Этот читатель говорил, что мы плохо работаем, недостаточно работаем над языком, что

на наших произведениях начинающий писатель если и может учиться, то с трудом, а этих писателей огромное число. И действительно, молодые писатели идут с каждого завода, из колхоза, рост этих писателей дорог нам крайне, так как это люди, которые будут при нашей помощи и поддержке замещать нас. Наша ответственность за их развитие очень велика. А мы не только выпускаем иногда плохую в литературном отношении продукцию, мы не только замедляем этим рост молодых писателей, но и отрицательно влияем на воспитание нашего молодого поколения.

Совершенно законны замечания рабочих-читателей о том, что писатели частенько злоупотребляют вольными словечками, которые, к счастью, уже выходят из рабочего обихода и являются позорным пережитком прошлого. У нас зачастую писатели (и я грешен в этом) писали из расчета, что «из песни слова не выбросишь», и забывали, что книги наши читает не только взрослый читатель, который прочтет и отнесется с усмешкой к языковой вольности, но читает и молодежь, тринадцати-четырнадцатилетние подростки, которые черпают из книг обороты речи и вольные слова. А затем эти слова входят в обиход молодежи, проникают в семью и школу. Я считаю, что этот вопрос должен подвергнуться и уже подвергается пересмотру каждым писателем. Надо каждому из нас, пишущему, еще раз и крепче продумать, как мы будем работать на пользу рабочего класса и нашей партии, какими средствами будем отображать величайшую эпоху, какими средствами сможем полнее насытить наши произведения, чтобы они звучали доподлинным набатом не только внутри страны, но и за рубежами ее, чтобы книги наши заряжали нашего советского читателя на дальнейшую работу и помогали пролетариям Западной Европы и угнетенным народам колониальных и полуколониальных стран сбросить капиталистическое иго.

Эти возросшие задачи ставят и такую проблему: вот воспитывается рабочий писатель, который вышел из наших рядов. Мы говорим ему — учись у классиков, но он и у нас заимствует манеру письма. И тут, особенно общаясь с молодыми писателями, говоря о создании новых полно-

ценных произведений, мне хочется сказать одно: перед всеми нами, писателями — начинающими и не начинающими,— прежде всего стоит задача освоения материала.

Это вопрос колоссальной важности, и на этом вопросе, мне думается, необходимо на нашем сегодняшнем собеседовании заострить внимание уже по одному тому, что крепко способствовать изживанию брака в этом направлении можете вы, рабочие-читатели.

Недавно читал я произведение одного рабочего автора, который пишет, что в августе месяце ходят желтые пушистые гусята, что колхозники, не начиная молотьбу, получают авансы хлебом. Человек пишет, не зная того, что не выдают авансы, не обмолотивши ржи, как первой созревающей культуры, что в августе не бывает желтых гусят. И колхозники, читая эту литературу, думают: «Какие же бывают писатели и как можно этим писателям верить?»

Если каждый из нас пороется в памяти, то в прочитанном сможет найти примеры того, как пишут о рабочем быте и производстве, недостаточно зная этот быт и производство, недостаточно распознав все тонкости и детали. А без такого исключительно вдумчивого, глубокого познания материала нет настоящего произведения.

На вашем заводе существует литкружок и существует институт инспекторов по качеству — людей, которые в высокой степени освоили каждый свою специальность, которые блестяще владеют своими инструментами. В описании той или иной детали эти старики, которые следят за качеством выпускаемой вами продукции, должны прийти на помощь вашим растущим молодым писателям. Мы, писатели, просим вас, старых рабочих, о большом одолжении: чтобы не только мы помогали вашим молодым писателям, но чтобы и вы это делали.

Я уверен, что единение, которое устанавливается между рабочими-читателями и советскими писателями, будет крепнуть, и только при этом условии советская литература будет давать произведения все более и более высокого качества.

1934

ЖИТЬ В КОЛХОЗЕ КУЛЬТУРНО

С каждым годом растет культурный уровень широких трудящихся масс нашей страны. Но в общем росте колхозник все еще отстает от рабочего. В этом повинны мы, так как еще мало уделяем внимания культурным запросам колхозника.

Из рук вон плохо поставлено библиотечное дело. По колхозным библиотекам нашего района новых книг нет, и никто не заботится об их приобретении. Как правило, нигде не устраивают громких читок и обсуждений прочитанных книг.

Вопросам культуры уделяется со стороны всех организаций ничтожное количество времени и средств.

Только недавно у нас созданы культурные станы и лишь кое-где — клубы. Но ведь это же только начало. А как велась культработа на этих культстанах? А что делается сейчас в клубах? И являются ли они доподлинными очагами культуры или просто местом сборища молодежи, где можно полузгать семечки и потанцевать?

Взрослый колхозник все еще не посещает существующие клубы, и не посещает потому, что нет в клубах культурных развлечений, не ведется работы.

Все эти вопросы требуют скорейшего разрешения. Культурный стан только тогда будет культурным в истинном значении этого слова, когда в нем, кроме бани, будет и книга, когда книга станет столь же необходимой, как и баня.

Постройкой бани и уборной вовсе не исчерпывается культработа. Об этом нелишне вспомнить именно теперь, когда колхозы района подводят итоги года. И не только вспомнить, но и наметить план действий.

Я предлагаю для начала следующее:

1) Всем колхозам нашего района подписаться на журнал «Колхозник», который организован по инициативе А. М. Горького и выходит под его непосредственным наблюдением.

В журнале печатают свои произведения наши лучшие писатели, ученые, публицисты. Несомненно, «Колхозник» станет наиболее популярным журналом среди колхозников.

2) Всем правлениям колхозов выделить средства на приобретение книг и журналов, чтобы каждый колхоз в 1935 году имел небольшую библиотеку.

Отсюда и начнется борьба с бескультурьем и равнодушным отношением к книге.

1934

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОДКУЩЕВКА

Два дня я провел в хуторе Подкущевка, где в дружеской беседе с красными партизанами мы намечали пути создания будущей книги о прошлом и настоящем героической Подкущевки. Зимой этого года я получил из хутора письмо от краснознаменцев, командиров партизанских отрядов, товарищей Попова и Тютюнникова. В этом письме они рассказали мне замечательную историю своего хутора. С начала гражданской войны из трехсот двадцати дворов, насчитывающихся на хуторе, около трехсот человек ушло в красные партизанские отряды биться с отрядами южной контрреволюции (Корнилов, Каледин), а преобладающая часть подкущевцев влилась в известный на Северном Кавказе отряд товарища Жлобы. Часть подкущевцев целиком составила команду бронепоезда «Истребитель № 1», взорванного ими при отступлении в Кизлярском тупике, и затем снова, на новом бронепоезде, билась до конца гражданской войны.

Из ушедших бойцов после окончания гражданской войны на хутор вернулось только несколько десятков человек. Остальные погибли, защищая дело революции. Из оставшихся в живых нескольких десятков шесть человек награждены за боевые отличия орденами Красного Знамени и двенадцать — Почетными грамотами ЦИК СССР. Большинство из них инвалиды.

В последующие годы мирного строительства эта немногочисленная группа оставшихся в живых партизан вела ожесточенную борьбу с остатками засевших в Подкущевке белогвардейцев и кулачества и сейчас составляет основное ядро подкущевского колхоза.

1935

ИЗ РЕЧИ О М. ГОРЬКОМ

Горький горячо любил человека — борца за светлое будущее человечества и со всей силой своего пламенного сердца ненавидел эксплуататоров, лавочников и дремавших в тихом болоте провинциальной России мещан...

Меня поражали колоссальные, разносторонние знания Алексея Максимовича, его неустанное трудолюбие, суровая требовательность к себе.

Произведения Горького учили русский пролетариат бороться с царским правительством. Будучи за границей, я убедился, как западный пролетариат знает и любит Горького, на бессмертных произведениях его учится бороться с капитализмом...

Горький, человек несгибаемой воли, исключительного таланта, с большим трудом вышел на большую литературную дорогу. В царские времена гибли талантливейшие представители народа, не в силах пробиться к источникам знания. Старый режим давил лучшие проявления талантов народа. Сейчас в Советской стране, как нигде и никогда, для молодежи созданы все условия, чтобы овладеть всеми высотами культуры.

1936

НА ЕГО ПРИМЕРЕ БУДУТ УЧИТЬСЯ ПОБЕЖДАТЬ МИЛЛИОНЫ

Из рядов советской литературы смерть вырвала самого мужественного, самого стойкого писателя-бойца. Даже поверженный болезнью, безмерно страдающий, он до последнего вздоха сражался оружием писателя-коммуниста за великие идеи своей партии. На примере Островского миллионы людей будут учиться, как надо жить, бороться, побеждать, как надо любить свою родину.

Мы горды за страну, за партию, за Ленинский комсомол, воспитавших такого замечательного человека. О нем будут вспоминать с любовью, признательностью и восхищением.

Велика тяжесть понесенной нами утраты.

23 декабря 1936 г.

О СОВЕТСКОМ ПИСАТЕЛЕ

Капитан Анхель Антем, участник испанской делегации, спрашивал меня, каковы материальные условия труда советского писателя.

На этот вопрос мне неоднократно приходилось отвечать во время поездок в Западную Европу. Каждый раз я обстоятельно разъяснял глубокую принципиальную разницу, существующую между писателем советским и буржуазным. Капитализм, приручая продажных писателей, развращает даже честных литераторов. Я, разумеется, не говорю о таких писателях, бойцах-антифашистах, которые связали свою судьбу с делом демократии и прогресса.

Буржуазный писатель поставлен в такие условия, которые культивируют в нем черты индивидуализма, оттирая на задний план общественное значение литературного творчества. И в этом он является антиподом советского писателя.

Нельзя себе представить советского писателя, оторванного от советской питательной среды. Нам кажутся очень наивными житейские идеалы некоторых дореволюционных писателей. Собственная вилла на берегу Черного моря, автомобиль. Все это, право же, ничего общего не имеет с нашими мечтами, нашими идеалами.

Каковы взаимоотношения советского писателя и советской общественности, можно проследить и на моей личной биографии.

Я, житель станицы Вешенской на Верхнем Дону, в годы гражданской войны боролся за победу Советской власти. Меня родила, воспитала Советская власть и партия большевиков. Я — сын советского народа. И заботу Советской власти обо мне я не могу назвать иначе, как ласковой, материнской заботой о сыне.

Капитан Антем интересовался еще тем, почему Союз советских писателей не входит в Пэн-клуб, международное объединение писателей. На этот вопрос ответить несложно. Членами Пэн-клуба являются и фашисты. А мы, советские писатели, не можем входить в литературную организацию, где обретаются фашисты.

В этой связи хочется сказать несколько слов о том, как советские люди относятся к героической борьбе испанского народа против фашизма и реакции.

Мне вспоминается, что в английской палате общин некий депутат, коснувшись скандальной позиции Комитета по невмешательству, сокрушенно заявил, что он разочарован деятельностью упомянутого комитета.

Вот этот глагол «разочароваться» совершенно чужд нашему лексикону.

Мы возмущены политикой лондонского комитета, превратившего невмешательство в завесу для фактической блокады республиканской Испании. Наши сердца кипят негодованием, когда мы видим тактику бесконечных уступок интервентам, маскируемых «гуманистическими» резолюциями.

Мы следим с неослабным вниманием за героической борьбой республиканской Испании. Вместе с тем у нас вызывают чувство глубокой тревоги такие события, какие имели место недавно в Каталонии. Троцкистско-фашистские элементы, спровоцировав некоторые группы анархистов, пытались в тылу республиканского фронта организовать мятеж с целью подрыва Народного фронта.

Нельзя не вспоминать при этом об опыте нашей революции. Известно, что Советская власть непримиримо боролась с врагами трудящихся и мы победили потому, что беспощадно громили и разгромили всех изменников и предателей дела рабочего класса.

В какой бы уголок Союза ни заглянула делегация испанского народа, посетившая Страну Советов, ваши

героические товарищи всюду встретят глубочайший интерес к событиям в Испании и подлинную, горячую любовь к республиканским бойцам. Я проживаю постоянно в станице Вешенской, и мне приходится часто слышать искренние, бесхитростные заявления казаков и казачек о том, как близка их сердцам благородная борьба испанского народа за независимость.

Жгучей ненавистью ненавидит наш народ современных каннибалов — фашистов.

Любовной заботой окружает наш народ своих братьев, которые с оружием в руках, на передовых позициях борются с фашистской реакцией! Мы глубоко верим в вашу победу, товарищи! Наши сердца, наши симпатии — всегда с вами!

1937

ВЫРАЗИТЕЛЬ НАРОДНЫХ ДУМ

Сулейман Стальский принадлежал к тому разряду истинно народных поэтов, которые были взращены самим народом, но широкое признание получили только при Советской власти. Думы родного народа, его радости и горести, подслушанные поэтом, обретали певучую, пленительную в своей непосредственности и свежести форму песен-стихов. И, обогащенные талантом певца, снова шли в народную гущу, чтобы жить не умирая. Но стихи Стальского находили заслуженное признание не только у себя, в горах. Кто из нас, читая их, даже несколько обесцененные переводом, не радовался, не восторгался изумительными по красоте и выразительности строфами? Поэтому-то весть о смерти Сулеймана Стальского так горестно хватает за сердце. Вместе с остальными советскими писателями и многочисленными читателями Стальского склоняю голову над прахом талантливейшего поэта, выразителя народных дум.

1937

ИЗ РЕЧИ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ НОВОЧЕРКАССКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА

В речах кандидатов в депутаты Верховного Совета, опубликованных в нашей печати, звучит чувство гордости, вызванное тем доверием, которое оказывает своим избранникам народ. Этим чувством, товарищи, преисполнен и я. Но к этому чувству законной гордости у меня примешивается еще и чувство личной радости, возникшее потому, что я буду баллотироваться по одному из донских избирательных округов. Я родился на Дону, рос там, учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой Коммунистической партии. И, будучи патриотом своей великой, могущественной родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного Донского края.

Товарищи, ваш старый город много слышал речей о любви к родине. Говорили о любви к родине и в годы гражданской войны. Говорили, в частности, и атаман Краснов, и прочие подобные ему политические пройдохи, говорили и одновременно приглашали на донскую землю немецких оккупантов и потом так называемых «союзников» — англичан и французов. Говорили о любви к родине и одновременно торговали кровью казаков, обменивали ее на предметы вооружения для борьбы с Советской властью, с русским народом.

История проверяет людей на деле, а не на словах. История проверяет, в какой мере существует у человека любовь к родине, какая цена этой любви. Истинную

любовь к отчизне кощунственно топтали Краснов и прочие продажные мерзавцы, вероломно обманывавшие трудящееся казачество и вовлекшие его в гражданскую войну.

Сейчас о любви к родине говорит все многомиллионное население Советского Союза, готовое своею кровью защищать границы страны. Это святая обязанность — любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать.

Нашу родину любит стосемидесятимиллионный трудовой народ.

Казачество, давшее таких великих бунтарей против самодержавия, как Разин и Пугачев, в годы революции обманутое генералами, было вовлечено в братоубийственную войну с трудовым русским народом. Поняв свою ошибку, казачество отошло от белого движения и сейчас на деле, под руководством партии большевиков, строит свою радостную, счастливую жизнь.

Усилиями партии большевиков, усилиями всего нашего великого трудового многонационального народа мы нищую страну сделали богатой. Мы создали промышленность, мы создали крупное социалистическое сельское хозяйство. Мы с каждым днем все больше и больше увеличиваем нашу хозяйственную мощь.

Во что превратилось донское казачество за годы Советской власти? Не только в станицах, но и в хуторах почти в каждом доме имеются дети, учащиеся в средних школах. Казаки-колхозники уже не думают о том, чтобы вырастить сыновей, умеющих только работать в поле. Они хотят видеть своих детей инженерами, командирами Красной Армии, агрономами, врачами, учителями. Растет новая, советская казачья интеллигенция. Обновляется Дон и выглядит уже по-новому. Смело и уверенно идем мы к светлому будущему.

Да здравствует Коммунистическая партия!

Да здравствует наш великий народ и трудовое донское казачество!

1937

ИЗ РЕЧИ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ

Товарищи, разрешите поблагодарить вас за то высокое доверие, которое вы оказали мне, выдвигая мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. Это доверие я воспринимаю как высшую награду за ту партийную, литературную и общественную работу, которую я веду. Доверие, оказанное мне, прежде всего отношу к великой и родной Коммунистической партии, членом которой я являюсь. Разрешите заверить вас, товарищи локомотивостроевцы, что доверие, оказанное мне, я оправдаю всей своей работой. Знаю, что нет больше чести, чем быть выдвинутым в депутаты верховного органа власти нашей родной и счастливой страны.

Избирательная кампания вылилась в мощную демонстрацию преданности всего советского народа делу партии, в демонстрацию безграничной любви трудящихся к своей могучей советской родине, которая уверенными шагами идет от победы к победе.

Сейчас, в дни подготовки к выборам в Верховный Совет, мы должны еще и еще раз вспомнить о тех, кто героически отстаивает демократию и свою национальную независимость,— об испанском народе, ведущем борьбу с мятежниками и фашистскими интервентами. Советский народ всем своим сердцем, всеми своими мыслями вместе с испанскими товарищами.

Трудящиеся Советского Союза выражают свою любовь к великому китайскому народу, борющемуся против японских интервентов.

Товарищи! Оглядываясь на пройденный путь, мы видим, как далеко шагнула наша страна вперед. Мы шли и идем по пути, начертанному великими основоположниками коммунизма — Марксом и Энгельсом. Народы нашей великой родины, сплотившись в единую тесную семью, идут от победы к победе под славными знаменами Коммунистической партии. Трудящиеся Советской страны знают и верят, что под руководством большевиков Союз Советских Социалистических Республик, живущий сегодня счастливой и радостной жизнью, выйдет на еще более широкий и светлый путь.

Каждому из нас ясны ослепительные контуры тех конечных целей, для которых, не щадя своей жизни, боролись и борются миллионы рабочих и крестьян под руководством партии.

Счастливо и радостно жить в наши дни. В эти дни с еще большим рвением хочется работать не покладая рук, работать на пользу нашей великой родине.

1937

ПИСАТЕЛЬ-БОЛЬШЕВИК

Девятнадцатого января мы отмечаем семидесятипятилетие Александра Серафимовича Серафимовича. Семьдесят пять лет! Какая подкупающая, мужественная старость у этого человека! Когда встречаешься с ним, не веришь, что человек этот достиг уже таких преклонных лет, ибо он бодр, жизнерадостен, весел и общителен. С ним всегда чувствуешь себя так, словно никакой разницы возрастов нет.

Я очень люблю старика. Это настоящий художник, большой человек, произведения которого нам так близки и знакомы. Серафимович принадлежит к тому поколению писателей, у которых мы, молодежь, учились. Лично я по-настоящему обязан Серафимовичу, ибо он первый поддержал меня в самом начале моей писательской деятельности, он первый сказал мне слово ободрения, слово признания.

Это, конечно, кладет свой отпечаток на наши отношения.

Никогда не забуду 1925 год, когда Серафимович, ознакомившись с первым сборником моих рассказов, не только написал к нему теплое предисловие, но и захотел повидаться со мною. Наша первая встреча состоялась в Первом доме Советов. Серафимович заверил меня, что я должен продолжать писать, учиться. Советовал работать серьезно над каждой вещью, не торопиться.

Этот наказ я старался всегда выполнять.

Пять лет тому назад партия, правительство и советская общественность отмечали семидесятилетие Александра Серафимовича. Юбиляр отмахивался тогда от всех нас, заявляя, что если человек старится, то это прежде всего неприятность и нечего, мол, это отмечать. Мне кажется, что тут мы, советские писатели, не должны соглашаться с Серафимовичем, хотя бы потому, что его «Железный поток» является первым по времени большим произведением о гражданской войне. Ничего другого не было у нас в те годы. И «Железный поток» так и остался в ряду лучших произведений советской литературы.

Но Серафимович дорог нам не только своим классическим «Железным потоком». Мы знаем и ценим Серафимовича как одного из тех писателей-большевиков старшего поколения, которые сумели пронести сквозь тьму реакции всю чистоту и ясность своей веры, оставаясь преданными революции и рабочему классу в самые тяжелые годы, когда немало людей изменило пролетариату. Разве роман «Город в степи» или многочисленные рассказы Серафимовича не дали нам картины старой России со всеми ее «прелестями»?

Большую и долгую жизнь прожил Серафимович. Серафимович прошел царские тюрьмы и ссылку. Он лично знал старшего брата Ленина, покушавшегося на Александра III. В качестве корреспондента «Правды» изъездил он фронты гражданской войны.

Несмотря на свой возраст, он все так же бодр и подтянут, как и пять, как и десять лет назад. Значит, есть что-то такое, что молодит этого неутомимого старика, которого словно не берет время.

Мне вспоминается сейчас приезд Серафимовича в станицу Вешенскую. В течение нескольких дней гостил он у меня. Какой бы ни была холодной вода в Дону, он никогда не отменял своего купанья. Всегда тщательно выбритый, искупавшийся, свежий, он поражал меня своей неутомимой, неиссякаемой бодростью.

Больно он молод душой!

1938

ВСЕМ СЕРДЦЕМ С ВАМИ

Дорогие юноши и девушки нашей страны! Ленинский комсомол празднует свою двадцатую годовщину. На этот праздник молодости я не мог не прийти. Так старик, идущий мимо веселящейся молодежи, на минуту останавливается, слушает певучие переборы гармошки, с улыбкой смотрит на молодые счастливые лица — и сам словно молодеет. Вот так же молодею и я, думая о вас, мои дорогие читатели, и мне становится немного грустно оттого, что мне уже тридцать три года и что я на вашем замечательном празднике буду выглядеть «переростком». Единственное, что спасает меня,— это сознание, что на ваше большое торжество, которое отпразднует вся наша страна, изумительно молодая и хорошая, придут не только мои ровесники, но и люди, которые старше меня по возрасту. Придут старые комсомольцы,— теперь уже бородатые и обзаведшиеся детьми,— они вспомнят в этот день, как они, молодые и полные негаснущей веры в правоту нашего дела, били в годы гражданской войны врагов народа — генералов, бандитов, кулаков и прочую свору,— и в позднейшие времена всегда помогали народу в его борьбе, и, как все мы, преисполнятся гордостью за нашу замечательную страну, и скажут:

— Это здорово, что мы делаем!

Молодежь под руководством партии била врагов на фронтах гражданской войны, строила колхозы, шла в

первых рядах создателей нашей промышленности; молодежь нашей родины подняла знамя социалистического соревнования. Из ее рядов вышли такие замечательные люди труда, как Стаханов, Виноградова и другие, которые учат старых, пожилых, как надо работать.

На благодарную почву высеяны семена большевизма!

Будущее за вами, а мы — «переростки» — с вами всем сердцем!

1938

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ ДВУХЛЕТИЯ ВЕШЕНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ТЕАТРА

Товарищи, сегодня мы празднуем вторую годовщину со дня открытия Вешенского театра колхозной казачьей молодежи. Вы помните, как обстояло дело с искусством в этих глухих, далеких от больших культурных центров станицах и хуторах. Иногда приезжали захудалые труппы, наскоро собранные каким-нибудь предприимчивым, ловким антрепренером. Эти люди заботились о том, чтобы подработать побольше денег, они не имели никакого отношения к искусству, они занимались жалкой имитацией искусства. А то появлялся какой-нибудь «инвалид войны». Ему надоедало делать ложки в Местпроме, и он становился «представителем искусства» — бродил по станицам и хуторам с фокусами. Случалось, появлялись какие-нибудь бродячие музыканты, слушать было страшно,— эта музыка, как говорят местные жители, за ожерелок брала. Много, очень много жителей вообще не знало, что такое театр, никогда в жизни не видело актера. Не только колхозники — наша учащаяся молодежь вырастала, не зная театра.

А Советская власть, партия, неустанно проявляющие заботу о культурном росте населения, создали этот театр для обслуживания жителей северного района Дона.

Обычно на юбилеях принято поздравлять, приветствовать, кланяться. Юбилей этот радостен. Театральный коллектив неплохо поработал, и мы, конечно, поздравляем, приветствуем, кланяемся. Но нужно серьезно поговорить о дальнейших путях нашего театра. Сейчас

он еще находится в поре младенчества. Это еще ребенок, но этот ребенок должен расти и крепнуть. Восемнадцать лет считаются у нас годами совершеннолетия, но у нас нет никакого желания ждать шестнадцать лет, пока наш театр станет совершеннолетним. Мы уверены, что он вырастет быстро и в ближайшие годы покажет себя как зрелый театр.

Что для этого нужно? Главное — работать над хорошими пьесами. Из современных пьес нужно отобрать самые лучшие, а то иногда под флагом актуальности на сцену протягиваются плохие произведения. Не всякая актуальная пьеса — хорошая пьеса. Наш зритель требует: покажите пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского, пьесы западных классиков. Театр уже показал две пьесы Островского, и как хорошо они были приняты зрителями!

Следует продумать, как показать спектакли нашего театра и в самых далеких колхозах. Нужно туда везти не концерты, не вермишель из плохо подобранных номеров, а цельные, хорошие спектакли. Несите подлинное, большое искусство в народные массы!

Областное управление по делам искусств явно недооценивает значение этого театра. Частая смена художественных руководителей снижает качество работы коллектива. Пора направить сюда такого художественного руководителя, который будет работать в Вешенской несколько лет, который с радостью отдаст все свои знания и способности созданию здесь театра подлинного мастерства, который полюбит коллектив так, что с ним ему будет жалко расставаться.

Яркий огонек искусства, который зажегся в станице Вешенской, я уверен, в скором времени разгорится в районных центрах нашей области. Все больше и больше будет проникать искусство в широкие массы.

Вешенский театр оправдает наши надежды, станет театром высококачественных спектаклей, социалистического реализма.

Пожелаем нашему театру работать так, чтобы заслужить еще большую любовь зрителей!

1939

ИЗ РЕЧИ НА XVIII СЪЕЗДЕ ВКП(б)

Товарищи! С чувством робости вступил я на эту трибуну. С робостью потому, что стоит за моими плечами невеселая слава автора многотомных и, к моему сожалению, неоконченных романов. Вот я и подумал, как только председательствующий огласит мою фамилию, вы скажете: «Эге, да это тот самый Шолохов, который длинно пишет и не кончает. Пожалуй, он и говорить будет так же длинно, пока ему председательствующий не напомнит о регламенте». А сказав так, вы потихоньку начнете вставать и уходить. Так вот, пока вы не успели покинуть ваши места, спешу предупредить, что говорить буду коротко и обязательно кончу до звонка. А если и эта моя короткая речь вам покажется длинной, вы только немного пошевелитесь, и я стремительно пойду на закругление...

Я буду говорить о литературе и немного о бумаге — об этих двух, так сказать, смежных областях искусства и промышленности.

С завистью слушал я выступления предшествовавших ораторов: о чем бы они ни говорили, будь то уголь, хлеб, нефть или свекла, они приводили цифры, проценты, и, таким образом, была видна проделанная работа. Ну, а литература — это такая материя, которая имеет лишь отдаленное отношение к цифрам и процентам. И получается так, что вот стоишь на трибуне с голыми руками — и опереться вроде не на что...

Я думаю, товарищи, что не стоит здесь говорить о нашей продукции — о книгах, вышедших за истекшее

пятилетие. Не стоит потому, что хорошие книги вы все читали и помните их, а о плохих нет надобности вспоминать.

Пишем мы пока мало. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что книжные съездовские киоски по разделу художественной литературы поражают прискорбной бедностью. Не знаю, что испытывают остальные братья-писатели, являющиеся делегатами съезда, но я, проходя мимо такого киоска, стараюсь околесить его подальше и убыстряю шаг, так как, того и гляди, кто-нибудь из делегатов возьмет тебя за рукав и спросит: «Что это бедность вас так одолела, почему книг нет?»

Ну, а такие разговоры, вы сами, товарищи, понимаете, для писателя ничего приятного не представляют.

Но кроме этого, товарищи, к нашей беде, и пишем мы не всегда хорошо. Разумеется, за двадцать лет существования советской литературы мы имеем и достижения. Правительство отметило это, наградив орденами многих писателей...

Творчество поэтов и писателей братских национальных республик, прежде мало известное русскому народу, стало теперь общенародным. Свежие голоса национальных писателей слились с голосом русской литературы, обогатили ее и сделали подлинно интернациональной.

Кого из нас не восхищали эпические, мужественные в своей простоте песни Джамбула? Кого не прельщала пленительная сладость стихов грузинских поэтов? Кто оставался равнодушным, читая узорные, певучие строки Сулеймана Стальского? Даже утратив при переводе частицу своей первобытной прелести, слова этих писателей находили прямую дорогу к нашим сердцам...

Товарищи, вы знаете, что взаимоотношения, издавна установившиеся между советскими писателями и читателями, совершенно иные, нежели в капиталистических странах. Народ, которому мы служим своим искусством, ежедневно говорит о нашей работе устами читателей. Нас критикуют, ругают, когда надо, поддерживают под локоть при творческих неудачах, хвалят, когда мы этого заслуживаем, и каждый из нас постоянно чувствует около себя эту направляющую исполинскую трудовую и

ласковую руку народа-созидателя. И вот, когда народ говорит писателю, что он мало пишет или плохо пишет,— что может ответить писатель в свое оправдание? Лицо его становится довольно скучным, он невнятно лепечет, что будет работать лучше. И иногда исправляется,— правда, не всегда это бывает. Иной раз он и хотел бы написать лучше, но не выходит, пороха не хватает, как говорится, был писатель, да весь вышел.

Но есть другая сторона дела, и об этом надо сказать раздельно и внятно — это вопрос о бумаге. Процент бумаги, отпускаемой на художественную литературу, ничтожно мал, обидно мал! Работники Гослитиздата говорят, что если в этом году издать по одной книге каждого награжденного писателя, а их сто семьдесят два, то на этом бумажные лимиты кончатся, но ведь издавать надо не только тех, кого наградили, но и тех, кого наградят в будущем.

А потом есть еще одна категория писателей, которых «награждали» в далеком прошлом. Их «награждали» ссылками в Сибирь и изгнанием, их привязывали к позорным столбам, их отдавали в солдаты, на них давили всей тупой мощью государственного аппарата, церкви, наконец, их попросту убивали руками хлыщей-офицеров. Но за этот позор, за это величайшее бесстыдство пусть отвечает перед историей тот проклятый строй, с которым наш народ и партия навсегда покончили в октябре 1917 года. А у нас этих писателей-классиков чтут и любят всем сердцем, и только теперь, при Советской власти, они получили широчайший доступ к народу. Книги их издаются миллионными тиражами, и их не хватает. Надо будет дать больше бумаги для печатания художественной литературы. Надо так поставить дело, чтобы бумага ждала хороших произведений, а не произведения — бумаги. Если на Пушкина имеется миллион читательских заявок, если на Шевченко имеется полмиллиона заявок, а мы издаем в этом году только десятки тысяч книг этих писателей, то такое положение нетерпимо.

Одно время, когда Гослитиздат за неимением новинок занимался только переизданием старых книг, писатели иронически окрестили его «Гослитпереиздат». Боюсь, что, если так и дальше будет с бумагой, Гослит-

издат получит другое имя — «Гослитнеиздат». Но все же писатели питают крепкую надежду, что вопрос об увеличении отпуска бумаги на художественную литературу будет решен положительно...

Несколько слов, товарищи, по вопросу об отношении советских писателей к войне, навязываемой нам фашистами. Мы, писатели, надеясь в будущем по количеству и качеству продукции обогнать кое-какие отрасли промышленности, никак не собираемся обгонять одну отрасль — оборонную промышленность, во-первых, ее все равно не обгонишь, а во-вторых, это такая хорошая и жизненно необходимая отрасль, что ее просто как-то неудобно обгонять. Пусть она растет и дальше нам на доброе здоровье, а врагам на смерть.

Советские писатели, надо прямо сказать, не принадлежат к сентиментальной породе западноевропейских пацифистов... Если враг нападет на нашу страну, мы, советские писатели, по зову партии и правительства, отложим перо и возьмем в руки другое оружие, чтобы в залпе стрелкового корпуса, о котором говорил товарищ Ворошилов, летел и разил врага и наш свинец, тяжелый и горячий, как наша ненависть к фашизму!

В частях Красной Армии, под ее овеянными славой красными знаменами, будем бить врага так, как никто никогда его не бивал, и смею вас уверить, товарищи делегаты съезда, что полевых сумок бросать не будем — нам этот японский обычай, ну... не к лицу. Чужие сумки соберем... потому что в нашем литературном хозяйстве содержимое этих сумок впоследствии пригодится. Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били. Книги эти послужат нашему народу и останутся в назидание тем из захватчиков, кто случайно окажется недобитым...

Товарищи, как и многие из вас, я — впервые на съезде партии. Мы с гордостью можем сказать, что являемся первыми ростками взращенной партией советской интеллигенции. За нами последуют десятки миллионов приобщившихся к культуре людей.

1939

НА ДОНУ

На станичную площадь спешат провожающие и призванные в Красную Армию. Впереди меня бегут, взявшись за руки, двое ребят в возрасте семи — десяти лет. Родители их обгоняют меня. Он — дюжий парень, по виду тракторист, в аккуратно заштопанном синем комбинезоне, в чисто выстиранной рубашке. Она — молодая смуглая женщина. Губы ее строго поджаты, глаза заплаканы. Равняясь со мной, она тихо, только мужу, говорит:

— Вот и опять... лезут на нас. Не дали они нам с тобой мирно пожить... Ты же, Федя, гляди там, не давай им спуску!

Медвежковатый Федя на ходу вытирает черным промасленным платком потеющие ладони, снисходительно, покровительственно улыбается, басит:

— Всю ночь ты меня учила, и все тебе мало. Хватит! Без тебя ученый и свое дело знаю. Ты вот лучше, как приедешь домой, скажи бригадиру вашему, что если они будут такие копны класть, какие мы видали дорогой, возле Гнилого лога, так мы с него шкуру спустим. Так ему и скажи! Понятно?

Женщина пытается еще что-то сказать, но муж досадливо отмахивается от нее, совсем низким, рокочущим баском говорит:

— Да хватит же тебе, уймись, ради бога! Вот придем на площадь, там все одно лучше тебя скажут!

* * *

На станичной площади возле трибуны — строгие ряды мобилизованных. Кругом — огромная толпа провожающих. На трибуне — высокий, с могучей грудью, казак Земляков Яков.

— Я — бывший багареец, красный партизан. Прошел всю гражданскую войну. Я вырастил сына. Он теперь, как и я, артиллерист, в рядах Красной Армии. Сражался с белофиннами, был ранен, теперь сражается с немецкими фашистами. Я, как отличный артиллерист-наводчик, не мог вынести предательства фашистов и подал в военкомат заявление, чтобы зачислили меня добровольцем в ряды Красной Армии, в одну часть с сыном, чтобы нам вместе громить фашистскую сволочь, так же, как двадцать лет назад громили мы сволочь белогвардейскую! Я хочу идти в бой коммунистом и прошу партийную организацию принять меня в кандидаты партии.

Землякова сменяет молодой казак Выпряжкин Роман. Он говорит:

— Финские белогвардейцы убили моего брата. Я прошу зачислить меня добровольцем в ряды Красной Армии и послать на финский фронт, чтобы заступить на место брата и беспощадно отомстить за его смерть!

Старый рабочий Правденко говорит:

— У меня два сына в Красной Армии. Один — в авиации, другой — в пехоте. Мой отцовский наказ им: бить врага беспощадно, до полного уничтожения, и в воздухе и на земле. А если понадобится им подспорье, то и я, старик, возьму винтовку в руки и тряхну стариной!

Доцветающая озимая пшеница — густая, сочно-зеленая, высокая — стоит стеной, как молодой камыш. Рожь выше человеческого роста. Сизые литые колосья тяжело клонятся, покачиваются под ветром.

Сторонясь от встречной машины, всадник сворачивает в рожь и тотчас исчезает: не видно лошади, не видно белой рубашки всадника, только околыш казачьей фуражки краснеет над зеленым разливом, словно головка цветущего татарника.

Останавливаем машину. Всадник выезжает на дорогу и, указывая на рожь, говорит:

— Вот она какая раскрасавица уродилась, а тут этот Гитлер, язви его в душу! Зря он лезет. Ох, зря!.. Вторые сутки не был дома, угостите закурить — из курева выбился — и расскажите, что слышно с фронта.

Мы рассказываем содержание последних сводок. Разглаживая тронутые сединой белесые усы, он говорит:

— Молодежь наша и то, гляди, как лихо сражается, а что будет, когда подкличут на фронт нас — бывалых, какие три войны сломали? Рубить будем до самых узелков, какие им, сукиным сынам, повитухи завязывали! Я же говорю, что зря они лезут!

Казак спешивается, садится на корточки и закуривает, поворачиваясь на ветер спиной, не выпуская из рук повода.

— Как у вас в хуторе? Что поговаривают пожилые казаки насчет войны? — спрашиваем мы.

— Есть одна мысля: управиться с сенокосом и похорошему убрать хлеб. Но ежели понадобимся Красной Армии скорее — готовы хоть зараз. Бабы и без нас управятся. Вам же известно, что мы из них загодя и трактористов и комбайнеров понаделали.— Казак лукаво подмигивает, смеется: — Советская власть, она тоже не дремлет, ей некогда дремать. Тут, конечно, в степи жить затишнее, но ить казаки сроду затишку не искали и ухоронов не хотели. А в этой войне пойдем охотой. Великая в народе злость против этого Гитлера. Что ему, тошно жить без войны? И куда он лезет?

Некоторое время наш собеседник молча курит, искоса посматривая на мирно пасущегося коня, потом раздумчиво говорит:

— Прослыхал я в воскресенье про войну, и все во мне повернулось. Ночью никак не могу уснуть, все думаю: в прошлом году черепашка нас одолевала, сейчас Гитлер приступает, все какое-то народу неудовольствие. И опять же думаю: что это есть за Гитлер, за такая вредная насекомая, что он на всех насыкается и всем покою не дает? А потом вспомнил за германскую войну,

а мне довелось на ней до конца прослужить, вспомнил про то, как врагов рубил... Восьмерых вот этой рукой пришлось уложить, и всё в атаках.— Казак смущенно улыбается, вполголоса говорит: — Теперь об этом можно вслух сказать, раньше-то все стеснялся... Двух «Георгиев» и три медали заслужил. Не зря же мне их вешали? То-то и оно! И вот лежу ночью, об прошлой войне вспоминаю, и пришло на ум: когда-то давно в газетке читал, что Гитлер будто тоже на войне германской был. И такая горькая досада меня за сердце взяла, что я ажник привстал на кровати и вслух говорю: «Что же он мне тогда из этих восьмерых под руку не попался?! Раз махнуть — и свернулся бы надвое!» А жена спросонок спрашивает: «Ты об ком это горюешь?» — «Об Гитлере,— говорю ей,— будь он трижды проклят! Спи, Настасья, не твоего это ума дело».

Казак тушит в пальцах окурок и, уже садясь в седло, роняет:

— Ну, да он, вражина, своего дождется! — и, помолчав, натягивая поводья, строго обращается ко мне: — Доведется тебе, Александрыч, быть в Москве, передай, что донские казаки всех возрастов к службе готовы. Ну, прощайте. Поспешаю на травокосный участок гражданкам-бабам подсоблять!

Через минуту всадник скрывается, и только легкие, плывущие по ветру комочки пыли, сорванные лошадиными копытами с суглинистого склона балки, отмечают его путь.

* * *

Вечером на крыльце Моховского сельсовета собралась группа колхозников. Немолодой, со впалыми щеками, колхозник Кузнецов говорит спокойно, и его натруженные огромные руки спокойно лежат на коленях.

— ...Раненый попал я к ним в плен. Чуть поправился — послали на работу. Запрягали нас по восемь человек в плуг. Пахали немецкую землю. Потом отправили на шахты. Норма — восемь тонн угля погрузить, а грузили от силы две. Не выполнишь — бьют. Становят лицом к стене и бьют в затылок так, чтобы лицом

стукался об стену. Потом сажали в клетку из колючей проволоки. Клетка низкая, сидеть можно только на корточках. Два часа просидишь, а после этого тебя оттуда кочергой выгребают, сам не выползешь...— Кузнецов оглядывает слушателей тихими глазами, все так же спокойно продолжает: — Поглядите на меня: я сейчас и худой и хворый, а вешу семьдесят килограммов, а у них в плену за все два с половиной года сорок килограммов я не важил. Вот к чему они меня произвели!

Считанные секунды молчания,— и все тот же спокойный голос колхозника Кузнецова:

— Два моих сына сейчас сражаются с немецкими фашистами. Я тоже думаю, что пришла пора пойти поквитаться. Но только, извините, граждане, я их брать в плен не буду. Не могу.

Стоит глубокая, настороженная тишина. Кузнецов, не поднимая глаз, смотрит на свои коричневые вздрагивающие руки, сбавив голос, говорит:

— Я, конечно, извиняюсь, граждане. Но здоровье мое они всё до дна выпили... И, ежели придется воевать, солдатов ихних я, может быть, и буду брать в плен, а офицеров не могу. Не могу — и все! Самое страшное я перенес там от ихних господ офицеров. Так что тут уж извиняйте...— И встает, большой, худой, с неожиданно посветлевшими и помолодевшими в ненависти глазами.

* * *

В колхозе хутора Ващаевского на второй день войны в поле вышли все, от мала до велика. Вышли даже те, кто по старости давным-давно был освобожден от работы. На расчистке гумна неподалеку от хутора работали исключительно старики и старухи. Древний, позеленевший от старости дед счищал траву лопатой сидя, широко расставив трясущиеся ноги.

— Что же это ты, дедушка, работаешь сидя?

— Спину сгинать трудно, кормилец, а сидя мне способней.

Но когда одна из работавших там же старух сказала: «Шел бы домой, дед, без тебя тут управимся»,—

старик поднял на нее младенчески бесцветные глаза, строго ответил:

— У меня три внука на войне бьются, и я им должен хоть чем-нибудь пособлять. А ты молода меня учить. Доживешь до моих лет, тогда и учи. Так-то!

* * *

Два чувства живут в сердцах донского казачества: любовь к родине и ненависть к фашистским захватчикам. Любовь будет жить вечно, а ненависть пусть поживет до окончательного разгрома врагов.

Великое горе будет тому, кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева!

1941

В КАЗАЧЬИХ КОЛХОЗАХ

На бескрайних донских полях уборка хлебов в разгаре. Грохочут гусеничные тракторы, над сцепами комбайнов синий дымок смешивается с белесой ржаной пылью, стрекочут лобогрейки, подминая крыльями высокую густую рожь. Казалось бы, мирная картина, но нет, на всем лежит строгая печать войны: по-иному, стремительно и напряженно, работают люди и машины, на станичных площадях у коновязей ржут пригнанные из табунов золотисто-рыжие донские кони, загорелые молодые всадники в выцветших кавалерийских фуражках едут на призывные пункты, и, разогнув спину, женщины-сноповязальщицы долго машут им руками, кричат: «Счастливо возвернуться, казаки! Бейте гадов до смерти! Буденному низкий поклон с Дону!»

По степным дорогам тянутся к пунктам Заготзерна подводы с хлебом нового урожая, и, величественно колыхаясь, движутся огромные арбы с зеленым, как лук, не видавшим дождей, превосходным сеном. Красной Армии все нужно. И все для армии делается. И все помыслы там, на фронте. И одно желание у всех в сердцах: поскорее переломить хребет проклятой фашистской гадюке!

Пожилой колхозник-казак разминает в ладонях пшеничный колос, улыбаясь, говорит:

— Не то что Англия и другие умные народы в союзе с нами, сама природа за нас и против Гитлера. Поглядите, какие в нонешнем году хлеба, прямо как в сказке:

уродилось жито — в оглоблю, картошка — в колесо. Яровой пшенице, подсолнуху, просу нужен был дождь, и как раз перед уборкой, как по заказу, пролили дожди. Теперь на яровое и на прочую живность не нарадуешься! Все нам идет на подмогу!

На соседнем участке колхоза «Большевистский путь» работает комбайн комбайнера Зеленкова Петра. Первый же убранный гектар ржи дал двадцать восемь центнеров бункерного веса, и это при сравнительно малой влажности зерна и ничтожном проценте сорности. Местами урожай достигает тридцати — тридцати пяти центнеров с гектара.

Комбайн Зеленкова разгружается на ходу, и приходится долго ждать остановки. Во время короткого отдыха Зеленков, заглянув в бункер, спускается по лестнице на щетинистую стерню, отходит в сторону покурить.

— Придется идти на фронт — смену приготовил? — спрашиваю его.

— Обязательно.

— Кто же?

— Жена.

— По-настоящему сможет заменить?

Смуглый от солнца и пыли Зеленков улыбается. Молодая женщина, работающая на комбайне штурвальным, свешивается через перильца, говорит:

— Я жена Зеленкова. Временно работаю штурвальным, а в прошлом году работала комбайнером и заработала больше, чем муж.

Слова жены Зеленкову явно не по душе, и он овладевает разговором.

— На худой конец она, конечно, заменить может,— неохотно говорит он,— но у нас другая думка: вместе идти на фронт.

Но Марина Зеленкова, видно, из таких, которые оставляют за собой последнее слово. Перебивая мужа, она говорит:

— Детей у нас нет, воевать вполне можно. А танк я сумею повести не хуже мужа, будьте спокойные!

Зеленков спешит на комбайн. Ему некогда тратить время на разговоры. Из общего массива ржи по колхозу в пятьсот сорок гектаров четыреста семнадцать уже

успели скосить лобогрейками. И Зеленков торопится наверстать упущенное.

В подавляющем большинстве колхозов Ростовской области в этом году целиком использованы простейшие уборочные машины. Не ожидая, когда хлеб подойдет для уборки комбайнами, приступили к покосу лобогрейками, сэкономив тем самым огромное количество горючего и ускорив процесс уборочных работ. Характерно в этом отношении высказывание одного из колхозников колхоза «Сталинец»: «Как начались колхозы, так и перестали мы тяжело работать. Избавила нас Советская власть от ядреного труда. А теперь молодые ребята, каким на лобогрейках приходится работать, к вечеру жалуются: спину не разогнешь, мол. Все это баловство одно. Трактора за нас пахали, комбайны косили и молотили, все это хорошо по мирному времени, а раз уж фашист полез на драку, так тут на спину оглядываться нечего. Работать надо так, чтобы суставчики похрустывали, а горючее всеми средствами надо беречь и в Красную Армию отсылать. Там оно нужнее, и там его так произведут в дело, что у фашистов суставы и хрустеть будут, и наизнанку выворачиваться». И, словно перекликаясь со стариком «Сталинца», колхозник Солдатов Василий, из колхоза имени 26 бакинских комиссаров, вдвое перевыполнив норму на скирдовании, спустившись со скирда и выжимая мокрую от пота рубаху, сказал: «Враг у нас жестокий и упорный, поэтому и мы работаем жестоко и упорно. А норма, что ж... Норму надо тут перевыполнять, а вот пойдем на фронт, там уж будем бить врагов без нормы».

Во всех колхозах, в которых мне пришлось побывать, отличная трудовая дисциплина, высокое сознание гражданского долга. В поле работают и дети и старики, работают и те, у кого в прошлом году было минимальное число трудодней, причем все без исключения работают с огромным подъемом, не щадя сил. Бригадир третьей бригады колхоза «Большевистский путь» Целиков Василий, выслушав сдержанную похвалу одного из работников района, ответил:

— Не можем мы работать плохо. Я так считаю, что мы пока трудом защищаем родину, а придет нужда —

будем защищать оружием. Да и как мы можем работать плохо, если почти в каждом дворе есть боец Красной Армии? Вот, к примеру, у меня два сына, и оба на фронте: Алексей — артиллерист, Николай — танкист, а я хоть и старик, но записался в народное ополчение. В прошлую войну на германском фронте получил я сквозную рану в живот. Много эта немецкая пуля у меня здоровья отобрала, но работать еще могу... Пока сыны мои врагов сводят, а будет требоваться, и я стану рядом с сынами.

И, узнав о том, что я буду писать для «Красной звезды», с живостью добавил:

— Пропишите через «Красную звезду» моим ребятам и всем бойцам, какие на фронте, что тыл не подкачает! Пущай они там не дают спуску этим фашистам, пущай вгоняют их в гроб, чтоб наша земля стала им темной могилой!

В правлении колхоза «Путь к социализму» работает один немолодой счетовод. Председатель — в поле. В хуторе — ни души. Весь народ в бригадах, на покосе, на расчистке токов, на отгрузке хлеба. На минуту оторвавшись от бумаг, счетовод говорит:

— Сын у меня на Западном фронте. Три года был на действительной службе, командир орудия. Бывало, пишу ему: сообщи, каким ты орудием командуешь. Отвечает: жив, здоров, поклон родным, а насчет орудия вам, папаша, и спрашивать нечего, вас это не касается.— Счетовод улыбается и с довольным видом говорит: — Значит, службу знает. Мне тоже в гражданскую войну пришлось все фронты пройти. И на севере воевал, и басмачей бил, и кого только не приходилось поколачивать. А сейчас состою в народном ополчении.— Помолчав, он говорит: — У нас в хуторе в ополчении человек около сотни. Удивительная все-таки война сейчас. Народу молодого черт-те сколько по домам. Выстроится наша сотня, и между пожилыми много таких ребят, что на них впору пушки возить. Жеребцы, а не ребята! Пишутся добровольцами, а их что-то пока не зовут. Значит, сила у нас громадная. Даже думать приятно об этом.

Вторая бригада этого колхоза работает на покосе лобогрейками. В каждую лобогрейку запряжено по две

пары волов, крылья лобогреек подняты до отказа, но сбрасывать с полка трудно, так высока и густа рожь. Женщины-погонычи усердно погоняют волов, молодые дюжие казаки, работающие скидальщиками, не успевают вытирать заливающий глаза пот. На остановке подхожу к ним, спрашиваю, почему гоняют волов чуть ли не на рысях. Один из скидальщиков говорит:

— Быки у нас в работу втянутые, им ничего не сделается, а скидывать на быстром ходу легче, да и с уборкой поспешаем, а то пойдем на фронт, и бабам будет тяжеловато управляться с таким хлебом.— И тотчас следует вопрос: — Когда же нас возьмут в армию? Моих одногодков взяли, а меня почему-то оставили. Мне даже обидно за это. Что я, хуже других, что ли?

Фамилия колхозника Покусаев. Он сын местного кузнеца, здоровый, грудастый парень, в Красной Армии служил артиллеристом. Из разговора с остальными выясняется: один в недавнем прошлом — танкист, другой — артиллерист, служил в гаубичной батарее, третий — зенитчик, четвертый — кавалерист одной из наших прославленных дивизий. Все как на подбор: молодые, сильные, здоровые. И так понятно это желание — идти и разить одуревшего от крови и дешевых успехов врага. Это — желание молодых казаков Дона, вчерашних и завтрашних бойцов великой Красной Армии. Это — желание тех, чьи предки на протяжении веков кровью своей поливали границы родины, отстаивая ее от многочисленных врагов.

И наряду с этим вспоминаются мне слова восьмидесятитрехлетнего старика Евлантьева Исая Марковича, охраняющего сейчас колхозное гумно. Темная июльская ночь. Падучие звезды на черном небе. И тихий старческий голос:

— Дед мой с Наполеоном воевал и мне, мальчонке, бывало, рассказывал. Перед тем как войной на нас идтить, собрал Наполеон ясным днем в чистом поле своих мюратов и генералов и говорит: «Думаю Россию покорять. Что вы на это скажете, господа генералы?» А те в один голос: «Никак невозможно, ваше императорское величество, держава дюже серьезная, не покорим». Наполеон на небо указывает, спрашивает: «Видите в небе

звезду?» — «Нет,— говорят,— не видим, днем их невозможно узрить».— «А я,— говорит,— вижу. Она нам победу предсказывает». И с тем тронул на нас свое войско. В широкие ворота вошел, а выходил через узкие, насилушки проскочил. И провожали его наши до самой парижской столицы. Думаю своим стариковским умом, что такая же глупая звезда и этому германскому начальнику привиделась, и как к выходу его наладят — узкие ему будут ворота сделаны, ох, узкие! Проскочит, нет ли? Дай бог, чтобы не проскочил! Чтобы другим отныне и довеку неповадно было!

1941

НА СМОЛЕНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

В ближнем тылу идет работа по уборке урожая: свозят снопы, убирают лен. На пожелтевших полях смоленской земли видны согнутые спины колхозниц, жнущих рожь, в перелесках и на суглинистых склонах дети пасут скот, и по утрам совсем по-мирному звучат в деревнях переливы пастушьих жалеек, хлопки плетеных арапников и звонкие петушиные крики. Но чем ближе к линии фронта, тем мрачнее и безрадостнее становится картина безлюдных, покинутых населением деревень — здесь недавно хозяйничали гитлеровцы; словно Мамаевы полчища прошли по обочинам дорог.

Вытоптанная, тоскливо ощетинившаяся рожь, дотла сожженные деревни и села, разрушенные немецкими снарядами и бомбами церкви, и всюду страшные следы безжалостного, ничем не оправдываемого разрушения. Теснимые контрударами наших доблестных частей в районе Н., они отошли, эти любители чужих земель и бессмысленных разрушений, оставляя по пути своего следования наспех огороженные холмики могил с крестами и надетыми на них касками убитых гитлеровских солдат...

Вот сидит перед нами пленный обер-ефрейтор гитлеровской армии Вернер Гольдкамп, смотрит тоскующими и в то же время ненавидящими глазами загнанного зверя, по-военному четко дает ответы.

Нет, это вовсе не допрос, мы просто хотим узнать, что он собой представлял в прошлом, как ему воевалось на нашей земле. Постепенно все становится ясным.

Вернер Гольдкамп попал в плен сегодня утром. Он участвовал в захвате Польши, Франции и с начала военных действий находится на Восточном фронте. Последние трое суток он не ел и не умывался, лицо и одежда его в грязи, серо-зеленый мундир изрядно потрепан, сапоги залатаны, даже голенища пестрят латками.

Трое суток наша артиллерия громила батальон, в котором служил ефрейтор Гольдкамп. «Это было ужасно,— подавленно говорит он,— мы несли потери и не могли поднять головы в окопах, не то что умыться...» На четвертые сутки бравый ефрейтор с выправкой спортсмена и еще несколько солдат решили сдаться в плен.

Как правило, большинство пленных с величайшим уважением и со страхом отзываются о нашей артиллерии. Некоторые из них, пришитые к земле огнем наших орудий, а затем взятые в плен, истерически болтливы, и в психике их явно чувствуется происшедший надлом, другие мрачно говорят, что «советская артиллерия — страшная штука». Такое признание врага — лучшая похвала нашим артиллеристам.

Тот же Гольдкамп на вопрос, с каким настроением шли солдаты его взвода на войну против Советского Союза, ответил: «Вначале мы надеялись на скорую победу, а потом поняли, что здесь мы найдем свою гибель». И когда один из присутствующих при разговоре товарищей спросил, не хочет ли он вернуться в Германию,— Гольдкамп, до этого отвечавший довольно сдержанно, с живостью сказал:

— Нет, нет, сейчас не хочу! Я уже получил достаточно, и больше войны не хочу!

Второй пленный, ефрейтор Ганс Добат из 83-го пехотного полка 28-й дивизии, взятый в плен вместе с семью солдатами, заявил:

— Мы много дней не ели до этого боя, и я сказал своим солдатам: «Советские танки ходят здесь, а наших нет, нас не кормят, а стране, которая не может кормить своих солдат и поддерживать их в бою техникой,—

нельзя воевать. Сдадимся!» И мы пропустили ваши танки и сдались пехоте. Мы не могли сражаться больше, неся такие потери. В батальонах у нас осталось восемнадцать — двадцать процентов кадрового состава. Только за последние дни мы потеряли более половины состава в трех ротах.

Так выглядят сейчас эти солдаты, еще недавно топтавшие поля Франции и кичившиеся своей непобедимостью.

Сложная и хитро продуманная фашистами система, направленная к тому, чтобы любыми средствами удержать немецкого солдата под ружьем, пока еще в действии. В групповом окопе немецкой роты ни один солдат не может пройти к ходу сообщения, миновав офицера, но если он и проскользнет — в тылу его задержит полевая жандармерия. Офицеры-фашисты пугают солдат тем, что в плену их якобы ждет немедленное уничтожение. Ложь, запугивание, жестокая дисциплина — все это пока держит уставшего от войны немецкого солдата в окопах, но уже отчетливо проступают первые признаки начинающегося разложения части гитлеровской армии: недовольство офицерским составом, отсиживающимся в тылу, сознание полной бесперспективности войны с Советским Союзом, недоверие к авантюристической политике гитлеровской клики.

И чем сильнее будет отпор Красной Армии врагу, тем быстрее пойдет неизбежный процесс распада и гибели немецко-фашистской армии.

1941

ГНУСНОСТЬ

Из действующей армии сообщают: «Близ села Ельня разгорелся упорный бой. Фашисты построили перед домами укрепления, замаскировали их и долго отстреливались. А когда наша часть перешла в наступление, фашисты выгнали из села всех женщин и детей и расположили их перед своими окопами...»

Это сделали солдаты гитлеровской армии, о мужестве и благородстве которой распинается фашистское радио. Гнилостным, омерзительным запахом разложения разит от такого «благородства». И невольно думаешь: если уцелеют гитлеровские солдаты, совершившие под Ельней этот позорный поступок, как не стыдно будет им потом смотреть в глаза своим матерям, женам и сестрам?

Видно, основательно поработала нацистская пропаганда, вытравив из души гитлеровского солдата всякие человеческие чувства, превратив живых людей в автоматы, совершающие бесчеловечные и дикие дела!

Не знаю, как на языке Геббельса будет называться то, что произошло под Ельней,— военной сметкой ли, проявлением ли немецкой находчивости,— но на языках всех цивилизованных народов мира такой поступок, бесчестящий солдата, всегда назывался и будет называться гнусностью. И все, кто узнает об этом очередном

проявлении фашистской гнусности, испытают чувство жгучего стыда за немецкий народ и омерзение и ненависть к тем, кто на войне, позабыв стыд, прячется за спины безоружных мирных жителей.

Народы Советского Союза и Красная Армия ведут счет злодеяниям немецких фашистов. И ответ будет один: большой кровью заплатят они за пролитую кровь наших людей и кровью же будут расплачиваться за собственное бесчестье.

1941

ПО ПУТИ К ФРОНТУ

Вооруженные карандашами, записными книжками и ручными пулеметами, мы едем на автомобиле к линии фронта, обгоняя множество грузовых автомашин, везущих к передовым позициям боеприпасы, продовольствие, красноармейцев.

Все машины искусно замаскированы ветвями берез и елей, и, когда смотришь с холма вниз на дорогу, создается впечатление, будто в сказочный поход с востока на запад движутся, переселяясь куда-то, кусты и деревья. В движении — целый лес!

С запада все слышнее доносятся громовые раскаты артиллерийской канонады. Близок фронт, но по-прежнему машут желтыми и красными флажками красноармейцы — регулировщики движения, так же стремительно движется поток грузовых автомашин, а по бокам дороги грохочут гусеницами мощные тракторы-тягачи.

Предупрежденные, что в любой момент можно ожидать нападения с воздуха, я и мои спутники по очереди ведем наблюдения, стоя на подножке автомобиля, но немецкие самолеты не появляются, и мы без помех продолжаем поездку.

Мне, жителю почти безлесных степей, чужда природа Смоленской области. Я с интересом слежу за разворачивающимися пейзажами. По сторонам дороги зеленой стеною стоят сосновые леса. От них веет прохладой и крепким смолистым запахом. Там, в лесной гущине,

полутемно даже днем, и что-то зловещее есть в сумеречной тишине, и недоброй кажется мне эта земля, покрытая высокими папоротниками и полусгнившими пнями.

Изредка на поляне, поросшей молодыми березками и осинником, ослепительно вспыхнет под солнцем и промелькнет куст красной рябины, и снова с двух сторон обступают нас леса. А потом в просвете вдруг покажется холмистое поле, вытоптанные войсками рожь или овес, и где-нибудь на склоне черными пятнами выступят обуглившиеся развалины сожженной немцами деревни.

Мы сворачиваем на проселочную дорогу, едем по местности, где всего несколько дней назад были немцы. Сейчас они выбиты отсюда, но все вокруг еще носит следы недавних ожесточенных боев. Земля обезображена воронками от снарядов, мин, авиабомб. Воронок этих множество. Все чаще попадаются пока еще не прибранные трупы людей и лошадей. Сладковато-приторный трупный запах все чаще заставляет нас задерживать дыхание. Вот неподалеку от дороги лежит вздувшаяся гнедая кобылица, и рядом с мертвой матерью — мертвый крохотный жеребенок, успокоенно откинувший пушистую метелку хвоста. И такой трагически ненужной кажется эта маленькая жертва на большом поле войны...

На скате холма — немецкие групповые и одиночные окопы, блиндажи. Они взрыты нашими снарядами. Торчат из-под земли расщепленные бревна накатов, возле брустверов валяются патронные гильзы, пустые консервные банки, каски, бесформенные клочья серо-зеленых немецких мундиров, обломки разбитого оружия и причудливо изогнутые оборванные телефонные провода. Прямым попаданием снаряда уничтожен пулеметный расчет вместе с пулеметом. В дверях сарая неподалеку от окопов видно исковерканное противотанковое орудие. Страшная картина разрушения, причиненная шквалом огня советской артиллерии.

Село, за овладение которым несколько дней шли упорные бои, находится по ту сторону холма. Перед уходом немцы выжгли его дотла. Внизу через небольшую речушку красноармейцы-саперы возводят мост. Пахнет свежей сосновой стружкой, речным илом. Саперы работают без рубашек. Загорелые спины их лоснятся от

пота и блестят на солнце так же, как и свежий тес мостового настила.

Осторожно переезжаем речку по уложенным в ряд бревнам. Грязь по сторонам взмешена гусеницами танков и тракторов. Въезжаем в то, что недавно называлось селом. По сторонам обгорелые развалины домов. Торчат одни печные задымленные трубы. Груды кирпича на месте, где недавно были жилища; обгорелая домашняя утварь, осколки разбитой посуды, детская кроватка с покоробившимися от огня металлическими прутьями.

На мрачном фоне пожарища неправдоподобно, кощунственно красиво выглядит единственный, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотистыми лепестками. Он стоит неподалеку от фундамента сгоревшего дома, среди вытоптанной картофельной ботвы. Листья его слегка опалены пламенем пожара, ствол засыпан обломками кирпичей, но он живет! Он упорно живет среди всеобщего разрушения и смерти, и кажется, что подсолнечник, слегка покачивающийся от ветра,— единственно живое создание природы на этом кладбище.

Однако это не так: оставив машину, мы тихо идем по улице и вдруг видим на черной обгорелой стене желтую кошку. Она мирно умывается лапкой. Она ведет себя так, как будто вовсе не являлась свидетельницей страшных событий, лишивших ее и крова и хозяев. Но, завидев нас, она на секунду неподвижно замирает, а затем, сверкнув, как желтая молния, исчезает в развалинах.

Две одичавшие курицы — две вдовы, оставшиеся без своего петуха и подружек,— не подпустили нас даже на сорок метров. Они мирно добывали себе корм, роясь на вытоптанном огороде, но как только увидели людей в одежде цвета хаки, без крика метнулись в сторону и тотчас исчезли.

— Они, по птичьей неопытности, не разобрались в форме и приняли нас за немцев,— сказал один из моих спутников — участник недавних боев.

Он рассказал, что немцы в занятых деревнях устраивают настоящую охоту на домашних гусей, уток и кур. Коров и свиней режут в хлевах, а птицу, которую трудно изловить, стреляют из автоматов.

— Эти пеструшки, несомненно, побывали под огнем, им надо простить их чрезмерную осторожность,— улыбаясь, заключил он свой рассказ.

Удивительно трогательна привязанность у животных и птиц к обжитому месту. В этом же селе мне пришлось видеть разрушенную немецкими снарядами церковь и стайку голубей, сиротливо вившуюся над развалинами. Они жили, вероятно, на колокольне, но, лишившись приюта, все же не покинули родного места. Небольшая собачонка в одном из переулков поползла нам навстречу, униженно виляя хвостом. У нее не оказалось того, что называется собачьим достоинством, но мужество, необходимое, чтобы одной приходить из леса к родному пепелищу, она сохранила. На окраине села, в коноплянике, мы вспугнули стаю воробьев. Это были вовсе не те оживленные, хлопотливо чирикающие воробьи мирного времени, которых мы привыкли видеть прежде. Молчаливые и жалкие, они покружились над сожженным селом, затем вернулись и, нахохлившись, расселись на стеблях конопли.

Впрочем, у местных колхозниц эта тяга к родному месту, на котором прожита жизнь, столь же сильна. Мужчины ушли на фронт, женщины и дети с приходом немцев попрятались в окрестных лесах. Сейчас они вернулись в сожженные деревни и потерянно бродят по развалинам, роются на пожарищах, разыскивая хоть что-либо уцелевшее из домашнего скарба. На ночь они уходят в леса, красноармейцы резервных частей кормят их за счет ротных котлов, дают им хлеба, а днем они снова идут в деревни,— как птицы, вьются у своих разрушенных гнезд.

В соседней, тоже выжженной деревушке я видел несколько колхозниц и детей, помогавших матерям разыскивать на пожарищах уцелевшие вещи. Одна из женщин на мой вопрос, как теперь она думает жить, ответила:

— Прогоните проклятых немцев подальше, а за нас не беспокойтесь, заново построимся, сельсовет поможет, кое-как проживем.

Серые от золы и пепла, измученные лица и воспаленные глаза детей и женщин надолго остались в моей

памяти, и я невольно думал: «Какой же тупой, дьявольской ненавистью ко всему живому надо обладать, чтобы стирать с земли мирные города и деревни, без смысла, без цели подвергать все разрушению и огню».

Мы проехали еще одну деревню, и снова нас окружили леса, затем промелькнули поля с неубранным хлебом, участок отцветшего льна с сохранившимися кое-где голубенькими цветочками, часовой-красноармеец возле дороги и предостерегающая надпись на столбике, торчащем изо льна: «Поле минировано».

При отступлении немцы минировали дороги, обочины дорог, брошенные автомашины, собственные окопы и даже трупы своих солдат. Наши саперы заняты очисткой от мин взятой территории, всюду видны их согнутые, ищущие фигуры, а пока на минированных участках осторожно, впритирку, разъезжаются машины и повозки, и расставленные кругом часовые внимательно следят, чтобы никто не удалялся в опасных местах от дороги.

Все сильнее нарастает ревущая октава артиллерийского боя, и вот уже можно различить сладостный нашему слуху гром советских тяжелых батарей.

Вскоре мы находимся в расположении одной из частей нашего резерва. Совсем недавно эти люди были в бою, а сейчас около землянки вполголоса наигрывает гармошка, человек двадцать красноармейцев стоят, собравшись в круг, весело смеются, а посредине круга выхаживает молодой, коренастый красноармеец. Он лениво шевелит крутыми плечами, и на лопатках его зеленой гимнастерки отчетливо белеют соляные пятна засохшего пота. Задорно похлопывая по голенищам сапог большими ладонями, он говорит своему товарищу, высокому, нескладному красноармейцу:

— Выходи, выходи, чего испугался? Ты Рязанской области, а я — Орловской. Вот и попробуем, кто кого перепляшет!

Но скоро короткие сумерки затемняют лес, и в лагере устанавливается тишина. Завтра с рассветом нам предстоит поездка в ведущую наступление часть командира Козлова.

1941

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Для ночлега трем моим товарищам и мне отвели небольшую палатку, старательно замаскированную молодыми деревцами осины. Еловые ветви на земле, покрытые плащом, служили нам постелью. Укрывшись шинелями и тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее, мы уснули.

В одиннадцать часов подо мною дрогнула земля, и сквозь сон я услышал тяжкий гул разрыва. Сбросив шинель, я привстал. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как шумят под ветром сосны и дождевые капли барабанят о стены палатки. Тишина стояла недолго. Где-то далеко на западе раздался глухой выстрел, а затем сквозь шум дождя послышался низкий, стонущий вой пролетающего над нами снаряда и тотчас же — грохочущий гул разрыва.

Мой сосед — молодой жизнерадостный лейтенант — посмотрел на светящийся циферблат часов, сонно сказал:

— Немцы бьют из тяжелых орудий. Это они обстреливают дорогу, по которой мы ехали сюда. Они каждую ночь ведут беспокоящий огонь. Советую вам не обращать внимания на разрывы и спать. К этому надо привыкнуть. Немцы — аккуратный народ: постреляют ровно пятнадцать минут и замолчат, а через час-полтора снова начнут развлекать нас.

Лейтенант вскоре уснул молодым, беспросыпным сном. Но мне, при всем старании, не удалось за эти

пятнадцать минут обстрела привыкнуть к недалеким разрывам немецких снарядов. Уснул я в полночь, но зато так крепко, что больше уже не слышал, как немцы развлекали нас музыкой своих тяжелых орудий и как наши батареи отвечали им. Перед рассветом меня разбудил окончательно прозябший мой сосед слева. С него сползла шинель, и он, не просыпаясь, дрожал такой крупной, собачьей дрожью, что мне показалось, будто кто-то трясет меня, пытаясь разбудить.

Мы вышли из палатки. Над лесом низко висел предутренний туман. Голые до пояса красноармейцы обтирались ледяной водой. Двое, успевшие совершить утренний туалет, боролись, чтобы согреться. Делали они это с таким усердием, что у одного уже выступил на лбу пот, а у другого лицо и шея были красны, как кумач.

Плотный красноармейский завтрак: горячий суп с мясом, консервы, чай — и мы прощаемся с гостеприимными хозяевами лагеря и снова — в путь.

Батарея наших тяжелых орудий меняет огневые позиции. Быстроходные тягачи с грохотом провозят мимо нас внушительного вида длинноствольные орудия. Мы вынуждены свернуть в сторону, чтобы уступить дорогу этим страшилищам. Затем мы пропускаем две санитарные автомашины с ранеными красноармейцами и третью — грузовую с ранеными лошадьми. Я стою у края дороги, и прямо надо мной проплывают, покачиваясь, огороженный жердями борт автомашины, влажная от росы лошадиная шея и огромный, лиловый, слезящийся глаз раненой лошади. Это первые жертвы ночного боя.

Штаб части командира Козлова расположен неподалеку. В лесистой лощине мы оставляем свою машину, идем к штабу. Крутой подъем на холм, сплошь поросший вековыми соснами, и вот мы уже около территории штаба. В нескольких шагах от нас на тропинке неожиданно и бесшумно, как призрак, возникает фигура красноармейца. Невидимый раньше, он неслышно появился из-за куста. Но на этом призраке маскировочный халат, и вооружен он автоматической винтовкой. Держа ее наперевес, пытливо оглядывая нас, он спрашивает пропуск, и, пока внимательно просматривает наши

пропуска, куст тихо шевелится, и я вижу сквозь листву направленные в нашу сторону тусклые жала двух штыков.

Земля здесь изрыта щелями. Часто встречаются блиндажи, прикрытые ветвями. В лесу довольно много автомашин, но рассмотреть их можно только на близком расстоянии, так умело они замаскированы. Всюду видны саперы. Стучат топоры, повизгивают пилы, роются новые убежища, пахнет в лесу сосновой хвоей и влажной глиной.

Возле штабной землянки нас встречает коренастый капитан. Он говорит, что генерал Козлов и начальник штаба сейчас заняты, и вежливо просит пройти в соседнюю командирскую землянку.

По широким ступеням спускаемся в узкий коридор, открываем дверь. Нет, это вовсе не землянка в обычном понимании этого слова. Просторная крестьянская изба как бы по волшебству взята и перенесена глубоко под землю. Деревянные полы чисто вымыты, стены обшиты свежим тесом, потолки блещут безукоризненной чистотой. Над столом ярко светит электрическая лампочка. Для полной иллюзии не хватает только русской печи, но ее с успехом заменяет чугунная печь. В большой комнате тепло, сухо, пахнет смолистым душком сосны и, кажется, свежеиспеченным хлебом. Мы с удовольствием оглядываем это подземное жилище. Капитан, улыбаясь, говорит:

— Наш генерал — хозяйственный человек. Неподалеку отсюда есть брошенная жителями деревня. Немцы ежедневно ее обстреливают и наполовину уже выжгли. Генерал и приказал саперам перевезти избы сюда, чтоб даром не пропали. В два дня перевезли и построили.

В землянку входит начальник артиллерии полковник Гросицкий, подвижной, веселый человек. Он любезно знакомит нас с обстановкой на этом участке фронта, говорит:

— Тесним немцев крепко. Сегодня в двенадцать часов дня начнем артподготовку и наступление. Высота, которую вы видели по дороге к нам, раньше называлась Кудрявой, теперь ее зовут Лысой. Была она раньше по-

крыта лесом, а теперь от нашего артиллерийского огня действительно облысела. О силе этого огня можете судить хотя бы по тому, что немцы сейчас сбрасывают листовки следующего содержания: «Советский пехотинец, сдавайся; артиллерист, не попадайся!» Но мы и не попадаемся, а стараемся почаще в них попадать. И это нам удается. Наблюдателей выбрасываем на передний край, к пехоте, и те корректируют наш огонь. Отлично получается! Летят в воздух немецкие пушки, минометы, блиндажи. Раньше немцы в блиндажах делали накаты в три бревна, а сейчас лезут глубже в землю, накаты делают в шесть-семь бревен, однако это им плохо помогает: выкапываем их снарядами и оттуда!

Бой, начавшийся с утра ленивой перестрелкой, сейчас разгорается. Полковник прислушивается к участившимся разрывам немецких мин, подходит к телефону. Короткий вполголоса разговор, затем в действие вступает молчавшая неподалеку батарея, и минометный огонь противника заметно слабеет.

О немецкой артиллерии полковник неважного мнения. Он говорит:

— Плохо стреляют, бессистемно. Если нет над полем боя самолета-корректировщика — ничего у них не получается. Слышите разрывы слева? Это они обстреливают тот участок, на котором вчера вечером была наша батарея. Батарея переместилась на новые позиции еще ночью, а они ведут огонь по пустому месту и будут его вести еще долго, а потом, наверное, сообщат в штаб: «Советская гаубичная батарея уничтожена огнем наших орудий».

Вскоре приходит генерал Козлов. Пожилой, с седыми висками, неторопливый в движениях, генерал — участник пяти войн. Он здоровается с нами, устало садится на скамью и, положив большие, мясистые руки на разостланную на столе карту, говорит:

— Чаем вас угощали? Нет? Как же это так! Подайте нам чаю, да поживее!

Крестьянин в прошлом, генерал с восемнадцати лет находится на военной службе. У него простое русское лицо, слегка приподнятый нос и насмешливо-умные голубые глаза.

— Немецкая пехота стала значительно хуже по сравнению с тысяча девятьсот четырнадцатым годом,— неторопливо говорит он.— За танками идут, а как только нет танков, переходят к обороне, с места не тронутся. Штыковой атаки не принимают, боятся, финны лучше дрались. Неврастениками стали немецкие солдаты. По письмам к родным, по дневникам видно, да и с пленными говоришь — противно становится. Плачут, дрожат, пресмыкаются. Не те солдаты, что были в прошлую войну, далеко не те!

Генерал рассказывает несколько интересных эпизодов, а потом повар Анатолий Недзельский приносит чай.

— Ты бы гостей вареньем угостил,— говорит генерал.

Высокий бравый повар в лихо сдвинутом белом колпаке молниеносно доставляет банку варенья.

— Собственного изделия, сами варили,— угощая нас, с гордостью говорит повар.— В лесу много брусники, в свободное время нарвали, вот и варенье и кисель у нас всегда свежие.

Повар, под стать своему генералу, оказался хозяйственным парнем, а варенье его — превосходным по вкусу. Но из разговоров мы узнали и о других качествах повара Недзельского. Генерал вместе с группой командиров недавно был на передовых позициях. Пришло время обеда, и Недзельский решил отвезти горячую пищу на позиции. Он запряг лошадь в двуколку и отправился в путь. По дороге лошадь была убита немецкой миной. Но это не остановило лихого повара. Он налил суп в ведро и в термос и под сильным огнем противника ползком доставил пищу проголодавшимся командирам и своему генералу. Такова боевая дружба полководца и повара.

В горячие дни повар участвует в боях. Его случайный помощник из штабных писарей следит за тем, чтобы котлеты не подгорели, а повар с винтовкой и гранатами спешит в окопы. Качество командирской пищи в такие дни бывает значительно ниже, чем обычно, но патриотические порывы повара тоже надо уважать. И их уважают. Однажды повар, рискуя жизнью, вынес с поля сражения раненого лейтенанта. И это, видимо, не будет его последним подвигом. Так раздвоенно он и живет —

повар и боец Анатолий Недзельский: навоевавшись, бежит к себе на кухню и с ужасом видит, что суп выкипел, а битки стали чернее антрацита, но, вероятно, бывает иначе: готовя борщ, вдруг слышит он сквозь грохот разрывов могучее, раскатистое, русское «ура», и в ярости от того, что не может участвовать в атаке, всеми помыслами находясь там, на поле боя, сыплет он рассеянной рукой в котел сахар вместо соли и миндаль вместо перца. Так, по крайней мере, мне кажется. Но это в конце концов личное дело генерала и повара, и вмешиваться в него не стоит.

1941

ЛЮДИ КРАСНОЙ АРМИИ

Генерал Козлов прощается с нами и уезжает в одну из частей, чтобы на поле боя следить за ходом наступления. Мы желаем ему успеха, но и без нашего пожелания кажется совершенно очевидным, что военная удача не повернется спиной к этому генералу-крестьянину, осмотрительному и опытному, по-крестьянски хитрому и по-солдатски упорному в достижении намеченной цели.

Выхожу из землянки. До начала нашей артподготовки остается пятнадцать минут. Меня знакомят с младшим лейтенантом Наумовым, только что прибывшим с передовых позиций. Ему пришлось ползти с полкилометра под неприятельским огнем. На рукавах его гимнастерки, на груди, на коленях видны ярко-зеленые пятна раздавленной травы, но пыль он успел стряхнуть и сейчас стоит передо мной улыбающийся и спокойный, по-военному подобранный и ловкий. Ему двадцать семь лет. Два года назад он был учителем средней школы. В боях с первого дня войны. У него круглое лицо, покрытые золотистым юношеским пушком щеки, серые добрые глаза и выгоревшие на солнце белесые брови. С губ его все время не сходит застенчивая, милая улыбка. Я ловлю себя на мысли о том, что этого скромного, молодого учителя, наверное, очень любили школьники и что теперь, должно быть, так же любят красноармейцы, которым он старательно объясняет военные задачи, видимо, так же старательно, как два

года назад объяснял ученикам задачи арифметические. С удивлением я замечаю, что в коротко остриженных белокурых волосах молодого лейтенанта, там, где не покрывает их каска, щедро поблескивает седина. Спрашиваю, не война ли наградила его преждевременной сединой. Он улыбается и говорит, что в армию пришел уже поседевшим, и теперь никакие переживания уже не смогут изменить цвета его волос.

Мы садимся на насыпь блиндажа. Разговор у нас не клеится. Мой собеседник скупо говорит о себе и оживляется только тогда, когда разговор касается его товарищей. С восхищением говорит он о своем недавно погибшем друге лейтенанте Анашкине. Время от времени он прерывает речь, прислушиваясь к выстрелам наших орудий и к разрывам немецких снарядов, ложащихся где-то в стороне и сзади территории штаба. Прошу его рассказать что-либо о себе. Он морщится, неохотно говорит:

— Собственно, про себя мне рассказывать нечего. Наша противотанковая батарея действует хорошо. Много мы покалечили немецких танков. Я делаю то, что все делают, а вот Анашкин — это действительно был парень! Под деревней Лучки ночью пошли мы в наступление. С рассветом обнаружили против себя пять немецких танков. Четыре бегают по полю, пятый стоит без горючего. Начали огонь. Подбили все пять танков. Немцы ведут сильный минометный огонь. Подавить их огневые точки не удается. Пехота наша залегла. Тогда Анашкин и разведчик Шкалев ползком незамеченные добрались до одного немецкого танка, влезли в него. Осмотрелся Анашкин — видит немецкую минометную батарею. Семидесятишестимиллиметровое орудие на танке в исправности, снарядов достаточно. Повернул он немецкую пушку против немцев и расстрелял минометную батарею, а потом начал расстреливать немецкую пехоту. Погиб Анашкин вместе с орудийным расчетом, когда перекатывали пушку, меняя огневую позицию.

Серые глаза моего собеседника потемнели, слегка дрогнули губы. И еще раз во время разговора заметил я волнение на его лице: неосторожно спросив о том, как

часто получает он письма от своей семьи, я снова увидел потемневшие глаза и дрогнувшие губы.

— За последние три недели я послал жене шесть писем. Ответа не получил,— сказал он и, смущенно улыбнувшись, попросил: — Не сможете ли вы, когда вернетесь в Москву, сообщить жене, что у меня здесь все в порядке и чтобы она написала мне по новому адресу? Наша часть сейчас переменила номер почтового ящика, может быть, потому я и не получаю писем.

Я с удовольствием согласился выполнить это поручение. Вскоре наш разговор был прерван начавшейся артподготовкой. Грохот наших батарей сотрясал землю. Отдельные выстрелы и залпы слились в сплошной гул. Немцы усилили ответный огонь, и разрывы тяжелых снарядов стали заметно приближаться. Мы сошли в блиндаж, а когда через несколько минут снова вышли на поверхность, я увидел, что саперы, строившие укрытие, не прекращали работы. Один из них, пожилой, с торчащими, как у кота, рыжими усами, деловито осматривал огромную сваленную сосну, постукивая по стволу топором, остальные дружно работали кирками и лопатами, и на глазах рос огромный холм ярко-желтой глины.

— Не хотите ли поговорить с одним из наших лучших разведчиков? Он только сегодня утром пришел из немецкого тыла, принес важные сведения. Вот он лежит под сосной,— обратился ко мне один из командиров, кивком головы указывая на лежавшего неподалеку красноармейца.

Я охотно изъявил согласие, и командир сквозь гул артиллерийской канонады громко крикнул:

— Товарищ Белов!

Быстрым, неуловимо мягким движением разведчик встал на ноги, пошел к нам, на ходу оправляя гимнастерку.

Внезапно наступила тишина. Командир посмотрел на часы, вздохнул и сказал:

— Теперь наши пошли в атаку.

Было что-то звериное в движениях, в скользящей походке разведчика Белова. Я обратил внимание на то, что под ногой его не хрустнул ни один сучок, а шел он

по земле, захламленной сосновыми ветками и сучьями, но шел так бесшумно, будто ступал по песку. И только потом, когда я узнал, что он — уроженец одной из деревень близ Мурома, исстари славящегося дремучими лесами, мне стала понятна его сноровистость в ходьбе по лесу и мягкая поступь охотника-зверовика.

В разговоре с разведчиком повторилось то же, что и с младшим лейтенантом Наумовым: разведчик неохотно говорил о себе, зато с восторгом рассказывал о своих боевых товарищах. Воистину, скромность — неотъемлемое качество всех героев, бесстрашно сражающихся за свою родину.

Разведчик внимательно рассматривает меня коричневыми острыми глазами, улыбаясь говорит:

— Первый раз вижу живого писателя. Читал ваши книги, видел портреты разных писателей, а вот живого писателя вижу впервые.

Я с неменьшим интересом смотрю на человека, шестнадцать раз ходившего в тыл к немцам, ежедневно рискующего жизнью, безупречно смелого и находчивого. Представителя этой военной профессии я тоже встречаю впервые.

Он сутуловат и длиннорук. Улыбается редко, но как-то по-детски — всем лицом, и тогда становятся видны его редкие белые зубы. Шоколадные глаза его часто щурятся. Словно ночная птица, он боится дневного света, прикрывая глаза густыми ресницами. Ночью он, наверное, видит превосходно. Внимание мое привлекают его ладони: они сплошь покрыты свежими и зарубцевавшимися ссадинами. Догадываюсь: это оттого, что ему много приходится ползать по земле. Рубашка и брюки разведчика грязны, покрыты пятнами, но эта естественная камуфляция столь хороша, что ляжь разведчик в блеклой осенней траве, и его не разглядишь в пяти шагах от себя. Он неторопливо рассказывает, время от времени перекусывая крепкими зубами сорванный стебелек травы.

— Вначале был я пулеметчиком. Взвод наш отрезали немцы. Куда ни сунемся — всюду они. Мой друг — пулеметчик вызвался в разведку. Я пошел с ним. Подползли к шоссе, залегли у моста. Долго лежали. Немец-

кие грузовые машины идут. Мы их считаем, записываем, что они везут. Потом подошла легковая машина и стала около моста. Немецкий офицер вышел из нее, высокий такой, в фуражке. Включился в полевой телефон, лег под машину, что-то говорит. Два солдата стоят около него. Шофер сидит за рулем. Мой товарищ — лихой парень — подмигнул мне и достал гранату. Я тоже достал гранату. Приподнялись и метнули две сразу. Всех четырех немцев уничтожили, машину испортили. Бросились мы к убитым, сорвали с офицера полевую сумку, карту взяли с какими-то отметками, часть оружия успели взять, и тут, слышим, трещит мотоцикл. Мы снова залегли в канаве. Как только мотоциклист сбавил ход возле разбитой машины, мы кинули третью гранату. Мотоциклиста убило, а мотоцикл перевернулся два раза и заглох. Подбежал я, смотрю, мотоцикл-то целехонький. Мой дружок — очень геройский парень, а на мотоцикле ездить не умеет. Я тоже не умею, а бросать его жалко. Взяли мы его за руль и повели.— Разведчик улыбается, говорит: — Руки он мне, проклятый, оттянул, пока я его по лесу вел, а все же довели мы его до своих. На другой день прорвались из окружения и мотоцикл прикатили. Теперь на нем наш связист скачет, аж пыль идет! Вот с этого дня мне и понравилось ходить в разведку. Попросил я командира роты, он и отчислил меня в разведчики. Много раз я к немцам в гости ходил. Где идешь, где на брюхе ползешь, а иной раз лежишь несколько часов и шевельнуться нельзя. Такое наше занятие. Все больше ночью ходим, ищем, вынюхиваем, где у немцев склады боеприпасов, радиостанции, аэродромы и прочее хозяйство.

Прошу его рассказать о последнем визите к немцам. Он говорит:

— Ничего, товарищ писатель, нет интересного. Пошли мы позавчера целым взводом. Проползли через немецкие окопы. Одного немца тихо прикололи, чтобы он шуму не наделал. Потом долго шли лесом. Приказ нам был рвануть один мост, построенный недавно немцами. Это километров сорок в тылу у них. Ну, еще коечто надо было узнать. Отошли за ночь восемнадцать километров, меня взводный послал обратно с пакетом.

Шел я лесной тропинкой, вдруг вижу свежий конский след. Нагнулся, вижу — подковы не наши, немецкие. Потом людские следы пошли. Четверо шли за лошадью. Один хромой на правую ногу. Проходили недавно. Догнал я их, долго шел сзади, а потом обошел стороной неподалеку и направился своим путем. Мог бы я их всех пострелять, но мне с ними в драку связываться нельзя было. У меня пакет на руках, и рисковать этим пакетом я не имел права. Дождался ночи возле немецких окопов и к утру переполз на свою сторону. Вот и все.

Некоторое время он молчит, щурит глаза и задумчиво вертит в руках сухую травинку, а потом, словно отвечая на собственные мысли, говорит:

— Я так думаю, товарищ писатель, что побьем мы немцев. Трудно наш народ рассердить, а пока он еще не рассердился по-настоящему, а вот как только рассердится как полагается, худо будет немцам. Задавим мы их!

По пути к машине мы догоняем раненого красноармейца. Он тихо бредет к санитарной автомашине, изредка покачивается, как пьяный. Голова его забинтована, но сквозь бинт густо проступила кровь. Отвороты и полы шинели, даже сапоги его в потеках засохшей крови. Руки в крови по локти, и лицо белеет той известковой, прозрачной белизной, какая приходит к человеку, потерявшему много крови.

Предлагаем ему помочь дойти до машины, но он отклоняет нашу помощь, говорит, что дойдет сам. Спрашиваем, когда он ранен. Отвечает, что час назад. Голова его забинтована по самые глазницы, и он, отвечая, высоко поднимает голову, чтобы рассмотреть того, кто с ним говорит.

— Осколком мины ранило. Каска спасла, а то бы голову на черепки побило,— тихо говорит он и даже пробует улыбнуться обескровленными, синеватыми губами.— Каску осколок пробил, схватился я руками за голову — кровь густо пошла.— Он внимательно рассматривает свои руки, еще тише говорит: — Винтовку, патроны и две гранаты отдал товарищу, кое-как дополз до перевязочного пункта.— И вдруг его голос крепнет,

становится громче. Повернувшись на запад, откуда доносятся взрывы мин и трескотня пулеметов, он твердо говорит: — Я еще вернусь туда. Вот подлечат меня, и я вернусь в свою часть. Я с немцами еще посчитаюсь!

Голова его высоко поднята, глаза блестят из-под повязки, и простые слова звучат торжественно, как клятва.

Мы идем по лесу. На земле лежат багряные листья — первые признаки наступающей осени. Они похожи на кровяные пятна, эти листья, и краснеют, как раны на земле моей родины, оскверненной немецкими захватчиками.

Один из товарищей вполголоса говорит:

— Какие люди есть в Красной Армии! Вот недавно погиб смертью героя майор Войцеховский. Неподалеку отсюда, находясь на чердаке одного здания, он корректировал огонь нашей артиллерии. Шестнадцать немецких танков ворвались в село и остановились вблизи здания, где находился майор Войцеховский. Не колеблясь, он передал по телефону артиллеристам: «Немедленно огонь по мне! Здесь немецкие танки». Он настоял на этом. Все шестнадцать танков были уничтожены, угроза прорыва нашей обороны была предотвращена, погиб и Войцеховский.

Дальше идем молча. Каждый из нас думает о своем, но все мы покидаем этот лес с одной твердой верой: какие бы тяжкие испытания ни пришлось перенести нашей родине, она непобедима. Непобедима потому, что на защиту ее встали миллионы простых, скромных и мужественных сынов, не щадящих в борьбе с коричневым врагом ни крови, ни самой жизни.

1941

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Их батальон посадили в вагоны в Париже и отправили на восток. Они везли с собой награбленные во Франции вещи, французское вино и французские автомашины.

От Минска к линии фронта они шли походным порядком, так как автомашины были оставлены в Минске из-за отсутствия бензина. Опьяненные победами германского оружия и французским вином, они двигались по пыльным дорогам Белоруссии, закатав рукава мундиров, расстегнув воротники. Каски их были привешены к поясам, открытые потные головы сушило ласковым солнцем и теплым ветерком чужой России. Во флягах пока еще плескалось вино, и солдаты бодро шли по улицам выжженных советских деревень и громко пели похабную ротную песенку о том, что красивая француженка Жанна впервые увидела настоящих солдат и впервые вдоволь познала настоящих мужчин только тогда, когда немцы вступили в Париж.

Потом, днем и ночью, на марше и на отдыхе, их стали тревожить партизаны. За шесть дней батальон в перестрелках потерял около сорока человек убитыми и ранеными. Исчез посланный в штаб мотоциклист. Исчезли шесть солдат и один обер-ефрейтор. Они отправились в ближнюю деревню добыть для роты что-либо съестное и не вернулись. В батальоне все реже пели

о красивой и оставшейся довольной немцами Жанне. Здесь немцами были недовольны. Жители при вступлении батальона в разрушенные деревни убегали, прятались в лесах, а те, кого заставали в жилищах, были нахмурены и смотрели в землю, чтобы скрыть от солдат ненависть к ним, светившуюся в глазах. Ненависти в случайно пойманных взглядах мужчин и женщин было больше, чем страха. Нет, это была не Франция.

* * *

Он — ефрейтор Фриц Беркманн,— если верить его словам, не принимал участия в расправах над мирным населением. Он считает себя культурным, порядочным человеком и, разумеется, решительным противником ненужной жестокости. И когда однажды подвыпившие солдаты его роты со смехом и шутками потащили в сарай молодую женщину-колхозницу, он, чтобы не слышать ее криков, ушел со двора. Женщина была молодая и сильная. Она здорово сопротивлялась, в результате чего один солдат лишился глаза. Остальные все же справились с ней. Но после того, как ее изнасиловали, окривевший солдат убил ее. Ефрейтор Беркманн, узнав об этом, был ужасно возмущен. Сам он ни за что не смог бы совершить подобной гнусности. У него в Нюрнберге остались жена и двое детей, и он не хотел бы, чтобы с его женой когда-либо поступили подобным образом. Однако не может же он отвечать за действия скотов, имеющихся, к сожалению, в немецкой армии. Когда он сообщил о происшедшем своему лейтенанту, тот пожал плечами — война есть война — и приказал Беркманну не лезть к нему с пустяками.

Прямо с марша батальон бросили в бой. Двадцать шесть суток солдаты не вылезали из окопов. В роте Беркманна от ста семидесяти человек осталось тридцать восемь. Солдаты были удручены огромными потерями. Нет, не о такой войне с русскими думали они, когда ехали из Франции, горланя песни. Офицеры говорили им, что Россию они пройдут так же легко, как нож проходит сквозь масло. Все это оказалось хвастливой болтовней, и многие из офицеров, говоривших подобные

слова, теперь уже ничего не скажут: пули русских стрелков и осколки русских снарядов прошли сквозь их тела воистину с той самой легкостью, с какой проходит сквозь масло нож.

* * *

Беркманн взят в плен сегодня утром во время нашей атаки. Перед тем как вести его в нашу землянку, красноармейцы плотно завязали ему глаза бинтом.

— Вы меня хотите расстрелять? — дрогнувшим голосом спросил Беркманн.

Но красноармейцы, не зная немецкого языка, ничего не ответили на вопрос.

На подгибающихся от страха ногах Беркманн вошел в землянку. С глаз его сняли повязку, и он, увидев мирно сидевших за столом людей, вздохнул хрипло, всей грудью и с таким облегчением, что мне стало как-то не по себе.

— Я думал, что меня ведут на расстрел,— объясняя свой невольный вздох, пролепетал пленный и тотчас стал навытяжку.

Его пригласили сесть. Он опустился на стул, положив руки на колени.

Вот он сидит перед нами, этот ландскнехт нацистской Германии, и подробно отвечает на все вопросы.

Он все еще никак не может успокоиться после пережитого волнения. Щеку его подергивает нервный тик, руки, лежащие на коленях, дрожат. Он всеми силами старается подавить свое волнение и скрыть дрожь, но это ему плохо удается. Только после того, как он с жадностью выкуривает предложенную ему папироску, к нему приходит уравновешенность.

У него светлые курчавые волосы, широко поставленные голубые неумные глаза. Он — безусловный ариец, изрядно потрепанный войной и очень голодный. В день им выдавали по три папиросы, немного хлеба и полкотелка горячей пищи. Горячую пищу не всегда можно было подвезти, и они отчаянно голодали.

Что он думает об исходе войны с Советской Россией? Он считает это предприятие безнадежным. Фюрер совершил ошибку, напав на Россию. Это очень большой ку-

сок, которым бедная Германия может подавиться. Здесь он, ефрейтор Беркманн, имеет возможность свободно высказать свое мнение, чего никак не мог сделать в своей части, так как члены нацистской партии засекречены и шпионят за солдатами. Всякое неосторожно высказанное слово приведет под дуло винтовки. Лично он думает, что надо было окончательно побить Англию, отобрать у нее колонии и на этом поставить точку.

Впечатления его о занятой советской территории сводятся к одному: маловато продуктов. Все, что было у населения, съели передовые немецкие части. Найти курицу счастье. Почти с ненавистью говорит он о своих танкистах и подвижных частях: «Эти скоты очищают все, после них идешь, словно в пустыне».

Тяжело говорить с ефрейтором Беркманном. От циничных слов этого грабителя в солдатском мундире, истерически болтливого и тупого, в землянке становится еще душнее, тянет выйти на воздух. Мы прекращаем разговор.

В заключение он, поднявшись и стоя навытяжку, говорит о том, что два часа назад на допросе он честно рассказал советскому командиру о расположении и численности своего батальона, штаба и о складе боеприпасов. Он сказал все, что знал, так как является убежденным противником войны с Россией. Сообщенные им сведения при проверке безусловно подтвердятся, а потому он просит дать ему возможность уведомить жену, что он находится в плену, и, если это возможно, покормить его еще, так как последний раз ему давали пищу семь часов назад.

* * *

Двадцатилетний, безусый юноша. Гладко прилизанные волосы, синие прыщи на лице и юркие, воровато бегающие глаза. Член германской национал-социалистской партии. Танкист. Был во Франции, в Югославии, в Греции. Танк его вчера в бою подорвал красноармеец связкой ручных гранат. Выскочив из машины, отстреливался. Ранен четырьмя пулями. Раны легкие. Изредка морщится от боли, но держит себя с нахальным, напускным мужеством. Отвечая на вопросы, не поднимает

глаз. На некоторые вопросы категорически отказывается отвечать, но зато обстоятельно, заученными фразами говорит о превосходстве германской нации, о неполноценности французов, англичан, славянских народов. Нет, это не человек, а плохой пирог с дурно пахнущей начинкой. Ни одной своей мысли, никаких духовных интересов. Спрашиваем, знает ли он Пушкина, Шекспира. Он морщит лоб, думает, потом задает вопрос:

— Кто это такие? — и, получив ответ, кривит тонкие губы презрительной усмешкой, говорит: — Не знаю и знать не хочу. Не испытываю в этом надобности.

Он уверен в победе Германии. С тупым, идиотичным упрямством он твердит:

— К зиме наша армия разделается с вами и тогда со всей силой обрушится на Англию. Англия должна погибнуть.

— А если Россия и Англия разделаются с Германией?

— Этого не может быть. Фюрер сказал, что мы победим,— глядя себе под ноги, отвечает пленный. Он отвечает, как неумный ученик, твердо заучивший урок и не утруждающий себя излишними размышлениями.

Что-то фальшивое, неправдоподобно уродливое есть в облике этого юноши, и только одна фраза звучит у него по-настоящему искренне:

— Жаль, что моя военная карьера прервана...

Безнадежно развращенный гитлеровской пропагандой, молодой мерзавец не устал убивать. Он только что вошел во вкус убийства, он еще не занюхался вволю чужой крови, а тут — плен. И вот теперь он сидит перед нами, навсегда обезвреженный, смотрит глазами затравленного кровожадного хорька, и слепая ненависть к нам раздувает его ноздри.

* * *

Шесть военнопленных немецких солдат под охраной красноармейца вышли из палатки, присели на покрытую хвоей землю. Их только что привели сюда, забрав в плен. Мундиры их залатаны и грязны, у одного подошва сапог прихвачена проволокой. Они не умывались шесть дней. Этой возможности лишила их наша артилле-

рия. Лица их мрачны и покрыты коркой засохшей грязи. Они обовшивели, сидя в окопах, и теперь, не стесняясь, почесываются, скребут головы черными пальцами. Лишь один из них, черноволосый красивый парень, довольно улыбается и, обращаясь ко мне, говорит:

— Для меня война кончилась. Я счастлив оттого, что так удачно попал в плен.

Им приносят в котелках горячий борщ.

Как звери набрасываются они на пищу и, обжигаясь, чавкая, почти не прожевывая, глотают торопливо, жадно. Двоим из них не принесли ложек. Не дожидаясь, когда принесут ложки, они запускают в котелки грязные ладони, пальцами вылавливают гущу и отправляют ее в рот, запрокидывая головы и блаженно щурясь.

Насытившись, они встают, отяжелевшие и сонные. Коренастый обер-ефрейтор, подавляя отрыжку, говорит:

— Спасибо. Большое спасибо. Не помним, когда в последний раз мы так плотно наедались.

Переводчик говорит, что седьмой по счету пленный отказался от пищи и сейчас сидит в палатке. Проходим в палатку. Пожилой немецкий солдат, давно небритый и очень худой, встает при нашем появлении, опускает большие мозолистые руки по швам. Спрашиваем, почему он отказывается от обеда.

Дрожащим от волнения голосом солдат говорит:

— Я крестьянин. Мобилизован в июле. За два месяца войны я вдоволь насмотрелся на произведенные нашей армией разрушения, на брошенные поля, на все, что сделали мы, идя на восток... Я лишился сна, и кусок не идет мне в горло. Знаю, что так же разорили почти всю Европу и что за все это Германии придется нести страшную расплату. Не только этой собаке — Гитлеру, но всему германскому народу придется расплачиваться. Вы понимаете меня?

Он отворачивается и долго молчит. Что ж, это хорошее раздумье. И чем скорее сознание тягчайшей ответственности и неизбежной расплаты придет к немецким солдатам, тем ближе будет победа демократии над взбесившимся нацизмом.

1941

НА ЮГЕ

Из-за мрачной дымящейся пирамиды угольного шлака встает солнце. Лиловые тени на снегу удивительно быстро светлеют, а затем крыши шахтерских домиков, и запушенные изморозью стекла окон, и одетые инеем ветви придорожных кленов, и далекие синие, заснеженные перевалы холмов вдруг вспыхивают под солнцем ослепительным розовым пламенем, и еще нестерпимее становится блеск натертой до глянца дороги.

С востока на запад по широкому шоссе движутся черные колонны людей. В задних рядах одной из колонн несколько человек, сбавив шаг, на ходу делают самокрутки, закуривают. Мой спутник спрашивает:

— Что за народ? На оборонительные работы идете, что ли?

Коренастый широкоплечий человек в замасленной ватной стеганке, сладко дохнув махорочным дымком, отвечает:

— Хозяева Донбасса — вот кто мы такие, а идем приводить в порядок взорванные и затопленные шахты. Понятно?

Оставшиеся бегом догоняют колонну, и снова в морозном воздухе шаги их сливаются с гулкой и согласной поступью сотен таких же настоящих хозяев Донбасса, идущих восстанавливать свои разрушенные шахты.

В рядах — старики, пожилые шахтеры, подростки. И если возвращающийся на производство, согнутый

годами мастер как бы олицетворяет собою прошлое Донбасса, то пожилые шахтеры и подростки представляют его настоящее и будущее. Но цвета шахтерской молодежи среди идущих не увидишь: молодые и сильные, они далеко отсюда, на западе, в дивизии Провалова, в многочисленных частях Красной Армии сражаются за освобождение родного Донбасса, добывают победу своей великой родине.

* * *

Раскатисто погромыхивают итальянские тяжелые орудия. Им отвечает наша артиллерия. Бой, не затихавший и ночью, с рассветом возобновляется с новой силой. Находящиеся в Донбассе немецкие и итальянские части защищаются с яростью отчаянья. Трудно им покидать теплые хаты, расставаться с богатыми топливом населенными пунктами и бежать в снежную степь, где зловеще шипит текучая поземка и лютый ветер жжет огнем, пронизывая до костей.

Но бежать им все-таки приходится. Под ударами наших войск все чаще и чаще меняют они квартиры и торопливо перемещаются на запад, бросая на путях бегства оружие и снаряжение.

На Южном фронте, пожалуй, как ни на одном из фронтов, широко представлено разноязычное фашистское воинство. Кого только нет в составе захваченных нашими частями военнопленных! В мутной накипи обезоруженных головорезов, еще недавно глумившихся над мирным населением Украины, преобладают немцы, итальянцы, румыны, но есть также венгры и финны. Вот уж воистину:

...Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!

Именно стяжание и разбой объединили эту банду бестий и висельников, промышлявших под черным знаменем с раскоряченной фашистской свастикой. Это про них, грабителей, поджигателей и убийц, с мрачным

человеконенавистничеством превращавших наши цветущие области в «зону пустыни», сказано словами Пушкина:

...Опасность, кровь, разврат, обман —
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

В плену их внешний облик разительно меняется. Вот они толпятся в просторной комнате, ежатся от холода и зябко дуют на руки. Обросшие лица их грязны и скучны, в глазах — грусть почти такая же, как у людей. От давным-давно немытых тел и засаленного обмундирования их прет густым, острым запахом псины. На касках итальянских берсальеров жалко повисли обтрепанные петушиные перья. С запаршивевших в окопах гитлеровцев недавний лоск и наглую самоуверенность словно ветром сдуло. Итальянский офицер в женских шерстяных чулках, снятых с какой-либо колхозницы, униженно протягивает руку за папиросой и лепечет о том, что он не курил уже пятьдесят дней.

Так они выглядят здесь. Но предоставим слово тому, кто видел их в другой обстановке. Старик колхозник Колесниченко, недавно вырвавшийся из фашистского плена, часто трогает воротник своей старенькой рубахи, словно этот просторный воротник его душит, и медленно рассказывает:

— Перед вечером проскакали через деревню ихние мотоциклисты. Потом прошло шесть штук танков, а следом за ними пошла пехота, на машинах и походным порядком. К ночи стала на постой часть какая-то особая: у каждого солдата по бокам каски нарисованы черные молнии, каждый глядит чертом...

Тут и началось такое, о чем вспоминать-то горько и тошно. В школу согнали девок наших, иных прямо волоком тянули по снегу. Измывались над ними сколько хотели, а потом трех из них — Марфу Солохину, Ду-

няшку Пилипенко и молодую замужнюю бабу из соседнего поселка — убили там же, в школе, вытянули их во двор и сложили возле крыльца крест-накрест.

Всю ночь шастали по дворам, птицу, скотину резали, заставляли женщин стряпать им, по сундукам, по кладовкам шарили... Ну, как во время пожара было в деревне! Скотина ревет, собаки воют, девки голосят помертвому. От этого шума во двор было ужасно выйти, право слово!

К утру угомонились. Вышел я на рассвете за калитку. Гляжу — сосед мой, Трофим Иванович Бидюжный, лежит возле колодца убитый, и ведро возле него валяется. Убили за то, что ночью вышел воды зачерпнуть, а по ихним законам мирным жителям ночью и до ветру выйти не разрешается. Утром они еще одного, хлопчика двенадцати лет, застрелили. Подошел он к ихней мотоциклетке поглядеть — ребятишки-то ведь до всего интересанты,— а фашист с крыльца прицелился в него из револьвера, и готово. Мертвых хоронить не разрешали. Матери-то каково было глядеть на своего сынишку! Глянет из окна, а он лежит около сарая, снегом его заносит, глянет — и упадет наземь замертво. Водой ее домашние отливают. Видал и я его, когда на собрание нас сгоняли. Шел мимо и видал... Что же, лежит малое дитя, согнулось калачиком и к земле примерзло. Девки возле школы лежали: юбки поверх голов завязаны телефонной проволокой, ноги в синяках. Кому надо мимо школы проходить, стороной обходят. Только тогда и прибрали убитых, когда эта часть ушла...

Старик рассеянно взял предложенную ему папиросу, повертел ее в руках и после короткого молчания продолжал рассказ:

— У меня в хате четверо квартировали. В первый же день зарезали супоросую свинью и двух овец. Что тут пожрали, а остальное с собой увезли. Овчины и то забрали. По сундукам, по кладовке с утра начали шарить. Что им было подходящее — забирали. Много добра с собой увезли, а в последний день дошла очередь и до моих валенок. Оделись они выступать, машины позавели, а тут один из них, высокий такой, с нашивкой на рукаве, указывает на мои валенки и рукой помахи-

вает — снимай, мол. Жалко мне стало лишаться последней обувки, начал я их просить, а этот, с нашивкой, сукин сын, побелел весь от злости, как схватит винтовку, штык мне к горлу приставил и орет что-то. Старуха моя в слезы, шумит мне: «Сыми! Сыми скорее, а то убьет он тебя!»

А я оробел, молчу, нагнуться не могу, только и подумал: «Вот и конец мой». Ногой ударил меня фашист в живот, упал я на лавку, не вздохну. Зеваю ртом, а воздуха никак не наберу, даже в глазах потемнело... Старуха ко мне подскочила, проворно, как молодая, сняла с меня валенки и протягивает фашисту. Он было еще раз замахнулся на меня, колоть хотел, но увидел у старухи в руках валенки и чего-то смилостивился. Взял валенки, плюнул мне в лицо и начал обуваться. Остальные трое стоят у порога, смеются. Обул высокий валенки, сапоги свои в мешок положил, нехорошо, как-то вкось усмехнулся и первый вышел из хаты.

Ушли они, а спустя время новая часть вступила в деревню. Так все они одинаково хозяйствовали, что через несколько суток всю деревню нашу очистили, облупили, как вареное яичко.

— Хороша армия! — воскликнул присутствовавший при разговоре молодой веснушчатый и веселый лейтенант.

— Нету у них армии! — строго сказал старик.— Раньше, может, была, а сейчас нету. Не видал. Сам я служил в армии, в японской войне участвовал, с папашами нынешних немцев воевал, знаю армейский порядок, но такого, извините, не видал.

Разве раньше солдатам дозволялось грабить и мешки с награбленным за собой таскать? Греха нечего таить, брали и мы съестное, но уж детских пеленок не трогали, со стариков и старух обувку, одежку не стаскивали, с малыми ребятишками не воевали, женщин не казнили. А ныне им на то запрета нет. Им все дозволено, что на ум взбредет, то и сделают. Потом — армия по форме должна быть одетая. А у них как? Один — в шинели, на другом — нагольный полушубок, с соседа моего снятый, на третьем — поверх мундира обыкновенное бабье, серого драпа, пальто. Конечно, все они при оружии, но

ведь и лихие люди, которые раньше на больших дорогах промышляли, тоже при оружии были...

И вот пошли в моей хате меняться постояльцы. Нынче — одни, завтра, глядишь,— другие, и всё разных держав. Один говорит: «Я — поляк», другой: «Я — венгерец», а третий молчит, но его по глазам, по воровской ухватке видно, что он — обязательно гитлеровец! Ну, я этим, какие себя называли, не верил. «Брешете, думаю, вы, проклятые! Никакие вы не поляки, не венгерцы. Будь ты поляк — воевал бы ты за свою Польшу, а венгерец — за свою венгерскую землю. А то как вы — вроде грибов-поганок, выросли из одной навозной кучи, одним духом и дышите».

Был при мне такой случай: входит в хату ихний унтер и быстро что-то говорит солдату, какой назвался венгерцем, а венгерец, вижу, ни черта, ничего не понимает, плечи то поднимет, то опустит, руками разводит, и глаза у него глупые-преглупые. Потом венгерец начал по-своему лопотать, а унтер плечами вздергивает и серчает, даже щеки у него краснеют.

Лоб в лоб уперлись, как бараны, лопочут каждый по-своему, никак один другого не поймут. Между собой нет у них одной речи, а по разбою у всех один язык: хлеб, яйки, молоко, картошки давай, капут — все говорят, и каждый либо штыком смерть показывает, либо коробкой спичек гремит — сжечь грозит. А вы говорите — армия. Какая же это армия, когда все они как будто из одной тюрьмы выпущенные?

За окном стояла морозная ночь. В печурке жарко горел угольный штыб. Старик снял со спинки кровати поношенную шубейку, кряхтя стал одеваться и, уже просунув руку в рукав, еще раз упрямо повторил:

— Нету у них армии, точно говорю.

С почтительной сдержанностью обращаясь к нему, лейтенант сказал:

— Вы, папаша, конечно, правы, но у них тоже есть идея, за которую они воюют.

Старик на секунду застыл с распяленной на руках шубой, но потом, как бы опомнившись от изумления, сурово спросил:

— Какая такая идея? Нету у них никакой идеи, да и слово это для них неподходящее.

— А вот есть она,— утверждал лейтенант, пряча в глазах чуть приметную улыбку.

Присев на кровать, старик молча всматривался в лицо лейтенанта и хмурил рыжеватые седеющие брови. Голос его звучал с ехидной официальностью, когда он попросил:

— Тогда объясните мне, товарищ командир, об ихней идее, потому что я человек малограмотный и, может, не так это слово понимаю.

— Вы не серчайте, папаша,— примирительно сказал лейтенант.— Идея у них точь-в-точь такая, как вы рассказывали. Дней пять назад окружили мы их обоз из тридцати с лишним подвод. Залегли они возле повозок, отстреливаются. Дело их конченое, деваться им некуда, но они не сдаются. Рядом со мной лежал молодой боец, только недавно прибывший в часть с пополнением. Видит он, что они так упорно обороняются, и говорит мне: «Видно, это идейные фашисты, товарищ лейтенант. Смотрите — не хотят сдаваться».— «А вот, говорю, перебьем их, тогда посмотрим, что у них за идея».

Ну, перебили их, как полагается, вчистую, начали тюки рассматривать. Обоз-то шел в тыл, а в тыл, кроме раненых, известно, что они отправляют. Распороли один тюк — детская обувь, отрезы ситцу и всякий другой материал, женские пальто, демисезонные и меховые, пшено в мешочках, калоши и прочее барахло. В другом мешке — такая же история. Подзываю я бойца, который заподозрил гитлеровцев в идейности, и говорю: «Видишь, что у них в мешке?» — «Вижу».— «Ну вот, говорю, и вся их идея, за какую они сражались. Идея-то их целиком в мешок влезет, а подкладка у нее ситцевая. Понятно?» — «Понятно теперь»,— говорит красноармеец и смеется.

Старик внимательно выслушал лейтенанта, потом заговорил, и в голосе его зазвучало нескрываемое превосходство:

— Не так ты говоришь, сынок, хотя ты и командир по чину! Не знаешь ты, что такое идея, а вот я тебе объясню. Наш председатель колхоза Иван Иванович

Черепица, бывало, скажет: «Есть у меня, граждане, идея плотину на Сухой балке насыпать и зеркального карпа в том пруду разводить». Всем миром взялись, сделали и перед войной уже полторы тонны карпа на базар вывезли, не считая того, что пошло на общественное питание.

Или так скажет: «А как, граждане колхозники, насчет такой идеи, чтобы мельницу-турбинку построить?» Глядишь — спустя время мельница готова, и даже из соседних колхозов везут к нам зерно молоть. Такая же была идея и с пасекой, и с шленскими овцами, и мало ли еще с чем по хозяйству.

Теперь тебе понятно, что означает идея? Это, милый человек, означает такое дело, от какого происходит народу одна польза. А ты это хорошее слово к грабежу припрягаешь. Грабеж, он так и называется грабежом. Грабят фашисты? Очень даже грабят? Значит, слово это им недоступное, и рядом с фашистами его ставить нельзя, а то оно вымажется около этих сукиных сынов. Молодые вы люди и кое-чего в жизни недопонимаете. Это я точно говорю!

* * *

...Враги еще дерутся с ожесточением, поговаривают даже о весеннем наступлении, но весной будут воевать не те гитлеровцы, которые топтали нашу землю в прошлом году. Под сокрушительными ударами Красной Армии полиняли они, и полиняли безнадежно. Пленный обер-ефрейтор 3-й роты 160-го мотострелкового батальона 60-й мотодивизии Вильгельм Войцик говорит:

— Слова «домой», «назад в Германию» сделались просто паролем среди солдат.

Этот не лишенный наблюдательности ефрейтор на вопрос о том, каково качество поступавших в батальон резервистов, заявил: «Появилась новая черта в солдатах пополнения: они все время молчат и очень много курят».

Любопытная черта! Что ж, пусть попробуют наступать с такими резервистами.

1942

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКИМ ДРУЗЬЯМ

Вот скоро уже два года, как мы ведем войну — войну жестокую и тяжелую. О том, что нам удалось остановить и отбросить врага, вы знаете. Вы, может быть, недостаточно знаете, с какими трудностями для каждого из нас связана эта война. А мне хотелось бы, чтобы наши друзья знали об этом.

В качестве военного корреспондента я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах. Сейчас я пишу роман «Они сражались за Родину». В нем я хочу показать тяжесть борьбы людей за свою свободу. Пока же роман недописан, я хочу обратиться к вам не как писатель, а просто как гражданин союзной вам страны.

В судьбу каждого из нас война вошла всей тяжестью, какую несет с собой попытка одной нации начисто уничтожить, поглотить другую. События фронта, события тотальной войны в жизни каждого из нас уже оставили свой нестираемый след. Я потерял свою семидесятилетнюю мать, убитую бомбой, брошенной с немецкого самолета, когда немцы бомбили станицу, не имевшую никакого стратегического значения, осуществляя свой разбойничий расчет: они попросту хотели разогнать население, чтобы люди не могли увести в степи скот от надвигавшейся немецкой армии. Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей — и по профессии, и моих земляков — на фронте. Долгое время я был в разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности

помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личное горе каждого из нас. Из этих тяжестей складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны. Личное наше горе не может заслонить от нас мучений нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумели еще рассказать миру.

Ведь надо помнить, что огромные пространства нашей земли, сотни тысяч жизней наших людей захвачены врагом, самым жестоким из тех, что знала история. Предания древности рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станицы, хутора моих земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого манией крови вождя.

Эту же судьбу гитлеризм готовит всем странам мира — и вашей стране, и вашему дому, и вашей жизни.

Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед. Мы очень ценим вашу дружескую, бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну. Я сам видел ваши грузовики в донских степях, ваши прекрасные самолеты в схватках с теми, которые бомбили наши станицы. Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки.

Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат.

Если территория не позволит нам драться в буквальном смысле слова рядом, мы хотим знать, что в спину врагу, вторгнувшемуся в нашу землю, обращены мощные удары ваших армий.

Мы знаем огромный эффект бомбардировки вашей авиацией промышленных центров нашего общего врага. Но война — тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо.

1943

МОГУЧИЙ ХУДОЖНИК

Алексей Толстой — писатель большой русской души и огромного разностороннего таланта. Любовь миллионов читателей, которую он снискал своим долголетним творчеством, кипучим неустанным трудом и высокой требовательностью к слову, велика и заслуженна.

Детская сказка, исторический роман или военный очерк — все в строгих и взыскательных руках Толстого обретало искрящиеся жизнью краски и поражало своей почти осязаемой, скульптурной выпуклостью, могучим мастерством истинного художника.

В своих публицистических статьях в дни Великой Отечественной войны Толстой-писатель, пламенно любивший родину и всем сердцем ненавидевший фашизм, заговорил гневным языком трибуна, и к голосу его с напряженным и пытливым вниманием прислушивались бойцы на фронте и те, кто в тылу помогал Красной Армии добывать победу.

В тяжелые для родины дни, когда гитлеровцы рвались к Москве, Толстой, верный сын разгневанной России, исполненный глубокой веры в свой народ, воскрешал перед советскими людьми историческую славу русского прошлого, заветы наших великих предков. «Сдюжим!» — звучало в его статьях. И сами заголовки статей Толстого звучали как призывы: «К подвигам, к

славе!», «Упорство», «Самоотверженность», «Вера в победу», «Разгневанная Россия», «Несокрушимая крепость», «За Советскую Родину!», «Я призываю к ненависти».

Простыми и волнующими своей душевностью словами выразил он свою любовь к Советской отчизне в статье «Что мы защищаем», написанной 27 июня 1941 года:

«Моя родина, моя родная земля, мое отечество, в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...»

В другой статье он вдохновенно писал о советском человеке, о «психологии советского и, в первую голову, русского человека, который, крепко хлебнув от напитка свободы, познал, что помимо человекоубийственных цифр германского империализма, под живоносным солнцем существует высшая справедливость... и существует Советская родина — страна отцов и дедов, уготованная для счастья сыновьям нашим и внукам».

В благодарной памяти народа не забудутся эти слова любви и веры, сказанные в тяжелые дни.

Толстой был верным продолжателем лучших традиций русской литературы и ревнивым хранителем чистоты русского языка. Молодое поколение советских писателей, чьим верным другом всегда был Толстой, многим обязано ему.

В дни войны Толстой-художник не ограничивался публицистическими выступлениями и напряженно работал над монументальными художественными произведениями — романом «Петр I» и драматической повестью «Иван Грозный».

Все мы испытывали чувство большой, теплой радости оттого, что вот он — жизнелюбивый, брызжущий искрометным русским талантом, Толстой живет и творит рядом с нами, с любовью и надеждой следили за его творчеством, жадно листали страницы журналов в поисках его имени... Тем тяжелее и горше теперь постигшая нас утрата.

Еще в первые дни войны Толстой писал:

«Разбить армии «Третьей империи», с лица земли смести всех «наци» с их варварски-кровавыми замыслами, дать нашей Родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития по пути высшей человеческой свободы — такая высокая и благородная задача должна быть выполнена нами, русскими, и всеми братскими народами нашего Союза».

И становится по-человечески грустно, что он не дожил до дня окончательной нашей победы, которая так близка.

1945

ИЗ РЕЧИ НА ПОХОРОНАХ А. Н. ТОЛСТОГО

Большую потерю понес наш народ. Сильна горечь утраты. Умер большой писатель, посвятивший всю свою жизнь, свой могучий талант родному народу.

Алексей Толстой — писатель большой русской души и разностороннего, яркого дарования. Он находил простые, задушевные слова, чтобы выразить свою любовь к Советской отчизне, к ее людям, ко всему, что дорого сердцу русского человека. Он находил страстные, раскаленные гневом слова, клеймя ими фашистских извергов, которые пытались надеть ярмо раба на русского человека, на советских людей.

В благодарной памяти народа не забудутся слова любви и веры, сказанные писателем в грозные дни, которые переживала наша родина.

1945

ПОБЕДА, КАКОЙ НЕ ЗНАЛА ИСТОРИЯ

(Из статьи)

Если в мировой истории не было войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941—1945 годов, то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия.

В Восточной Пруссии после взятия нашими войсками города Эйдткунена на стене вокзала, рядом с немецкой надписью «До Берлина 741,7 километра» появилась надпись на русском языке. Размашистым почерком один из бойцов написал: «Все равно дойдем. Черноусов».

Какая великолепная уверенность в этих простых словах русских солдат! И они дошли, да еще как дошли, навсегда похоронив под развалинами разбойничьей столицы бредовые мечтания гитлеровцев о мировом господстве.

Пройдут века, но человечество навсегда будет хранить благодарную память о героической Красной Армии.

1945

РЕЧЬ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ В СТАНИЦЕ ВЕШЕНСКОЙ

Товарищи избиратели! Разрешите поблагодарить за высокую честь и доверие, которые вы мне оказали, выдвинув своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Мне приятно выступать перед вами — моими одностаничниками. Все вы меня знаете хорошо, и я вас отлично знаю каждого. Поэтому я не буду говорить о себе. Скажу несколько слов о предстоящих нам с вами задачах. Советское правительство и наша партия требуют от нас скорейшего залечивания ран, нанесенных войной. Надо приложить все старания к восстановлению разрушенного хозяйства. Возрождая сельское хозяйство, тем самым мы усилим мощь нашей родины.

Нам, вешенцам, помимо общих задач, которые мы будем решать вместе со всем народом, предстоит возродить былую славу и красоту своего района. На возрождение Вешенского района правительство отпустило большие средства. Но надо еще много приложить сил и старания для использования местных возможностей. Наша задача — в ближайшие год-два превратить разрушенную Вешенскую станицу в красивую, благоустроенную станицу, какой она была в довоенные годы.

Депутатские обязанности сложны. Депутат должен быть чутким ко всем просьбам и жалобам избирателей. Депутат — активный деятель, ревностный наблюдатель того, как на местах проводятся в жизнь решения правительства.

Я обязуюсь служить вашим интересам. Моя основная профессия — писатель. Я на литературном поприще буду работать так, чтобы вам не было стыдно за меня.

1946

ВЕЛИКИЙ ДРУГ ЛИТЕРАТУРЫ

Со смертью Михаила Ивановича Калинина, кончину которого с глубокой скорбью оплакивает сейчас весь советский народ, наша литература потеряла великого друга и подлинного, строгого ценителя писательского труда.

Воспитанный на русской классической литературе, безупречно знавший ее и до конца жизни любивший лучшие ее творения чистой, по-юношески свежей любовью, Михаил Иванович всегда проявлял живейший интерес и к молодому слову современных писателей.

Всего лишь два месяца назад мне довелось видеться с Михаилом Ивановичем. Внимательно расспросив о моих творческих планах, о том, как идет работа над романом «Они сражались за Родину», он сказал:

— Я давно хотел вас видеть, чтобы поговорить о вашей книге. Признаться, я побаивался, как бы вы, работая над романом об Отечественной войне, не упустили из виду следующего, как мне кажется, весьма важного обстоятельства,— и Михаил Иванович подробно изложил и обосновал, что, по его мнению, должно бы быть отображено в будущей книге.

Когда в ответ я сказал, что это входит в мои замыслы и что я непременно, в меру моих сил, постараюсь об этом написать, Михаил Иванович, сворачивавший папироску, исподлобья, из-под блеснувших очков весело взглянул на меня и, улыбнувшись милой стариковской улыбкой, как бы озарившей на миг все его лицо, сказал:

— Ну, вот и хорошо. Очень хорошо! Стало быть, опасения мои были напрасны.— И, уже посерьезнев,

продолжал: — Поймите, мы, читатели, хотим от вас, писателей, не просто книг, а хороших книг, глубоко и всесторонне отображающих нашу жизнь. Этим обстоятельством и объясняется мое, так сказать, «вмешательство» в ваши планы. А о таком грозном событии, как минувшая война, из которой наш народ вышел с победой, с великой честью, мы тем более хотим читать настоящие книги, такие книги, которые жили бы, ну, скажем, десятилетия, если не говорить о большем. А то ведь как у некоторых писателей получается? Не выносил, не выстрадал, не обдумал как следует, поспешил, и вот, извольте, готова книга-поденка, а то, чего доброго, и две в год. А ты ее сегодня прочитал, а назавтра, смотришь, уже забыл этого капитана или лейтенанта — основного героя произведения,— и героиню забыл, и фамилии их не помнишь, и содержание книги с трудом восстанавливаешь в памяти... Прошли перед тобой не живые люди, а серые, бесплотные тени, как же их упомнить? А если к этому добавить еще плохой язык автора и далеко не безупречную форму произведения, то и помнить-то незачем. Вот и выходит, что труд типографских рабочих, издательского аппарата, бумага, средства — все затрачено напрасно. Бесплодно будет потрачено и дорогое время читателей.

Недавно один писатель прислал мне пухлую книгу, изданную областным издательством, и письмо. В письме жалуется, что Союз писателей его затирает, не выдвинули книгу на соискание Сталинской премии, а книга, по его словам, достойна премии. Хоть и плохо у меня со зрением, но прочитал я этот объемистый труд. Прочитал и не ответил автору.— Михаил Иванович безнадежно махнул рукой, заулыбался.— Нехорошо, конечно, поступил, но иначе не мог. Книга не только Сталинской премии не достойна, но не достойна даже издания. Что же отвечать такому автору, у которого таланта ни на грош, а самомнения хоть отбавляй? Он, пожалуй, и мне бы не поверил. А вот старому умному писателю, который тоже не так давно прислал мне свою новую, но плохую книгу, я ответил... Ответил, что книга плохая, холодная. Так и сказал: плохая книга!

Михаил Иванович помолчал и, постукивая по столу

пальцами, улыбаясь чему-то, может быть своим воспоминаниям, продолжал:

— Лет около пятидесяти тому назад, в тюрьме в Тифлисе, попалась мне книга известного писателя. В камере я был один, и книга у меня была одна. Читал я ее и перечитывал буквально десятки раз! Казалось бы, надо на всю жизнь запомнить эту книгу! А получилось так: только вышел на свободу и тотчас же забыл! И перечитать за всю жизнь, знаете ли, ни разу не потянуло. Не настоящая книга мне тогда попалась... А вот Толстого или Чехова раз прочитаешь и на всю жизнь запомнишь, перед глазами стоит. Станешь перечитывать — все знакомое, словно не сорок лет назад читал, а только вчера... Правда, бывают и у «бессмертных» писателей такие произведения, что прочитаешь труд, по форме совершенный, но написанный равнодушной рукой, и у тебя на душе становится холодно, вот так холодно, как будто руку на мрамор положил...

Михаил Иванович положил на стол свою маленькую, старчески сухую руку, и так выразительно и впечатляюще было это скупое, подчеркивающее высказанную мысль движение, что на нас, присутствующих, словно бы пахнуло мертвящим холодком безжизненности мрамора.

— А хорошая книга, по-моему, та, у которой под обложкой жизнь пульсирует, как кровь под кожей, которая запоминается если не навсегда, то надолго, которую еще раз захочется перечитать... Чеховскую «Степь» вы помните? — спросил, оживляясь, Михаил Иванович и с увлечением заговорил о Чехове, Толстом, Горьком.

Потом он пытливо расспрашивал о жизни колхозников на Дону и, вспомнив свою поездку на фронты гражданской войны, задумчиво сказал:

— Хороший там народ, как и везде у нас. С таким народом и воевать и строить можно. Особенно хороши у вас там женщины: трудолюбивые, упорные, с характером. Тогда, бывало, они при встрече со мной не ныли, не плакали, что вот, мол, ситца нет, мыла нет, иногда, когда уже сильно за живое брало, помню, поругивались... основательно поругивались...— И, посмеиваясь, прищурившись с эдакой крестьянской, непростой хит-

рецой, сказал: — Что же, по-моему, лучше выругаться, когда невтерпеж, чем ныть и хлюпать, а? Как вы думаете?

С любовью говоря о несокрушимой жизнеспособности нашего народа, Михаил Иванович рассказал о таком случае:

— Тогда же, в двадцатых годах, в ваших краях проездом заехал я как-то на пасеку. Война только кончилась, пасека разорена, медком-то побаловались и белые и наши... А пасечник-старик встречает меня веселый, оживленный. Спрашиваю: «Ну, как живешь, дедушка?» — «Хорошо, Михайло Иваныч!» — «Чем же хорошо? Война-то разорила?» — «Тем и хорошо, что разорила, да не совсем: из сорока ульев один остался, и то — слава богу! Семья в этом улье могучая, скоро пчелки отраиваться будут. Приезжай, Михайло Иваныч, годика через три, пасеку не узнаешь, а сотовым медом дорогого гостя и сейчас угостить могу».

Прощаясь со мной, Михаил Иванович спросил, когда я думаю закончить первую книгу. Я назвал приблизительный срок.

— Тогда я еще дождусь и почитаю,— сказал он.— А впрочем, вы не торопитесь и не особенно считайтесь с нашим читательским желанием: наше дело жать на писателя, чтобы книга была поскорее, а ваше дело — создать такую книгу, чтобы она была достойна внимания народа, которому вы служите. В конце концов за книгу будете отвечать вы, а не читатель. Об этом не забывайте! — напутствовал меня Михаил Иванович.

Сейчас, когда еще свежи горечь и боль понесенной утраты, вспоминаются эта последняя встреча с Калининым и рассказанный им разговор со стариком пасечником. И невольно думается: кипит в светлом и чистом созидательном труде огромный советский улей, восстанавливает после войны свое хозяйство наша могучая родина. Пройдут многие годы, и потомки наши, проходя Красной площадью и склоняя головы перед Мавзолеем величайшего из людей нашей эпохи, с любовью и благодарностью остановятся и перед могилой того, кто всю свою жизнь отдал на служение родине, был верным товарищем Ленина в его борьбе за счастье людей на земле.

1946

СЛОВО О РОДИНЕ

Зима. Ночь...

Побудь немного в тишине и одиночестве, мой дорогой соотечественник и друг, закрой глаза, вспомни недавнее прошлое, и мысленным взором ты увидишь:

...Холодный, белесый туман призрачно клубится над лесами и болотами Белоруссии, над пустыми, давно покинутыми блиндажами, заросшими пожухлым папоротником, над обвалившимися траншеями и налитыми ржавой водой стрелковыми ячейками. Тускло мерцают на дне их позеленевшие от времени гильзы винтовочных патронов...

Под густым северным ветром клонят вершины и глухо шумят иссеченные осколками сосны Смоленщины и Подмосковья.

Споро идет белый, пушистый снежок, словно спешит прикрыть истерзанную войной, священную для нашего народа землю в окрестностях бессмертного города Ленина.

Солнечные тени скользят по воскресшим полям Украины, много раз перепаханным снарядами, все еще помнящим громовые гулы невиданных боев.

Возле Курска и Орла, возле Воронежа и Тулы над исконной русской землей, три года стонавшей под тяжестью десятков тысяч танков, стелется косая метель; падают с деревьев последние, сожженные заморозком листья, и всюду — в полях, на большаках и проселках, вдоль и поперек, шаг за шагом исхоженных терпеливыми

ногами нашей лучшей в мире пехоты,— краснеют они, как выступающая из-под снега кровь.

В бескрайних степях под Сталинградом, где каждый клочок земли, словно зерном, засеян осколками некогда смертоносного металла, где в прах и тлен превратились отборные гитлеровские дивизии, заволжский злой ветер гонит перекати-поле, такое же мрачное, ржаво-бурое, как и разбросанные всюду по степи остовы застывших навеки немецких танков и автомашин.

А в Крыму, в голубых предгорьях Кавказа еще плавают в прозрачном похолодевшем воздухе ослепительно-белые нити паутины. Погожими утренними зорями там, где когда-то не затихали бои, окопы и воронки, опушенные по краям лохматым бурьяном, как серебряной сеткой, затянуты паутиной, и каждая ниточка ее прогибается и тихо дрожит, вся унизанная крохотными блистающими слезинками росы...

Но от Сталинграда до Берлина и от Кавказа до Баренцева моря, где бы, мой друг, ни остановился твой взгляд, всюду увидишь ты дорогие сердцу матери-родины могилы погибших в сражениях бойцов. И в эту минуту ты острее вспомнишь те бесчисленные жертвы, которые принесла твоя страна в защиту родной Советской власти, и величественным реквиемом зазвучат в твоей памяти слова: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей родины!»

Вспоминая прошлое, ты невольно подумаешь, ты не сможешь не подумать и о том, как много осиротевших людей стало на твоей родине после войны. В эту долгую и просторную для горестных воспоминаний зимнюю ночь не одна вдова, потерявшая в войне мужа, оставшись наедине с собой, прижмет к постаревшему лицу ладони, и в ночной темноте обожгут ей пальцы горячие и горькие, как полынь, слезы; не одно детское сердце, на всю жизнь раненное смертью того, кто, верный воинскому долгу и присяге, погиб в бою за социалистическую родину, сожмется перед сном от случайного воспоминания с недетской тоской. А быть может, будет и так: в маленькой комнатке, где грустная тишина живет уже годами, подойдет старик к своей седой жене-подруге, без слез оплакивающей погибших сынов, взглянет в

тусклые глаза, из которых самое горькое на свете, материнское страдание выжало все слезы, скажет глухим, дрогнувшим голосом: «Ну, полно, мать, не надо... Ну, не надо же, прошу тебя! Не у нас у одних такое горе...» — и, не дождавшись ответа, отойдет к окну, покашляет, проглотит короткое, как всхлип, сухое старческое рыдание и долго молча будет смотреть в затуманенное стекло невидящими глазами...

Мой дорогой друг и соотечественник! Пусть не стынет наша ненависть к врагу, даже поверженному! И пусть с удесятеренной яростью кипит, клокочет она в наших сердцах к тем, кому нет названия на человеческом языке, кто все еще не насытился прибылями, нажитыми на крови миллионов, кто в сатанинском слепом безумии готовит исстрадавшемуся человечеству новую войну!

Их зловещие имена с проклятиями, с гадливостью произносит каждый честный человек в мире, они обречены историей на черную погибель, и время со всей старательностью уже плетет для них надежные удавки. Но пока они живы, пока, не скупясь, отсыпают миллиарды долларов на создание атомных бомб, на подготовку новой чудовищной войны,— пусть живет и наша неистребимая ненависть к ним. Она пригодится в нужную минуту!

Вспомни, друг: за тридцать лет существования Советской власти Страна Советов не знала поражений ни в войнах, ни в преодолении любых трудностей; ценою неслыханных жертв и народных страданий мы вышли победителями и в последней, величайшей из войн. Но жертвы, принесенные во имя спасения родины, не убавили наших сил, а горечь незабываемых утрат не принизила нашего духа.

Бывает так, что по соседству с пшеничными полями, в цветущем густом разнотравье сизым дымом расстелется, раскустится степная полынь, и вот хлебное зерно, наливаясь и зрея, вбирает в себя полынную горечь. На баловство, на кондитерские изделия мука из такого зерна не годится. Но хлеб от горьковатого привкуса не перестает быть хлебом! И благодатным кажется он тому, кто работает, умываясь соленым потом,

и ту же щедрую силу дает он человеку, чтобы назавтра было что тратить ему в горячем и тяжком труде!

С дивной, сказочной быстротой врачует народ-созидатель нанесенные войной раны: поднимаются из руин разрушенные города и сожженные села, вернулись к жизни шахты родного Донбасса, уже золотится хлебная стерня на тех полях, где два года назад чертополохом, злою непролазью дико щетинился бурьян, дымят трубы восстановленных заводов и фабрик, новые промышленные предприятия зарождаются там, где недавно были глушь и запустение. И даже бывалый, видавший виды советский человек, давно уверовавший в творческую силу своего трудового гения, узнав о досрочном пуске восстановленного гиганта металлургии или о всесоюзном рекорде доселе неизвестного стране стахановца, в радостном изумлении разводит руками.

А гордость родины — ленинградский рабочий класс — уже зовет трудящихся на завершение пятилетки в четыре года. И уже зримо встают перед глазами величавые контуры новой, прекрасной жизни...

Поистине невиданно могущественна партия, сумевшая организовать, воспитать, вооружить и повести за собой народ на свершение небывалых в истории подвигов! Поистине велик и непобедим народ, сумевший не только отстоять свою независимость и разгромить всех врагов, но и стать светочем надежды для трудящихся во всем мире!

Быть верным сыном такого народа и такой партии — это ли, мой друг, не самое высокое счастье в жизни для нас и наших современников? И не нас ли, ныне живущих, окрыляет на неустанный труд и новые подвиги суровая ответственность за судьбы отчизны, за дело партии, ответственность, которую мы несем не только перед грядущими поколениями, но и перед светлой памятью тех, кто сражался и шел на смерть, защищая родину.

* * *

В памятные ленинские дни трудящиеся мира, как и двадцать четыре года назад, как и всегда в день скорбной годовщины, склонят головы, вспоминая того, кто

указал человечеству путь к новой жизни. Он — вождь великой партии и создатель первого в мире социалистического государства — сказал в 1919 году незабываемые слова:

«Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. Вот почему, как ни клевещут на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся».

«Советская власть,— говорил Владимир Ильич,— есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый».

Наша страна, страна победившего социализма, стоит несокрушимо в мире.

Друзья знают, из какого неиссякаемого источника черпали и черпаем мы силы и для войны, и для мирного труда.

Враги остаются врагами: иные просто клевещут, клевещут с присущей им наглостью, примитивно и грубо, другие второпях вытаскивают из пыльных архивов изрядно траченные молью рассуждения о «загадочности славянской души», о «русском фанатизме» и, стыдливо прикрывая свое убожество и низость этими обветшалыми одеждами, делают вид, что никак не поймут, откуда берется всесокрушающая сила у советского народа.

А народ ценою долголетних страданий и великой революционной борьбы нашел для себя единственно справедливую власть, со всей решительностью и мужеством утвердил ее своей кровью, своим трудом, и никакие силы не смогут поколебать его веру в эту власть.

Как духовно преобразился русский человек, и в частности крестьянин, за время существования советского строя, какие новые и чудесные качества он обрел за годы пятилеток, уже будучи колхозником,— отчетливее видишь, сопоставляя недавнее прошлое с нынешним днем.

* * *

В январе 1930 года, когда на Дону проходила сплошная коллективизация, мне пришлось ехать со станции Миллерово в Вешенскую. Ни мой возница, ни я не тешили себя надеждами за короткий срок проделать сто шестьдесят восемь километров пути. Лошади были усталые, дорога, судя по рассказам, несносная — почти на всем протяжении в ухабах и выбоинах,— в степи курилась поземка, а густые лиловые тучи, стоявшие на востоке угрюмой грядой, обещали близкую непогодь.

Мы выехали с рассветом. Горький запах угольного шлака и дыма топящихся печей сменился за городом пресным и чистым дыханьем молодого снега, ароматом степного сена, растерянного по обочинам дороги, и терпким душком лошадиного пота. Глухое зимнее безмолвие нарушалось лишь скрипом полозьев, фырканьем лошадей да изредка, на спуске в глубокую рытвину, стуком барков о дышло саней.

Возница мой — бородатый, пожилой, но все еще, несмотря на годы, по-молодому статный казак с шельмовскими, глубоко запрятанными глазками и лихо зачесанным чубом — оказался человеком на редкость словоохотливым. Вначале он молча правил лошадьми, меланхолически посвистывая, думая о чем-то своем; я видел только его широкую спину, туго обтянутую нагольным полушубком, бурую, в морщинах шею да заиневший чуб, выбившийся из-под ухарски сдвинутого набок треуха, но стоило мне задать ему какой-то вопрос, как он тотчас же повернулся ко мне лицом, подоткнул под сиденье вожжи и, улыбаясь, заговорил:

— Поглядел бы, братец ты мой, что у нас на хуторах творится... Не дай и не приведи!

— А что?

— Да ведь колхозы же начались, ну, и заседает народ на собраниях, как и в Москве небось не умеют заседать!

— Как же это?

— Да так, что по трое суток подряд, днем и ночью!

— И многие вступили в колхоз у вас на хуторе?

— Раскололись пополам: часть вступила, а осталь-

ные пока еще мнутся, как овцы перед воротами на баз. А заседают все сообща и там же на драку сходятся, как молодые кочета... Там и смех и грех, всего не оберешься!

Сосед у меня есть, Михей Фомич, старичок он крайних годов, а с собрания выходит только по вострой стариковской надобности, а так — и ночует в сельсовете, и кормится там же. Старуха принесет ему щей в чугунке, ну, пока она по снегу добредет, щи начисто остынут; похлебает Фомич холодненького и опять сидит, как гвоздь в стене... Страсть какой активист оказался!

— Колхозник?

— Какое там колхозник! Он активист с обратной стороны, из богатеньких середняков. Прямо супротив колхоза не выступает, а потихонечку сидит в задних рядах и яд пущает, то из Священного писания, а то и сам от себя чего придумает. Перед поездкой пошел и я на собрание. Сидим тесно, я — с краю, по левую руку от меня — этот самый Михей Фомич, рядом с ним — вдовая женщина Ефросинья Мельникова. И вот Фомич и зудит, и зудит свое, слушать не дает. Она ему раз сказала: «Не мешай», два сказала, но он не унимается. Один приезжий партейный из района про колхоз рассказывает, а Фомич знай свое нашептывает: и то, мол, будет нехорошо, и другое вовсе плохо... А потом толкнул Ефросинью локотком и говорит потихонечку: «Сначала скотину заставят обществить, бабонька, а после и под общую одеялу спать загонят. Это мне верный человек говорил». Она, возьми, в шутку и скажи ему: «Что ж, мое дело вдовье, я в убытке не буду, только, не приведи бог, с тобой рядом придется спать,— тогда хоть из колхоза выписывайся». Ну, Фомич почуял недоброе и уже погромче спрашивает: «Это, то есть, почему же такое, паскудница ты этакая?» Фроська на эти слова рассерчала и уже вовсе громко говорит: «А потому, старый черт, что от тебя, как от пустого амбара, за версту мышиным пометом воняет!» Слово за слово — и завелись. Он ей: ты, мол, и бесстыжая, и такая-сякая, и про бога забыла, а она ему: «Тебе, подкулачнику, хорошо против колхоза говорить, у тебя две пары быков, пара лошадей, а я с одной коровенкой всю жизнь должна нужду

трепать?» Он ее — ядреным словом, а она его — бабьим нескладным матом, ну, и дошло у них дело до драки. Фомич, как при старом режиме, платок с нее сбил и — за прическу. Ефросинья, не будь дура, за бороденку его ухватилась. Баба она молодая, при силе, сколько захватила в горсти волосьев — все у нее в руках и осталось. Насилу растянули их, ей-богу. После этого глянул я на Фомича, а у него полбороды как корова языком слизнула. Смех меня разбирает, но я скрепился и говорю: «Не ходи ты, Михей Фомич, на эти собрания, а то тебя бабенки ощипают, как резаного кочета, и пуху на развод не оставят». А он этак гордо на меня поглядел и говорит: «Последнего волоса лишуся, но с собрания не уйду!» Ужасный какой активист оказался, сроду и подумать нельзя было...

— А ты-то вступил в колхоз, Прокофьевич? — поинтересовался я.

Прокофьевич степенно разгладил каштановую с рыжеватым подсадом бороду и плутовски сощурил голубые беспокойные глазки.

— Я не спешу...

— Что так?

— Видишь, какое дело, на свадьбе или еще при какой гулянке я не спешу вперед людей за стол садиться. Когда после других с краю сядешь — при нужде скорее из-за стола вылезешь...— И, чтобы у меня не оставалось никаких сомнений насчет его иносказания, добавил: — А может, за столом мне не понравится,— так за каким же нечистым духом я в самую серёдку, под божницу попрусь?

Смеясь, я сказал ему, что если долго выжидать и раздумывать, то можно совсем за стол не попасть. Но Прокофьевич упрямо мотнул головой.

— Я востро кругом гляжу! В колхоз и меня приглашают, по достатку я самый что ни есть колеблющий середняк: пара лошадей и немудрящая коровка — все имущество. Но только раз уж я колеблющий, как меня на собраниях обзывают, то я и хочу приглядеться как следует к этому колхозу, а сторчмя головой в него кидаться — все как-то не того... не очень, чтобы...

— Страшновато?

— Нет, на испуг я неподатливый, а опаску имею. На всякий случай имею. Ты вот лучше скажи: какой жизни надо дюжей опасаться, колхозной или единоличной? Боюсь ошибку понесть, потому что смолоду ученый и знаю: иной раз беды ждешь с одной стороны, а она на тебя — шасть — с другой, ну, и будь здоровенький! К примеру расскажу тебе такое: тридцать лет назад сосватали мне покойные родители невесту, и не в своем хуторе, а в чужом. Поехали невесту глядеть. И парень я был геройский, а как глянул на нее в первый раз,— сердце оборвалось и только чую, что оно у меня уже где-то в глотке бьется... Вижу: стоит передо мной бой-девка, глаза отважные, с искрой, а сама красоты невозможной, как цветок лазоревый! Смотрит она на меня, а я слова не могу сказать, молчу, как мертвый. Ну, оставили нас одних в горнице, сидим мы рядом на сундуке, а я все молчу, оглядываю ее, глазами моргаю. Одно мне на вид кинулось: уж дюже у нее ручонки мелкие, прямо как у дитя. Я еще тогда, помню, подумал: с такими руками она и навильника не подымет, какая же из нее будет работница в хозяйстве? Головой думаю, а язык все не ворочается. Долго мы так молчали. Она терпела-терпела, а потом нагнулась ко мне и шепотом спрашивает: «Да ты, кажись, немой?» Я только головой помотал, а слова опять же не скажу, не получается, хоть плачь! Тогда она брови сдвинула и строго так говорит: «А ну, покажи язык! Может, ты его в дороге при тряске откусил?» Я сдуру возьми да и высунь язык... Ох, черт, до нынешнего дня стыдно, как вспомню, каким дураком тогда оказал себя! И тут она так засмеялась, что аж слезы у нее из глаз брызнули! Смеется, руки к груди прижала, от смеха не продыхнет, а сама шумит: «Маманя, иди сюда! Погляди на него! Да он же чисто глупой! Как же я за него замуж пойду?» Во, брат, как оно, дело-то, для меня гадостно обернулось!

И зло меня на нее взяло, и самому засмеяться охота, а тут как глянул нечаянно на ее зубы и опять обмер: зубы у нее белые-пребелые, прямо кипенные, один к другому слитые, вострые, и полон рот их у нее, как у волка-переярка. «Ну, вот это, думаю, попался я! Такими зубами смело можно телка-летошника разорвать, а что

же со мной будет, когда женюсь? В случае какого семейного неудовольствия руками она со мной не совладает — мелковаты у нее ручонки для драки,— а, не дай бог, пустит зубы в дело,— и полетит с меня кожа клочьями! Она же из моей шкуры легочко может ремней на две шлеи надрать».

И то ли с испугу, то ли со злости, но только язык у меня стал ворочаться, и я говорю: «Гляди, девка, ныне ты смеешься, а выйдешь за меня — как бы плакать не пришлось». А она мне в ответ: «Слепой сказал — поглядим. Это еще неизвестно, кто от кого будет плакать!»

На том и сошлись. И ты думаешь, зубами она надо мной власть взяла? Как бы не так!

Нет, зубы она об меня не тупила, не попустил господь. У нее — даром, что старуха,— и сейчас их полон рот, и вишневые камушки она, проклятая, щелкает, будто подсолнуховые семечки грызет. Маленькими руками она власть захватила! Год от году потихонечку брала надо мной верх, а теперь я, может, и взноровился бы, да поздно, приобык к хомуту, притерпелся к беде, как паршивая лошаденка к коросте. В пьяном виде — я смирный человек, в трезвом — еще смирнее, вот она, вражина, и руководствует надо мною, как ей вздумается.

Иной раз в праздник соберемся мы, пожилые казаки, ну, выпьем на складчину по литре на брата, про старое вспомянем, кто где служил, кто с кем воевал, песни заиграем... Но ведь как жеребенку на лугу ни взбрыкивать, а придет время и к матке бежать. Прийду домой на голенищах или вроде этого, а жена уже в дверях ждет и сковородник, как ружье, наизготовке держит. Это, конечно, длинная музыка про все рассказывать, это даже неинтересно объяснять... Одно скажу: научила она меня спиной двери отворять, тут уж нечего греха таить. Какой бы выпитый ни был, а как только дойду до сенцев, сейчас же подаю сам себе команду: «Стоп, Игнат Прокофьевич, налево кру-у-гом!» Поворачиваюсь задом и таким путем вхожу в хату. Так оно получается надежнее, меньше урону несу... Утром проснусь, спина болит, будто на ней горох молотили, возле меня стоит миска с капустным рассолом, а жены нету. С похмелья

я, может, и сорвал бы на ней злость, да ее до вечера сам черт с фонарем не сыщет. Ну, а к вечеру сердце у меня, конечно, перегорит, тут и она является, сладко так поглядывает: «Здорово, Игнат Прокофьевич, как живешь-можешь?» — «Живу, слава богу,— говорю ей,— да жалко, что мне ты с утра не попалась, проклятая, я бы из тебя щепок на растопку натесал!»

Она все упрашивает меня, чтобы я дубовый держак на сковородник сделал, но я тоже себе на уме: деревцо на держак выбираю самое что ни есть трухлявое и тоночко его обстругиваю, лишь бы сковороду держал, не ломался. Так и живем помаленьку...

К чему я все это тебе рассказывал? Да к тому, что при женитьбе опасался жениных зубов, а страдать от ее рук приходится. Так и теперь: опасаешься колхоза, а там, глядишь, как бы от единоличной жизни не пришлось по-волчиному выть... Останешься в этой единоличной жизни,— ну, и язык на сторону! Верно я говорю?

Прокофьевич, посмеиваясь в бороду, подмигнул и сощурился, как бы говоря всем своим плутоватым видом: не так-то я прост и безобиден, как тебе может показаться, а все, о чем шла речь, принимай как угодно, хочешь — в шутку, а хочешь — всерьез...

Несколько минут он молчал, а потом уже без игривых ноток, погрустневшим голосом сказал:

— Чума его знает, куда податься... Ну, поживем — увидим!

И вдруг, приподнявшись на козлах, с неожиданным остервенением вытянул лошадей кнутом, крикнул:

— Прислушались к чужому разговору, чертовы единоличники! Вот я вам покручу хвостами!

Редко перепархивавший снежок вскоре повалил густыми хлопьями, злее подул ветер, по дороге легли косые переносы, и усталые, курчаво заиневшие в пахах лошади, бежавшие тяжелой рысцой, снова перешли на шаг.

В глухую полночь доехали мы до хутора Нижне-Яблонского. Только в одной из хатенок большого хутора сквозь промерзшее, не закрытое ставнями окно тускло светил огонек.

Попросились переночевать. Пока Прокофьевич возился с распряжкой лошадей, я вошел в хату. Около кровати, заваленной каким-то хламьем, на кособокой, низенькой табуретке сидел старик, широко расставив ноги, понуро сгорбившись. В ногах у него, свернувшись клубком на соломенной подстилке, спал маленький черный ягненок. Курчавая шерстка его матово поблескивала, озаренная неярким светом керосиновой лампы. Хозяин как бы нехотя ответил на приветствие, мельком взглянул на меня и снова опустил голову. Большая грубая рука его, свисая с колена, легко и нежно гладила ягненка, толстые пальцы, лишь слегка касаясь, ласково перебирали глянцевито-черные завитки.

Лежавшая на печи старуха сказала:

— Ты бы пошел указал человеку, куда лошадей поставить.

Хозяин молча накинул на плечи зипун, вышел.

— Что-то вы долго не ложитесь спать, или неуправка по хозяйству? — спросил я.

Старуха, явно обрадованная возможностью поговорить с проезжим человеком, охотно отозвалась:

— И-и-и, милый мой, какое у нас теперь хозяйство! Мы, видать, свое отхозяевали... Один ветер по пустым базам гуляет, хозяйничает как хочет. Осталось у нас всего-то две овечки да вот этот ягночишко. Кобель был, да и тот с порожнего двора куда-то подался, нечего караулить стало.

Старуха, кряхтя, приподнялась, свесила с печи обутые в шерстяные чулки ноги и, подслеповато щурясь на желтый огонек лампы, продолжала:

— А старик мой, истинный бог, умом тронулся. Вот уже четвертые сутки никак не спит. С вечеру полежит, а потом зажгет лампу, сядет возле стола, свернет вот этакую цигарку и сидит, и сидит, курит, молчит... Я за эти дни уже и от голоса его отвыкла. К утру, веришь, так надымит, что меня аж удушье давит и в голове кружение. А сказать ему ничего не моги: вызверится на меня глазами, дверью хлопнет и молчком уйдет на баз.

Извечно старым, присущим всем простым женщинам движением старуха подперла щеку рукою, горестно склонила голову.

— И в рот почти ничего не берет четвертый день. Сядет за стол, подержит ложку в руке и опять положит, а сам уж за кисетом тянется, цигарку сворачивает. И как ему этот табачище не осатанеет, в ум не возьму. Весь почернел обличьем, не евши-то, а все курит и курит. Так собой он здоровый, только хворость у него душевная, она его и точит...

— Какая же хворость? — спросил я, втайне уже догадываясь о происхождении стариковой болезни.

И старуха не замедлила подтвердить мое предположение:

— Известно какая, в колхоз мы вступили на этой неделе. Коня мой хозяин отвел, пару быков и корову сам отогнал на общий баз, остались пока одни только овечки. На базу-то без животины все равно как на кладбище...

И, наклоняясь, доверительно зашептала:

— А вчера в садике яблоню срубил на дрова. Это живое дерево-то! Я так и ахнула,— спятил мой старик! Какие скороспелки эта яблоня родила, страсть! А ему уж вроде ничего и не жалко, ничего не надо, как, скажи, все это чужое стало... Никто его в колхоз силком не тянул, сам по доброй воле вписался, а вот поди ж ты, что с человеком поделалось. Перед этим такой веселый был, пришел с собрания, говорит: «Ну, старуха, теперь мы колхозники. Нынче записался. Артелем будем работать. Может, в колхозе не так кормовито будет, зато горб будем меньше гнуть, при старости годов пора нам и отдохнуть». Заплакала я в голос, а он смеется: «Дура, нам, старым, там легче будет, утри глаза!» А как худобу свел с база, так будто кто его подменил... Коров, никак, посулили вернуть, а там кто ж его знает, отдадут, нет ли...

У крыльца заскрипел снег, послышались мужские голоса. Старуха смолкла, проворно укрылась с головой рваным одеялишком.

Гулко гремя смерзшимися валенками, в комнату вошел Прокофьевич, за ним — хозяин.

За ужином Прокофьевич всячески пытался вовлечь хозяина в разговор, но успеха не имел: старик отмалчивался или отвечал коротко, односложно и заметно

тяготился навязчивым собеседником. Обиженный Прокофьевич постелил на лавке полушубок, улегся спать. Старуха, наверное, тоже уснула, лишь хозяин бодрствовал: принес со двора охапку мелко нарубленных дров, затопил печурку, устроенную под кроватью, присел к огню. Почуяв тепло, поближе к печке перебрался и ягненок. Он долго стоял, покачиваясь на расслабленно подогнутых ножках, потом тихонько заблеял, призывая мать, и снова лег у ног старика, уставился на огонь бесовскими, выпуклыми, желтыми глазами; в продольных, косо прорезанных зрачках его трепетали радужные отблески пламени.

— Вот какая насекомая, без году неделю на свете живет, а понимает, где лучше, к теплу жмется.— Старик указал кивком головы на ягненка, чуть приметно улыбнулся.

Долгое молчание было нарушено, и я решился спросить:

— Что ж не ложишься спать, хозяин?

— Сну нету, того и не ложусь.

Как видно, невысказанное горе плескалось уже через край, молчать старику стало невмоготу, и он заговорил, изредка поглядывая на меня ввалившимися, угрюмыми глазами:

— Старикам сроду сладко не спится, а по нынешнему времени — вовсе. Ведь вот кое-кто из служащего народа легко думает об нашей хлеборобской жизни, а понапрасну так думает... Недавно был у нас на хуторе приезжий один, уполномоченный человек из района; как раз пригнал я свою скотину сдавать в колхоз, он и говорит: «Теперь, папаша, воздохнешь ты свободно! Никакой заботы у тебя не будет. Скотину тебе не убирать, об корме для нее не печаловаться. Зимним бытом тебе только и дела будет: поел — да на печь. Разве что весной или в уборку поможешь колхозу по своей силевозможности».

Легкий человек по-легкому и рассуждает. Неужели я в колхоз вступил, чтобы дармоедом быть? Работать мне все одно надо, пока на ногах держусь, пока сила в руках есть, иначе я без дела от скуки ноги протяну! А по его разумению выходит так, что отдал я в общие

руки скотину и вроде перекреститься должен: дескать, слава богу, избавился от обузы! Нет, не так оно получается. Отвел я коня, быков отвел на общественный баз, арбу сдал, бричку на железном ходу, два ярма, всю конскую упряжь, и вот теперь то ли живу я, то ли не живу, сам не пойму, но только белый свет для меня как сквозь туман светит... Побарывает меня тоска, и никакого сладу с ней нету́! Вздумать только, с малюшки возрастал я возле лошадей да быков, всю жизнь кормился от них, до старости дожил при них же, а теперь вот остался без тягла один, как старый пенек в лесу... Не к кому на баз выйти, баз-то пустой... Понимаешь ты это, добрый человек, не к кому выйти! Или, может, ты думаешь, что такое горе пухом на сердце ложится?

Взять хотя бы быков, ведь сколько за ними надо уходу! Летним временем, в уборку, чтобы они в силе были, ночи напролет не спишь, пасешь их, доглядаешь, чтобы к заре далеко не ушли, чтобы потравы в чужом хлебу не сделали. Днем тебе работать надо, а ты, не спавши сколько ночей подряд, как пьяный, качаешься и вилы в руках насилу удержишь. А как только заосеняет, и на всю зиму с этими быками тоже заботы по ноздри: за ночь непременно надо два-три раза к ним наведаться, корму подложить, потому что ночи длинные, сена вволю не кладешь им, иначе они и под ноги будут его метать, и выедать нечисто. А сено берегешь к весне. Какой бы справный бык ни вышел с зимовки, а ежели его весной как следует не кормить, подует теплый ветерок, и ляжет этот бык в борозде, и вот тогда-то ты наплачешься с ним горькими слезами!

То же самое и лошадь требует строгого надгляда: и напои-то ее вовремя, и почисть, и перед поездкой ночью зерна задай либо мески замеси... Так и проходит ночь у хорошего хозяина в беспокойстве да в делах. Потому и спать он привыкает по-заячьи: сам вроде спит, а сам прислушивается, и как только первые кочета прокричали, ему уж некогда вылеживаться, надо вставать.

За пятьдесят лет, как сам стал на хозяйство, и я отвык спать без просыпу, нужда отучила крепко спать, а сейчас и вовсе сна лишился. С вечера вроде забудусь, а около полуночи проснусь — и пропал сон, хоть глаза

выколи. Вчерашнюю ночь вот так же придремал малость, а потом очухался и думаю: «Пора быкам сенца подложить». Встал, обул валенки на босу ногу, оделся, до база дошел и только тогда вспомнил, что бычки-то мои на общественном базу, что пришла мне легкая жизнь... И такая тоска пала на сердце от этой легкой жизни, хуже черной немочи!

...Долго еще, уже сквозь сон, слышал я приглушенный, жалующийся голос старика и его глухое покашливанье. Перед рассветом Прокофьевич разбудил меня. В печурке неярко светились присыпанные пеплом уголья, по ним резво порхали синеватые язычки пламени. Старик спал, сидя на маленькой табуретке, неловко привалившись к кровати. Свесившаяся рука его по-прежнему касалась спины ягненка, узловатые в суставах, крупные пальцы слегка шевелились и вздрагивали.

Потревоженный шагами Прокофьевича, старик заворочался, но положения руки не изменил, словно даже во сне боялся расстаться с ягненком — этой последней жалкой собственностью, живое тепло которой все еще как бы связывало его с недавней единоличной жизнью...

* * *

Я вспомнил этого старика у хутора Нижне-Яблонского, возвращаясь осенью прошлого года из Сталинграда.

Поздней ночью мы приехали в один из колхозов неподалеку от Калача. Так же, как и в 1930 году, единственный огонек во всем селении привел нас к небольшому домику на окраине широкой затравевшей улицы.

Было что-то родное и милое сердцу в озаренной меркнущим лунным светом картине: новые белые хатки и словно караулящие их, устремленные ввысь, пирамидальные тополя. Шофер остановил машину,— и тотчас же повеяло горьким запахом полыни с близкого выгона.

Едва лишь свет автомобильных фар скользнул по серому низенькому забору, на крыльцо вышел человек в накинутой внапашку шинели. Щурясь от света, прихрамывая, он сошел с крыльца, крикнул:

— Колесниченко, ты? — и, подходя к калитке, разочарованно сказал: — Да это легковая... Что за люди? Откуда?

Шофер наш шутливо отозвался:

— До чего же строгий хозяин! Не успели возле его ворот остановиться, а он уже допрос ведет, что за люди да откуда, того и гляди — документы потребует. У вас все тут такие строгие?

Человек в шинели подошел к дверце машины, добродушно говоря:

— Что ж, браток, понадобится — предъявишь документы. Вы же, наверное, на ночлег думаете остановиться? Ну, вот в том-то и дело: время позднее — устраивать вас на квартиру некуда, ночевать будете у меня. А за документы не обижайся — фронтовая привычка... Да к тому же и власть у меня в руках: я председатель здешнего колхоза.

В горнице на широкой кровати спала вместе с двумя детьми пожилая женщина. Она лишь на секунду приоткрыла глаза и снова уснула тем глубоким, всепобеждающим сном, каким спит сильно уставший человек. Хозяин слегка прибавил света в лампе, вполголоса сказал:

— Вы уж извиняйте, но хозяйку будить я не буду, она у меня три ночи не спала, хлеб возила в Заготзерно.

Седина на висках его загорелого лица, твердо сложившиеся морщины на лбу — все говорило о нелегко прожитой жизни.

Ступая на цыпочках, он принес кувшин молока, присел к столу.

— Угощайтесь. Чем богаты, тем и рады.

— Давно председательствуете? — спросил я.

— С сорок третьего... Как только вернулся с фронта, по ранению, так вскорости и заступил председателем.

На вид хозяину было не меньше шестидесяти лет, и шофер удивленно спросил:

— Как же ты, папаша, оказался на фронте? Таких стариков в армию не брали.

Хозяин с шутливой лихостью провел пальцами по усам, сильно тронутым проседью, улыбнулся:

— Попал так же, как и ты, сынок,— одной дорогой. Верно, мой год в армию не брали, но я сам не стерпел

и в сорок втором летом пошел добровольно. Наш секретарь райкома тогда посмеялся: «Куда ты, мол, годен старик, попадешь в пехоту — осрамишься перед молодыми. Ты уж лучше работай бригадиром. Люди и в тылу тоже нужны». Но я ему на это сказал: «Смех тут плохой, товарищ секретарь, если немец вон сколько у нас оттяпал. Раз я иду в армию, значит, я за себя отвечаю. А бригадиром и толковая баба может поработать, вон какую силу они у нас взяли». Ну, и пошел. В саперы меня определяли, в повозочные, но я упросился в пехоту. Правда, при моих годах нелегко было, ох, нелегко! Но ведь пошел-то я своей охотой, значит, надо было терпеть. И под Сталинградом повоевал, и до Курска дошел, а тут, под Прохоровкой, уже выбыл по чистой. Не повезло, пропади ты пропадом: год прослужил и, понимаешь, три раза был раненый. А ведь года-то мои не молоденькие.

Хозяин заметно оживился и заговорил уже чуть громче:

— На молодых и раны-то заживают невидючи: все равно как на молодом деревце, а старику солонее приходится. Уж это точно, по себе знаю. После второго ранения вместе со мной в госпитале, в Тамбове, лежали и безногие. Какие пожилые из них, те и на белый свет не хотят глядеть, лежат желтые из себя, морщеные, всю-то ночь у них охи да вздохи, до утра только и послышишь, как под ними кровати скрипят. Это они, сердешные, с боку на бок ворочаются, думают, как жить будут калеками да чем семьи свои содерживать. Веселого мало в таких ночных думках,— это надо понимать. А молодой — какого ему беса? Он про себя, конечно, страшно горюет, но виду никак не подает. Он утром проснется,— костылей нет,— у них там на всех костылей не хватало,— а он, глядишь, за спинки кроватей, за стены руками хватается и на одной ноге по коридору скачет, как воробей, да еще песенку какую-нибудь веселую про любовь напевает. Вот что она обозначает, молодость-то! Поглядишь на него — вчуже жаль становится, а в то же время завидуешь, думаешь про себя: «Эх, мать честна, мне бы годков двадцать — тридцать скинуть! Может, и я вот так же по-воробьиному, по-хорошему прыгал бы».

Иного молодого привезут с тяжелым ранением, а через две недели, глядишь, он, чертов сын, уже санитарке подмигивает, глаза на нее заводит, вздыхает с лошадиным хрипом и делает на своей морде тысячу таких фокусов, на какие я, допустим, по возрасту моих годов, ну, ни за что не способен! Смотришь на него со стороны — и только диву даешься. А иного пожилого солдатика привезут, уж он лежит, лежит, прокиснет весь от лежания, докторов и сестер замучает, сам себе осточертеет, и рана-то у него не такая, чтобы очень серьезная, а он все лежит себе, скучает, на потолок любуется, место в госпитале понапрасну занимает.

Но и так ведь сказать: мы-то, пожилые, ввязались в эту войну, потому что лихо заставило — враг же хотел отнять у нас все вчистую, что нажили мы при нашей власти. Это тоже надо понимать...

У меня у самого одна косточка, перебитая осколком, долго не срасталась. Спрашиваю у доктора: «Почему такое кость моя тупо срастается? Видать, плохо вы ее гипсой обложили». А он меня спрашивает: «Тебе сколько лет?» Говорю ему: «Пятьдесят шесть». А он смеется: «Жениховский твой возраст, потому и плохо срастается. А вот если лет через двадцать тебя поранят, так кость твоя и вовсе плохо будет срастаться». Да что же, думаю, пес тебя укуси, и через двадцать лет я все еще буду воевать?! Куда же это годится такое дело?

«Нет,— отвечаю ему,— товарищ доктор, благодарю покорно. Мне надо с фашистом поскорее кончать: во-первых, насолил он мне здорово, а потом и годы мои не те, чтобы с ним долго воловодиться. Да и какой же из меня солдат через двадцать лет будет? Срамота об двух ногах, а не солдат! Придется самовольно отлучиться, так взводный и спрашивать не станет, куда, мол, девался боец такой-то. Он же меня по песчаному следу, как зайца по малику, сведет».

Только с тем веселым доктором сговорить было невозможно. Он себе знай посмеивается: «Об чем ты беспокоишься, Корней Васильевич? Всё в наших докторских руках, и через двадцать лет, в случае чего, так аккуратно тебя заштопаем, что ни одна песчинка из тебя

не выпадет, и будешь ты ходить браво, как молодой петух,— и голова и хвост кверху!»

Месяца два отлежал я там, обошлось, а вот уже под Курском пришлось хуже.

И, как бы оправдываясь, заговорил:

— А как вы думаете, мог я не пойти воевать против такого врага? Какую жизнь он, этот проклятый враг, порушил! Перед войной наш колхоз имел три свои грузовые машины, две школы, клуб, мельницу, все имел, всего было вволю: и хлеба, и всякого добра. А как прошелся он по нашим местам, и все пошло прахом. Все изничтожил, гад ползучий!

Вернулся я в сорок третьем году и за голову взялся: половину хутора выжег, чертов фриц, оставшиеся дома разорил на блиндажи, школы спалил, от ста восьмидесяти пар быков две пары осталось, лошадей — ничего, трактора побил, покалечил. Ну, и пришлось нам начинать все сызнова.

В поле одни женщины да ребятишки работали. На тракторах — тоже одна зеленая молодь. Смеха ради, могу сказать — был такой случай: весной иду по полю, ЧТЗ стоит, работает вхолостую, а тракториста и прицепщика и в помине нет. «Что такое? — думаю.— Куда же они делись?» Дошел до леска, а они оба на вербах сидят, грачиные яйца снимают! Им и по шестнадцати лет нету, разум-то у них детский, ну, что ты с них возьмешь? А работу какую они несли? Прямо скажу — немысленную! Завести от руки нахолодалый трактор,— как ты его ни грей,— скажем, дело не легкое. И вот идешь по полю, а она, девчонка-трактористка, за два километра к тебе по борозде бежит, спотыкается. «Дяденька, Корней Васильевич, крутни! Силы у меня не хватает». А ты ведь понимаешь, как с девичьим, нежным животом такую тяжесть провернуть?! Тут нетрудно и надорваться. Тут и наш мужчинский, кряжистый костяк и тот иной раз в хрящах похрустывает...

А бабоньки? Боже мой, глянешь, как она в колхозе работает,— и сердце на части рвется. А ведь ей в колхозе надо работать и у себя по домашности все справить, отстряпаться затемно, за ребятишками приглядеть, и об муже она печалуется — муж-то у нее воюет...

Все ей надо справить, а работы в ее рученьках — не переделать, а тяжких думок — не передумать...

Один раз иду я в поле, еще до рассвета, а соседка сено косит для своей коровенки, до выхода на колхозную работу. Мужа у нее убили, четверо детишек мал мала меньше у нее на руках. Подошел я к ней помочь, и такими темными глазами она на меня взглянула, что, не поверишь, пришел я на стан и — закурил... Всю войну не курил, при всяком лихе держался! А тут свернул цигарку и закурил — так она меня за сердце взяла этим темным взглядом...

Хозяин, в задумчивости постукивая по столу пальцами, сказал:

— Есть у нас такая старая бабья песня:

Да никто так не страдает,
Как мой милый на войне.
Сам он пушку заряжает,
Сам думает обо мне.

И молодая веселая улыбка как бы озарила лицо моего собеседника.

— Высоко они, наши женщины, о себе понимают. И правильно делают! Слов нет, воевали, день и ночь о них помнили. Бывало, конечно, и так: когда в бою подопрет к душе, на какой-то час обо всем забудешь, а потом опять к дому мыслями летишь.

Пришел я с фронта, пригляделся, как дома работают,— дошло до сердца, что тягость, какая легла на эти бабьи плечи,— одинаковая с тем, что мы там терпели.

На фронте получил я подарок. Ну, дело обыкновенное — кисет расшитый, сухарики и другое прочее, и письмецо. Пишет работница с московского завода: «Дорогой боец, посылаю тебе посылку и горячий привет, бей врага, как полагается. Мы на оборону день и ночь работаем, а душой — с вами». Ну, и остальное, что положено, пишет, доброго здоровия желает.

И как раз это было в тяжелое время Курской битвы... Тут немецкие танки черной тучей идут, отбиваем их, как указано, роздыху нет, после боя диву даешься, как жив остался, а тут эта посылка... Получил ее прямо в окопе и, знаешь, заплакал... Сам-то я неку-

рящий, кисет мне не нужен, а сухари, конечно, ел, и соленая слеза на них падала... Вот, думаю, рабочая женщина, как и мы, день и ночь не спит, для нас, какие на фронте, трудится, но вспомнила обо мне. А может, она от себя оторвала этот кусок? Сладки были эти сухарики от моих думок...

Хозяин улыбнулся, тронув пальцами седоватые усы:

— А ведь смешинка была и там. Вот, посылала, гадала — небось молодому попадет в руки, но пригодилось и старику...

Великий труд вынесли наши женщины в войну. И работали с великой сознательностью, понимали, как нужен их труд Советской власти. Так я по своему стариковскому разумению думаю, что памятник они себе заслужили.

...Через час я проснулся от гудка автомашины. Из кухни донесся голос хозяина:

— Что же ты, Колесниченко, так ездишь? Давно пора бы быть. Что ж, по твоей милости трактор должен простаивать? Мелкая у тебя сознательность, гляжу я. Без тебя знаю, что обувка на машине плохая. Ты на плохой обувке сумей хорошо ездить, а на хорошей-то и всякий поедет. Сейчас же вези горючее в поле, а Семену скажи, что я приеду на заре.

Хозяин в потемках прошел к кровати и, тяжело, по-стариковски, кряхтя, стал разуваться. Через какое-то время я снова проснулся от резкого стука в окно. Снаружи хриплый мужской голос громко позвал:

— Корней Васильевич, подводы второй бригады пришли с глубинки. Сейчас грузить хлеб или подождать до утра? Быки сильно приморились.

Хозяин подошел к окну, негромко сказал:

— Сейчас же пускай грузят и везут. Подожди, я выйду, вместе пойдем к амбарам.

Я не слышал, когда он вернулся, но задолго до рассвета его разбудили снова: один из тракторов, работавших на подъеме зяби, вышел из строя, и хозяин ходил в правление колхоза звонить в МТС. Его будили еще раза три за ночь. Перед рассветом наш невыспавшийся шофер, горестно вздыхая, сказал:

— Ну, папаша, веселая у тебя жизнь... Что у тебя ночевать, что в клубе под музыку — все одно.

Уже одетый хозяин устало улыбнулся, сказал:

— Беспокойно живем. Хозяйство у нас большое, дела много, вот ночушки и прихватываем. Но сейчас вы позоруете как следует, беспокойства для вас больше не будет, я ухожу: у нас заседание правления колхоза.

Я посмотрел на часы: было половина пятого утра.

Шофер рассмеялся:

— Кто же это начинает заседание в пятом часу утра?

— А как же ты думал, сынок? Днем все члены правления в разгоне: один хлеб отгружает, другой — в полеводческой бригаде, третий поедет в Сталинград запчасти для машины добывать, мне тоже на заре надо в поле попасть. Вот и порешили собраться пораньше, накоротке обсудить наши дела. У нас у всех одна думка: как бы поскорее колхоз поднять на ноги. Хуже других мы жить не собираемся!

Да и стыдно нам будет жить хуже других, потому что крепко помогает нам государство: не говоря уже про другие машины, одних новых гусеничных тракторов наш район получил в этом году более тридцати штук. Это тоже надо понимать! А дела наши резво идут в гору. Урожай в этом году богатый, зяби напахали куда больше, чем в прошлом году, озимых наш колхоз тоже посеял гектаров на четыреста больше.

Уж если такую великую беду, как прошлогоднюю засуху, одолели, то теперь нам удержу не будет. Уж это точно!

— А вас, папаша, засуха, значит, тоже по ногам ударила? — поинтересовался шофер.

— Ударила, сынок, да еще как. Но с ног не сбила. На своей земле мы крепко стоим! Я так думаю, будь такая засуха в старое время, половина народа перемерла бы. Ведь как раньше в крестьянстве жили? Один с голоду пухнет, а у другого, богатея, полны амбары хлеба, и он пальцем об палец не ударит, чтобы помочь соседу. А власти тогдашней до народного горя и дела не было. Но теперь — другая история. Попали мы в беду

при этой засухе — государство выручило, помогло хлебом, семенами. Ослабевших мы подкармливали, поддерживали, как могли. Вот и устояли. И народ весь сохранили.

А весною как работали! Иного ветром валит, а он в поле идет и работает из последних сил. Золотой же у нас народ, это тоже надо понимать!

...Мы выезжали из хутора на восходе солнца. На улице пряно и нежно пахло увядшей лебедой. С Дона тянуло сырым, холодным ветром. Тяжелые тучи шли так низко, что казалось, вот-вот зацепятся розовеющим подбоем своих крыльев за оголенные макушки высоких тополей.

Возле колхозных амбаров, несмотря на раннюю пору, было людно и шумно: двое стариков на грохотах подсевали хлеб, у крайнего амбара разгружалось около десятка подвод, пришедших, очевидно, с колхозного гумна. Здесь же стояла полуторатонка, и высокий шофер в жарко расстегнутом ватнике и сбитой на затылок кубанке яростно накачивал колесо, беззвучно, но достаточно выразительно шевеля губами.

Километрах в трех за хутором, неподалеку от дороги, работал новенький, с еще не выгоревшей на корпусе краской трактор СТЗ — НАТИ. Следом за ним, прихрамывая, шел человек в шинели и, наклоняясь, замерял прутиком глубину вспашки.

Шофер наш весело указал на него, заулыбался:

— Вот он, председатель-то, вышагивает, как грач по борозде. Силен, хромой дьявол! Уж у него небось тракторист мелко не будет пахать и огрехов не наделает... Перед выездом ходил я про дорогу расспросить. Из любопытства заглянул и в амбары. Хлеба у них — ого! И народ этим Корнеем Васильевичем доволен. «Строговат, говорят, у нас старик, зато уж хозяин — красота! По справедливости всегда действует. И работа идет у нас отличным порядком: потому что он нас уважает, а мы его». Я на него пожаловался: остановились, дескать, у вашего хозяина ночевать, но, кроме беспокойства — никакого удовольствия. Он сам всю ночь не спал по хозяйственным делам и нам не дал. А один дедок смеется: «Он у нас тревожный... Но под лежачий

камень вода не течет. Если бы меньше тревожились, то за два года хозяйства не подняли бы».

Шофер, любуясь на превосходную озимку, широкими зелеными волнами уходившую к горизонту, сказал:

— Этого колхоза озимь. Какое добро вырастили! Корней Васильевич ночью все про народ рассказывал. А вот когда народ хорош и кто им руководствует хорош, тогда и дело идет на красоту!

И, повторяя слова председателя, смеясь, проговорил:

— Это тоже надо понимать!

* * *

Самый хищный в настоящее время американский империализм по-паучьи особенно мерзостно раздулся после второй мировой войны. Ему грозят неотвратимо приближающийся экономический кризис, пробуждение и нещадный гнев обманутых масс трудового народа Америки.

Чтобы отвлечь внимание этих масс от положения в своей стране, чтобы найти выход из тупика, они, американские империалисты, ищут своего спасения в войне. Они пытаются привить своему народу захватнические чувства, отравленной, лживой пропагандой разжигают в нем стремления к «завоеванию мира», они всячески стараются возбудить ненависть к нашей родине — стране, не так-то уж давно спасшей мир и цивилизацию от немецкого фашизма, главари которого некогда так же идиотски мечтали о мировом господстве...

В глазах американского народа лживые псы американских империалистов пытаются изобразить нас в печати и по радио беззащитными и слабыми — словом, легкой добычей для воинственных мальбруков из «Американского легиона»...

Один из многочисленных холопов американского империализма — Уильям Зифф в своей книге «Два мира» приводит цифры разрушенных во время войны в нашей стране промышленных предприятий, городов и сел, стертых с лица земли немецкими оккупантами. С нескрываемым злорадством он пишет и о «160 миллионах акров плодороднейшей русской земли, выжженной

немцами». Из этого он делает свой вывод: «Несмотря на великолепные качества русских войск, сомнительно, смог ли бы сегодня СССР выдержать потрясающий удар новой решительной тотальной схватки».

К сведению Зиффа и его хозяев с Уолл-стрита можно привести красноречивые цифры Госплана, опубликованные нашей печатью: валовая продукция всей промышленности увеличилась в 1947 году по сравнению с 1946 годом на 22 процента, сельского хозяйства — на 32 процента, а продукция земледелия — на 48 процентов. Валовой урожай зерновых культур вырос на 58 процентов, сахарной свеклы — на 190 процентов и т. д. Урожайность зерновых культур достигла довоенного уровня. Посеяно озимых на 3,5 миллиона гектаров больше, чем в 1946 году. Зяби поднято на 8 миллионов гектаров больше, чем в предыдущем году.

И на этих 160 миллионах акров земли, разоренной немецкими фашистами, о которой говорит Зифф, советские люди также вырастили высокий урожай. Хозяева Зиффа рассчитывали, что мы после войны и засухи пойдем к ним с поклоном просить хлеба. Не вышло. И впредь не выйдет!

В прошлом году на Дону я видел символическую картину: полузасыпанный окоп, рядом — немецкая каска, в окопе — прикрытый истлевшими серо-зелеными лохмотьями, полулежащий скелет убитого гитлеровца. Карающий осколок советского снаряда рассек ему лицо. Рот его с выбитыми зубами был полон плодородного чернозема. Из него уже тянулась к стенке окопа курчавая веточка повители, унизанная голубыми и розовыми цветочками...

Да, у нас много плодородной земли. И ее с избытком хватит, чтобы набить ею рты всем, кто вздумает перейти от разговора о тотальных схватках к действию.

Об этом следует подумать и холопствующему Зиффу, и его хозяевам!

* * *

Старейшая звеньевая колхоза «Новый мир», Старооскольского района Курской области, Пелагея Васильевна Мартынова, вспоминая черные дни засухи

1946 года, когда на глазах ее погибали хлебные всходы, говорила:

«Обидно было за труд, что он может пропасть даром. Но что наш труд,— засуха несла вред колхозу, всему государству! Было так больно, что, кажется, слезами своими напоила бы высохшую, потрескавшуюся от зноя землю!»

В числе большой группы колхозников Курской области, награжденных нашим правительством за высокие урожаи 1947 года, Мартыновой присвоено почетнейшее звание Героя Социалистического Труда. Отвечая на высокую награду, она сказала:

«Всю жизнь свою, день за днем, перебрала я сегодня в памяти. И детство свое вспомнила, и замужество. Были светлые, хорошие дни. Но такой большой радости, как сегодня, я еще не знала... Хочется работать больше и лучше,— и сколько ни сделай, все кажется мало, чтобы отблагодарить за такую большую заботу обо мне, обо всех таких простых, как я, людях».

Миллионы советских людей во всех областях нашей жизни трудились и трудятся не покладая рук, движимые одним могучим желанием: служить своей величавой родине.

Милая, светлая родина! Вся наша безграничная сыновья любовь — тебе, все наши помыслы — с тобой!

1948

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мировая общественность, может быть, недооценивала огромных сил растущего протеста против империализма и поджигателей войны. Всемирный конгресс деятелей культуры показал, насколько велики эти силы. Подавляющая часть делегатов выступила сплоченно единым фронтом против растущей угрозы новой войны, той войны, которую навязывает человечеству американский империализм.

На меня, как и на большинство делегатов конгресса, особенно сильное впечатление произвели выступления представителей колониальных стран и тех наций, существование которых как бы «узаконено» так называемой «европейской культурой и цивилизацией», но в то же время поставлено на грань уничтожения.

Приветствуя и поздравляя известного певца Обре Панки, американского негра, зал в полной мере ощущал во время его выступления на конгрессе не только горестность его личной судьбы, о которой он рассказал словами сдержанной и мужественной гневности, но и всю трагическую судьбу его народа, поставленного в положение бесправных париев. Его речь, как и выступления всех остальных делегатов, представлявших угнетенные нации, произвела на меня впечатление и радости за пробуждающееся сознание тех, кто долго страдал и молчал, и в то же время гнева за то бесправное положение, в каком до настоящего времени находятся их народы.

Речи некоторых представителей Англии и Америки не удивили нас: мы ожидали, что они, наверное, будут говорить о чем угодно, только не о действенных мерах, направленных к подлинной борьбе за мир. Такие делегаты оказались в ничтожном меньшинстве, и как бы их хозяева ни замалчивали значение состоявшегося в Вроцлаве конгресса, народы узнают о его будящих на борьбу результатах.

Силы определены. Борьба за мир и культуру продолжается. За нами, сторонниками мира,— все народы. Против нас — прямые ставленники монополистического капитала и их презренные хозяева.

За нас, борющихся за мир, против войны,— дочери, сестры, жены и, главное, матери всех простых людей мира, помнящих последнюю страшную войну и ее результаты. Против нас — одиночки, жаждущие бесстыдной наживы.

Будущее за нами. Оно целиком наше!

1948

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЧЕСТВОВАНИИ В СВЯЗИ С ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В советской литературе есть два течения. Одни писатели очень быстро откликаются на текущие события, другие создают свои произведения сравнительно медленно, но стараются написать запоминающиеся книги.

В Великую Отечественную войну мы все очень быстро откликались на волнующие темы. Этого требовала жизнь. Я тоже тогда писал быстро. Однако я отстаиваю свое право на работу более медленную, чем хотелось бы читателям, но чтобы эта медлительность была оправдана качеством.

Переиздание моих книг свидетельствует, что можно и «медленной» работой отобразить значительные общественные события, важные для народа.

Можно писать быстро плохие книги, а медленно — хорошие.

О неуклонно растущем влиянии советской литературы, о ее популярности говорит хотя бы такой пример: недавно на Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира, состоявшемся в польском городе Вроцлаве, делегат с Антильских островов сказал мне, что он истратил последние два фунта стерлингов на приобретение перевода «Тихого Дона». Этот эпизод свидетельствует о проникновении нашей советской литературы во все, самые удаленные уголки земного шара.

Ведь только в Советском Союзе мы, писатели, имеем все условия для творческой работы. Поэтому мы обязаны писать хорошо. В империалистических странах писаки стряпают книги в угоду своим хозяевам. Все, что они пишут,— мертвое; они идут не в ногу с историей; они создают гнилое, никому не нужное чтиво. Мы же, советские писатели, уверенные в победе коммунизма, должны создавать произведения, достойные нашего великого времени.

Я всю свою жизнь служу советскому народу и буду всегда служить ему, отдавая ему все свои силы.

Сентябрь 1948 г.

СВЕТ И МРАК

Дуют майские теплые ветры над сказочными просторами нашей великой матери-родины, плывут в нашем ласковом вешнем небе белые, с дымчатой окаемкой облака, и, омытые первыми животворными дождями, осиянные солнцем, давно зеленеют на бескрайних колхозных полях кустистые озими, и уже проклюнулись, упрямо тянутся к свету и жадно набираются сил дружные, густые всходы яровых хлебов.

А на необъятном пространстве — от Гурьева до Измаила и от Орска до Тулы — началось с весны величайшее в истории человечества наступление на злые силы природы, на засуху и суховеи, и во всю мощь, присущую только нашим советским людям, развернулась титаническая борьба за преобразование природы, за полное осуществление планов, начертанных партией.

Многие тысячи тракторов МТС, совхозов и только что созданных лесозащитных станций, многие десятки тысяч колхозных упряжек — конских, воловьих, верблюжьих — вспахали первые сотни тысяч гектаров, предназначенных под облесение, и в глубоких бороздах, на полях и в лесопитомниках, надежно прикрытые землей, еще таящей в себе живую веселую весённюю прохладу, уже терпеливо ждут прорастания и выхода на белый свет желуди — первозачатки будущих державных дубов,— семена ясеня и клена, вяза и березы, липы и лиственницы, жимолости и скумпии, акации и тамариска.

На голых, извечно грустных песчаных увалах Обдонья, в унылых и безжизненных разливах песков по Заволжью и Ставрополью — всюду, где тысячелетиями безнаказанно и неотвратимо, со змеиным шипением ползли с востока гибельные пески, из года в год поглощая ненасытным желтым зевом плодородную почву,— теперь уже протянуты плугами первые борозды, и на дне их, там, где падал в горючий песок тяжелый железный меч лесопосадчика, зелеными брызгами малахита чудесно расцвели крохотные, прячущиеся между бровками борозд, как бы прилипшие к влажному песку сеянцы сосен. Им от роду всего лишь по году, от силы — по два, но в жаркий полдень стань на колени, склонись над малюткой-деревцом, и ноздри уловят молодой и нежнейший запах сосновой смолы, а глаза увидят на игрушечно тоненьком, шершавом и гибком стволе-стебельке несоразмерно большие по сравнению с ним, величиною с булавочную головку, искрящиеся, как роса, капельки смолы. Стало быть, сосенка принялась, она живет, она будет жить, долгие годы неся бессменную караульную службу, оберегая благополучие и счастье наших черноземных полей от вторжения мертвящей пустыни.

И на самом деле, если издали, стоя в рост, смотреть на сосновые сеянцы, на уходящие за горизонт и как бы тонущие в желтом песчаном мареве, по-военному стройные ряды их, с ровными интервалами разделяющей их шелюгованной почвы, невольно думается, что схожи они с нашими пограничниками — и не только защитным цветом «головных уборов» и «формы», но и благородной общностью задач. Правда, пока еще малы песочные «пограничники», но не так-то уж много утечет воды в быстром Урале, в величавой Волге и в тихом Дону, пройдут считанные годы — подымутся в коренастый солдатский рост молодые сосны. Они первыми примут на себя жестокий удар закаспийских лютых песчаных буранов, и они устоят!

А на подмогу им, эшелонированные вглубь, от Каспийского до Черного моря, уже тянутся по черноземным полям и степям бесчисленные ленты саженцев лесных пород. Выращенные и посаженные заботливыми и талантливыми руками подлинных хозяев земли, они выме-

тали на юге страны стрельчатые клейкие листочки. Майский ветер бережно шевелит их, учит разговорной речи, и первый, еле слышный, невнятный шелест их — как милый сердцу каждого человека первый лепет ребенка...

Дрожит от стелющегося над землею гула могучих тракторов воздух нашей родины. От Балтики до Тихого океана, от Ледовитого океана до Памира — всюду слышен этот мирный, но исполненный сдержанной и тяжкой силы гул. Днем и ночью работают тракторы. Покорные воле бывших танкистов и нынешних молодых умельцев, они пашут, сеют, боронят, возят лес к портам и пристанским пунктам, ворочают породу на промыслах и новостройках, делают дороги и волочат за собой лесопосадочные машины... И нет такого уголка на нашей земле, где бы советские люди, прислушиваясь к неумолчному рокоту моторов, не вспоминали бы с сыновьей, негаснущей скорбью и горячей благодарностью величайшего из великих, того, кто когда-то мечтал всего лишь о ста тысячах тракторов для Советской России, кто создал партию и Советское государство, кто воплотил в живую действительность чаяния многих поколений трудящихся.

* * *

Тихая прохладная ночь. В глубоком, густо синеющем провале небес ни облачка, лишь почти в зените пологий месяц, да из края в край над родною степью мерцающая россыпь по-весеннему мелких звезд.

Тяжело идти поперек борозды по тракторной пахоте ночью: то оступишься в борозду, то нога скользнет по матово поблескивающему, отполированному лемехом тугому пласту чернозема, то споткнешься о натянутое струной корневище степного сорняка. Молодой месяц светит тускло, и только на близком расстоянии справа видны черные и блестящие, как антрацит, отвалы взрыхленной долголетней залежи, а дальше, кругом — все тонет в туманной дымке, в неясной и призрачной полутьме.

Из-под ног тянет пресной сыростью свежеподнятой земли и острым и, быть может, чуточку печальным запа-

хом молодой, погубленной плугом травы. Только недавно прилетевший из-за теплого моря перепел выбивает, выговаривает в прошлогодней некоси пока еще неуверенно и монотонно: «Спать хочу! Спать хочу!» Но нет, не спит степь! В вершине лога ходит запряженный в два пятикорпусных плуга, подымает майские пары мощный трактор С-80. Басовой рев его перекрывает шум работающего неподалеку, на соседней клетке, трактора СТЗ — НАТИ. Вот С-80 с лязгом развернулся на конце загона, и легкое дыхание западного ветра усилило и словно бы вплотную приблизило грозовой, раскатистый гром его мотора. Отчетливо послышались яростный визг и скрежет гусеницы, подмявшей под себя камень, голос тракториста, что-то крикнувшего прицепщику.

Голубые брызги из-под траков гусеницы, оранжевое пламя из выхлопной трубы — и снова мерная поступь трактора, скользящий по земле фосфорический свет фар. На миг, освещенная ими, ослепительно загорается вдали пышная белая кипень цветущего тернового куста и медленно гаснет, отодвигается во тьму.

Неподалеку от края пахоты приветливо светится огонек в окне вагончика тракторной бригады. Мой спутник, механик МТС, и я подходим к вагончику. Неподалеку от него, за врытым в землю столом, бригадная стряпуха моет посуду. Смена, как видно, только что поужинала. В стороне, возле бочки с водой, голый по пояс, широкоплечий тракторист умывается, блаженно крякая и отфыркиваясь, второй — щедро льет ему воду из ведра на ладони протянутых рук и на склоненную шею. Тот, который умывается, вдруг испуганно ахает, заикаясь, прерывающимся тенорком говорит:

— Федя, аккуратней лей на шею, добром прошу! Вода же родниковая, она — как лед, а ты на спину льешь. Ослеп ты, что ли, или нарочно? Ты же меня простудишь, будь ты проклят! Ведь по спине же течет прямо до пяток, а я потный! Ты понимаешь, зверь?

Глуховатый басок Феди ему безжалостно отвечает:

— На фронте по утрам небось снегом обтирался? Ну, и эту воду вытерпишь. По-моему, должен ты ее вытерпеть, спина-то у тебя как у артиллерийской лошади...

— Так то ж в армии... А спина моя тебе ни при чем.

Ну, брось же, ну, не надо,— молит всхлипывающий тенорок и сразу переходит на угрозу: — Станови ведро, а то я тебя в бочке с головой искупаю!

Мы останавливаемся возле вагончика закурить. Позади слышен смех, здоровенный шлепок по голому телу, звяк брошенного ведра и дробный, удаляющийся топот четырех ног.

— Молодежь! — почему-то вздыхает пожилой механик.— Они, окаянные, усталь за родню пока что не считают. Да и то сказать, день-то отсидят на тракторе, надо и поразмяться...

Минуту спустя что-то тяжелое грузно шлепается на пахоте. Короткая возня, смех, сопенье и, словно из-под земли, задыхающийся Федин басок:

— Васька, пусти, задавишь насмерть! Ох, черт, что-то в пояснице хрустнуло... Пусти же, дуролом! В тебе же сила лошадиная... Изомнешь!

В вагончике, несмотря на то что дверь открыта настежь, плавает сизый табачный дым. Пахнет недавно вымытыми сосновыми полами, самосадом и неистребимым запахом керосина и солярки. Вокруг стола и на нарах — трактористы и прицепщики первой смены, бригадир тракторной бригады, старый колхозник — горючевоз Трифон Платонович, учетчик и еще двое колхозников полеводческой бригады, по соседству пришедшие в гости к трактористам, «на перекур».

Близко придвинув к лампе старый номер «Огонька», учетчик читает вслух:

— «Если вытянуть будущие лесные полосы в одну непрерывную ленту шириною тридцать метров, она опояшет земной шар по экватору пятьдесят с лишним раз, десять — пятнадцать процентов защитных лесонасаждений составят плодовые деревья и кустарники, а это означает еще семьсот тысяч гектаров фруктового сада».

Строгую тишину неожиданно нарушает несдержанный дед Трифон: он ударяет по столу кулаком так, что подпрыгивает лампа и желтый язычок пламени выскакивает из стекла, и восторженно кричит:

— Еж тебя наколи! Вот это сад! Про разные там эквадоры я по старости годов понятия не имею, а вот

семьсот тысяч гектаров сада — это, ребятки... это я тоже покамест умом не постигну, но это, ребятки, много добра!

Кто-то смеется. Бригадир сурово говорит:

— Ты потише, дед, кулаком орудуй, ты сиди и слушай молчком.

— Как же это так, молчком? — возмущенно спрашивает старик.— Тут такое дело зачитывается, а я должен молчать?

Учетчик — молодой парень в вылинявшей гимнастерке — укоризненно смотрит на расходившегося старика, выкручивает осевший фитиль и продолжает:

— «На обновленной земле возникнут сорок четыре тысячи прудов...»

И опять дед Трифон не выдерживает: комкая в кулаке седую бороду, он гулко, на весь вагончик, говорит:

— Сорок четыре тысячи! Уму, братцы, непостижимо!

Теперь смеются уже все. Заинтересованный механик спрашивает:

— Чья это статья?

Учетчик, не глядя на него, отвечает:

— Главного начальника по всем лесополосам товарища Чекменева,— а сам, сощурившись, пристально смотрит на беспокойного старика и вдруг говорит: — Дедушка Платоныч, бросил ты быков без догляда, а они теперь уж небось за Каменным логом... Пошел бы ты поглядел, где они. Не ровен час, уйдут... Останемся мы без горючего!

Старик разгадывает этот нехитрый прием, безобидчиво говорит:

— Читай, читай! Про своих быков я сам знаю, ты об них не печальник. Молод ты старого воробья на мякине проводить! Читай, не коси глаза!

Учетчик, вздохнув, читает:

— «Исчезнет разрушительная язва степей — овраги. Угаснут грозные черные бури. Сгинет засуха, климат станет мягче, влажней, а жизнь человека в степи — несравненно удобней, легче, красивей и богаче. Колхозы и совхозы будут собирать устойчивые, прогрессивно возрастающие урожаи хлеба, овощей и фруктов. На роскошных пастбищах будут пастись тучные стада

крупного рогатого скота и тонкорунных овец. Вот что принесет советскому народу преобразование природы».

Некоторое время все задумчиво молчат. Молчит даже дед Трифон, самый говорливый член этого небольшого, затерявшегося в степи коллектива. Учетчик — молодой, много повидавший парень, дошагавший в войну до Праги и вернувшийся оттуда инвалидом второй группы,— барабанит по чисто выскобленной доске стола изуродованными пальцами, опустив ресницы, мечтательно улыбается. Не израненные войною, а наряженные в кипящую листвою зелень видит он сейчас родные просторы затуманенными глазами...

Общее настроение и тишину снова нарушает дед Трифон. Он поднимает черную, узловатую, как корень, руку, говорит:

— Стой, ребятки! Прекрати, Микиша, чтение. Завтра, как приеду к вечеру с горючим, мы эту статью сообща добьем и остальные картинки досмотрим, а сейчас это дело надо обсудить.

— Чего тут еще обсуждать? Все ясно, прямо на красоту! Привык ты, дед, трепаться...— недовольно говорит бригадир, издавна недолюбливающий старика.

Дед Трифон спокойно возражает:

— Я не тряпка на колу и не худая варежка, чтобы трепаться, я дело хочу сказать. Как это нечего обсуждать? Ты дальше своих тракторов ничего не видишь, ты только в них вонзился, а тут все надо заранее постигнуть, все, как есть, до нитки!

— Ну, чего постигать-то? — нетерпеливо спрашивает один из прицепщиков.

Помимо прочего дед Трифон еще и скептик: он выдерживает многозначительную паузу, обводит присутствующих испуганными глазами и зловещим шепотом вопрошает:

— А финотдел?

— Что финотдел? При чем тут финотдел? — в свою очередь, спрашивает бригадир и глядит на него изумленными глазами.

Багровея от смеха, тракторист Никонов говорит:

— Тебе бы, дедуня Трифон, только военным министром в Америке быть... Что-то ты на него запохажи-

ваешься, что-то ты вроде заговариваться начинаешь. Ты, случаем, не того?.. Умом не тронулся?

— Кабы тронулся, так давно уж в вашей вагонюшке окна не было бы, и я давно уж без портков, не хуже этого министра, по пахоте бы мотал, как худой щенок по ярмарке. И мы еще поглядим, кто из нас с тобой дурнее и подходящей на министерскую должность в этой Америке,— беззлобно отзывается старик и, повернувшись к бригадиру, запальчиво говорит: — При чем финотдел, спрашиваешь? А при том: в прошлом году вызывают меня в сельсовет, финотделов агент спрашивает: «Сколько, папаша, деревьев в твоем саду?» А чума их знает, говорю ему, иди сам считай. Он не погордился, пришли комиссией, пересчитали все дерева, финотделов агент и говорит: «Каждое косточковое дерево, ну, слива там или еще какая-нибудь вишня, четыре штуки их считаются за одну сотую платежной земли, а каждое семечковое, яблоня ли, груша — за одно дерево — одна сотая». Это, говорю ему, даже уму непостижимо, как у вас получается. С одной стороны, указание, чтобы сады разводили, а с другой — плати за каждое дерево, а мне от этих деревьев пользы, как от козла молока, они ни фига не родят. Я уже прикидываю: не порубить ли часть дерев?

С нар, из полуосвещенного угла, раздается голос:

— Ближе к делу, дед!

— Оно и так близко. Поначалу-то я шибко возрадовался, когда услыхал про семьсот тысяч садов да про пруды, а потом и оторопь меня взяла. Ну, пруды — это дело другое, там с карася налогу не возьмешь, с него только шелухи наскоблить можно, а вот сады... Тут, ребятки, надо кое-что умом постигнуть... А что, как в Москве самый главный министр по финотделу, фамилия его такая... вот позабыл, дай бог памяти... Ведь читал же в газетке недавно, а запамятовал...

— Зверев? — подсказывает учетчик.

— Вот-вот, точно, эта фамилия. А что как этот самый товарищ Зверев удумает штуку да как шарахнет налогом на все семьсот тысяч садов, тогда что? А ведь там что ни дерево, то либо семечковое, либо косточковое, это вам не крученый вяз и не бересклет с бородавкой!

— До чего же ты вредный человек, дед Платоныч! — раздраженно восклицает учетчик и в сердцах захлопывает журнал.— Вечно ты нагородишь какой-нибудь чепухи, интерес испортишь...

Явно обиженный старик встает во весь свой немалый рост, и голос его гремит под низким потолком вагончика:

— А что я такое нагородил? Я сказал, что это дело надо как следует умом постигнуть и обсудить со всех сторон. И что вы, еж вас наколи, мне рот затыкаете? Меньше вашего я понимаю? Семьдесят два года прожил — и меньше понимаю? Как бы не так! А я так скажу: нужно послать от колхоза письмо товарищу Звереву и в письме прописать — что́, мол, вы насчет садов думаете, отпишите заранее, безо всякого туману и по всей откровенности, какой с них налог думаете брать? Он сердечно отпишет, вот и будет толково. Если налог средственный, дуй, ребятки, сажай и косточку и семечку.

— Обойдется и без письма,— решительно говорит один из трактористов.— Будем с лесополос фрукты сымать — будем и налог платить, не обедняем, и нечего хвостом вилять. Ты, дедушка, привык все по старинке гнуть...

— Идите вы к чертям собачьим! — окончательно выведенный из терпения, гремит обиженный старик и, за рукав стащив с нар свой зипун, накидывает его внапашку и идет к выходу.

В дверях он сталкивается с двумя запоздавшими трактористами. По широченному развороту плеч в одном из них без труда угадывается Василий, второй, очевидно,— Федор. У него лихо закрученные черные усики и смешливые карие глаза. Сторонясь от широко шагающего старика, он говорит глуховатым баском:

— Опять Трифона Платоныча обидели? Небось опять чего-нибудь начудил, а вы его обидели? У него от гнева аж вроде дым из ноздрей идет...

— Э, дурак щенячий, и ты туда же? — на ходу бросает старик и выходит, хлопнув дверью.

Федор смеется, подмигивает мне:

— У нас тут не скучно, если кина нету, дед его заменяет. Ужасно дотошный дед, он всякой дырке — гвоздь. Ни один разговор без него не обходится.

Бригадир, кряхтя, разувается, тщательно вытирает промасленной тряпкой сапоги и, приподняв голову, говорит:

— Налог — это обыкновенные пустяки, главное — дадут ли нам разные трумэны доделать это великое дело, на свой лад повернуть природу? Вот они как взбесились, к войне готовятся, да еще с каким старательством, аж министры ихние от натуги с ума сходят!

— А ты и на самом деле войны испугался? — улыбается механик.

— И черт-те чего мне бояться? Пущай они боятся!

«Нас побить, побить хотели, побить собиралися... А мы сами не робели, того дожидалися!» — нараспев тянет чей-то густой бас с дальнего конца нар.

— Боится тот, кому страх пятки скоблит, кто без штанов в окна высигивает, вроде этого Форрестола. А мое дело маленькое: сел на «тридцатьчетверку» и давай жизни, как раньше фрицам давали! — Бригадир улыбается, щурит глаза.— А какие машинки после войны пошли!..

Все время молчавший колхозник нерешительно спрашивает:

— А что же это в Америке за мода такая пошла? С чего этот голоштанный министр из окна высигнул? Я что-то не слыхал.

— Втемяшилось ему ночью в дурную голову, будто Красная Армия в Америку вступила, ну, вот он нагишом и полохнул в окно,— снисходительно объясняет механик.— Они, эти вояки, известные. Сами грозятся, а из самих уже загодя начинает капать, и штаны без подтяжек на них не держатся... В гражданскую войну был такой хлюст — белый генерал Гусельщиков. Грозился всех большевиков перебить. Ну, и захотелось нам пощупать его, какой он прочности на излом. Зимою, ночью, полковой разведкой вскочили в станицу Усть-Хоперскую, а он там со своим штабом пьяный спал, не ждал дорогих гостей... Тоже не успел штанов натянуть! Тридцать верст скакал на коне по морозу в одних подштанниках. Так и не могли догнать, сукина сына!

— Наверно, обморозился, бедняга? — с притворным сожалением спрашивает Федор.

— А я после этого с его женой не разговаривал.— Механик машет рукой и под общий хохот тоже начинает разуваться.

Умащиваясь спать, еще долго говорят об успехах китайской Народно-освободительной армии, о Всемирном конгрессе в защиту мира, о положении в Индонезии, о погоде и о том, что пока опережают они в социалистическом соревновании соседний район, а как будет с уборкой — неизвестно... Постепенно голоса стихают.

Выхожу из вагончика. Месяц примерк, и словно крупнее стали звезды. Над степью все тот же ровный гул тракторных моторов, а над Каменным логом, там, где пенятся в буйном цветении заросли терновых кустов,— гремучая и завораживающая дробь соловьиных раскатов.

* * *

Пережив в жесточайшую из войн самые суровые испытания и обретя булатную крепость, самоотверженно трудится наш народ на лесах новостроек, на заводах и шахтах, на безгранично раскинувшихся колхозных полях, на промыслах и в лабораториях, трудится во имя мира, во имя своего счастья и счастья поколений.

Тысячи наших юношей и девушек, которым партия и Советская власть широко распахнули двери университетов, институтов, средних школ, жадно впитывают знания, стремясь скорее стать активными строителями коммунистического общества и прийти на смену тем, кто строил социализм и оставлял мирный труд для того, чтобы с оружием в руках и с беззаветной преданностью и мужеством в сердцах отстаивать от многочисленных врагов свободу социалистической родины.

Устами своего правительства наш народ неоднократно заявлял о неизменном стремлении к миру. На протяжении долгих лет наше правительство не раз ставило вопрос о всеобщем разоружении. Но давным-давно известно, что мир нужен только трудовому человечеству, а не тем, кто наживает миллиардные барыши на изготовлении средств уничтожения, на крови простых людей.

Американским монополистам и их друзьям в Европе, как воздух, нужна война, как вода, необходима человеческая кровь.

Они слепнут от бешенства, взирая из-за океана на незыблемую и все растущую мощь нашего государства; они дрожат от ярости, вслушиваясь в победную поступь Народно-освободительной армии Китая; в тупую и бессильную злобу повергают их успехи стран народной демократии, уверенно идущих к социализму, и черной ненавистью исполнены их сердца ко всякому живому, гордому, честному — к свободолюбивым народам Греции, Индонезии, Вьетнама,— к тем, кто, истекая кровью, героически сражается за свою независимость, кого, при всем желании, никак не могут они поработить и удушить. Но подлинно животный и неистребимый страх испытывают капиталисты перед народами своих стран, перед их неуклонно растущей политической сознательностью и активностью. Они смертельно боятся своих простых людей, потому что знают, чья карающая рука возьмет их за глотку, когда наступит час расплаты за все их неисчислимые дьявольские злодеяния. И они спешат с войной, чтобы хоть на короткий срок оттянуть свою гибель и неизбежный крах своего хищнического строя, прикрытого фиговым листком «демократии»; они торопятся, в тщетной надежде на то, что, обескровленные в будущей войне, народы присмиреют и не потребуют их к ответу. Напрасная надежда! Надежда, не стоящая выеденного яйца. Тот, кто всерьез хочет думать о будущем, не должен забывать прошлого, а на экране прошлого все еще чернеют тени висящего вниз головой Муссолини и на иной манер, но тоже повешенных главарей гитлеровской Германии.

Еще кровоточат на теле народов раны, нанесенные войной, светлый ум и мозолистые руки истинных хозяев земли не воссоздали еще всего того, что порушила война, не высохли слезы на глазах матерей и вдов, и детям нашим все еще снятся беспросветные ночные затемнения и обвальный грохот бомбежек, а воротилы с Уолл-стрита уже снова держат на тонком, туго натянутом поводке смерть. Хлопают на высохших берцовых костях ее широкие голенища солдатских сапог, и пустые

глазницы незряче уставились на мирные кровли городов и сел земного шара.

Американские и английские фабриканты оружия жаждут беспрерывных войн, порождающих для них самих и для их семей не слезы и не страдания, а неиссякаемые источники доходов. И вот уже приведены в действие явные и скрытые пружины, толкающие народы к новой войне, изобретаются чудовищные средства истребления миллионов людей, расходуются на вооружение армий миллиарды долларов, принадлежащих массам трудового народа, заключаются направленные против нашей страны и стран народной демократии агрессивные пакты, создаются многочисленные военно-воздушные базы, через проституированную дотла печать и через продажное радио разжигается военная истерия. И вот уже похваляются тупоголовые американские остряки, пропагандируя в своей печати рисунок, изображающий пресловутого дядю Сэма, протянувшего через океан руки к Москве и другим городам нашей родины. Под рисунком лихая надпись: «Вот какие длинные руки у дяди Сэма!» Похваляются самодовольные кретины, не зная, по своему невежеству, того, что исстари повелось у нас так: с длинными руками стояли только нищие на церковной паперти, просили милостыню, нищим и убогим в в старину это дозволялось, а воинственным пришельцам с длинными руками испокон веков рубил наш народ до плеч загребущие руки.

Давно уже, сразу после окончания второй мировой войны, кликнут американской реакцией клич, призывающий к войне против Советского Союза, и под черные разбойничьи знамена Уолл-стрита послушно топают подонки наций и их вожаки. И кого только нет в рядах этого омерзительного шествия, бесстыдно совершаемого на глазах всего человечества!

Но, как и полагается для богатой капиталистической страны, богаче всех представлены в этом сборище людского непотребства и гнуси заокеанские поджигатели войны — очень воинственные, но очень мало или совсем не воевавшие генералы, столь же легко превращающиеся в дипломатов, как и некоторые банкиры в министров, плотно сбитая свора растленных борзописцев на

смычках у главного псаря Херста, во главе с Барухом — угрюмые человеконенавистники-атомщики, готовые спалить весь мир, но пугливо дрожащие за свои презренные шкуры, зоологические типы вроде Кэннона и мало чем отличающиеся от них балахонщики из ку-клукс-клана, фашистские псевдоученые и ничему, кроме игры в футбол, не учившиеся конгрессмены...

Всем им служит путеводной звездой тускло мерцающий доллар — в жизни нет у них иного светила,— и одно чувство руководит ими — жгучая ненависть к стране социализма, к своему пробуждающемуся народу.

И последним, замыкающим это зловещее шествие, уверенно семенит выкормыш Муссолини и Гитлера — скорпионно-фалангистский генерал Франко. Теперь он уже не чувствует себя отщепенцем цивилизованного человечества: он не прячет рук, обагренных кровью испанского народа, он уже не скрывается от дневного света, да и стоит ли ему скрываться, если открыто и не стесняясь прелюбодействуют с ним англо-американские «демократы», заправляющие политикой своих государств.

А в далеком Ватикане уже воздета немощная рука главы католической церкви: со слезами умиления благословляет «святейший» римский папа весь этот ведьмовский шабаш на очередной «крестовый поход» против нашей родины, против коммунизма — единственной надежды трудового человечества во всем мире.

Но велики и могущественны силы, стоящие за мир. Они растут и крепнут с каждым днем.

Что же, кроме истребительной войны, обещают человечеству капиталистические заправилы и их наемники? Голод, нищету, неисчислимые страдания и бедствия.

Новоявленный фашистский идеолог Вильям Фогт в своей книге «Путь к спасению» пишет с непревзойденным по цинизму фарисейством, что Америка якобы перенаселена, что сорок пять миллионов американцев, по сути, являются лишними ртами за «родительским» столом дяди Сэма. Мало этого, он считает, что перенаселен весь мир, а отсюда и вывод: необходимы войны, эпидемии, стерилизация — все, что способствует сокращению народонаселения.

Человеконенавистник и убийца, он считает, что «самой страшной трагедией для Китая сейчас было бы снижение смертности населения», что «голод в Китае не только желателен, но и необходим». В то время как пытливая мысль лучших умов человечества направлена к тому, чтобы продлить жизнь человека, избавить его от болезней, преждевременно уносящих в могилу бессчетное число жертв, Фогт, этот презренный фашистский выродок, считает, что врачи, «спасая людей от смерти», совершают преступление, что «они несут ответственность за продление жизни миллионов обнищавших людей». Он предлагает выплачивать небольшую сумму денег всякому, в особенности мужчинам, кто согласится на «несложную операцию в целях стерилизации». Он полагает, что за считанные гроши голодные безработные и рабочие низкооплачиваемых профессий капиталистических стран согласятся на оскопление.

В омерзительной книге Фогта пределом бесстыдства и насмешки над человеческими чувствами является его предложение о том, чтобы осуществлением стерилизации народов занялась Организация Объединенных Наций.

И неспроста к книге Фогта написано предисловие другим человеконенавистником, атомщиком Барухом. Это он через год после окончания второй мировой войны сказал: «Мир кажется прекрасным во время дикостей войны, но он становится почти ненавистным, когда война окончена». В свое время, как известно, Барух был американским представителем в комиссии Организации Объединенных Наций по контролю над атомной энергией, а теперь, наверное, не прочь бы возглавить контроль над проведением кастрации человечества.

Книга Фогта полезна потому, что она открывает глаза простым людям Америки и Европы на истинные намерения тех, кто до сих пор, болтая о своем мнимом миролюбии, вынашивает идиотские планы господства над миром, тех, на чьем содержании находятся Фогт, Барух и подобные им.

Книга Фогта полезна так же, как и выступление в американском конгрессе людоеда Кэннона, наивно полагающего, что за интересы империалистов молодежь Европы будет отдавать свою жизнь.

Времена ландскнехтов миновали, и ни за чечевичную похлебку, ни за свиную тушонку нельзя купить кровь и и честь народов Европы.

В первую мировую войну американские капиталисты наживали на каждом погибшем на войне солдате три тысячи восемьсот долларов прибыли, во вторую мировую войну неизмеримо возросли их барыши.

Стремясь развязать новую войну, они рассчитывают на еще более крупную наживу. Но трижды подумает каждый юноша, на кого монополисты пытаются натянуть форму наймита, стоит ли ему идти на войну и отдавать свою жизнь за интересы еще не насытившегося чужой кровью Уолл-стрита.

В ответ поджигателям войны со всех концов земного шара уже гремит могучий голос разгневанных народов: «Мы хотим мира, а не войны!»

От имени шестисот миллионов прогрессивного человечества представители всех наций заявляли с трибуны Международного конгресса сторонников мира, что они будут всеми средствами бороться против развязывания войны.

За каждым выступавшим на конгрессе делегатом стояли миллионы простых людей различных стран мира. Делегат шотландских горняков Джон Вуд сказал: «Мы хотим мира для восстановления своих стран. Но пусть империалисты не заблуждаются. Народы, которые были представлены на конгрессе,— это не покорная масса, а динамическая сила. Они готовы противостоять империалистическому наступлению, будучи уверены в том, что силы мира сильнее сил империалистов и, значит, мир может быть обеспечен». И это был подлинный голос английского народа.

Марсель Фурье писал в газете «Либерасьон»: «Организация мира началась. Создана постоянная организация в защиту мира. После замечательного конгресса в зале Плейель, после незабываемой манифестации на стадионе Буффало никто не сможет отрицать того, что на земном шаре возникло международное движение в защиту мира. Воля народа — сделать мир реальностью». И это был голос французского народа.

Англо-американские империалисты хотят пожертво-

вать жизнью молодого поколения ради своих корыстных целей. Но делегат конгресса Китти Хукхэм заявила: «От имени Всемирной федерации демократической молодежи, которая объединяет в своих рядах пятьдесят миллионов юношей и девушек, борющихся против войны, за лучшую жизнь, от имени борющейся демократической молодежи Испании и Греции, от имени молодежи колониальных стран — от имени всей демократической молодежи мира мы торжественно заявляем, что приложим всю свою энергию, все силы для победы мира, для победы демократии и независимости всех народов».

Парижский конгресс сторонников мира показал огромную, всепобеждающую силу демократического фронта, и потому так испугалась его реакция всех мастей.

Всемирный конгресс сторонников мира в Париже явился той трибуной, с которой прозвучал голос людей всех рас и наций, объединенных общим стремлением — спасти мир и цивилизацию от современных каннибалов, отличающихся от людоедов прошлого только усовершенствованной техникой истребления человека.

Поджигатели войны представляют собой ничтожную кучку людей. Чем дальше, тем больше они чувствуют свою моральную изоляцию. Они вынуждены скрывать свои подлинные планы, маневрировать, клеветать, изощряться в жульнических попытках представить себя в роли обороняющейся стороны.

Этот трюк не является их изобретением. Он взят из арсенала битых агрессоров. Человечество еще не успело забыть, что гитлеры, муссолини и тодзио развязали вторую мировую войну также под прикрытием истерических воплей о необходимости обороняться от так называемой «красной опасности». Подобные приемы не спасли агрессоров прошлого. Они не спасут и современных претендентов на мировое господство.

Агрессоры боятся мира, потому что мирное развитие человечества идет в определенном направлении — к коммунизму.

Агрессоры боятся народов, потому что народы не хотят принести себя в жертву разбойничьим планам и алчности магнатов капитала.

Парижский конгресс и национальные конгрессы в защиту мира, показавшие мощь фронта мира, вызвали чувство растерянности среди поджигателей войны.

Англо-американские империалисты пытаются прикрыть свою слабость широковещательной рекламой атомных бомб и атомных блоков. Они рассчитывают запугать слабонервных.

Тщетные надежды! Лагерь мира, демократии и социализма уверен в своих силах.

Он смело смотрит в свое историческое завтра.

Мы видим, как множатся ряды борцов за мир. Сознавая свое могущество, они станут неодолимой преградой на пути поджигателей войны, они смогут удержать преступные руки, заносящие над миром беспощадный меч войны.

Мраком обреченности окутан доживающий свой век капиталистический Запад. Но для трудового человечества всех стран ярким светом надежды полыхает занявшаяся на Востоке заря свободы и счастья.

Свет победит мрак. И, спаянное узами дружбы и братства, человечество скажет:

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

1949

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТОРОННИКОВ МИРА

Товарищи делегаты!

Родные мои соотечественники и товарищи по идее, высочайшей идее в истории человечества, которая объединяет и ведет нас!

Товарищи зарубежные гости, близкие нам по сердцу и по совести люди!

К вам обращается не оратор, а писатель, привыкший общаться с простыми людьми.

Простите меня за простой язык, но поймите и другое: когда жизнь зовет тебя во имя жизни, начинает говорить человек, даже плохо владеющий устной речью...

Великая, величайшая из стран мира — наша родина-мать, орлица, покрывающая своими могущественными крыльями сто одиннадцать национальностей,— созвала нас сюда для того, чтобы мы сказали от имени народов гневные слова абсолютного отрицания по адресу тех, кто хочет развязать новую войну. Пожалуй, нет среди нас, собравшихся здесь, людей, которые не потеряли бы близких, кто не имел бы на сердце ран, нанесенных последней войной...

Капиталисты и их прислужники готовят новую войну. Ради наживы, ради собственного животного благополучия они хотят дать в трату наших детей, нас самих...

Не выйдет!

Тот, кто трудится, кто честным трудом зарабатывает право на светлую жизнь, тот решительным голосом говорит: «Мы хотим мира!»

Народы об этом сказали на конгрессах мира...

Пусть это послужит безоговорочным предупреждением всем тем, кто еще думает создавать свое благополучие на крови трудящегося человечества, что дело не выйдет!

Честный английский или американский солдат, солдат, одетый в любую форму, не будет воевать против своих родных, которые хотят ему одного: счастливой человеческой жизни!

Пусть думают те, кто хочет развязать новую войну, о том, что суд народа — тягчайший суд.

Мы смотрим в мир и в будущее светлыми глазами, мы, как никто, верим в наше будущее...

В стране, где нет разделения между умственным и физическим трудом, все встречаются друг с другом запросто. Хотелось бы мне сказать вам под конец об одной такой встрече с «простым человеком», о которых господа типа Черчилля не говорят.

Это просто тракторист, рядовой человек нашей страны. Он честно воевал, он кончил войну в Берлине, он был четыре раза ранен во время войны и снова возвращался в строй. Говоря с ним о жизни, о будущем, услышал я такую фразу:

— Широкие плечи и у меня, и у Советского Союза. Мы всё выдержим!

1949

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ПЕРЕДОВИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Товарищи! Здесь собрались лучшие представители тружеников социалистических полей района. Пользуясь случаем, я хочу лично, без посредства телеграфа, в вашем лице передать мою сердечную благодарность трудящимся района, тем, кто почтил меня высоким доверием, который раз выдвинув мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР.

На Верхнем Дону, в наших краях, наступает горячая пора — весенний сев. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) в своем постановлении о ходе подготовки к весеннему севу поставили перед хлеборобами большие задачи. Мы должны успешно решить эти задачи. Внимание партии и правительства, которое оказывается хозяйственным нуждам нашего района, обязывает нас к этому. Каждый из нас, на каком бы участке работы ни находился, должен работать, вкладывая в свой труд всю присущую ему силу.

По решению правительства в Вешенской скоро начнется строительство новой электростанции. Государством отпущены для этого значительные средства в размере около миллиона рублей. Соответствующие организации этим решением обязаны обеспечить строительство необходимыми материалами и доставкой их к месту строительства. Полагаю, что председатель райсовета депутатов трудящихся полностью информирует вас об этом большом и радостном событии в жизни

района. Новая электростанция полностью обеспечит энергией возросшие запросы нашего райцентра и, видимо, даст возможность в будущем осветить «лампочкой Ильича» колхозные хутора: Пигаревку, Гороховский, Черновский, Лебяжий и другие. Мы уже подошли к такому времени, когда электричество прочно входит в быт деревни и вытесняет керосиновую лампу.

Накануне решающих дней сева позвольте мне от всей души пожелать вам новых успехов в вашем благородном труде — провести сев быстро, в сжатые сроки, хорошо; вырастить обильный урожай и дать родине больше хлеба. Ведь каждому из нас ясно: чем больше дадим мы хлеба, тем могущественнее будет наша страна, тем богаче и радостнее будет наша жизнь!

1950

НЕ УЙТИ ПАЛАЧАМ ОТ СУДА НАРОДОВ!

Над моей родной отчизной плывут, проплывают в синем предосеннем небе белые, пушистые облака. Плывут они и над бескрайними степями Дона, и над необозримыми полями Кубани и Ставрополья... Мягкая тень их повсюду ложится на мирные города и села великого Советского Союза. Быть может, и на дальнем севере появится, как теплый и дружеский привет с юга, занесенное крепким ветром облачко, и восхищенный лесоруб или зимовщик проводит его задумчивым и долгим взглядом...

Плывут облака над землею родины, над огромнейшими просторами земного шара, и простой рабочий человек, который по-настоящему любит жизнь и творит ее, наверное, порадуется в этот сентябрьский день, глядя на нездешнюю красоту белой, чуть-чуть затуманенной снизу и тающей на крутом ветру тучки...

Над милой, маленькой страной Кореей, чей народ исстари славится и всегдашним миролюбием, и высокой древней культурой, и любовью к труду, в небе — такие же облака. Но выше облаков днем и ночью идут американские самолеты и сеют на корейскую землю смерть. В пепел и изгарь превращены многие корейские города и села. Потоки крови женщин, детей, стариков, убитых и раненных американскими молодчиками с земли, с воздуха и с моря, щедро текут по корейской земле.

...Алая, растекающаяся по затвердевшему снегу человеческая кровь! Кровь, густеющая и принимающая темно-вишневый оттенок в летнюю жару... Нам знаком

и цвет ее, и пресный, берущий за сердце и за горло запах. Нам знакомы и люди в мундирах цвета хаки, и руки их, с засученными по локоть рукавами и по локти обагренные кровью...

Беспощадными глазами смотрит человечество на злодеяния, совершаемые американским империализмом в Корее и Китае, и справедливый и неизбежный суд его будет столь же беспощаден!

Думая о Корее, хочется спросить у американских женщин: «И вам не больно?» И еще один вопрос, обращенный к американским мужчинам: «А вам не стыдно?»

Великий Ленин любил американского писателя Джека Лондона. По свидетельству покойной Надежды Константиновны Крупской, за два дня до смерти Владимира Ильича она вечером читала ему рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Эта книга и сейчас лежит на столе в его комнате. Из любви и уважения к величайшему человеку нашей эпохи — Ленину и к памяти большого и настоящего писателя Джека Лондона читатели простят мне длинную цитату.

Двое золотоискателей, вместе промышлявших где-то на севере Аляски, голодные, донельзя изможденные, пробираются по безлюдной северной пустыне к жилым местам. Рассказ начинается так:

«Они с трудом спускались по отлогому берегу, и тот, что шел впереди, один раз чуть не упал, споткнувшись о валуны. Они устали и ослабели, и на их лицах лежала печать покорности, рожденной долгими лишениями. Они сгибались под тяжестью тюков, завернутых в одеяла. Тюки держались на ремнях, которые были надеты на плечи и на лоб. Каждый из них нес ружье. Они шли сгорбившись, вытянув шею и не поднимая глаз от земли.

— Хотел бы я иметь сейчас хотя бы два патрона из тех, что мы припрятали в тайнике,— сказал второй путник.

Его голос звучал ровно и бесстрастно. Он говорил вяло, без всякого воодушевления. Тот, что шел впереди, шагнул в мутный поток, который пенился среди камней, и не удостоил товарища ответом.

Второй путник последовал за первым. Они не сняли обуви: вода была холодная, как лед,— такая холодная, что лодыжки у них заломило и ступни сразу онемели. В некоторых местах вода доходила им до колен, и оба они, пошатываясь, нащупывали ногами дно.

Тот, который шел позади, поскользнулся на гладком камне и чуть не упал, с трудом он удержался на ногах и громко вскрикнул от боли. У него закружилась голова, и он вытянул свободную руку, как будто пытаясь найти опору в воздухе. Восстановив равновесие, он шагнул вперед, но снова зашатался и чуть не упал. Тогда он стал как вкопанный и посмотрел на своего спутника, который шел впереди и ни разу не оглянулся на него.

С минуту он стоял неподвижно, словно борясь с самим собой. Потом крикнул:

— Слушай, Билл, я, кажется, вывихнул ногу!

Билл продолжал перебираться через мутный поток. Он не оглянулся. Второй следил за ним, лицо его попрежнему ничего не выражало, но глаза стали похожи на глаза раненого оленя.

Билл уже взобрался на противоположный берег и, не оборачиваясь, шел вперед. Второй стоял посреди ручья и следил за ним. Его губы слегка дернулись, и видно было, как над ними дрогнула жесткая рыжая щетина. Он провел по губам кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

В этом крике была мольба сильного человека, попавшего в беду. Но Билл не обернулся. Тот, что остался позади, следил, как он нетвердой походкой, спотыкаясь, неуклюже взбирается вверх по отлогому склону по направлению к неясной линии горизонта, сливающейся с низким холмом. Оставшийся позади следил за товарищем до тех пор, пока тот не перевалил через гребень и не пропал из виду. Тогда он отвернулся от холма и медленно обвел глазами тот круг вселенной, который остался ему после ухода Билла».

Подлость всегда будет подлостью, и пока еще, к сожалению, не перевелись на белом свете негодяи.

Нам понятно, как биллы с Уолл-стрита и лондонского Сити бросили на растерзание немецкому фашизму народы Европы. Они ставили ставку на то, что обескров-

ленный и обессилевший в жесточайшей, изнурительной войне с гитлеровской Германией Советский Союз выйдет из строя как могущественная держава и попадет в лапы англо-американским империалистам. Именно поэтому они как можно дольше откладывали открытие второго фронта. И советский народ в течение трех лет один на один, грудь с грудью, сражался с гитлеровскими полчищами.

Ныне меньшего масштаба биллы, купленные за тридцать сребреников и посланные в Корею своим правительством, ведут преступную войну против корейского народа и бродят по чужой земле по колено в крови!

Советский народ всегда относился и относится с большим уважением к трудовому американскому народу. Сталин в свое время с похвалой отозвался об американской деловитости. Но речь шла о трудовой деловитости, а сейчас все честное человечество мира, проклиная убийц, с гневом смотрит на то, с какой цинической «деловитостью» американские летчики уничтожают мирное население Кореи, как наемные солдаты американской армии, прикрываясь флагом Организации Объединенных Наций, ведут беспощадную войну против небольшого миролюбивого народа, желающего по-своему, без вмешательства извне, решить свою судьбу.

В прошлую войну, в первые годы ее, немецкие фашисты, посмеиваясь и явно желая вложить в прозвище некий оскорбительный смысл, называли нашего солдата «русским Иваном». Они посмеивались до тех пор, пока под Сталинградом «русский Иван» совсем отучил их не только посмеиваться, но даже улыбаться.

Что ж, хорошее имя Иван! Иванов миллионы в многонациональной Советской стране. Это те Иваны, которые сейчас беззаветно трудятся на благо и процветание своей родины, а в прошлую войну, как и на протяжении всей истории своей страны, с непревзойденным героизмом сражались с захватчиками.

Это они грудью прижимались к дулам немецких пулеметов, спасая товарищей по оружию от губительного вражеского огня, это они шли на таран в воздухе, прикрывая от бандитских налетов родные города и села, это они тонули в соленой воде всех морей и океанов,

омывающих нашу родину, и в конце концов спасли человечество от фашистской чумы, распростершей над миром черные крылья.

Не щадя ни крови, ни самой жизни, они делали свое святое и благородное дело как раз в то время, когда американские и английские капиталисты, наживаясь на войне, «делали доллары».

Символический русский Иван — это вот что: человек, одетый в серую шинель, который, не задумываясь, отдавал последний кусок хлеба и фронтовые тридцать граммов сахару осиротевшему в грозные дни войны ребенку, человек, который своим телом самоотверженно прикрывал товарища, спасая его от неминуемой гибели, человек, который, стиснув зубы, переносил и перенесет все лишения и невзгоды, идя на подвиг во имя родины.

Хорошее имя Иван!

А вот немецко-фашистских вояк наши солдаты с уничтожающим презрением называли «фрицами». С чем связано в представлении народов, некогда побывавших под игом немецко-фашистской оккупации, имя Фриц? Грабежи, насилия, пожары, убийства беззащитных женщин и детей и еще одно: «Млеко, курки, яйки, шпиг...»

Зловещую память оставило у народов простое немецкое имя Фриц. И будет горько и стыдно за американский народ, если простое имя Билл навсегда останется в памяти у человечества как синоним мужского бесчестия, продажности и подлости, которым никогда не будет оправдания...

Американский народ за относительно недолгое время своего исторического существования породил и десятки миллионов честных тружеников, и выдающихся людей в области политики, науки и техники, искусства и литературы. Их имена с уважением вспоминает не только американский народ, но и все благодарное человечество.

Но есть имя в сегодняшней американской действительности, которое все чаще с гневом и ненавистью произносится честными людьми всего мира,— имя теперешнего президента США Гарри Трумэна. Он — человек с тонкими, безжалостными губами и лицом иезуита — впервые послал в Японию самолеты с атомными бомбами. Он и теперь, не смущаясь, говорит: «Я не заду-

маюсь вновь применить атомную бомбу, если в этом будет необходимость».

«Необходимость» господин Трумэн всегда найдет. А если не найдет сам, ему ее обязательно подскажут его прямые хозяева с Уолл-стрита.

Но, как близкие и страшные раскаты грома перед могучей, очищающей землю грозой, звучат голоса сотен миллионов разгневанного человечества, протестующего против американской интервенции в Корее, против применения атомной бомбы.

Как неиссякаемый родник, долговечна память народов, и она никогда не забудет американскому империализму ни содеянных преступлений, ни его угроз миру и человечеству.

Нельзя без иронической улыбки читать биографию Трумэна.

Передо мной лежит статья П. Табори, переданная агентством Рейтер вскоре после избрания Трумэна президентом и озаглавленная «Рядовому человеку повезло». Статья заслуживает внимания не только американского читателя и настоятельно требует примечаний. П. Табори пишет: «Жизнь, характер, политические взгляды и общую философию тридцать третьего президента США можно охарактеризовать словами «золотая середина». У Трумэна нет никаких резко выраженных черт, присущих гению. До настоящего времени, когда он вдруг оказался на авансцене как член «большой тройки», которая вершит судьбами всего мира, вся его карьера состояла из медленного и постепенного продвижения».

О своей родословной Трумэн говорит: «У нас всего понемножку. Если потрясти родословное дерево, то может выпасть что угодно: шотландская, ирландская и голландская кровь там обязательно найдется».

Когда-то Трумэн жил на бабушкиной ферме, и мать хвастала тем, что якобы «никто в стране не умеет вспахать такую прямую борозду», как Гарри.

Президент Трумэн не раз повторял, что наибольшее влияние на него имела мать. Когда Трумэн завоевал место вице-президента, то сразу сообщил об этом матери по телефону. Ей был девяносто один год, и успехи сына ее не взволновали. Когда Трумэн объявил о своем избра-

нии, все, что она сказала, было: «Будь хорошим мальчиком, Гарри».

Не оправдалось пожелание старушки. Не вышло из Гарри хорошего мальчика, как не вышло из него американского генерала, о чем когда-то он мечтал, как не вышло из него воротилы банка, в котором он когда-то работал... В одном оправдались слова мамаши Трумэна: Гарри пашет прямую борозду, но борозда эта лежит от бабушкиной фермы до Уолл-стрита, а оттуда — по абсолютной прямой до неудержимого желания поработить свободолюбивый Китай и до нынешней гнусной войны в Корее.

В статье П. Табори, услужливо и подобострастно описывающей биографию президента, говорится о том, что Гарри Трумэн во время первой империалистической войны был офицером хозяйственной службы в одном из военных лагерей и затем, после окончания войны, в 20-х годах, неудачно пытался открыть галантерейный магазин. Как особую добродетель Трумэна Табори расценивает выплату незадачливым галантерейщиком образовавшихся долгов.

Доброе дело — всегда платить долги. Но есть у людей один вопрос: какими долларами господин Трумэн и его хозяева — монополисты думают расплатиться за реки и моря пролитой корейской и китайской крови?

В статье П. Табори говорится: «Свою политическую карьеру Трумэн начал, заняв пост судьи в штате Миссури. В этом штате судью не утруждали работой по возданию правосудия. Его дело заключалось в надзоре за общественными работами, и Трумэн завоевал репутацию строителя хороших дорог и дренажной системы».

Не утруждая себя работой «по возданию правосудия» и преуспевая на более выгодном поприще строительства дорог и дренажной системы, Трумэн прославился еще и тем, что под его руководством в графстве Джексон было построено роскошное здание, стоимостью в два с половиной миллиона долларов.

Не университет для юношей и девушек графства Джексон, не санаторий для больных туберкулезом детей, не дом отдыха для рабочих построил Трумэн. Нет,

это великолепное здание воздвигнуто было для суда. Быть может, нынешний президент США, будучи последовательным дельцом, строил и тюрьмы, но, во всяком случае, он и в начале своей карьеры отлично знал, какого рода строительством можно было угодить своим хозяевам и что им больше всего по вкусу.

Протащенный в сенат боссом Пендергастом — человеком далеко не безупречной репутации,— Трумэн спешит, отчаянно торопится заверить своих избирателей в том, что босс Пендергаст никогда не пытался предлагать ему совершить бесчестный поступок. Ой ли! Не за красивые же глаза протащил в судьи и в сенат господина Трумэна матерый аферист и бандит Пендергаст, управляющий в то время штатом Миссури? Почему в таком случае общественность штата называла Трумэна «посыльным Пендергаста»? Спроста ли Пендергаст утверждал, что «я смогу сделать моего собственного посыльного американским сенатором, если я того пожелаю»?

Скандальные аферы и мошенничества «миссурийской шайки», впрочем, типичны для хваленого «американского образа жизни».

В связи с убийством в апреле этого года закоренелого гангстера и политического босса Чарльза Бинаггио, занявшего «пост» Тома Пендергаста — закадычного приятеля Трумэна,— конгрессмен Шорт, выступая в палате представителей, приоткрыл краешек завесы над тайной этого убийства. «Вы знаете, что даже воры ссорятся,— говорил Шорт.— Бинаггио стоял на пути. Его убрали».

Шорт напомнил, каким образом Трумэн попал в Вашингтон: «Он попал в Вашингтон, добиваясь избрания в сенат США в борьбе с двумя бывшими членами палаты представителей — Джейкобом Миллиганом и покойным Джеком Кокреном. Когда были подсчитаны бюллетени, то оказалось, что Трумэн получил большинство, собрав около ста тридцати семи тысяч голосов, причем это число почти вдвое превышало тогдашнее число избирателей в Канзас-Сити, и каждый в штате Миссури знает, что были опущены бюллетени за людей, умерших двадцать лет назад, и имена их были списаны с могиль-

ных памятников. Таким образом Трумэн попал в сенат...»

Далее Шорт заявил конгрессменам: «Я распутал достаточный кусок веревки для того, чтобы повесить многих из вас в ноябре». (В ноябре, как известно, состоятся выборы в конгресс.— *М. Ш.*)

Вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк дэйли ньюс» Джон О'Доннел (известный знаток преступного мира) писал 6 апреля этого года: «У президента Трумэна весьма странные друзья... Покойный Бинаггио, который захватил контроль над Канзас-Сити, перед своей внезапной кончиной неоднократно посещал Белый дом. Он был на большом обеде в Канзас-Сити, на котором присутствовали Трумэн и Бойл, и, согласно сообщениям, ему был оказан холодный прием. Этот Бинаггио был слишком честолюбив. Он начал повсюду оказывать давление. Таким образом, некоторые молодчики позаботились устранить эту местную угрозу власти Трумэна — Бойла — Пендергаста в Канзас-Сити. Позаботились решительно и основательно, в духе традиций старого Пендергаста».

Вот почему Трумэн до последнего времени с подозрительной настойчивостью руками и ногами открещивается от темных связей с Пендергастом, которому он, по сути, всем обязан. Любопытно было бы узнать, какую сумму перед смертью уплатит Трумэн своему приятелю — римскому папе — за покупку индульгенции. А если протеже Трумэна, американский кардинал Спеллмен восшествует на папский престол, то президенту, возможно, и гроша платить не придется...

Прислуживающийся журналист, захлебываясь от подобострастного восторга, пишет, что Трумэн, будучи в сенатской комиссии по расследованию деятельности военных лагерей, сохранил Америке многие миллионы долларов и с той поры стал «сторожевым псом американского налогоплательщика».

«Сторожевой пес» — это, пожалуй, чисто по-американски грубо. Скорее, Трумэн стал лакеем налогоплательщиков. Но чье добро охраняет старательный лакей? Сверхбогатых хозяев, распухших от сверхприбылей и вершащих с Уолл-стрита судьбами Америки! Именно их

добро и стережет старательный лакей, потому что бедняки, как известно, лакеев не держат.

Еще раз допустим, что рачительный Трумэн сохранил миллионы долларов, а сколько миллиардов просадил он в Китае, тщетно пытаясь спасти подохший и уже давно издающий зловоние гоминдановский режим? Вопрос, над которым, кстати, стоило бы призадуматься скромным налогоплательщикам Соединенных Штатов — рабочим, фермерам, служащим.

Угодливо описывая внешность и одежду Трумэна, П. Табори не упускает случая сообщить даже о том, что Трумэн предпочитает галстуки, завязывающиеся бантом. К слову сказать, среди немецко-фашистских военных преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе, было тоже немало любителей нарядных галстуков, но все дело в том, что кончили-то они свою преступную жизнь не с галстуками на шеях, а с веревочными петлями.

В Америке существует обычай: после избрания президента гражданин США, по рекомендации сенатора, может прийти в Белый дом для того, чтобы почтительнейше пожать президентскую руку. Наверное, когда-то и Трумэн, приятно улыбаясь, обменивался рукопожатиями со своими согражданами. Но сейчас ему не до рукопожатий, у него заняты обе руки: одной он любовно и бережно прижимает к груди атомную бомбу, а другой, обагренной кровью корейского народа, пытается задушить Корею. Такую руку человек-труженик отныне не пожмет из чувства элементарной человеческой порядочности и простой брезгливости.

А что касается таких черт в личности человека, руководящего государством, как отсутствие гениальности, что приводит в восторг многих американцев, восхваляющих «среднего человека», «золотую середину» или, короче говоря, посредственность, то американцам не надо бы забывать одного факта: вползавшие в фашизм немцы в свое время были не в меньшем восторге от того, что их «фюрер» — «обыкновенный человек» и всего-навсего лишь простой ефрейтор.

Мы знаем, во что обошлось человечеству властвование бездарной посредственности, «простого немецкого

ефрейтора», осмелившегося в тупом безумии мечтать о господстве над миром.

Американские буржуазные журналисты утверждают, что Трумэн «представляет собой самую большую загадку для всего мира».

Нет, не представляет! Уже давно разгадана эта «загадка» всеми честными людьми. И для трудящихся мира, в том числе и Америки, было бы во много раз лучше и безопаснее, если бы Трумэн находился не в Белом доме, а на бабушкиной ферме. Там он мог бы на досуге трясти свое родословное дерево и предаваться другим невинным занятиям. Даже, на худой конец, если бы он сидел где-либо за прилавком в галантерейной лавочке и торговал подтяжками и женскими гребенками, и то было бы лучше.

К общей беде, злобная посредственность по указке магнатов капитала, душителей лучших сынов американского народа, правит в настоящее время Америкой. Миллиардерам Америки — морганам, дюпонам, рокфеллерам, меллонам,— чья хищная деятельность всю жизнь проходит в глубокой тени, кто боится дневного света и честных глаз рабочих людей, нужен не великий человек, не гений, а просто послушный слуга в Белом доме, обязанный по одному движению бровей разгадывать малейшее хозяйское желание. Исполнительный, покорный слуга, конечно, заслуживает поощрения: потому-то американская буржуазная печать, купленная на корню, на все лады восхваляет Трумэна, курит ему дешевенький фимиам.

Трумэн платит хозяевам лакейской привязанностью: к хозяйским стопам он положил бы и великий Китай, и Корею, и Вьетнам. Он положил бы весь земной шар, но коротки лапы, и народы мира, голосующие против войны и против применения атомной бомбы, не дадут им отрасти!

«Примерный семьянин» — таким рисует Трумэна буржуазная печать Америки.

Когда Трумэн был избран вице-президентом США, фотографы попросили его сняться перед микрофоном. «Маргарет,— сказал Трумэн своей дочери,— приведи с собой маму, нас еще раз будут снимать».

Что и говорить, идиллическая картина! А вот другая, запечатленная на фронтовой фотопленке: на корейской земле лежит истерзанная осколками трумэновской авиабомбы молодая корейская мать. Одежда ее в крови. Мертвую грудь ее сосет осиротевший ребенок... Думается, что «джентльмен из Миссури» и на минуту не закроет глаз, мысленно не представит, что на земле, поверженная смертью, навзничь лежит его жена и крохотная Маргарет сосет ее мертвую грудь... Это выше его понимания, это доступно только человеку.

Он — в первую мировую войну бравый офицер хозяйственной службы,— пожалуй, процедит сквозь зубы: «На войне как на войне» — или что-либо иное в этом роде, но любая фраза — не всеспасающий щит, она не укроет и не спасет ни от тяжкой ответственности, ни от заслуженного наказания.

Никогда и нигде не спасет!

В смерти десятков тысяч невинных жертв американской вооруженной интервенции в Корее виновны не только кровавые палачи макартуры и все те, кто свирепо, со звериной, с бездумной жестокостью расправляется с мирным населением Кореи, но — и прежде всего — Уолл-стрит и его верный слуга Трумэн.

Куда уйдут они от правосудия народов? Суд человеческой совести и чести пощады не знает!

В политических кругах Соединенных Штатов вспоминают о том, что в октябре 1944 года в херстовской печати были опубликованы данные под присягой показания, согласно которым Трумэн являлся членом ку-клукс-клана. Одно из этих показаний было дано Ли Алленом, демократом, проживающим в Кингсвиле, штат Миссури. Ли Аллен занимал различные государственные посты. В его показании говорилось: «Поскольку в 1922—1923 годах я был одним из «циклопов» группы ку-клукс-клана в Индепенденс, штат Миссури, и поскольку, возглавляя эту группу, я знал большинство ее членов, я приношу торжественную присягу в том, что в 1922 году Гарри Трумэн подал заявление о приеме его в члены группы ку-клукс-клана в штате Миссури».

Некто Годдард, который в течение восемнадцати лет жил по соседству с матерью Трумэна, дал следующие показания:

«Я, Л.-Х. Годдард, будучи членом «Хикман миллс», группы ку-клукс-клана в Миссури, в конце 1922 года присутствовал на собрании, на которое допускались только члены ку-клукс-клана в Грандоллс — Пасчур, штат Миссури; на этом собрании присутствовало почти двадцать тысяч членов клана из западных округов Миссури, и одним из главных ораторов был Гарри Трумэн».

Как сообщил корреспондент агентства Юнайтед Пресс из Канзас-Сити 26 октября 1944 года, профессор местного университета Брюс Тримбл заверил, что у него имеется двадцать письменных заявлений, подтверждающих, что Трумэн являлся членом ку-клукс-клана и выступал с речью на собрании в Грандоллс — Пасчур.

Посмотрите на него, люди, на американского фашиста в белом балахоне! Это он, умеющий линчевать негра, с такой же простотою убьет и вас. Он прячет глаза, прорезав узкие щели в капюшоне, но глаза его столь же бесстыдны и бессовестны, как у Гитлера, у Геринга, у Гиммлера.

Он, олицетворение человеческой подлости в прошлом и настоящем, он, презренный лицемер из Белого дома, ни одного своего публичного выступления не начинает и не кончает без упоминания имени бога, бессовестно спекулируя на религиозных чувствах простых людей Америки. С неслыханным бесстыдством он афиширует свою собственную религиозную «добродетель», охотно сообщая в печати о том, что ежедневно по вечерам проводит час в уединении и молитве «о мире для всего мира».

Ханжа умело распределяет свое «рабочее время»: час на фарисейскую молитву, а десять — на подготовку новой мировой войны, на разработку очередных агрессивных планов, на подписание приказов о посылке в Корею дополнительных подкреплений...

К чему призывают Трумэн и его хозяева, поджигатели новой мировой войны? В фашистском листке «Вашингтон таймс геральд» откровенно пишется: надо

«истреблять гражданское население — мужчин, женщин и детей, сжигать и взрывать целые города... Для истребления враждебного народа надо сбрасывать бомбы так, чтобы уничтожить без всякой жалости мужчин, женщин и детей, сжечь их жилища, разрушить заводы, отравить воду, выжечь урожай и превратить самую землю в безжизненную пустыню».

С «отеческой» улыбкой смотрят на своих змеенышей Трумэн и те, кто стоит за его спиной.

Ядовито жало, но могучие рабочие руки сумеют оторвать жало вместе с головой!

* * *

Не на западе рождается утренняя заря, не на западе восходит жизнетворящее солнце. Никогда не пойдет человечество за наймитами капитала.

Пусть пока еще не битые по-настоящему американские мальбруки в генеральских мундирах усердно, по примеру Гитлера, топчутся вокруг глобуса. Пусть страдающий слабостью зрения «богомольный» обитатель Белого дома кликушествует и носится с атомной бомбой, как дурень с писаной торбой. Пусть заправилы американской военной промышленности потирают руки в чаянии грядущих прибылей. Пусть продажные печать и радио Америки всеми силами и средствами пытаются очернить, оклеветать советский народ и его родную Коммунистическую партию.

Мы неуязвимы! Мы под надежной защитой бессмертных идей коммунизма и правоты своего дела. И все честные, трудовые люди обоих полушарий с нами!

Руки, умеющие нежно ласкать ребенка, руки, которые рубят уголь, водят поезда, строят дома и заводы, пашут землю и бережливо ухаживают за своими станками, голосуют за мир! Нежные руки людей, на кончиках пальцев которых трепещет музыка, и милые руки, врачующие человеческую боль,— голосуют против войны. Умные руки, умеющие создавать величайшие ценности человеческого труда, голосуют против войны, за доброе будущее тех, кто честно зарабатывает свой хлеб!

* * *

Пока слабонервные люди и люди, желающие разбогатеть на третьей мировой войне, говорят о новом чудовищном кровопролитии,— советский народ преобразует природу, насаждает леса, создает грандиозные гидроэлектростанции на Волге и каналы, орошает огромные пустыни, делает все, чтобы краше и светлее была жизнь человека!

В гигантском размахе созидательных работ все передовое человечество видит новое, ярчайшее проявление мощи Советской державы и неизменной миролюбивой внешней политики Советского правительства.

1950

С НОВЫМ ГОДОМ, РОДНЫЕ ЛЮДИ!

Накануне грядущего года, открывающего второе пятидесятилетие нашего века, как и всегда, мы вспоминаем о том, что сказал наш бессмертный Ленин на грани двух столетий, создавая величественную партию, какую порождал русский героический рабочий класс.

«Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящих лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее...»

В нашей стране эта крепость взята. Мы построили новый, светлый мир. Эти крепости взяты и в странах народной демократии, строящих новую жизнь. На светлый путь встал наш собрат, великий китайский народ. Будем ждать, что люди труда возьмут все крепости и всюду. Темные силы не послужат неодолимой преградой! Народ победит! Мы в это верим, беззаветно боремся и будем жить вовеки — за нами радостная жизнь, созданная нашими руками!

Мои родные соотечественники, товарищи, друзья будут встречать грядущий год с крепчайшей верой в торжество коммунистических идей.

Наступает вторая половина века.

Будет ясная заря у всего человечества. Будет утро с чистым небосклоном... Проснется мать, проснется дитя в колыбели — и никто не вспомнит и не подумает

о том, что когда-то были на свете макартуры, трумэны...

По моим родным степям идет канал Волго-Дон, создается громадная оросительная система. Грандиозными стройками большевики преобразуют лик всей советской земли. Радостно жить и творить, будучи сыном такой великой родины, такой великой партии.

С Новым годом, родные люди!

1951

С РОДНЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ — ЗА МИР!

В нашей великой стране социализма совершаются величественнейшие в сравнении со всем тем, что знала история земли, стройки, создаваемые трудовыми руками трудящихся на свое благо.

Мы видели и смертное горе, которое несла опустошительная война; мы видели нашу родную землю, залитую кровью близких нам людей... Мы познали и всю тяжесть созидательного труда, ложащуюся на плечи тех, кто восстанавливает и строит. От всего сердца, любящего живое на земле, от всей души мы обращаемся ко всем честным людям мира: скажите ваше решительное «нет» войне! Призовите народы к борьбе за мир!

Трудящееся человечество смотрит на то, что происходит сейчас в Корее, не глазами, задернутыми дымкой слез безвольного сочувствия, но глазами, исполненными гневной и нещадной решимости сопротивления, ненависти и презрения к тем, кто творит черные дела, убивая беззащитных женщин, детей и стариков.

Пора в конце концов раз и навсегда покончить с тем, что является смертельным стыдом для человечества,— варварскими бомбежками сел и городов, массовым истреблением ни в чем не повинных людей.

Человеческая совесть противится тому, что творят англо-американские захватчики, разбойничая под флагом Объединенных Наций в стране, которая для всех народов мира всегда была близка и родна, как страна «утренней свежести».

Истребительную войну готовят человечеству те, кто давно перестал быть людьми. Но все разумное, все честное страстно протестует против замыслов извергов человечества.

Кто трудом добывает свой хлеб, тот против войны! Вот почему мы, советские люди, требуем заключения Пакта Мира между пятью великими державами, вот почему мы поддерживаем наше правительство, поднявшее могучий голос за мир, за заключение Пакта Мира.

Нет! Не должны армии империалистических наемников лишать жизни тех, кто мирно трудится и, встречая восход солнца, радуется «утренней свежести». Пусть над землей поют заводские гудки, пусть вместе с дымком рвутся свистки паровозов, пусть машины, работающие на благо человечества, ходят по бесконечным просторам земли, принадлежащей тем, кто пролил на ее вечно любящую грудь и пот, и кровь, и слезы.

От имени великого советского народа скажем сердечное и нерушимое слово о воле к миру. Мужественными сердцами, закаленными в великой борьбе за дело трудящегося человечества, мы горячо стремимся к миру.

Вместе со всеми народами мира мы к нему придем!

1951

ЛЮБИМАЯ МАТЬ-ОТЧИЗНА

Зимней, синеющей дымкой покрыты просторы нашей родины, ходят туманы над вечно устремленными ввысь гордыми вершинами величественных горных хребтов, над древними морями и океанами, омывающими родные берега отчизны. Влажным, ласково-мягким туманом повиты поля, возделанные и взлелеянные трудовыми руками советских людей. Мелкой изморозью, серебряным бисером светится каждый листок озими, вороненой сталью отливает каждый пласт поднятой под зябь земли...

Вот и теперь, сейчас, где-нибудь на юге, наверное, зябко дрожит под лютым декабрьским ветром опаленная первыми заморозками веточка белой акации, а на западе — как бы отягощенные воспоминаниями — низко склонили ветви сосны и ели; и на восходе и на закате солнца, когда косые солнечные лучи ощупью бродят по лесам, как следы, блестят натеки смолы на иссеченных пулями и осколками стволах живых еще деревьев...

И кажется в эту зимнюю ночь: только чайки — над безднами наших морей и океанов, только ястреб парит над заснеженным морем колхозных полей, только — клекот орлиный над вышними отрогами наших недоступных гор...

И кажется, что земля, извечная кормилица, притихла, задумалась и в тишине, как будущая мать, собирает жизнетворящие силы для новых свершений.

Но эта новогодняя тишина — кажущаяся тишина. Нет, ни на секунду не слабеет, не затихает могучий ритмический пульс страны социализма! Чайки встречают и провожают наши корабли, пенящие воды всех океанов мира. Не молкнут в недрах земли орудия тех, кто разведывает и добывает родине уголь, нефть, руду. По широким артериям страны щедро течет «черное золото», питая могучую промышленность родной земли; высятся и растут, вступают в дело новостройки, и ястреб описывает круги в кристально чистом морозном воздухе не над безлюдной зеленью озимей, а там, где не знающие устали руки тружеников социалистических полей уже накрепко ставят заслоны, не давая первому снегу бесплодно оседать в оврагах.

Могучее племя советских людей давно уже поднялось на крыло, и светлая тень этих крыльев, несущих свободу всему исстрадавшемуся под гнетом капитализма человечеству, покрывает земной шар.

На пороге нового года, на пороге строящегося здания коммунизма наш народ-труженик стоит на вахте мира с засученными рукавами работников — подлинных хозяев земли. Он протягивает эти любящие труд руки всем тем, кто честен совестью и сердцем, кто борется и будет в будущем бороться за свободу и счастье трудящихся. С холодной улыбкой презрения, негаснущей ненавистью и с сознанием своей несокрушимой мощи он зорко посматривает за теми, кто неосторожно балует с огнем войны.

Мир не отнять у тех, чьи руки держали оружие и воспаленные губы осушали слезы на щеках осиротевших детей, чьи глаза видели и навсегда запечатлели в памяти ужасы прошлой войны.

Мир и будущее навсегда наши! С Новым годом, великая труженица, до последнего нашего вздоха родная и любимая мать-отчизна!

1952

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО

Советские писатели в большом долгу перед своими читателями. В ряду должников, но отнюдь не злостных неплательщиков, к моему великому сожалению и внутреннему неудобству, нахожусь и я — автор двух незаконченных романов.

Мы не успеваем отображать жизнь имеющимися в нашем распоряжении художественными средствами. И единственным оправданием и утешением для нас служит только то, что родина наша в движении к коммунизму набрала такой великолепный темп и идет такими гигантскими шагами, что в нашем писательском трудоемком и кропотливом труде невольно отстаешь от ее стремительной и могучей поступи...

Мы всячески поспешаем, но спокойное дыхание нужно сохранить до конца.

Поэтому и получается так: пока мастер пера тщательно вырисовывает мартовские, нагие ветви дерева и набухшие в предвесеннем томлении почки, дерево уже выметало первую, зеленую и клейкую листву. Изумленный и представшей его взору картиной, и своей медлительностью, мастер торопливо начинает рисовать листочки; труд еще не окончен, а дерево уже сбросило роскошный весенний цвет и уже чудесно плодоносит...

Разумеется, что в таком положении оказываются только те из нас, кто работает над созданием больших по объему произведений, а не рассказов и коротких повестей, естественно требующих для написания меньшей затраты труда и неизмеримо меньшего расходования времени.

Если говорить о себе, могу коротко сказать следующее: в настоящее время работаю одновременно над второй, последней книгой «Поднятой целины» и над первой книгой романа «Они сражались за Родину».

О сроках завершения работы над той и другой книгой разрешите мне умолчать. На собственном горьком опыте я убедился в том, что книгу закончить в точно намеченный срок нельзя, если работать с не покидающим тебя чувством ответственности за то, что́ и как ты пишешь.

Работу над романом можно уподобить стройке. Но если на настоящей стройке работа и обязанности каждого строителя строго распределены и разграничены, то у писателя все это совмещается в одном лице: он и всесторонний заготовитель строительного материала, и архитектор, и каменщик, и инженер-строитель... И, к сожалению, нередко бывает так, что в процессе работы меняющиеся в силу тех или иных весомых обстоятельств планы писателя-архитектора до основания рушат уже проделанную работу писателя-каменщика.

О каких же точных сроках окончания работы может идти речь на такой стройке?

Быть может, я ошибаюсь, но когда думаешь о нелегком писательском труде, то думаешь так: пусть «строительство» затянется, лишь бы созданное твоим мозгом, твоей рукой было надежно, прочно, крепко и служило бы тем, для кого ты создавал, возможно дольше.

И если наш умный читатель, прочитав книгу, не забудет ее на другой день (ведь бывает и так!), если спустя какое-то время его снова повлечет к этой книге и раздумью над ней, если он скажет, думая о писателе: «Черт возьми, а этот парень здорово потрудился, хорошая книга!» — то для писателя этот высший суд и будет служить высшим нравственным удовлетворением и наградой.

И когда наш далекий или близкий читатель думает о судьбах советской литературы, о ее развитии, пусть не забывает о том, что советские писатели упорно идут к одной цели: к беззаветному служению интересам нашего великого народа, нашей великой партии.

1952

ВАШ ВЕРНЫЙ СПУТНИК

Лучшие сыны человечества, те, кто боролся в прошлом и борется в настоящем за счастье трудящихся во всем мире, с детских лет шли к познанию жизни, общаясь с книгой.

Поначалу, как сквозь узкую щель, брезжит из темноты свет знания в удивленные глаза ребенка, впервые слагающего из отдельных, таинственных пока еще для него букв слова, становящиеся понятными разуму. И у вас, дорогие ребята, это — хотя и недавнее, однако прошлое. И не узкая щель перед вашим взором, а широко распахнутые двери в ослепительный мир, в жизнь, законы которой вы призваны в будущем постигнуть и которую вы будете строить, руководясь великими идеями коммунизма.

Никогда не забывайте, что для того, чтобы распахнуть двери к свету и знанию для всех вас без исключения и навсегда оставить эти двери открытыми, много положили сил и много пролили крови ваши предки, ваши деды, отцы и старшие братья.

Шагайте смелее к свету и любите книгу всей душой! Она не только ваш лучший друг, но и до конца верный спутник!

1952

ПЕРВЕНЕЦ ВЕЛИКИХ СТРОЕК

По обе стороны дороги от Ростова-на-Дону до поселка Цимлянского, как вода в половодье, колышутся хлеба. Их не окинешь, не обоймешь радующимся взглядом. На них смотришь и не насмотришься! Разумом сознаешь, что все зримое тобою на пути в триста километров — лишь частица урожайного богатства страны, но и то, что встает перед глазами, кажется необъятным. Так в далеком детстве казался огромным и необозримым тот небольшой уголок мира, в котором ты когда-то жил...

И до чего же ныне, в этот неяркий, лишь изредка озаряемый солнцем день, смягчены краски, обычно по-южному резкие и рассыпаемые в июле природой с расточительной щедростью! Вдали, за грядами могильных курганов, на северо-востоке в полнеба встает грозовая туча. От земли тянется вверх радуга, но, не в силах просечь угрюмую, черную толщу туч, она стоит на горизонте прямыми невысокими столбами, немощная и почти бесцветная.

По обочинам дороги вьется пепельно-сизая каемка полыни — былой и грустной красы донских степей. Ее почти всюду вытеснили хлеба, властно, по-хозяйски подступающие к самым бровкам дорог, и осталось ей, горькой, доживать свой век разве только на колхозных выгонах, по проселкам да по опушинам и склонам лесных

оврагов. За полынью сразу же иссиня-зеленой стенкой поднимается стогектарка зреющего овса, дальше — желто-бурое, в тусклых пятнах, поле то ли запоздало доспевающего ячменя, то ли пшеницы. Еще дальше — нескончаемо щетинится подсолнечник, и вдруг червонным золотом засияют под солнцем тяжело застывшие волны полегшей, осиленной ветрами озимой пшеницы. По ней натужно ползут два самоходных комбайна, и солнечные блики играют на их темно-серых боках.

Здесь неровны степи, но очень далекая для взгляда, еле видимая окаемка горизонта...

В самой низине широкого лога туманная голубизна густеет, по ту сторону склона переходит в сиреневую тающую дымку и на гребне, километрах в двадцати от дороги, неуловимо для глаза сливается с небом. И лишь величавый сторожевой курган подошвой своею отмечает невидимую линию горизонта.

По правобережью Среднего Дона много их, сторожевых и могильных курганов. Древней границей стоят они на высотах Дона, как бы озирая и сторожа задонское займище, откуда некогда шли на Русь набегами и войнами хозары, печенеги, половцы. В течение веков по левому берегу Танаиса — Дона двигались с юго-востока полчища чужеземных захватчиков, и вехами по их пути, как нерушимые памятники древней старины, остались курганы.

Затоплена водой Цимлянского моря древняя хозарская крепость Саркел, разгромленная еще Святославом. И странное чувство охватывает душу, и почему-то сжимается горло, когда с Кумшатской горы видишь не прежнюю, издавна знакомую узкую ленту Дона, прихотливо извивающуюся в зелени лесов и лугов, а синий морской простор...

Здравствуй же, родное Донское море, созданное волею большевистской партии, которую она вселила в сердца людей нашей великой родины, вложила в их богатырские руки!

Навечно здравствуй, Волго-Дон,— блистательное творение разума и труда советского народа!..

По Волго-Донскому судоходному каналу, которому присвоено имя создателя нашей партии, нашего Совет-

ского государства, бессмертное имя Владимира Ильича Ленина, идут караваны судов с углем, лесом, хлебом, машинами, бумагой — богатствами страны, текущими по новой и могучей водной артерии нашей родины.

* * *

Мы, современники и свидетели начала свершений грандиозного плана покорения природы, в состоянии делать пока только беглые зарисовки виденного нами. Но явится писатель, который создаст произведение, достойное великой стройки.

Сколько подвигов, сколько проявлений мужества и самоотверженности советского человека — мирного строителя, а когда надо, то и воина,— запечатлено в истории создания Волго-Донского судоходного канала! Сколько бессонных ночей, сколько раздумий, сколько энергии вложено в мощное тело плотины Цимлянской ГЭС, в канал, в шлюзы, во все сооружения Волго-Дона! И точно так же, как вся страна участвовала в изготовлении оборудования, машин и механизмов для Волго-Дона, так и все многонациональные сыны и дочери родины участвовали в гигантской стройке, в претворении в жизнь мысли настоящего и чаяний тех, кто жил когда-то до нас и думал о благе народа.

У нас стало обиходным и повелось называть создание Волго-Донского канала извечной мечтой русского народа. Об этом думал Петр Первый, думали передовые люди Руси, но их думы были бесплодны. И недаром астраханский губернатор князь Голицын, которому было поручено Петром руководство работами по прорытию Волго-Донского канала, изуверившись в осуществлении предпринятого труда, писал: «Один бог управляет течением рек, и дерзко было бы человеку соединять то, что всемогущий разъединил».

Но вот пришли спаянные волею Коммунистической партии люди и создали то, что некогда казалось дерзким и неосуществимым.

Мечту, которая стала в наше время всенародной, воплотила в действительность большевистская партия, и

недаром, как в Отечественной войне, на каждом участке стояли сотни коммунистов. Они вели массы в бой, на покорение стихийных сил природы, на создание и завершение великой народной стройки.

* * *

Нам памятны слова товарища Сталина: «Великая энергия рождается лишь для великой цели». Вот они, созидатели великой энергии, служащей великим целям строительства коммунизма.

Инженер Федор Иванович Резчиков, начальник четвертого строительного района Цимлянского гидроузла, горьковчанин, чем-то отдаленно — обликом лица ли, складом ли рабочей фигуры — напоминающий своего великого земляка. Улыбаясь, слегка волнуясь, он рассказывает:

«Была у меня бригада Алякина, около двадцати человек. Сам он родом из Молдавии. Большинство строителей бригады оттуда же. Работали на редкость хорошо, но этого мало: в дни паводка прошлого года, когда взломный лед грозил разрушить ледорезы временного железнодорожного моста, они с ломами прыгали на лед и крошили его, чтобы спасти мост. Работали, как саперы на фронте.

В начале зимы как-то ранним утром вышел я на берег Дона. Подходит ко мне очень древний старик казак и спрашивает:

— Строишь, сынок?

— Строим, отец!

— Ну, как думаешь, выйдет?

Отвечаю:

— Если большевики задумали, обязательно должно выйти.

Старик нахмурился:

— Строй, сынок! Видишь, верба красная — значит, и зима будет теплая, но весной гляди: после взломной воды пойдет теплая, ее бойся, она вас накупает. Это только в книгах пишут, что Дон тихий, а как весной взыграет — зверь! Любую преграду порушит. Как бы он не поломал, что́ вы делаете, гляди в оба!

Повернулся и ушел.

Ледоход нам наделал тревог и бед. Казалось, все было предусмотрено инженерной мыслью. Но паводок был так неожиданно высок — по свидетельству старожилов, самый большой за семьдесят последних лет,— что только соединение могучей техники и героизма наших людей предотвратило стихийное бедствие. По нескольку суток не спали, спасали плотину и временный мост. Вода подходила под настил моста, и ледорезы трещали так, что было просто страшно. Дед оказался прав: когда начался паводок, полая вода понесла хворост, бревна, срубленные в пойме Дона деревья, и заторы, образовавшиеся у свай моста, грозили катастрофой. Лед мы рвали толовыми шашками, но хворост и деревья, принесенные водой, нельзя было порвать толом. Алякинцы, так звали мы строителей из бригады Алякина, с топорами и пилами прыгали на заторы и, по пояс в бешено клокочущей воде, рубили и пилили стволы деревьев, рубили наплав хвороста, чтобы дать воде доступ в междусвайное пространство».

Нет сейчас на строительной площадке ни Алякина, ни его товарищей, но дело, которое они сделали, навсегда останется в памяти тех, с кем и для кого они работали.

Высочайшая насыщенность строительства самой совершенной техникой вовсе не исключила применения тяжелого физического труда, иногда связанного с большим риском. В паводок прошлого года потоки воды устремились к котлованам шлюзов и ГЭС. Они вымывали гравий дорог, разрушали пульповоды земснарядов, намывавших земляные дамбы. Спасая затопленные водой пульповоды, строители работали по горло в ледяной воде. И они сделали то, что делали без приказов, по собственному почину и желанию. Они спасли правобережную часть плотины и перемычку котлована Цимлянской ГЭС.

Когда, отводя течение Дона под водосливную плотину, засыпали старое суженное русло реки, перекрыть его было тяжко...

Ночь, темь, озаряемые светом электрических фонарей и прожекторов, у автомашин стоят тысячи людей.

Это не только строители, это и жители местных хуторов и станиц, пришедшие помочь своим посильным трудом тем, кто строит и создает.

С командного пункта начальник строительного района Резчиков, на минуту выглянувший из окна дощатой будки, видит и не поймет: то ли ковши экскаваторов загружают машины, то ли руками тысяч людей в несколько секунд заполняются доверху камнем тяжелые машины. Только искры летят от удара камня о камень. Только искрятся глаза тех, кто перекрывает русло своей реки для того, чтобы жить было проще, жить было легче.

Между прочим, с нашими кинематографистами произошел юмористический конфуз. В расчете на то, что закрытие прорана будет произведено за шестьдесят часов, они не успели использовать возможность запечатлеть для кино это историческое событие, потому что Дон был перекрыт в течение одной ночи, за восемь часов. И когда на заре их изумленным взорам предстала каменная гряда, перегородившая Дон, начальник политотдела строительства гидроузла Алексей Гаврилович Черкасов, человек отнюдь не лишенный веселинки, утешал их, отчаявшихся, с притворным сочувствием:

— Ну, конечно, безобразие! Рассчитывали сделать за шестьдесят часов, а строители подвели: взяли да и сделали за восемь. Чем же я могу вам помочь? Разрыть и снова начать? Сделано прочно, и стоит ли это рушить? Сочувствую, но в вашей беде я плохой помощник...

Как полководец на поле боя, взволнованный, но собранный в тугой сгусток воли, стоял с инженерами на берегу начальник строительства Василий Арсентьевич Барабанов, и плакали старики, видя уже не прежний, а укрощенный и поставленный на службу народу Дон...

Милое, простое, рабочее лицо ленинградца Сергея Григорьевича Петрова. Он участвовал в монтаже шестнадцати электростанций, работал на крайнем севере, на крайнем юге нашей страны, на востоке ее и западе. Он изъездил всю страну, прожил в ней большую рабочую

жизнь, и, по сути, его по-человечески жалковато... Раз в году ему удается быть в своем родном городе, в своей родной семье. Но если надо строить, он строит. Ребята его, которые учатся в средней школе, не в состоянии менять школу и переходить на воспитание туда, где работает кочующий отец. Он бывает поглощен каждым строительством, каждая турбина, пущенная в ход,— его детище. И сегодня вытирает он паклей руки, глядя на новую турбину, уже, быть может, с привычной думкой: собираться на Тахиа-Таш.

Их множество, таких умельцев с золотыми руками.

* * *

Величайшим творением народа встают перед глазами сооружения Волго-Дона. Горным отрогом поднимается над донским займищем самая большая в мире, тринадцатикилометровая земляная плотина. Красавица ГЭС посылает электроэнергию в промышленные центры юга и станицы Задонья. По Донскому каналу текут воды в глубь засушливых степей.

От Дона к Волге на высоком водоразделе пролегла чудесная шлюзовая лестница, по которой идет и идет нескончаемый поток грузов.

Но зримое здесь, на Волго-Доне,— лишь частица того великого, что создается и будет создано на нашей великой земле во имя народного счастья.

О таком размахе строительства на благо народа не может мечтать ни одна капиталистическая страна. Иностранные инженеры в свое время составили проект преобразовательных работ на Средиземном море. Они предлагали перегородить Гибралтарский и Дарданелльский проливы плотинами, понизить уровень моря, тогда из-под воды освободились бы огромные массивы плодородной земли. Электростанция на Гибралтарской плотине могла бы стать могучим источником электрической энергии, способной превратить шесть миллионов квадратных метров пустыни Сахары в цветущий сад. Все работы обошлись бы в пятнадцать раз дешевле стоимости первой мировой войны. Но в условиях капитализма такие стройки, способные принести колоссальные

выгоды человечеству, неосуществимы. Капитализм хоронит на «кладбищах проектов» плоды научной и инженерно-технической мысли прогрессивных умов.

«Куда ни кинь,— писал Владимир Ильич Ленин,— на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров».

Разительный пример хищнического разорения трудового народа являет собой хваленое гидростроительство в Соединенных Штатах Америки. Сооружая на реке Колумбия электростанцию Гранд-кули, которая, кстати, строится более двух десятков лет и еще не полностью закончена, алчные торгаши, бизнесмены и государственные деятели не скупились на рекламу о «грядущих золотых днях» сельского хозяйства штата Вашингтон. На эту приманку набросились тысячи фермеров со всех концов страны. Они ринулись в «долину плодородия» за обещанным счастьем, на последние средства купили земельные участки — и стали жертвами беззастенчивого обмана. Бедствующие земли так и не увидели орошения, а разорившиеся фермеры, проклиная коварные приемы капиталистических дельцов, бросали бесплодные участки и снова уходили искать призрачное «счастье». И ныне река Колумбия отдает свою энергию не жаждущей влаги земле, не простым людям — труженикам, а поджигателям войны, которые готовят атомные бомбы для истребления человечества.

Наш Волго-Дон — это стройка подлинного мира и счастья народа. Он оросит и обводнит два миллиона семьсот пятьдесят тысяч гектаров засушливой земли. Он вольет новую энергию в нашу бурно растущую социалистическую промышленность, приведет в движение сотни электротракторов.

* * *

Со строительством Волго-Дона было связано переселение многих казачьих станиц и хуторов, расположенных в затапливаемой зоне. Но переселение не нанесло им никакого ущерба, не разорило их, как это было с фермерами в долине реки Колумбия. Советское правительство проявило отеческую заботу о казаках-колхозниках, об их сегодняшнем дне и завтрашнем будущем.

Казаки-переселенцы получили немалые деньги за дома, за базы, за колодцы, за каждую яблоню и вишню в своих старых усадьбах. Государство помогло колхозникам транспортом, строительными материалами, предоставило ряд льгот, отвело им приусадебные участки на берегах тогда еще не созданного моря.

Понятно, не легко было покидать старикам насиженные места. Перед уходом на новое поселение не один из них целовал землю, на которой родился он сам, его отец, дед и прадед.

Но прошло немного времени, и переселенцы обжились на новых местах, успели привыкнуть к молодому морю.

Так было и с хутором Соленовским. Сейчас на том месте, где когда-то стоял этот хутор, высятся плотина, гидростанция, шумят турбины, а соленовцы живут неподалеку, у самого берега моря.

Хутор Соленовский имеет давнюю добрую славу. В 1918 году все казаки-хуторяне ушли в красный партизанский отряд, а потом в числе первых организовали колхоз, назвав его именем павшего в боях командира партизанского отряда Черникова. В годы Отечественной войны сотни соленовцев сражались на фронтах, громили гитлеровских захватчиков. Потом многие хуторяне самоотверженно работали на стройке Волго-Дона.

Соленовцы поселились по соседству с колхозом «Цимлянская дружина», и старожилы-«дружинники» — плотники, столяры, кровельщики, кузнецы — по-братски помогли новым соседям.

Соленовцы перенесли в центр нового хутора прах четырех прославленных партизан: Алексея Черникова, Василия Терскова, Моисея Ермакова, Василия Фролова.

Общими силами построили добротные деревянные дома овдовевшей солдатке Евдокии Курбатовой, инвалидам Терентию Курочкину и Александру Скорбатову, которые до переселения жили в невзрачных хатенках.

Соленовский колхоз имени Черникова пустил на новом месте крепкие корни. Уже растут на заселенной земле сады. Еще не цветут они, но будут цвести!

Будут ветры с востока гнуть кроны молодых яблонь и груш, будут орошаемые земли задонской степи колоситься буйными хлебами, будет расти на радость материродине молодое поколение строителей коммунизма!

Будут созданы сооружения, еще более величественные, еще более прекрасные, чем Волго-Дон. Но в сознании людей Волго-Дон останется первенцем великих строек. А первенцев матери, хотя они в этом и не всегда признаются, всегда любят и нежнее и больше.

Родной народ, для кого устремлены все помыслы и заботы нашей мудрой большевистской партии, создатель того, что служит для мира и счастья, радуйся своим великим творениям!

В тяжелейших условиях еще не завершенной гражданской войны, империалистической интервенции, жестокой разрухи советские люди приступали к осуществлению гениального ленинского плана электрификации страны. За два первых года было введено в действие только двенадцать тысяч киловатт новых энергетических мощностей. Еще крайне малы были результаты. Но, подымая советский народ на гражданский героический подвиг, Владимир Ильич говорил:

«12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Создавая великие сооружения, мы радуемся, мы улыбаемся, но это не самодовольная улыбка, а улыбка победителей, улыбка тех, кто уверенно глядит в грядущее счастье человечества.

1952

КРЕПИТЬ ДЕЛО МИРА

(Из речи на Четвертой Всесоюзной конференции сторонников мира)

Четвертая Всесоюзная конференция сторонников мира ведет свою работу в знаменательные для истории нашей родины дни, когда весь советский народ, окрыленный решениями XIX партийного съезда, с новыми силами и величайшим воодушевлением борется за осуществление задач, поставленных съездом нашей великой Коммунистической партии Советского Союза.

За короткий промежуток времени между третьей и четвертой всесоюзными конференциями сторонников мира трудящиеся Советского Союза добились огромных успехов в дальнейшем укреплении экономической и оборонной мощи родины, в культурном строительстве. Мы законно гордимся проделанной работой, плодами своего мирного созидательного труда. Мы вправе радоваться достигнутым успехам.

Однако нашу радость по-прежнему омрачают происки империалистических агрессоров, непрекращающаяся и опасная игра с огнем американских и иных поджигателей войны.

Но чем наглее и развязнее разглагольствуют заправилы Уолл-стрита о своих военных планах, со все более откровенным цинизмом ведя всестороннюю подготовку к новой захватнической войне, стремясь в конечном счете к мировому господству,— тем все тверже и грознее звучит голос сторонников мира: «Мир победит

войну!», тем все большее число людей на всех континентах вливается в могучую армию борцов за мир.

Движение за мир во всем мире уже давно стало подлинно всеобъемлющим. Оно с каждым днем растет и ширится. Оно шагает через границы, моря и океаны, захватывая весь земной шар. Оно неудержимо влечет к себе сердца всех честных и прогрессивно мыслящих тружеников, зовет и объединяет под своими благородными знаменами людей всех рас, национальностей, самых различных политических и религиозных убеждений.

В величии общечеловеческих идей, одухотворяющих всенародное движение за мир,— его сила и мощь. Залог успеха его — в поистине колоссальном, еще не виданном в истории человечества размахе. Непобедимость этого движения, как известно, в том, что в первых рядах борющихся за мир идут народы Советского Союза, в братском нерушимом содружестве с трудящимися Китая, стран народной демократии.

Внешняя политика Советского государства покоится на прочнейшем фундаменте, и определена она с предельной четкостью. Эта политика твердо и неукоснительно проводилась и проводится нашим правительством и в непосредственных взаимоотношениях с отдельными государствами и в Организации Объединенных Наций.

Но те, кто развязал войну в Корее, стремятся во что бы то ни стало расширить зону военных действий. Они хотят вовлечь в войну все человечество. Мы трезво смотрим на угрозу новой войны и прилагаем все усилия, чтобы предотвратить возникновение войны.

С должным вниманием следим мы и за военными приготовлениями американо-английского агрессивного блока. Что и говорить, готовятся они всерьез, но есть в этой подготовке, так сказать, в психологической ее части, одна смешная сторона,— это когда они стараются нас запугать. Советские люди не пугливы, а, как говорится, совсем даже наоборот. У нас очень крепкие нервы, закаленные в бесчисленных схватках с врагами, мужественные сердца и отнюдь не больное воображение.

Во всяком случае, не в нашем небе время от времени запуганные обыватели «обнаруживают» вдруг какие-то «летающие тарелки» и прочую мифическую чертовщину, не наши дети лежат, распластавшись, под школьными партами и часами переживают очередное «атомное нападение». Наши министры, слава богу, живут, здравствуют и успешно работают, а ведь еще совсем недавно некий американский министр, напуганный мнимым появлением советских танков, невзирая на длинную рубаху, не стесняясь расстоянием и не пользуясь трамплином, сделал из окна шестнадцатого этажа такую изумительную «ласточку», что уж, наверное, со стороны было просто любо-дорого посмотреть.

Нехорошо получается в вашингтонском Пентагоне: нас пугают, а сами боятся. И чем ни пуще пытаются нас запугать, тем сильнее у самих дрожат поджилки...

Сами же американские заправилы насадили у себя в Соединенных Штатах грибок ничем не оправдываемого страха. Прижился этот злокачественный грибок на благодатной почве военной истерии, а теперь разросся до таких размеров, что впору американским бизнесменам экспортировать этот продукт в маршаллизованные страны наряду с жевательной резинкой и консервами из конины. Благо, потребитель американской «помощи» в Западной Европе такой покладистый, что ни от какого товара из Америки не посмеет отказаться.

Нет, уж пусть лучше господа американцы нас не пугают! Самим же будет спокойнее спать по ночам — ни дурных снов не будет, ни тяжелых предчувствий. Но не таковы «бравые рыцари» Пентагона и их медленно сползающий с президентского кресла Трумэн. Они не унимаются. Инспирируемая американскими монополистами и Пентагоном продажная печать по-прежнему вопит о «советской опасности», а Трумэн в отчете конгрессу о ходе выполнения программы «взаимного обеспечения безопасности» с прежним рвением призывает к продолжению агрессии.

Однако есть и существенная разница между прежними выступлениями Трумэна и его последним отчетом. Если в начале своей президентской деятельности

Трумэн не скупился в речах на бравурные рулады, то в последнем отчете уже заметно звучат минорные нотки: Президент явно скис. Он говорит об уменьшении золотых и долларовых запасов в Западной Европе, об ожидающих США «препятствиях и, несомненно, разочарованиях», сетует на промедление с ратификацией договора, предусматривающего создание европейского так называемого оборонительного сообщества. Словом, невеселый отчет состряпал незадачливый президент. Хорошо лишь то, что искать виновного в беспощадном ограблении Европы Трумэну довольно легко: стоит ему только сделать несколько шагов до зеркала... Но бедной Западной Европе от этого ведь не легче, ей не до жиру, а быть бы живу. Начисто объела ее Америка.

Есть такая народная поговорка: «Кормись, коза, чужими садками. Отдуваться будешь своими же боками». Но прокормить ненасытную американскую «козу» не так-то просто, уж больно она прожорлива и бесстыжа! Гложет она и французскую лозу, пасется в горах Италии и на лугах Англии, не брезгает скудными пастбищами Скандинавии, пощипывает бедный кормишко в Турции, перемахивает на зеленку в Азию и Африку; между делом даже на горе Арарат взбирается в поисках Ноева ковчега и, очевидно, останков своих зоологических прародителей. Одним словом, вездесуща, всеядна и шкодлива эта коза. Да мало того, что пасется она всюду, где нет рачительных хозяев и крепкой изгороди, но и еще повсюду устраивает себе базы. Было бы не прочь это нахальное животное порезвиться и вблизи от наших границ, но больно уж советская изгородь крепка, и, как видно, побаивается коза за свои бока. А рога-то у нее хотя на вид и страховиты, но коротки. Теперь, видите ли, хлопочет американская коза, старается нанять за доллары охотников, чтобы впереди нее к изгороди шли и чтобы били этих охотников дубьем за ее, козы, шкодливые дела. Но не так-то просто теперь найти таких охотников. Переводятся на белом свете простаки.

Товарищи делегаты! Мы, советские люди, деятели советского искусства и литературы, обязаны еще сильнее разоблачать врагов мира на идеологическом фронте.

Крайне необходимо призвать на службу делу мира все отрасли и все жанры нашего искусства. Любое оружие искусства должно стать разящим в наших руках.

Как вы знаете, в капиталистических странах при помощи радио, кино, печати ведется не только открытая, оголтелая, но и завуалированная неофашистская пропаганда человеконенавистнических идей. Страницы своих газет и журналов продажная американская печать охотно предоставляет всякого рода политическим пройдохам, клеветникам, явным жуликам и путаникам, единственной целью которых является служение богудоллару.

Рядовые люди Америки все больше начинают понимать безнадежность и преступность военной авантюры в Корее.

Образчиком такого рода настроений служит письмо С. Клегхорн, опубликованное недавно в американском журнале «Крисчен сенчури». Вот с какими рассуждениями выступает госпожа Клегхорн по одному из самых животрепещущих вопросов, по вопросу о войне в Корее. Она пишет: «Лучше хоть что-нибудь, чем ничего. Мы можем заключить какой-то ограниченный мир с корейцами. Однако почему этот мир должен быть ограниченным? Мы имеем все основания открыто стыдиться нападения на Корею и впервые в истории проявить в качестве страны в целом ту вежливость, которую мы проявляем в отношении друг к другу. Мы можем выразить сожаление, попытаться загладить то, что было, и заполнить страницу истории, которая сделает больше для мира на земле и благоволения в людях, чем это когдалибо могла или сможет сделать вся наша гордость, мощь и все наше кровопролитие!»

Сначала американцы пришли в Корею и залили ее кровью, американская авиация сровняла с землей в мирной Корее все, что смогла разрушить. Теперь американцам можно словно и устыдиться содеянного, «выразить сожаление» по поводу случившегося, проявить «свойственную им вежливость», то есть расшаркаться, поклониться, попытаться «загладить отношения» с миллионами вдов и сирот Кореи, а затем спокойно отправиться восвояси.

До сознания американцев все больше доходит, что ничем, кроме поражения, интервенция в Корее закончиться не может. А чтобы эта история дошла до их сознания быстрее, не мешает им вспомнить один из уроков истории.

Когда фашистские полчища напали на Советский Союз, мы не дали возможности фашистским ногам расшаркиваться на нашей земле и фашистским головам склоняться в вежливом поклоне. Мы сначала переломали ноги захватчикам, осквернившим нашу землю, вышвырнули их за пределы нашей родины, а затем отправились за ними следом, в ихние свояси, и на их земле дорубили головы фашистской гидре!

Героический корейский народ при братской помощи китайских добровольцев разгромит американских захватчиков. И если они не одумаются и не уберутся подобру-поздорову пока не поздно, то они оставят на корейской земле и головы и ноги.

Товарищи делегаты! За работой нашей конференции внимательно следят народы Советского Союза, пославшие сюда нас с наказом — крепить дело мира и беречь его как зеницу ока. С большим вниманием трудящиеся всего мира будут следить и за предстоящим Конгрессом народов в защиту мира.

Мы твердо убеждены в том, что конгресс примет такие решения, которые обеспечат еще более действенную работу по сплочению и объединению всех неисчерпаемых сил, борющихся за сохранение и упрочение мира.

1952

ВЕЧНО ЗДРАВСТВУЙ, РОДНАЯ ПАРТИЯ!

С волнением глубокой любви и благодарности трудящиеся нашей страны отмечают славное пятидесятилетие Коммунистической партии Советского Союза, которой в 1917 году исстрадавшийся под гнетом капитализма народ смело вручил свою судьбу, видя в одной лишь партии, созданной великим Лениным, свою единственную и верную защитницу, способную осуществить его вековые надежды и чаяния, безгранично веря в нерушимую правоту ее общенародного дела, в ее кровную и неразрывную связь с ним, народом — творцом и созидателем живого, желанного будущего.

Эта непоколебимая вера в свою родную партию, рожденную в недрах русского революционного рабочего класса, воодушевляла советских людей на беспримерные в истории, незабываемые по величию подвиги в годы гражданской войны и вооруженной интервенции. Эта вера подняла и окрылила их на преодоление неслыханных трудностей в послевоенный восстановительный период.

За годы Советской власти руководимый партией народ, став подлинным хозяином своей земли, духовно преобразился, невиданно вырос в своем общественном, политическом и культурном развитии, по-новому и еще жарче полюбил обновленную революцией родину и обрел в себе такую мощь, которая помогла ему в Великой Отечественной войне не только повергнуть в прах, но и раздавить насмерть фашистских агрессоров.

В жесточайших, кровопролитнейших боях с врагами советские люди, воспитанные и закаленные партией, на деле подтвердили пророческие слова Ленина, сказанные им в 1919 году, о том, что никогда не будет побежден народ, сражающийся за свою Советскую власть, отстаивающий в борьбе свою великими жертвами добытую свободу, счастливое и радостное будущее своих детей.

Мирный труд на протяжении десятилетий и кровь, обильно пролитая в битвах за свободу и независимость родины, навсегда спаяли народ и партию. Какая сила сможет разъединить их теперь? Да нет же такой силы и никогда ее в мире не будет!

На радость всем друзьям и на злобное разочарование недругам, в кратчайший срок после победоносного окончания Великой Отечественной войны Страна Советов под руководством партии полностью восстановила свое народное хозяйство и экономику, завручевала на своем теле кровоточащие раны, нанесенные войной, и стала еще более могучей, еще более притягательной силой для всего передового и прогрессивного человечества.

Но где же те большие политические деятели и вороватая газетная мелюзга из империалистического стана, которые в годы войны сулили нам поражение и жадно, с радостным трепетом ожидали его? Где же незадачливые прорицатели, которые после разгрома немецкого фашизма неустанно, со звериным хрипом и воем чревовещали о том, что Советский Союз отброшен войной далеко вспять и что на восстановление его порушенного хозяйства потребуются многие десятки лет и непременная помощь капиталистических держав? Что-то не видно их и не слышно, и неизвестно, куда, в какое непристойное место прячут они свои продажно-бесстыжие и мутные от ненависти к стране социализма глаза. Твердый, открытый и ясный взор миролюбивого советского народа не хочет встречи с этими блудливыми глазами человеческого отребья и нечисти. Спокойно и уверенно устремлен он в будущее, в наше желанное завтра.

Все дела, все стремления и помыслы партии и ее Центрального Комитета обращены сегодня на дальнейшее укрепление экономического могущества и обороно-

способности родины, на сохранение и упрочение мира во всем мире, на еще большее и неуклонно растущее повышение жизненного уровня трудящихся. Они обращены на то, чтобы путем ускоренного развития производительных сил страны и массового внедрения в трудовые процессы первоклассной техники всемерно облегчить физический труд, еще недавно лежавший нелегкой ношей на плечах народа, и так изрядно потрудившихся на своем веку, но, как всегда, как исстари, гранитно твердых и широких в рабочем размахе.

Как же может народ не любить такую партию и не идти за такой партией, которая полвека свято защищает и охраняет его кровные интересы, остерегает от опасностей, мудро руководит его действиями, учит бдительности и всегда говорит с ним простым и мужественным языком правды? Разве может народ не любить такую партию и не идти за такой партией, для которой забота о благе и счастье народа есть высший закон! И народ беззаветно любит свою родную партию, верит в ее светлый, коллективный разум и готов всегда, всеми силами и до конца поддержать любое ее начинание и дело.

С сияющей вершины одержанных всемирно-исторических побед советский народ с законной гордостью смотрит на пройденный им во главе со своей знаменосной партией героический путь. Он знает, что многое ему предстоит еще свершить, много пережить невзгод и трудностей для достижения великой конечной цели — построения коммунистического общества. Но, уверенный в своей титанической мощи и в неисчерпаемой силе Коммунистической партии — своего коллективного вождя и передового отряда, он величаво смотрит в грядущее, где ждет его полная победа.

Вечно же здравствуй, бесстрашная, нестареющая в трудах и подвигах родная партия!

1953

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Слов нет, сейчас мы обязаны писать значительно лучше и весомее, чем писали двадцать и тридцать лет тому назад. Этого властно требуют от нас неизмеримо выросшие культурные запросы наших читателей. Дружеская критика при этих условиях, само собой разумеется, является одним из необходимейших правил. Критиковать нужно и опытных писателей, и молодых.

Но, как известно, критика критике рознь. В выступлении Мухтара Ауэзова правильно говорится, что критикуешь того, о ком заботишься, кого любишь.

Примером такой дружеской критики являются высказывания в докладах ведущих писателей Казахстана. Некоторая резкость в этих выступлениях не скрывает заботы о литературной судьбе товарищей.

Но когда в «Литературной газете» появляется по адресу Сабита Муканова критическая статья Г. Мунблита, то такую издевательскую статью никак нельзя рассматривать как желание помочь товарищу исправить погрешности в его произведении. Эта статья — не в помощь писателю, а на его уничтожение.

Когда писатель сознательно создает идейно порочное произведение и под тем или иным предлогом пытается как-то протащить политически вредные народу и партии «идейки», я за то, что здесь надо критиковать «на уничтожение». Тут можно не стесняться в выражениях и орудовать пером, как разящим мечом. Но

когда наш писатель терпит творческую неудачу в силу тех или иных причин, тут нужна дружеская помощь, тут нужно показать человеку, в чем он ошибается, и помочь ему исправить ошибки. А если человек самолюбив и не верит суждению нескольких товарищей, коллективная помощь, широкое творческое обсуждение являются лучшим средством внушения. При таком способе суждения даже самый самолюбивый человек, если он не обижен разумом, должен понять, что не может быть такого положения, когда только «один прапорщик шагает в ногу, а вся рота не в ногу».

В качестве примера недобросовестной критики можно привести статью К. Симонова о повести Ильи Эренбурга «Оттепель». Автор ее затушевывает недостатки повести вместо того, чтобы сказать о них прямо и резко. Нет, не интересами литературы руководствовался Симонов, когда писал свою статью.

Что касается критики молодых писателей, то в отношении их должны быть проявлены и отцовская требовательность, и заботливость. Мне рассказывали, как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыло, он не дает им опускаться, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесье... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься все выше и выше, чтобы впоследствии они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами. Но беркут не ломает крыльев своим птенцам, не умеющим или боящимся на первых порах подняться на должную высоту. Наша критика не должна и не имеет права «ломать крылья» начинающим писателям. Однако, к сожалению, бывает и так: какой-нибудь ретивый критик шарахнет по молодому писателю дубиной, лишит человека уверенности в своих силах, и поднимется ли такой молодой — это еще неизвестно.

Я не согласен с теми опасениями, что большое материальное поощрение молодого писателя обязательно

должно повести к зазнайству, к спаду его творческих сил... Человек со здоровыми нравственными устоями не зазнается ни смолоду, ни под старость, как бы он ни был славен и знаменит. А человек с душевной гнильцой зазнается тогда, когда у него, по сути дела, еще материнское молоко на губах не обсохло...

Бывает в жизни и так... Начинающий писатель написал посредственное произведение, получил за плод своего, допустим, трехлетнего труда слабенький гонорар, книга второй раз не переиздается, а материальной возможности потрудиться над исправлением недостатков этой книги, не говоря уже о создании новой, у него нет никакой, потому что после расплаты со старыми долгами у него остается в кармане ровно столько, чтобы с него не падали штаны. Он уходит из литературы и, возможно, никогда в нее не вернется.

А я хочу у вас спросить: кто из больших писателей начинал с гениальных произведений? Как правило, их первые произведения всегда были посредственными.

Как хотите, но я за то, чтобы нас, маститых, и в частности маститых драматургов, пожать с гонораром в пользу молодых.

В них наша надежда на будущее, в них залог вечного нестарения литературы.

1954

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

Родные братья — писатели Украины, дорогие товарищи — гости съезда! С чувством глубокого душевного волнения я, как гость, приветствую вас в древней родной столице Украины, в стенах Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики и благодарю вас за приглашение присутствовать на съезде.

Это чувство волнения, естественно, усиливается у меня еще и потому, что моя мать — украинка Черниговской области — с детства привила мне любовь к украинскому народу, к украинскому искусству, к украинской песне — одной из самых звучных в мире.

Будучи гостем на вашем съезде, я не стану отнимать ваше время и не хочу останавливаться на вопросах литературы, так как достоинства и недостатки в работе украинских писателей, проделанной ими в течение двадцати лет со дня первого съезда, в полной мере освещены, как мне думается, и в докладе Миколы Бажана, и в содокладах, и в прениях, да к тому же произведения украинских писателей широко известны всюду.

Украинская проза, драматургия и поэзия получили заслуженную славу не только у нас в стране, но и далеко за ее рубежами. А что касается критики, то тут я не мастак. Меня достаточно много били и достаточно незаслуженно хвалили. Могу только с сожалением заметить, что работы некоторых украинских критиков грешат теми же пороками, что и работы русских кри-

тиков и критиков иных национальностей: вместо тяжелой поступи критического размышления мы видим иногда стремительный и легкий бег спринтеров. Только это происходит не на беговых дорожках, а на страницах журналов и книг. Но когда-нибудь эти бегуны должны же упыхаться и перейти на мерный шаг зрелого раздумья, к вящему удовольствию и драматургов, и поэтов, и прозаиков, да и читателей.

Я глубочайше убежден в том, что украинские мастера литературы в ближайшие годы дадут Украине, Союзу Советских Социалистических Республик и всему трудовому прогрессивному человечеству новые замечательные произведения.

От всего сердца желаю вам, дорогие друзья — украинские писатели, новых великих успехов в вашем тяжелом и прекрасном труде и от всего сердца, горячо, по-братски обнимаю вас.

1954

СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, УКРАИНСКИЙ НАРОД!

Я очарован царственно величавым древним Киевом: его памятниками, парками и садами, его замечательными зданиями и улицами. Изумительно красив Крещатик — живая артерия города, сплошной поток людей и машин. Перед восхищенным взором встают будто два Киева: Киев стародавний — колыбель славянских народов, и Киев новый, советский, который растет вдаль, и вширь, и вглубь не по дням, а по часам, прямо на твоих глазах.

Как же не любить такой город, который способен покорить и взволновать до глубины души!

А склоны реки, набережная, а вот эти, подернутые голубой дымкой леса, смутно темнеющие вдали за Днепром, далеко-далеко на самом горизонте. Могучий Днепр Славутич так же мил моему сердцу, как и родной тихий Дон.

Я еще больше проникся глубокой любовью к великому, талантливому и трудолюбивому украинскому народу, который в дружной семье всех советских народов-братьев кует свою долю, творит во имя жизни, мира и человеческого счастья на земле.

Украинцы — сердечные, добрые, с искоркой природного юмора, с мягким и в то же время мужественным характером. Чувство моей любви к Украине еще больше усиливается потому, что моя мать — украинка, простая крестьянка с Черниговщины.

Украинская литература — самобытная и разносторонняя по своему характеру — достигла значительных успехов в своем развитии и завоевала заслуженную славу не только в нашей стране, но и далеко за ее рубежами. Об этом убедительно свидетельствует Третий съезд писателей Украины, в котором я принял участие в качестве гостя.

Украинские писатели, с которыми приходилось встречаться в Киеве, произвели на меня очень приятное впечатление. Среди них, особенно среди сравнительно молодых,— много одаренных и по-своему оригинальных литераторов, подающих большие надежды. Я мог бы назвать много имен: славного и настоящего прозаика Олеся Гончара, Вадима Собко, талантливого драматурга Василия Минко, совсем молодого поэта Дмитрия Павличко, сильного юмориста Остапа Вишню.

Что же касается украинской критики, то она, к сожалению, отстает. Работам некоторых украинских критиков присущи те же недостатки, что и работам их русских собратьев по перу. Причины отставания нашей критики, мне кажется, в том, что многие из критиков, по сути, превращаются в поверхностных рецензентов — отходников.

Нужно умело отбирать и любовно выращивать кадры способных критиков, создать все необходимое для их плодотворной работы. Известно, например, что каждый советский строительный трест имеет в своем распоряжении необходимые средства для работ. Почему же, скажем, не создать всех необходимых условий для плодотворной, глубокой и вдумчивой работы советских критиков? Пора уже серьезно заняться этим давно назревшим вопросом. Надо, по моему мнению, уменьшить гонорары драматургам и за этот счет создать крепкий фонд для критиков.

Не все хорошо и с качеством переводов произведений украинских писателей на русский и другие языки народов СССР. В тех переводах, которые нам преподносят, теряется певучесть украинской речи.

Как и все, я глубоко уверен в том, что украинские мастера литературы в ближайшие годы дадут Украине,

всей нашей стране и всему прогрессивному человечеству новые замечательные произведения.

К величайшему сожалению, кроме Киева и его окрестностей, мне не довелось побывать в городах и селах Украины. Но Киев — это прекрасное лицо Украины, и он, как зеркало, отражает небывалый расцвет жизни и культуры всего украинского народа, его славный путь, пройденный за тридцать семь лет после победы Великого Октября.

Поклон тебе, Украина! Счастья тебе, украинский народ!

1954

РЕЧЬ НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Старая народная поговорка, давно родившаяся там, где бурлят стремительные горные потоки, говорит: «Только мелкие реки шумливы».

Отшумели собрания областных и краевых писательских организаций, собрания, наполненные острой полемикой, задорными речами. Республиканские съезды прошли на более сдержанном уровне, а вот наш Всесоюзный съезд, подобно огромной реке, вобравшей в себя множество больших и малых притоков, протекает прямо-таки величаво, но, на мой взгляд, в нехорошем спокойствии.

Бесстрастны лица докладчиков, академически строги доклады, тщательно отполированы выступления большинства наших писателей, и даже наиболее запальчивая в отношении полемики часть литераторов, я говорю о женщинах — писательницах и поэтессах, за редким исключением, пребывает на съезде в безмолвии. То ли наши агрессивные и дорогие соратницы по перу уже выговорились на собраниях и теперь находятся в этаком творческом изнеможении, то ли копят новые силы для нового взрыва к концу съезда? Разве их поймешь, этих женщин, хоть они и писательницы по профессии? Никак не поймешь. По крайней мере, я не понимаю.

Идет уже седьмой день съезда, но обстановка остается прежней. Некоторое оживление наметилось только после выступления В. Овечкина. Неужели все вопросы, которые волновали нас в течение двадцати

лет, уже решены и нам остается только подбить итоги достижениям и наделанным за это время ошибкам, с тем чтобы, учтя эти ошибки и единогласно приняв новый устав, со спокойной душой взяться за перо? Едва ли это так.

Мне не хотелось бы нарушать царящего на съезде классического спокойствия, омраченного всего лишь двумя-тремя выступлениями, но все же разрешите сказать то, что я думаю о нашей литературе, и хоть коротко поговорить о том, что не может не волновать нас всех.

Здесь много говорили и о наших общих достижениях. Спору нет, достижения многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики, вошло в литературу немало талантливых писателей. Но при всем этом остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок.

Пора преградить дорогу этому мутному потоку, общими усилиями создав против него надежную плотину,— иначе нам грозит потеря того уважения наших читателей, которое немалыми трудами серьезных литераторов завоевывалось на протяжении многих лет.

Это, конечно, ни в коем случае не относится к тем молодым силам, которые вливаются в литературу и растут от книги к книге, а к тем, уже известным, кто, потеряв уважение к своему труду и к читателю, увядают на корню и в конце концов превращаются из мастеров в ремесленников.

В самом деле, что же произошло за последние годы, если понимать под ними время, истекшее со дня окончания войны? Естественно, что в дни войны большинству писателей нечего было думать о создании крупных произведений, выношенных в тяжелых и долгих раздумьях, отточенных по языку, безупречных по стилю. Тогда слово художника было на вооружении армии и народа, и писателям некогда было придавать своим произведениям совершенную форму. Была у них одна задача: лишь бы слово их разило врага, лишь бы оно держало под локоть нашего бойца, зажигало и не давало угаснуть в сердцах советских людей жгучей нена-

висти к врагам и любви к родине. С этой задачей писатели, как известно, справились неплохо. Но когда наступила послевоенная пора, многие и многие писатели, взяв разбег военных лет, продолжали как бы по инерции писать наспех, неряшливо, небрежно, и это обстоятельство не замедлило резко сказаться на художественном уровне значительного числа произведений. То, что читатель прощал нам во время войны, он не мог уже простить в последующие за войной годы. А такие подлинно талантливые произведения, появившиеся в послевоенный период, как книги Фадеева, Федина, Ауэзова, Павленко, Гладкова, Леонова, Паустовского, Упита, Твардовского, Якуба Коласа, Гончара, Некрасова и некоторые другие, еще резче подчеркивали художественное убожество и недолговечность произведений-поденок, произведений, которые смело можно назвать литературными выкидышами.

Но, разумеется, не только эта причина, то есть нажитая в войну стремительность письма, была главной в общем снижении ценности наших произведений.

Одной из главных причин, как мне кажется, явилось поразительное и ничем не оправданное падение требовательности к себе, установившееся среди писателей, и падение «оценочных критериев», прочно обосновавшееся среди критиков. Писатели с диковинным безразличием, с отсутствующими лицами проходили мимо не только посредственных, но явно бездарных произведений своих товарищей. Они не поднимали негодующего голоса против проникновения в печать макулатуры, прививающей дурные вкусы невзыскательной части наших читателей, портящей нашу молодежь и отталкивающей от литературы читателей квалифицированных и по-хорошему требовательных, непримиримых в оценках.

Ну, а что касается иных критиков, то тут дело обстояло еще хуже. Если бесталанное и никудышное произведение печатал именитый, к тому же еще увенчанный лаврами литературных премий автор, многочисленные критики, видя такое непотребство, не только делали отсутствующие лица, но чаще всего отворачивались в великом смущении. На глазах читательской общественности иногда происходило удивительное, прямо-

таки потрясающее перерождение: эти «неистовые Виссарионы» вдруг мгновенно превращались в красных девиц. Одни из них молча, втихую обливались стыдливым румянцем; другие, не заботясь о невинности, но определенно желая приобрести некий «капитал», сюсюкали и расточали знаменитости незаслуженные, безудержно щедрые комплименты. В самом деле — была ли напечатана в нашей печати хоть одна критическая статья, в полную меру, без всяких скидок, оговорок и оглядок воздающая должное какому-либо литературному мэтру за его неудачное произведение? Не было такой статьи. А жаль. У нас не может и не должно быть литературных сеттельментов и лиц, пользующихся правом неприкосновенности.

Мне могут возразить на это, что, мол, такие статьи были в природе, но по не зависящим от критиков причинам не были напечатаны. В годы гражданской войны рабочие и крестьяне говорили: «Советская власть в наших руках». С полным правом мы можем сейчас сказать: «Советская литература в наших руках». И чем меньше будет в редакциях газет и журналов робких Рюриковых, тем больше будет в печати смелых, принципиальных и до зарезу нужных литературных статей.

«Литературная газета» формирует общественное читательское мнение. «Литературная газета» — это ключевые позиции к нашей литературе, к беспристрастному познанию ее. Но о каком же беспристрастии может идти речь, если во главе этой газеты стоит человек, немало обязанный т. Симонову своим продвижением на литературно-критическом поприще, человек, который смотрит на своего принципала как на яркое солнце, сделав ладошкой вот так?

Когда мы, думая о будущем, говорим о типе политического руководителя нашего союза, то большинство из нас с благодарностью и грустью вспоминает т. Поликарпова: с благодарностью — потому, что он много сделал для здорового развития литературы прежде всего уже одним тем, что стоял вне всяких групп, а с грустью — потому, что при нашем молчаливом попустительстве его все же сумели «скушать» те из литературных молодчиков и молодиц, которые, к нашему несчастью, удачно

соединяют в себе две профессии — писателя и интригана. Отдыхая от трудов первой профессии, они с немыслимым увлечением отдаются другой и, к сожалению, нередко в этой последней преуспевают гораздо больше, нежели в первой.

«Литературной газете» нужен руководитель, стоящий вне всяких группировок и группировочек, человек, для которого должна существовать только одна дама сердца — большая советская литература в целом, а не отдельные ее служители, будь-то Симонов или Фадеев, Эренбург или Шолохов. Редактор нашей газеты должен быть человеком храбрым, мужественным и, безусловно, абсолютно честным в делах литературы. О таком редакторе мало мечтать, товарищи,— нам надо требовать его. На это мы имеем законное и неотъемлемое право.

Возвращаясь к некоторым критикам, можно сказать, что обратное перерождение с ними происходило, когда в печати появлялось слабое произведение писателя-середняка, или малоизвестного писателя, или же молодого автора. Вот тут уже критики, извините за грубую метафору, снова надевали мужские штаны, и лирические сопрано их сразу переходили в начальственные баритоны и басы. Тут уж «раззудись, плечо, размахнись, рука!». Тут тебя и Рюриков охотно напечатает, не боясь окрика с улицы Воровского, тут и блеснуть можно вовсю и снисходительным остроумием, и желчным сарказмом.

Вместо елея и патоки, которыми недавно миропомазывали знаменитых, той же ложкой и в той же пропорции критики черпали из другой посудины другую жидкость, зачастую отнюдь не благовонную, и все это щедрой рукой выливали на головы литературных горемык, не удостоившихся лауреатства, а стало быть, и знаменитости. Иной бедняк не успеет еще, что называется, глаза продрать от первой подачи, а ему уже, зайдя с тыла, очередной критик навешивает вторую.

Кстати, тут не раз говорили о «литературной обойме» — о пятерке или десятке ведущих писателей. А не пора ли, товарищи, нам рачительно, как бывалым солдатам, пересмотреть свой боеприпас? Кому не известно, что от длительного пребывания в обойме, особенно в дождь или слякотную погоду, именуемую оттепелью,

патроны в обойме окисляются и ржавеют? Так вот, не пора ли нам освободить обойму от залежавшихся там патронов, а на смену им вставить новые патроны, посвежее? Слов нет, не стоит выбрасывать старые патроны, они еще пригодятся, но необходимо по-хозяйски протереть их щелочью, а если надо, то и песчанкой.

Ничего, от этого шкурка с них не слезет! Надо приберечь их, эти старые патроны, не всякий же из них даст осечку при выстреле. Это тоже надо понимать.

Но плох тот боец, который на вооружении имеет всего лишь одну обойму. Сражения с таким скудным запасом не выиграешь. Как и все вы, я за то, чтобы побольше было у нас патронов в обоймах и в цинках. с россыпью под рукой на всякий случай. А за сохранностью их у нас присмотреть есть кому. Читатель у нас не скопидом, а подлинный — добрый и расчетливый — хозяин.

И потом вот еще что. Термин «ведущий» в применении к человеку, который действительно кого-то ведет, сам по себе хороший термин, но в жизни бывает так, что был писатель ведущий, а теперь он уже не ведущий, а стоящий. Да и стоит-то не месяц, не год, а этак лет десять, а то и больше,— скажем, вроде вашего покорного слуги и на него похожих.

Вы понимаете, товарищи, такие вещи не всегда приятно говорить про самого себя, но приходится: самокритика. Так вот, упрется такой писатель, как баран в новые ворота, и стоит. Какой же он ведущий, когда он самый настоящий на месте стоящий!

В партии у нас бывает так — и это всем известно,— работает заслуженный человек секретарем обкома — ведущая фигура, но работает он год — туда-сюда, второй год — еще хуже, и тогда ему вежливо говорят: «Ступай-ка ты, дорогой товарищ, подучись».

А ведь, как говорится, свято место пусто не бывает. Литературная «обойма» будет заполнена. И не сами писатели войдут в нее по собственному желанию, потому что одного желания здесь маловато, а их вставит в обойму хозяйской рукой народ, который хочет сражаться за свою культуру, за свое счастье — за коммунизм.

И еще одной из причин снижения ценности художественного произведения является та система присуждения литературных премий, которая существует, к сожалению, и поныне. Об этом подробно говорил здесь т. Овечкин, и мне приходится добавить несколько слов. Прошу прощения, но, ей-богу, деление художественных произведений на первую, вторую и третью степень напоминает мне прейскурант: первый сорт, второй и третий сорт.

Ну, а то, что не вошло в прейскурант? Какое наименование дадим тому количеству произведений, которые не удостоены премии? Это что, отходы ширпотреба? Получается нелепо, обидно и горько, и никуда эта система поощрения не годится, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что многие из хороших книг не премированы — талантливые, умные книги,— и они иногда читаются больше, нежели книги, отмеченные премией.

К примеру, бывает и так. Написал писатель посредственную книгу — он и не рассчитывал на успех, трезво рассчитывая на свои возможности. Он считал, что следующая книга будет лучше. И вдруг получает вторую премию. Так нет бы по совести сказать: «Братцы, что вы делаете? Не давайте премию, книга моя недостойна ее». Шалите, таких простаков не было еще! Берет писатель премию, а спустя немного времени начинает думать, что не только он сам недооценил себя, но и другие, кто присуждает премии, и что книга его смело могла пойти не на вторую, а на первую премию.

Так в оценках мы и писателей и читателей портим.

Не берусь съезду предлагать что-нибудь определенное по этому поводу. Но ясно одно — что мы обязаны ходатайствовать перед правительством о коренном пересмотре системы присуждения премий работникам искусства и литературы, потому что так дальше продолжаться не может.

При такой системе, если она сохранится, мы сами разучимся отличать золото от меди, а окончательно дезориентированный читатель будет настораживаться, увидев книгу очередного лауреата.

Высокая награда не может даваться легко и даваться походя, иначе она перестанет быть высокой.

Подумайте, что будет через десять — пятнадцать лет с некоторыми талантливыми представителями искусства и литературы, если утвердится существующее положение о премировании. Женщину, которую мы все любим за ее яркий и светлый талант (я говорю об Алле Константиновне Тарасовой), станут водить под руки, так как самостоятельно она ходить не сможет, будучи обремененной непомерной тяжестью медалей, которые она получила и еще получит. Я уже не говорю о т. Симонове. Он смело будет давать на-гора по одной пьесе, одной поэме, по одному роману, не считая таких мелочей, как стихи, очерки и т. д. Стало быть, три медали в год ему обеспечены. Сейчас Симонов ходит по залам съезда бравой походкой молодого хозяина литературы, а через пятнадцать лет его, как неумеренно вкусившего славы, будут не водить, а возить в коляске.

Ведь это же ужасно!

Уже сейчас многие медалисты внушают к себе если не восторг, то некоторый трепет. А что будет дальше?

На днях я увидел человека в штатском — вся грудь в золоте и медалях. Батюшки, думаю, неужели воскрес Иван Поддубный? Пригляделся — фигура не борцовская: оказывается, это не то кинорежиссер, не то кинооператор. Вот тут и разберись, что к чему. Нет, товарищи писатели, давайте лучше блистать книгами, а не медалями.

Медаль — это дело наживное, а книга — выстраданное.

Только большая и глубокая тревога за литературу заставляет говорить товарищам по оружию иногда неприятные вещи.

Со свойственной ему скромностью и по неписаной обязанности докладчик т. Симонов умолчал о себе. Разрешите мне восполнить этот пробел.

Здесь не время и не место заниматься разбором отдельных его произведений. Хочется сказать о всей совокупности его творчества.

Константин Симонов отнюдь не новобранец в литературе, а достаточно пожилой и опытный боец. Написал он тоже достаточно много и во всех жанрах, которые свойственны литературе. Но когда я перечитываю его

произведения, меня не покидает ощущение того, что писал он, стремясь к одному — лишь бы вытянуть на четверку, а то и на тройку с плюсом. А ведь он, бесспорно, талантливый писатель, и его нежелание (о неумении тут не может быть и речи) отдать произведению всего себя, целиком, заставляет тревожно задумываться. Чему могут научиться у Симонова молодые писатели? Разве только скорописи да совершенно не обязательному для писателя умению дипломатического маневрирования. Для большого писателя этих способностей, прямо скажу, маловато. Особую тревогу вызывает его последняя книга: с виду все гладко, все на месте, а дочитаешь до конца — и создается такое впечатление, как будто тебя, голодного, пригласили на званый обед и угостили тюрей, и то не досыта. И досадно тебе, и голодно, и в душе проклинаешь скрягу-хозяина.

Не первый год пишет т. Симонов. Пора уже ему оглянуться на пройденный им писательский путь и подумать о том, что наступит час, когда найдется некий мудрец и зрячий мальчик, который, указывая на т. Симонова, скажет: «А король-то голый!» Неохота нам, Константин Михайлович, будет смотреть на твою наготу, а поэтому, не обижаясь, прими наш дружеский совет: одевайся поскорее поплотнее, да одежку выбирай такую, чтобы ей век износу не было!

По старой дружбе не могу не помянуть здесь И. Г. Эренбурга. Не подумайте, что я снова собираюсь спорить по творческим вопросам, упаси бог! Хорошо спорить с тем, кто яростно обороняется, а он на малейшее критическое замечание обижается и заявляет, что ему после критики не хочется писать. Что же это за спор, когда чуть тронешь противника, а он уже ссылается на возраст и будит к себе жалость? Нет, у нас лежачего не бьют. Пусть лучше Эренбург пишет... Он делает большое и нужное дело, активно участвуя в нашей общей борьбе за мир. Но ведь критикуем мы его не как борца за мир, а как писателя, а это — наше право. Вот, в частности, он обиделся на Симонова за его статью об «Оттепели». Зря обиделся, потому что, не вырвись Симонов вперед со своей статьей, другой критик по-иному сказал бы об «Оттепели». Симонов, по сути, спас Эрен-

бурга от резкой критики. И все-таки Эренбург обижается. Объяснить это можно, пожалуй, только той «обостренной чувствительностью», которой Эренбург наделил всех писателей в своей недавней речи на съезде.

Но нам особенно беспокоиться по поводу перепалки между Эренбургом и Симоновым не стоит. Они как-нибудь помирятся.

Единственный вопрос хотелось бы мне задать т. Эренбургу. В своем выступлении он сказал: «Если я смогу еще написать новую книгу, то постараюсь, чтобы она была шагом вперед от моей последней книги» — то есть от «Оттепели». По сравнению с «Бурей» и «Девятым валом» «Оттепель», бесспорно, представляет шаг назад. Теперь Эренбург обещает сделать шаг вперед. Не знаю, как эти танцевальные па называются на другом языке, а на русском это звучит: «топтание на месте». Мало же утешительного вы нам наобещали, уважаемый Илья Григорьевич!

О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством.

Иногда мы бываем излишне резки в отношении друг с другом, иногда нетерпимы в творческих оценках, но вызвано это, разумеется, не нашим дурным характером, не честолюбием и не корыстью, а единственным желанием сделать нашу литературу еще более могучей помощницей партии в деле коммунистического воспитания масс, еще более достойной нашего великого народа и того великого литературного прошлого нашей страны, прямыми наследниками которого мы являемся.

Всем сердцем верю в то, что к третьему съезду многие из нас создадут новые замечательные произведения.

От всей души желаю каждому из вас, товарищи писатели, новых творческих успехов и той ясной радости, которую испытывает каждый труженик, по-настоящему добротно сделавший свое дело.

1954

СТРАСТНО, ПРАВДИВО

От всего сердца желаю читателям «Известий» и всем советским людям в наступающем новом году светлой радости, счастья и трудовых успехов.

Наша страна набирает силы для еще большего разбега и могучего движения вперед, для новых великих свершений. Как же страстно, взволнованно и правдиво должны мы писать о делах советских людей, о красоте советского человека, о его благородстве, о любви его к матери-родине! Мы, советские писатели, кровно связаны со своим народом, мы служим ему. По-сыновнему прислушиваясь к партийному голосу — народной совести, мы обязаны с большой и строгой требовательностью относиться к своему творчеству.

Братьям писателям от души желаю удач в их трудной и почетной работе. Будем же в новом году всеми силами стремиться к тому, чтобы каждое наше слово «глаголом жгло сердца людей», чтобы оно помогало и поднимало их силы в каждодневных трудах и заботах!

1954

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Дорогие друзья — читатели журнала «Советский Союз»!

В минувшем году советская литература дала немало новых произведений, которые заслужили законное признание широких читательских масс нашей родины и нашли живейший отклик в сердцах зарубежных друзей. Но неизмеримо больше предстоит всем нам, советским писателям, сделать в будущем.

Как и всегда, в канун Нового года к этому будущему устремлены все наши помыслы и чаяния.

Борьба за мир, создание высокоидейных и высокохудожественных произведений, достойных великой эпохи и великого советского народа,— такова наша цель и задача в жизни!

Поздравляю вас с Новым годом и от всего сердца желаю всем вам успехов в творчестве (ибо всякий труд есть творчество) и счастья в личной жизни!

1956

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ — ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА

(Выступление на творческом семинаре молодых писателей Ростовской и Каменской областей)

Дорогие друзья! Мы все здесь, писатели разных жанров и разной манеры, являемся единомышленниками, все мы движимы одним высоким желанием сказать высокую правду народу. На нас всех лежит огромная ответственность. Это высокая честь — творить для народа. Вот слушал я стихи молодого поэта И. Михайлова и суровую критику его товарищей. Дело не в том, что в стихах поэта многовато водички,— ее можно вылить. Дело в том, что молодой поэт, как и его старшие товарищи, хочет сказать народу высокую правду.

Очень велика ответственность писателя перед народом, очень велика. Мы все вместе и каждый из нас отдельно должны быть совестью народа. И вот что я скажу вам, молодые друзья: не всегда легко приходится молодому автору, надо прямо сказать, нередко трудновато бывает ему,— а все же не торопитесь высказать невыношенное. Надо дать жизнь такой книге, которая бы звучала и жила долго.

В литературу пришли и приходят все новые и новые силы. Пополняется и ростовская литературная организация.

И до войны ростовская плеяда писателей была сильной. Вспоминаю я поэта Григория Каца и замечательного, талантливого прозаика Александра Бусыгина. Они пали смертью храбрых в боях за нашу родину. На смену

им пришли новые молодые литераторы. И вы, молодежь, идете на смену старшим товарищам. Все мы вместе составляем роту великой армии советской литературы, прекрасный такой, сильный литературный кулак.

Вот вы тут собрались поговорить о творчестве. И это очень хорошо. О вопросах творчества надо говорить горячо, страстно. Надо приблизить творчество к своему сердцу и горячо любить нашу трудную профессию. Еще раз напоминаю вам: как бы ни было трудно на первых порах, не гонитесь за легким успехом. Ведь вы, идущие нам на смену,— надежда наша. Вы — наше будущее. За многими из вас уже стоит настоящее, но будущее, будущее писателя, есть у вас всех. Вы — великолепные представители великолепного народа. Желаю вам добра, успехов, больших свершений, дорогие мои друзья!

1955

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Уважаемый товарищ редактор!

Только что я прочел первый номер журнала «Иностранная литература». Задачи, которые стоят перед журналом, представляются мне благодарными. Журнал призван помочь советским людям лучше узнать и понять литературу других народов.

В связи с выходом первого номера в свет мне хотелось бы поднять некоторые вопросы, которые кажутся мне насущными.

Речь идет о международных культурных связях и широком обмене творческим опытом между советскими и зарубежными писателями.

Каждая нация, большая или малая, имеет свои культурные ценности. Из этих ценностей складывается великое духовное достояние человека.

Наш народ внес свой большой вклад в сокровищницу мировой культуры. Народ наш был щедр и бескорыстен в своем стремлении сделать ценности своей национальной культуры достоянием человечества.

В то же время мы всегда с большим уважением относились к культурным достижениям других народов. Убедительным свидетельством этого являются, в частности, многочисленные поездки деятелей советской культуры за границу и то радушие, с которым мы всегда встречали своих иностранных гостей.

Я не хочу обращаться сейчас к фактам — они общеизвестны. Я лишь позволю себе напомнить читателю то обстоятельство, что только в 1954 году, насколько я знаю, нашу страну посетило около десяти тысяч иностранцев.

Вещественным выражением нашего высокого уважения к культуре других народов являются и многочисленные издания и переиздания зарубежных писателей, при этом не только классиков.

Наш народ стремился придать культурным связям с заграницей возможно больший размах. Именно это желание руководило советскими людьми, когда Верховный Совет СССР на своей второй сессии 9 февраля этого года принял известную декларацию, в которой подчеркивается необходимость укрепления международного общения, как важного фактора, содействующего нормализации международной обстановки.

Я был среди депутатов и с радостью голосовал за эту декларацию.

После того как Женевское совещание стало историческим фактом, излишне говорить о том, что́ препятствовало стремлению советского народа значительно расширить культурный обмен с заграницей.

Нет необходимости повторять, что «холодная война» и открытое доброжелательное культурное сотрудничество несовместимы.

Было время, когда наши культурные связи с такой страной, как США, укреплялись и развивались. Боевое сотрудничество американского и советского народов создало все предпосылки к тому, чтобы наши дружеские связи расширялись и в послевоенное время.

К сожалению, получилось не так.

Попытки нашей страны развивать культурные связи с США оставались тщетными или почти тщетными.

Правда, среди сотен и тысяч иностранных гостей, ежегодно приезжающих в Советский Союз и путешествующих по нашей стране, было немало и американцев. Однако до недавнего времени мы не встречали ответного гостеприимства.

Но, повторяю, сегодня я хочу говорить не о прошлом, а о будущем.

Я убежден, что, если «дух Женевы» отныне проникнет во все области международной жизни, дело расширения культурных связей получит широкие перспективы.

У писателей всего мира должен быть свой круглый стол. У нас могут быть разные взгляды, но нас объединит одно: стремление быть полезным человеку.

И если говорить о нас, советских писателях, то нам искренне хотелось бы, чтобы наши дружественные связи со всеми писателями были бы столь же тесными и активными, как из года в год крепнущие отношения с нашими собратьями по перу из многих стран Запада и Востока.

Я был бы очень рад узнать, что́ думают на этот счет мои американские, английские, западногерманские и японские коллеги.

Я говорю о них в первую очередь потому, что именно с этими странами наши культурные связи в послевоенные годы оставляли желать много лучшего.

Такова первая цель моего письма.

Во-вторых, я позволю себе внести некоторые предложения в связи с деятельностью нового журнала.

Я думаю, что журнал призван публиковать все истинно талантливое, что́ помогает людям жить достойной человека жизнью.

Я был бы рад, и думаю, что далеко не я один, если бы ваш журнал стал трибуной творческого общения для всех, кому дорого живое дело современной литературы. Мы были бы благодарны журналу, если бы на своих страницах он организовал переписку советских читателей (в том числе и литераторов) с авторами печатающихся у вас произведений.

Возможно, что при чтении этих произведений, раскрывающих духовный мир, борьбу и надежды разных народов, у советских читателей возникнут мысли, небезынтересные для зарубежных писателей. Нет писателя, которому было бы безразлично мнение читателей. Помню, с каким интересом я знакомился с откликами зарубежных читателей, в том числе американских, на издание «Тихого Дона». Эти отклики были разноречивы, далеко не все я в них принимал, но для меня как писателя они были поучительны.

Мне кажется, что такая переписка способствовала бы взаимному духовному обогащению и познанию.

Пишу это письмо с сознанием, что наступило время, когда при наличии доброй воли и взаимоуважения делу всемерного развития культурных связей может быть придан широкий размах, разумеется, лишь в том случае, если усилия будут взаимны.

Все эти вопросы я ставлю, естественно, в самой общей форме, потому что убежден — при наличии единодушия в главном все остальное приложится.

Я был бы рад узнать мнение моих зарубежных коллег по этому вопросу.

Глубоко убежден, что мы найдем общий язык.

1955

К НОВЫМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ СВЕРШЕНИЯМ!

Накануне Нового года не хочется повторять давно уже всем известные истины о задачах и целях нашего искусства. Сухая это была бы закуска к новогоднему столу! Я справедливо полагаю, что все мы, каждый в своей области творчества, достаточно грамотные люди, а потому и должны знать, чего от нас ждет народ и что и как мы должны делать. Мне лишь хочется от всего сердца пожелать нашему могучему советскому искусству и литературе новых замечательных свершений в наступающем году. А представителям искусства и литературы: молодым — творческой зрелости, зрелым — молодого задора и упорства в постоянном стремлении к совершенству.

1956

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТРЕТЬЕМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Мои друзья из нашего писательского руководства ставят меня иногда в неловкое положение. Дескать, тебе необходимо выступить: «Скажи молодым писателям прочувствованное слово».

— А о чем?

— Ну, о том, что писательский труд не легкий, о том, что бывает он тяжел, что писательская профессия трудна, что это святое дело.

И что же получается?

Отобрали мы из молодых триста шестьдесят самых талантливых, самых способных. И стоит ли мне с такими способными говорить об азах? Буду говорить, как с равными равный.

Что же, если говорить о литературе и, в частности, об этом совещании, то кое в чем я не согласен с докладчиком т. Ажаевым.

Мне, например, не нравится та часть его речи, где он, давая положительную оценку тому или иному произведению, считает необходимым в бочку меда непременно пустить ложку дегтя. Как будто не будет семинара, где можно разобрать подробно достоинства и недостатки того или иного произведения, манеру авторского письма — все то, из чего складывается творческая сущность произведения. Стоило ли с такой высокой трибуны говорить о деталях и подробностях?

В частности, мне казалось, он нашел нужное слово, когда привел высказывание Горького насчет того, что одно дело выучиться лыко драть, а другое дело — лапти плести.

Я не буду занимать ваше время долго. Если речь идет о лыке, все-таки хорошо драть лыко как будто на одном и хорошо знакомом месте, и основательно, а не в порядке кратковременных наездов. А у нас вот шарахнулись и пожилые и молодые на целину за темами и сюжетами. И мы видим, результат не так уж хорош, а зачастую просто плачевный. Человек пробыл один-два месяца, допустим, даже полгода, лыка надрал, а лапти все равно не получаются.

Большинство из вас из областей. Это хорошо, ближе к жизни.

Мне хотелось бы вам пожелать, чтобы вы в литературе не остались перестарками. Известна такая категория девиц, которые долго не выходят замуж. Пусть скорее приходит к вам творческая зрелость. Пусть она радует не только нас, писателей, но и читателя, огромного и требовательного, настоящего читателя, какого, пожалуй, нигде в мире еще нет.

И в связи с этим еще одно пожелание: не оставайтесь в литературе до старости в детских коротких штанишках! А такие, к сожалению, у нас еще бывают.

В заключение моей короткой речи хочется пожелать вам не только в наступившем году, но и вообще в жизни и больших дерзаний, и больших творческих успехов.

1956

РЕЧЬ НА XX СЪЕЗДЕ КПСС

Товарищи делегаты! Как вам было уже сообщено нашим секретарем т. Сурковым, советская литература не имеет своего плана на шестую пятилетку. К этому мне остается только добавить, что если бы какой-либо план существовал, то, уверяю вас, он все равно не был бы выполнен и потому, что труд наш сугубо специфичен, и потому, что, по правде говоря, нет у нас в стране более неорганизованных людей, чем мы, писатели.

В Союзе советских писателей 3247 членов союза и 526 кандидатов, всего 3773 человека, вооруженных перьями и обладающих той или иной степенью литературного мастерства. Как видите, сила на вид немалая, но пусть вас не страшит и не радует эта цифра. Ведь это же только «на вид», а на деле в значительной части писательский список состоит из «мертвых душ».

Жаль только, что нет в наше время чичиковых, а то бы Сурков, несмотря на всю его коммерческую неопытность, одной крупной торговой операцией сумел бы нажить для Союза писателей целое состояние.

Я обязан сейчас, с глазу на глаз со своей родной партией, говорить о литературе пусть горькую, но правду. Этого требует от меня мой партийный долг, долг моей партийной и писательской совести и чести.

Здесь т. Сурков довольно невнятно говорил о достижениях советской литературы последних лет и

иллюстрировал это положение нарастающим количеством книг, выпущенных издательством «Советский писатель» в 1953, 1954 и 1955 годах. Знаете, как это по-русски называется? «Наводить тень на плетень».

Да разве количеством выпущенных книг измеряется рост литературы? Ему надо было сказать о том, что за последние двадцать лет у нас вышло умных, хороших книг наперечет, а вот серятины хоть отбавляй! На тысячу писательских перьев за двадцать лет по десятку хороших книг. Как вы думаете — не мало ли? Вот о чем надо было сказать т. Суркову, хотя вы и сами это отлично знаете.

Было бы странно, если бы сейчас, когда трудовыми руками советских людей создаются величайшие в мире гидроэлектростанции, наши пропагандисты все время твердили бы народу: «Однако мы все же построили в 1932 году Днепрогэс».

А вот мы, писатели, построили бы себе этакую «днепрогэсовскую» литературную плотину из произведений, написанных двадцать — тридцать лет тому назад, и чуть что нажмут на нашего брата — писателя, мы проворно прячемся за эту плотину и не без апломба заявляем оттуда: «Позвольте, как это нет книг? Как это мы не пишем? А «Жизнь Клима Самгина»? А романы Сергеева-Ценского? А «Железный поток» Серафимовича? А «Цемент» Гладкова? А «Разгром» Фадеева? А романы Леонова и Федина? А «Чапаев» Фурманова? А «Бруски» Панферова?» И залпом перечислим еще десяток произведений, признанных читателями и пощаженных временем. До каких же пор мы будем отсиживаться под благодатным прикрытием этой всеспасающей плотины?

С 30-х годов многонациональная советская литература пополнилась новыми именами замечательных мастеров прозы, поэзии, драматургии. Так что, слов нет, за все время своего существования наша литература создала немало полноценных произведений и по праву стала ведущей литературой в мире. Но ведь положа руку на сердце надо прямо сказать, что ведущей она стала не потому, что ею достигнуты какие-то ранее недосягаемые для писателей высоты художественного

совершенства, а потому, что все мы, каждый в меру своего таланта, глубинными средствами искусства, проникновенным художественным словом пропагандируем всепобеждающие идеи коммунизма — величайшей надежды человечества. Вот в чем секрет нашего успеха! А попробуй какой-либо писатель в наше время написать произведение с позиций антикоммунизма — имя такого писателя будет немедленно предано презрительному забвению, а книги его нечитаными заплесневеют на полках. Так что, как видите, и лавры принадлежат не столько тем, кто писал, сколько той, которая вдохновляла на создание больших произведений,— нашей родной Коммунистической партии. И мы, писатели, искренне, от всего сердца радуемся этому и готовы и впредь, до последнего нашего дыхания служить своим словом делу партии Ленина и свято хранить и в жизни и в литературе ее благородные интересы.

Если за последние годы в пагубном прорыве находится наша проза, то не в лучшем положении оказалась и драматургия: мало, очень мало написано хороших пьес, и героические усилия Корнейчука и еще нескольких драматургов не могут спасти наши театры от острого репертуарного голода. Корнейчук — здоровый парень, но ведь любой украинец, даже сам Тарас Бульба, нажил бы горб, если заставить его работать за двадцатерых.

В чем же дело? Почему отстает наша литература?

Дорогой Никита Сергеевич! Очевидно, не желая обидеть писателей, вы в очень сдержанной форме задали нам вопрос: «Не ослабла ли связь с жизнью у некоторых наших писателей?» Вы — вежливый человек, Никита Сергеевич, ну, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а поэтому разрешите мне с грубоватой прямотой спросить у вас в свою очередь: может ли ослабнуть то, чего нет? И можно ли оторваться от того, за что не держишься?

В том-то и беда, что не некоторые, а очень многие писатели давненько уже утратили связь с жизнью и не оторвались от нее, а тихонько отошли в сторону и спокойно пребывают в дремотной и непонятной мирососерцательной бездеятельности. Как ни парадоксально

это звучит, но им не о чем писать. И это в эпоху, когда страна и партия целиком поглощены огромнейшей созидательной, творческой работой! А не о чем писать им потому, что они не знают жизни, не общаются с народом так, как это следовало бы писателям.

Общеизвестно, что Лев Толстой знал душу русского мужика, как никто из нас, современных писателей; Горький исходил всю Россию пешком; Лесков исколесил ее на почтовых и вольнонаемных лошадях; Чехов, даже будучи тяжко больным, нашел в себе силы и, движимый огромной любовью к людям и профессиональной писательской настоящей любознательностью, все же съездил на Сахалин. А многие из нынешних писателей, в частности многие из москвичей, живут в заколдованном треугольнике: Москва — дача — курорт и опять: курорт — Москва — дача. Да разве же не стыдно так по-пустому тратить жизнь и таланты?!

В Москве живет около 1200 писателей. Положим, это естественно: Москва — столица, крупнейший культурный и промышленный центр страны. Но неестественно то, что, живя в столице, писатели и здесь ухитряются стоять в стороне от жизни. В простоте душевной я полагал, что мои собратья — москвичи, задумав новые произведения, общаются с рабочими крупнейших промышленных предприятий, интересуются производством того или иного завода, жизнью, нуждами и чаяниями рабочих. Нет! Живут в лесу и леса не видят.

Кто из писателей вошел как друг и близкий человек в какую-нибудь рабочую семью или семью инженера, новатора производства, партийного работника завода? Считанные единицы. Иначе Журбиных открыли бы в Москве значительно раньше, чем Кочетов в Ленинграде. Живут мои братья — писатели чужаками на отшибе и поодиночке, как старые деревенские бобыли. С грустью узнал я о том, что нет писателя-друга ни в рабочем коллективе завода «Серп и молот», ни на заводе имени Сталина, ни на «Динамо», ни на «Красном пролетарии». Я счастлив буду, если ошибусь, но думается мне, что такую же картину мы увидим и

на «Фрезере», и на «Трехгорке», и на «Калибре», и на шарикоподшипниковом заводе, и на других предприятиях Москвы.

Правда, писатели бывают на больших предприятиях в качестве гостей, а вернее, гастролеров и, к общему нашему стыду, иногда не стесняются получать за свои выступления соответствующее денежное вознаграждение из рабочей кассы. С каких же это пор общественная работа стала у нас платным делом? Некоторые писатели получают мзду даже за выступления в военных академиях. Пора положить конец этому безобразию! Пора внушить дельцам от литературы, что между эстрадным тенором, который голосом добывает себе дневное пропитание, и писателем должна существовать какая-то разница! Это нетерпимо вообще, и в особенности нетерпимо тогда, когда к заводской или иной кассе тянется рука писателя-коммуниста.

Почему же 1200 писателей живут в Москве? Почему их и трактором не оторвешь от насиженных мест? На этот вопрос мне трудно ответить. Может быть, вы сами попытаетесь найти решение этой загадки? Знаю, однако, что такая расстановка творческих сил неправильна и ничем не оправдана. К сожалению, такое же положение мы наблюдаем и в Ленинграде, и в Киеве, и в Минске, и в Алма-Ате, и во всех областных и краевых центрах. Всюду писатели живут в городах, а вот писателя — жителя рабочего поселка или деревни вы почти нигде не увидите.

Вы ждете новых книг, товарищи! А я хочу вас спросить: от кого? От тех, кто не знает толком ни колхозников, ни рабочего? От тех, кто отсиживается и отлеживается? Но ведь давным-давно известно, что под лежачий камень и вода не течет. Нет и не будет в ближайшее время добротных, полновесных книг, если положение в литературе не изменится самым коренным образом, а изменить его может только партия. Но об этом после.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу выступления т. Гафурова, вернее, той части его выступления, где он касается литературы. Тов. Гафуров прав, когда он говорит об отставании литературы. Но

т. Гафуров не прав, когда это отставание объясняет спадом творческой активности. Не в этом дело.

Определенное отставание литературы от жизни вполне закономерно, потому что серьезная литература — не кинохроника, и создание больших полотен требует, как говорил Лев Толстой, не только изнурительного труда, но и очень длительного времени.

Известно ли т. Гафурову, что Алексей Толстой писал свой роман «Хождение по мукам» двадцать два года, а роман «Петр Первый» писал пятнадцать лет и так и не успел закончить?

Таких примеров можно привести множество, и все это, наверное, т. Гафурову известно. Но я уверен, что ему не известна хорошая, но соленая украинская поговорка: «Скоро робят — слепых родят». И к этому есть множество примеров, когда скороспелые произведения, родившись из-под пера писателей слепыми или подслеповатыми, так и не увидели широких масс читателей.

Наш советский читатель простит нам медлительность, но никогда не простит плохой, серой книги!

В жизни, как и вы, т. Гафуров, я предпочитаю самолет арбе, ну, а в литературе я предпочитаю другое: лучше уж ехать на арбе с полезной для народа тяжелой кладью, нежели лететь на самолете с легоньким несессером в руках, с напилочками для ногтей, с разнокалиберными щеточками и прочими фатовскими принадлежностями личного обихода. К слову сказать, и в выступлениях на литературные темы зачастую бывает полезнее идти тяжеловатой и медлительной поступью, чем порхать этаким легковесным и легкодумным мотыльком.

Не обижайтесь, дорогой товарищ Гафуров, и простите мне, возможно, излишнюю полемическую запальчивость. Но ведь я тоже, как и вы, южанин и привык спорить темпераментно, а не плестись в хвосте у противника. Вы говорили о творческом горении. Ну, знаете ли, эту штуку градусником не измеришь, а вот полемическая температура у нас с вами одинаковая, несмотря на то что вы — таджик, а я русский. Вы — читатель, я — писатель, и мы здесь с вами наглядно продемонстрировали, как пылко вы меня любите и

какой огромной взаимностью я вам отвечаю. А вы еще говорите об отсутствии взаимности у писателей к читателям. Какое там отсутствие, когда нас водой не разольешь! Что ж, надеюсь, мы квиты с вами, товарищ Гафуров? Ну, вот и хорошо!

Нет книг за последнее время, таких книг, которые завоевали бы сердца и любовь широчайших читательских масс. Кто же в этом виноват? Разумеется, прежде всего — сами писатели, но повинны в этом и партийные организации, призванные заниматься вопросами культуры, да и читатели не в стороне, а в бороне, в бороне ответственности за нынешнее состояние литературы, потому что литература, как известно, не только внутреннее дело самих писателей, но и общенародное, и прежде всего — партийное дело.

Партия не раз поправляла Союз писателей за идеологические срывы на отдельных участках литературной борьбы, и мы всегда чувствовали ее твердую, направляющую руку. Спасибо ей за это!

Но вот как все мы просмотрели то, что значительное число писателей давно уже находится не у дел, живет в отрыве от жизни,— это уму непостижимо! Вспомните, когда некоторые из наших тридцатитысячников — председатели колхозов, директора МТС — попробовали жить на старых местах работы, а в колхозы и МТС только наезжать, в стране началась целая кампания: об этом неоднократно писала «Правда», была поднята на ноги вся печать. Таких руководителей, которые пробовали жить в стороне от основного места своей работы, сурово осуждала вся наша общественность. А вот писатели годами, десятилетиями живут в отрыве от своего литературного производства, и никто им и слова не молвит, как будто так и надо, как будто для бойца второй эшелон — не временное местопребывание, а нечто вроде постоянного, оседлого местожительства.

Надо решительно перестроить всю работу Союза писателей. Разве никому из нас не видно было после смерти Горького, что среди писателей нет такого человека, который был бы ему хотя бы по плечо? Среди нас не было и нет, а возможно, и не будет равного Горькому по той безмерной любви, которую снискал он всей своей

жизнью и творчеством у рабочего класса, у тружеников нашей страны и далеко за ее пределами.

На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание коллективного руководства в Союзе писателей во главе с тов. Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло. А тем временем постепенно Союз писателей из творческой организации, какой он должен бы быть, превращался в организацию административную, и, хотя исправно заседали секретариат, секции прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и разъезжали курьеры,— книг все не было. Несколько хороших книг в год для такой страны, как наша,— это предельно мало.

В писательский обиход вошли довольно странные, на мой взгляд, выражения: например, «творческая командировка». О какой творческой командировке может идти речь, когда писатель всю жизнь должен находиться в атмосфере творчества. Или еще хлеще: «Секретарь союза такой-то получил годичный творческий отпуск». Да что же это такое, как не прямое признание того, что писатель до «творческого отпуска» занимался черт знает чем, только не творчеством! Ну, и пошла писать губерния... Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. Пятнадцать лет тянулась эта волынка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя. А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: «Властолюбие в писательском деле — вещь никчемная. Союз писателей — не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей перед тобой не будет, товарищ Фадеев. Ты — умный и талантливый писатель, ты тяготеешь к рабочей тематике, садись и поезжай-ка годика на три-четыре в Магнитогорск, Свердловск, Челябинск или Запорожье и напиши хороший роман о рабочем классе».

Не беда, если бы мы в то время потеряли генсека Фадеева, но зато с какой огромной радостью мы обрели

бы потом Фадеева-писателя, с новой книгой, возможно равной по значимости «Разгрому».

Чем занимался Фадеев на протяжении этих пятнадцати лет? Идейно и политически руководил Союзом писателей? Нет, мы всегда и не без оснований считали и считаем, что руководит нами партия. Долгие годы Фадеев участвовал в творческих дискуссиях, выступал с докладами, распределял квартиры между писателями и ничего не писал. Некогда ему было заниматься такими «пустяками», как писание книг. Но достаточно было Фадееву с 1944 года на несколько лет освободиться от секретарских обязанностей, и он за короткий срок создал прекрасное произведение о молодогвардейцах Краснодона. Пожалуй, как никто из нас — прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» в полную меру раскрылась эта черта его большого таланта.

Прошло несколько лет, и снова не стало Фадеева-писателя, снова появился Фадеев — деятель от литературы. Бывают же такие поистине сказочные превращения! И эта страна чудес не так уже далека: до улицы Воровского отсюда — рукой подать.

Неужто для административно-хозяйственной работы не нашлось у нас в партии человека масштабом поменьше? Что касается того, что Фадеев был художественным руководителем писательского ансамбля, если можно так выразиться, то и это не отвечает действительности. Ни Федин, ни Гладков, ни Леонов — никто из крупных прозаиков не ходил к Фадееву учиться писать романы. У каждого из нас своя манера письма, свое видение мира, свой стиль, и Фадеев не мог быть и не был для нас непререкаемым авторитетом в вопросах художественного мастерства. К Фадееву не ходили точно так же, как в настоящее время не идут к Суркову учиться, как писать стихи, ни Якуб Колас, ни Рыльский, ни Тычина, ни Твардовский, ни Тихонов, ни Маршак, ни Исаковский, ни Щипачев — никто из крупных поэтов. И они, да и сам Сурков, отлично понимают, что в оркестре, кроме барабана и медных тарелок, существуют и другие, не ударные инструменты. Чему же им учиться

у Суркова? А вот к Горькому шли и поэты, и прозаики, и критики, и драматурги... Если же к таким литературным руководителям, как Фадеев или Сурков, никто из их товарищей по профессии за решением творческих вопросов не ходил, не ходит и ходить не собирается, то, спрашивается, зачем же нам такие руководители нужны?

А вы думаете, если бы во главе руководства стоял, допустим, Шолохов или Симонов, то положение было бы иным? Было бы то же самое. Тех же щей, да пожиже влей. А писатели сказали бы еще проще: «Хрен редьки не слаще!» Со школьных лет всем известно, что от перестановки слагаемых сумма не меняется. И не в этом суть дела.

Творческих работников литературы нужно избавить от излишней заседательской суетни, от всего того, что мешает им создавать книги. Мы и так понесли немалый урон от того, что такие крупные художники слова, как Леонов, Тихонов, Федин и другие, потратили уйму драгоценного времени на всяческие заседания, вместо того чтобы на воле изучать жизнь и писать книги. Пора с этим кончать! Читатели ждут от нас книг, а не речей на заседаниях. Писателям необходимо помочь приблизиться к жизни вплотную, писателям необходимо повернуться к жизни лицом. Для этого не надо никаких специальных решений.

Мне думается, надо просто поручить Союзу писателей выяснить писательские заявки путем личных переговоров с отдельными писателями. Ведь не все же из них хотят безвылазно жить в больших городах. Почему бы нам не помочь тем писателям, которые хотят всерьез работать над произведениями, посвященными колхозной или совхозной тематике, поехать на три-четыре года в любую, по их выбору, сельскую местность, построить им там дома, и пусть себе живут и пишут на здоровье. В любое время такой писатель, разумеется, может приезжать в Москву, Минск или Киев,— словом, туда, откуда он поедет, но зато основное время он будет жить среди героев своей будущей книги, а это уже залог успеха в работе. Строим же мы дома для инженерно-технических работников. Почему нельзя построить

для писателей? Я говорю об этом потому, что писательский труд — это, по сути, кустарное производство на дому. Если писатель не рыщет в поисках материала, то он — дома, за письменным столом, и труд его нельзя уложить в рамки обычного рабочего дня. А поэтому жилье в коммунальной квартире, допустим, где-либо в совхозе, для него вещь неприемлемая. Одно дело, когда на кухне шипит один примус и в доме одна, допустим, даже очень разговорчивая, жена,— тут еще можно с грехом пополам навести порядок и добиться тишины. Другое дело, когда на общей кухне шипят восемь примусов и восемь женщин усердно состязаются в словесной перепалке. Тут уж ни о какой работе не может быть и речи.

Ехать на длительный срок писателям надо всерьез, то есть, что называется, со всеми потрохами, с женами, чадами и домочадцами. Это не «творческая командировка». Таким писателям надо бы помочь и средствами передвижения, чтобы они могли ездить туда, куда им понадобится, не «голосуя» на дорогах и не находясь в постоянной зависимости от директора совхоза или МТС, от секретаря райкома или председателя райсовета.

Разумеется, далеко не всем писателям необходимо ехать в деревню. Пусть перебираются туда те, кому близки интересы колхозной жизни. А тем писателям, кто думает писать о рабочем классе, о городской интеллигенции, будут рады всюду, в любом промышленном центре нашей страны, в любом городе.

Писатель-коммунист, поехавший на село, вольется в местную партийную организацию и, безусловно, найдет себе там место и дело, которое не мешало бы его основной работе. Беспартийный писатель не откажется от посильной ему общественной работы. А живой материал — вот он, всегда у писателя под руками. Успевай только осмысливать то, что происходит на твоих глазах. Жить жизнью народа, страдать страданиями людей, радоваться их радостям, целиком войти в их заботы и нужды — вот тогда у писателя и будет настоящая, волнующая сердца читателей книга.

Почему бы, скажем, волжанину Панферову не пожить несколько лет на берегу Волги и написать роман

так, чтобы он и для читателя был подлинной «Волгой-матушкой», а не Волгой — троюродной теткой? Писатель тончайшей наблюдательности и великолепного владения добротным русским языком, Паустовский ежегодно бывает гостем в окрестностях Мещерской низменности, столь живописно воспетой здесь тов. Ларионовым. Почему бы не помочь и ему оседло устроиться где-либо на берегу Оки? Не верю, чтобы завзятый рыболов Паустовский в часы мертвого бесклевья не смотрел вокруг на колхозную жизнь жадными глазами художника. А будет смотреть — будет у нас и надежная книга. Пора бы, скажем, и Первенцеву, временно покинув Москву, снова основательно пожить на родной ему Кубани. Талантливый поэт Сергей Васильев недолго погостил на своей родине — в Курганской области и написал хорошие стихи. А если поживет там побольше, то будет уже цикл стихов, а может быть, и поэма. Уроженцу Алтая, писателю Пермитину тоже не вредно было бы возвратиться в родные края. Глядишь, через несколько лет еще одна книга будет в нашем активе. Писатель Бабаевский правильно решил, что «Кавалер Золотой Звезды» уже не принесет ему четвертой медали лауреата Сталинской премии, и поехал в Китай, по слухам, на три года. Что ж, привезет оттуда хороший роман о наших друзьях — китайских крестьянах, это будет большой радостью для всех нас.

Всем писателям, кто вздумает стать новоселами на новых и не обжитых ими землях нашей просторнейшей страны, надо крепко помочь материально, потому что представление о том, что у всех писателей денег куры не клюют,— не что иное, как обывательский миф.

Говорю я это вам, товарищи, а у самого душа болит: слушает мои прожектерские планы сейчас тов. Зверев, наш железный министр финансов, и наверняка уже смотрит на меня как на своего классового врага. Чем же я его могу утешить? Во-первых: от этого плана до его осуществления — дистанция огромных размеров. Во-вторых: если даже из трех писателей-новоселов один напишет хорошую, до зарезу нужную нам сейчас книгу, и то расход будет оправдан. А чтобы окончательно задобрить дорогого тов. Зверева, могу ему клятвенно

пообещать здесь, что никогда в жизни не буду выступать на страницах «Правды» по вопросу о семечковых и косточковых фруктовых деревьях, находящихся в личном пользовании колхозников. В конце концов какое мне дело до этих садов? Тов. Зверев лучше меня разбирается в этом вопросе. Он знает, когда колхозникам надо вырубать свои сады, а когда сажать их заново. Так что тут ему и книги в руки.

Особо мне хотелось бы обратить ваше внимание на нашу смену, на молодых писателей. Все, что я говорил о писателях старшего поколения, о необходимости для части из них перемены обстановки, в полной мере относится и к наиболее талантливым молодым, с той только разницей, что молодым необходимо будет оказать более значительную материальную помощь и отнестись к ним с большей бережливостью и заботой. Почти все они живут отнюдь не на литературные заработки и, оставив основную профессию для написания первой большой книги или серии рассказов, окажутся в беспомощном материальном положении. А некоторым из них, например учителям, придется неизбежно прощаться с прежней профессией, так как быть одновременно и учителем и писателем невозможно. Это ясно для всякого, кто хоть в какой-то мере знает, как до отказа загружен у нас рабочий день каждого учителя.

После первого съезда советских писателей Горький говорил: «Мы должны выработать целую армию отличных литераторов,— *должны!»* Об этих словах Горького не надо забывать, товарищи делегаты! Вспомните — после смерти Горького в литературных рядах остались такие писатели, как Сергеев-Ценский, Пришвин, Серафимович, Якуб Колас, Гладков, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян, Вересаев, Алексей Толстой, Новиков-Прибой, Шишков и другие. Это — из стариков. Позже пришли в литературу остальные, ныне широко известные писатели, но самым молодым из них теперь уже перевалило за пятьдесят. А смена идет замедленным шагом. Меньше сейчас литературных имен из молодых, чем было их в 1936 году, в год смерти Алексея Максимовича. Тем большая ответственность лежит на нас за подготовку и рост молодой смены. Писатели растут медленно, и надо

уже всерьез и глубоко думать о том, что будет иметь советская литература не только в шестой пятилетке, но и через двадцать — двадцать пять лет, когда из нынешних ведущих писателей не останется почти никого.

Все мы — сыны нашей великой Коммунистической партии. Каждый из нас, думая о партии, всегда с чувством огромного внутреннего волнения мысленно говорит: «Партия, родная наша мать, ты нас вырастила, ты нас закалила, ты ведешь нас в жизни по единственно верному пути». И вот сейчас я, глядя на вас, говорю в заключение:

— Родная партия! У тебя могучий и светлый коллективный разум и материнские руки, умеющие быть и суровыми и нежными. Ты найдешь необходимую форму помощи своим писателям, и, когда они, окрыленные твоим вниманием и лаской, создадут новые, достойные тебя, партия, и родины произведения, благодарный советский и зарубежный читатель в первую очередь тебе скажет свое сердечное спасибо!

1956

ВЕЛИКИЙ СЫН УКРАИНЫ

Навеки незабвенны светлые имена великих сынов родины, чьи сердца, таланты и помыслы были обращены на служение породившему их народу. К числу таких имен по праву принадлежит имя Ивана Франко...

Народы Советского Союза, и прежде всего родной мне по крови украинский народ, торжественно отмечают столетие со дня рождения Франко.

К миллиону голосов присоединяю и свой скромный голос большой любви и признательности великому писателю, великому сыну Украины.

1956

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Вышел в свет первый номер «Советской России»... Важно и радостно, что народы, населяющие Российскую Федерацию, отныне будут иметь свою газету, призванную широко и всесторонне освещать их заботы и нужды, трудовые достижения и недостатки, чаяния и сокровенные думы, чего, естественно, не в состоянии сделать союзные газеты, обремененные обилием вопросов всесоюзного и международного характера.

Никогда еще в истории России движение людских масс на Восток не носило столь широкого и организованного размаха, как в настоящее время. За последние годы внимание всей страны неослабно приковано к людям, которые на огромных и пока по-настоящему не обжитых просторах решают первостепенной важности задачи промышленного строительства и освоения целинных земель.

Понятно, какую особую значимость имеет выход в свет новой газеты для тех, кто внимательно следит за жизнью и героическим трудом рабочих-строителей, за работой тех, кто разведывает и осваивает несметные природные богатства русской земли, за жизнью новоселов на целине... Да и сами новоселы и строители будут остро нуждаться в подробной информации о том, что делается и в дальних краях республики, и по соседству с ними, и в родных местах, которые они только недавно покинули и куда с неизбежной грустинкой будут еще долго обращаться их мысленные взоры.

На территории Советской России, равной почти 80 процентам всей территории Советского Союза, и в промышленности, и в сельском хозяйстве происходят в настоящее время такие поистине колоссальные сдвиги и изменения, каких не было в истории человечества. Как же не гордиться тем, что все это в основном происходит именно на нашей родной, русской земле, вскормившей и воспитавшей нас! Как же нам не гордиться тем, что все это служит и будет вечно служить на пользу и процветание всем народам великого Советского Союза, на осуществление непобедимых идей коммунизма!

Нет, никому не отнять у нас нашей великорусской гордости, о которой еще в 1914 году Владимир Ильич Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов».

И кто в нашу эпоху строительства крупнейших в мире гидроэлектростанций и освоения грандиозных по масштабам целинных массивов с любовью и благодарностью не вспоминает того, кто скромно мечтал когда-то всего лишь о ста тысячах тракторов, кто первый выдвинул идею электрификации страны!

Явью стали мечты бессмертного Ленина, претворенные в жизнь партией коммунистов, советским народом...

В хорошее время, полное творческих дерзаний, выходит в свет «Советская Россия». Пожелаем же ей успеха и по-русски скажем:

— В добрый час!

1956

К ВЕНГЕРСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

События в Венгрии взволновали меня, советского человека и писателя-коммуниста, до глубины души. Боль от этих событий усиливается тем, что одной из причин, вызвавших эти события, явились грубые ошибки бывших руководителей народной Венгрии, которые были призваны для социалистического строительства и для улучшения жизни народа.

Больно переживать эти события и потому, что мои коллеги — венгерские писатели, которые очень смело выступали против этих ошибок, в нужное время, когда царило замешательство, не подняли своего писательского слова против реакции.

Драматизм положения кроется и в том, что в головах многих людей не было, а у некоторых и сейчас нет ясности насчет выхода из положения. Должен сказать, что я все же оптимист. Хочется мне для оправдания своего оптимизма провести некоторую параллель между событиями в Венгрии и событиями, имевшими место у нас на Дону в годы гражданской войны. Помимо отъявленных контрреволюционеров, там были и люди, случайно, вслепую примкнувшие к белогвардейскому движению, но впоследствии большинство из них осознало свои ошибки и стало активными строителями социализма.

Я всем сердцем верю в светлый разум мужественного и трудолюбивого венгерского народа и всей душой надеюсь на то, что в наступающем новом году трудящиеся Венгрии под руководством Венгерской социалистической партии внесут свой вклад в дело прогресса и мира на благо всего человечества.

1956

ВЫРОВНЯТЬ ШАГ С ПАРТИЕЙ, С НАРОДОМ

Незадолго до сорокалетия Советской власти еще неприятнее вспоминать о том, что мы, писатели, в своем творчестве отстаем от жизни, но к профессиональной горечи примешивается и гражданская гордость: вон какими шагами идут наша партия и народ от одной огромной, уже решенной задачи к другой, еще более грандиозной — к коренной перестройке управления промышленностью. Где же тут успеть? Да оно, пожалуй, если посмотреть на жизнь с практической точки зрения, не так велика беда, если, к примеру, я задержался с окончанием «Поднятой целины» на событиях тридцатого года, но не дай бог, если бы наше сельское хозяйство и промышленность до сих пор держались на уровне тридцатого года...

Но все же каждому из нас, писателей, хочется поспеть за временем, чтобы в творчестве выровнять шаг с партией, с народом. Потому и мне, в частности, хочется, поскорее закончив «Поднятую целину», уже вплотную взяться за роман «Они сражались за Родину».

1957

НЕ ЗАБЫВАТЬ О ДРУЖБЕ

Горячо обнимаю всех участников фестиваля, дорогих своих и дорогих гостей. Пусть вас не смущает слово «обнимаю»: я знаю, что вас теперь собралось в Москве очень много и физически обнять вас — труд, конечно, непосильный для любого человека. Но у меня, как и у всякого писателя, достаточно любвеобильное сердце, чтобы мысленно обнять вас всех сразу, будь вас даже в два раза больше.

Сожалею, что фестиваль собирается в 1957 году, а не в 1927-м: тридцать лет назад и я, пожалуй, мог бы быть на нем в качестве полноправного участника, а не престарелого гостя. Просто я несколько поспешил с появлением на свет, и в этом, безусловно, только моя личная вина.

Желаю весело провести время. Желаю и в веселье не забывать о дружбе и единении молодежи всех наций и стран, о том единении, которое поможет человечеству сохранить мир во всем мире.

1957

СОКРОВИЩНИЦА НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах.

Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость...

Различны эпохи, породившие пословицы. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времени дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков.

Обращаясь к пословицам русского народа, советский человек возьмет лучшее и отбросит то, что уже мертво и не нужно ему в созидании нового мира.

Никогда не померкнет наша патриотическая гордость, закованная в булат таких пословиц: «Наступил

на землю русскую, да оступился», «С родной земли — умри, не сходи», «За правое дело стой смело».

Вслед за народом-мудрецом и советский человек скажет (пословица к слову молвится!): «Белые ручки чужие труды любят», «Не сметя силы, не поднимай на вилы», «На чужой спине беремя легко», «На чужую работу глядя, сыт не будешь», «Часом опоздано, годом не поверстаешь», «Слово не стрела, а разит».

Однако нашему современнику чуждо все, что несет на себе в пословицах печать национальной розни, рабства, угнетения женщины, религиозного суеверия — все то, что не выражало истинной мудрости народа, над которым тяготел классовый, сословный и церковный гнет. Свой протест против него народ прекрасно выразил во множестве метких, лукавых и разящих своей насмешкой, а подчас и горьких пословиц: «Ел бы богач деньги, кабы убогий его хлебом не кормил», «Густо кадишь, святых зачадишь», «Молебен пет, а пользы нет», «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу».

И немало ложной мудрости, уродливых представлений прививали народу века социальной несправедливости, преклонения перед силой, ханжеством и лицемерием. Немало сохранилось в пословицах такого, что способно сейчас оскорбить здоровое чувство. Все это вытесняется идущей вперед жизнью, на смену приходит наш новый, социалистический опыт, который рождает и новую, благородную житейскую мудрость.

Так беспрерывно промываются временем и шлифуются рассыпанные в пословицах золотые крупицы народной жизни, борьбы и традиций бесчисленных поколений.

Издание русских пословиц, собранных на протяжении нескольких десятилетий прошлого века диалектологом и писателем В. И. Далем, послужит великому и благородному делу изучения неисчерпаемых богатств нашей отечественной культуры, великого и могучего языка нашего.

1957

УКРАИНСКИМ БРАТЬЯМ

Горячо поздравляю дорогих украинцев с 40-летием Советской власти на Украине.

Один из самых талантливых и в прошлом самых многострадальных — народ родной мне Украины за годы Советской власти во всю свою богатырскую мощь двинул вперед хозяйство, науку, искусство. Сколько замечательных имен во всех отраслях знания и умельства дала Украина родине и сколько она еще даст из своих неисчерпаемых источников!

От всей души желаю и на будущее больших успехов милой моему сердцу Украине, ее прекрасным сынам и дочерям!

1957

ПИСЬМО ВОЕННЫМ МОРЯКАМ

Дорогие друзья, военные моряки!

Большое спасибо за теплое письмо и за внимание к моему творчеству.

Вы спрашиваете, почему я сделал Давыдова балтийским матросом.

У Давыдова было несколько прототипов. Я встречался со многими моряками, беседовал с ними, видел, как они работают там, куда направляла их партия. И всюду они вносили в жизнь свои хорошие морские, революционные традиции.

Еще Владимир Ильич Ленин дал высокую оценку морякам после Октябрьских событий. Так же доблестно сражались они и в гражданскую войну, принимали самое деятельное участие в строительстве Советской власти.

Это и зародило во мне мысль сделать Давыдова бывшим балтийским матросом. Ибо человек, приехавший на работу в деревню, должен был обладать отвагой, выдержкой, хорошим юмором, умением общаться с людьми, чувствовать коллектив. Все эти качества, беззаветную преданность партии и делу коммунизма я видел у моряков, воспитанных на нашем флоте.

Вот, пожалуй, и все, что я коротко могу сказать в ответ на ваше письмо.

Горячо приветствую вас, дорогие и доблестные моряки, со славным 40-летием наших Вооруженных Сил.

1958

ТРУДЕН И СЛАВЕН ВАШ ПОДВИГ

Дорогие мои, родные воины!

Все самые лучшие чувства, всю теплоту сердца отдаю вам в день 40-летия советских Вооруженных Сил. Труден и славен ваш подвиг на полях сражений, высока ваша святая обязанность перед народом, перед Коммунистической партией.

Народ создал Армию и Флот в тяжкое время, чтобы отбросить прочь интервентов, чтобы защитить рождение нового строя — Советской власти. Наши воины мужественно выполнили заповедь народную.

Я не видел других солдат, которые сражались бы с бо̀льшим упорством и отвагой и так бы любили свою землю, как советские солдаты. Преданность советскому народу звала их на подвиг в дни Великой Отечественной войны, когда мы спасали не только себя, свой родной дом, а все человечество от ненавистного фашизма.

Для советского литератора нет выше чести, чем писать о вас. Мужество, доблесть, верность знамени революции и войсковому братству — всем этим славитесь вы, верные защитники нашего отечества.

Хочется пожелать вам сердечно новых успехов на трудном воинском пути. Народ уважает и любит вас, храбрые солдаты, стоящие на страже нашего дома. Горячо, от всего сердца поздравляю вас, доблестные

защитники нашей матери-родины, со славным 40-летием советских Вооруженных Сил.

Любите родину, свой народ, крепите войсковое товарищество, и вы всегда будете непобедимы.

В годы Великой Отечественной войны я был с вами, мои родные. И если позовет родина, я — как старый солдат — буду с вами до последнего дыхания.

Обнимаю вас, родные мои.

1958

СОЛДАТЫ МОЕЙ РОДИНЫ

Юбилей Советской Армии не только торжественный день в нашей жизни, но и общечеловеческий праздник, который очень много значит и для населения стран народной демократии, и для народов капиталистической Европы, вдоволь наглотавшихся дыма фашистских крематорных печей, и для немецкого народа, немало испившего цикуты из горькой чаши Бухенвальда.

Создавая Советскую Армию, великий Ленин ставил перед ней благородную задачу — защищать отчизну и завоевания Октября. На протяжении всей своей истории наши Вооруженные Силы были верны этой цели — вели только справедливые войны.

Оборонительные бои гражданской войны против орд интервентов и внутренней контрреволюции, кровавая схватка на далеком озере Хасан, сражение с японскими захватчиками на монгольской реке Халхин-Гол, освободительный поход в Западную Украину и Белоруссию породили столь массовый героизм советских солдат, какого еще не знала мировая история. Советский воин показал себя как подлинный сын своего века.

Может быть, сегодня стоит вспомнить, какими темными волнами накатывались события в суровые годы Великой Отечественной войны. Полонив капитулировавшую французскую армию, Гитлер огнем и мечом прошел по цветущим полям Бельгии и Голландии и с меловых круч у Дюнкерка сбросил в холодные воды Ла-Манша остатки разгромленной английской

армии генерала Александера. Как будто вернулось средневековье: в Европе зачадили костры, зажженные фашистской инквизицией.

В распоряжении фашистского фюрера оказались все арсеналы Западной Европы. Он стал полновластным хозяином промышленности и земли от Атлантики до советских границ.

Теперь известно, с какой точностью германский генеральный штаб разработал и расписал по месяцам и дням планы захвата Арабского Востока, Южной Америки, США. Над народами земного шара, все время разрастаясь, нависла коричневая тень свастики.

Мы помним ясное солнечное утро, тишина которого нарушилась грохотом танковых армий, гулом воздушных армад, топотом стрелковых дивизий, устремившихся на нашу землю, на которой начиналась косовица хлебов.

На оселке войны оттачивал наш народ свою ненависть к захватчикам.

Все лучшие люди мира, затаив дыхание, следили за кровавым сражением, разгоревшимся на Востоке, когда советские войска одни, без помощи союзников, вели напряженные оборонительные бои.

Уже тогда, в первые, самые тяжелые дни войны, ЦК Коммунистической партии поставил перед нашими Вооруженными Силами великую освободительную цель — отстоять родину и вызволить народы Европы из-под фашистского ярма.

Любопытные документы остались от той эпохи. Передо мною лежит пожелтевшая от времени американская газета «Вашингтон пост», в которой с душевным мужским волнением написано: «Дрожишь при одной мысли о том, что могло бы произойти, если бы Красная Армия рухнула под напором наступающих германских войск или если бы русский народ был менее мужественным и неустрашимым...»

Народы, главы правительств и парламенты стран мира не скрывали самого высокого мнения о мужестве советских людей. Английские газеты признавали: «Не будь Красной Армии, судьба свободных народов была бы поистине мрачной».

Победы Советской Армии прибавляли силы народу в закабаленных фашизмом странах, там все ярче разгоралось движение Сопротивления. Мы горды тем, что в рядах партизан Польши, Чехословакии, Югославии, Бельгии, Франции, Италии сражались бежавшие из фашистского плена наши соотечественники, такие, как московский слесарь Федор Поетан и ленинградец Анатолий Тарасов.

Бои с фашистами были продолжающейся по сей день борьбой советского народа за мир. И пулеметчики, крепко держа пульсирующие ручки затыльников, мечтали о том времени, когда смогут взяться за чапиги плуга. Известны случаи, когда в перерывах между боями истосковавшиеся по мирному труду танкисты, прицепив к своим «тридцатьчетверкам» плуги, пахали землю польским и югославским крестьянам.

Советский народ и его могучие Вооруженные Силы оправдали надежды миллионов людей — изгнали фашистские орды со своей земли и помогли многим народам освободиться от фашистского порабощения.

Кровно связаны советские люди со своей армией. Сколько жилищ украшено фотографиями бойцов с боевыми орденами и медалями на гимнастерках! В семейных альбомах не раз приходилось видеть снимки наших солдат с немецкими детьми на руках, доверчиво обнимающими их за шею.

И часто, когда я вижу такой по-настоящему человечный снимок, видится мне Берлин: улицы, похожие на каменоломни, и походные кухни, из которых ротные кашевары разливают суп голодным немецким женщинам.

Придя на немецкую землю как победитель, советский солдат очень хорошо понял, что есть две враждующие между собой Германии: Германия капиталистов, фашистских заправил — и Германия миллионов немецких рабочих и крестьян.

В Веймаре, милом зеленом городке, где Гете создавал своего бессмертного «Фауста», где творили Шиллер, Гейне и Лист, советский солдат увидел бухенвальдский лагерь уничтожения, построенный палачом Гиммлером для немецких коммунистов.

Преисполненный гнева, вошел советский солдат в крематорий, в котором эсэсовцы сожгли десятки тысяч непокорившихся немцев и убили вождя немецкого рабочего движения, незабвенного Эрнста Тельмана.

Советские солдаты подали надежную руку дружбы подлинным героям немецкого народа — людям, которых они освободили из лагерей смерти, вернувшимся тогда из эмиграции, вышедшим из глухого подполья, где они скрывались от гестапо.

Советский народ помог этим героям засеять окровавленную, испепеленную почву Германии добрыми семенами жизни. Из этих семян выросла молодая Германская Демократическая Республика — государство восемнадцати миллионов немецких рабочих, крестьян, интеллигентов, строящих социализм.

Все передовые умы признают великую заслугу советского народа перед человечеством. Они знают, что СССР стойко выдержал все тяготы второй мировой войны, оказался сильнее противника.

Дорогой ценой досталась нам победа. Миллионы могил советских воинов разбросаны от Волги до Шпрее.

Хорошие памятники высятся в освобожденных нашей армией столицах европейских государств. И, думая сейчас об армии, я вспоминаю бронзового советского солдата в берлинском парке, придавившего сапогом разрубленную мечом свастику и держащего на руках спасенного ребенка.

Дети должны жить прекраснее и счастливее нас. Но в последние годы над колыбелями миллионов детей нависла новая мрачная тень — дьявольская тень водородной бомбы.

Эта тень убивает солнечный свет радостей бытия. Главная цель человечества в наши дни — борьба за мир!

Мы живем в такое сложное время, когда даже подготовка к войне опасна для всех жителей нашей планеты. Люди науки доказали, что испытания атомного и водородного оружия заражают смертоносной пылью не только землю, но и воздух, и даже воду.

Человечество не должно дать себя обмануть. Устремляясь в будущее, мы не имеем права забывать

кровавые уроки прошлого. И, проверяя, как служит память, стоит вспомнить выступление сенатора, а позднее президента США Гарри Трумэна, напечатанное в газете «Нью-Йорк таймс». Через день после нападения фашистской Германии на СССР Трумэн цинично выдал тайные планы некоторых американских политиков: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Времена меняются к лучшему.

Н. С. Хрущев в беседе с редактором иностранного отдела английской газеты «Таймс» А. Макдональдом, выражая заветные надежды и волю народов Советского Союза, сказал: «Мы готовы на полное запрещение атомного и водородного оружия, на полное разоружение, на полный вывод войск и ликвидацию иностранных баз на территории других государств».

Нам угрожают люди, плохо разбирающиеся в нашей жизни, в характере советских людей. Не мешало бы им, прежде чем бряцать оружием, понять солдатскую песню о родине, написанную поэтом Михаилом Исаковским:

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.

Мы против «холодной войны». Мы против оружия массового уничтожения людей. Лучше пусть люди уничтожают ядерное оружие, чем это страшное оружие сотрет с лица земли миллионы жизней.

Человечество не вправе допустить, чтобы солнце заволокли губительные тучи радиоактивной пыли, чтобы воздух стал смертоносным. Мы рождены для жизни и будем жить!

1958

РЕЧЬ НА ВСТРЕЧЕ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ В РОСТОВЕ

Здравствуйте, дорогие земляки и землячки, станичники и станичницы! Никогда я не был записным оратором, не умею говорить длинно и красиво. Здесь меня все больше хвалили — хвалили так, как хвалят жениха. Но и за женихом всякие грехи бывают. Так что вы не очень верьте тем, кто меня хвалит. Давайте поговорим о другом.

Наша Ростовская область вступила в новую фазу жизни. Предстоит огромная работа по новому подъему промышленности и сельского хозяйства. Мы, в частности, должны сделать свой родной Дон краем садов и виноградников. Вы скажете: а чего ты, писатель, лезешь в экономику, в хозяйственные дела? Разве это твое дело? Да, это и мое дело. Это дело партии и народа, к которым я принадлежу и слугой которых себя считаю.

Что мне еще остается сказать вам? Биографию свою рассказывать? Но вы меня знаете. Я от всего сердца благодарю вас за высокое доверие. Желаю вам всем добра, здоровья и успехов в работе и жизни!

1958

ИЗ РЕЧИ НА ВСТРЕЧЕ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ ГОРОДА ТАГАНРОГА

Дорогие земляки, таганрожцы, здравствуйте!

Мне хотелось бы с вами вести разговор запросто, вроде по-домашнему.

Четыре созыва я проходил в депутаты. Вот в пятый раз вы за меня будете голосовать, и ежели проголосуете, знаете, с каким предложением войду в Президиум Верховного Совета СССР? Запретить скучные, казенные речи. По бумажкам.

Здесь рядом со мной сидел секретарь горкома. Я говорю: «Много выступающих». Он отвечает: «Говорить-то надо, хвалить вас». Я опять ему: «Раз говорить нечего — не надо, молчи».

Что я вам должен сказать? Принято так: отчитаться о депутатской работе. А как отчитаешься? Это довольно сложная вещь. Вот тут нас двое кандидатов в депутаты. С Николаем Васильевичем Киселевым нас связывает долголетняя дружба, но это вовсе не значит, что мы с ним никогда не цапаемся. Но секретарь обкома, который звонит в Вешенскую в два часа ночи, не спит,— слушайте, это хороший секретарь, мне с ним легко работать, стало быть, какую-то общую нужду мы с ним несем. А общая нужда у нас всякая.

Как вы знаете, кроме того, что я депутат, я еще и писатель. Бывает так: что-то не дается глава, бессонная ночь. Ну, не нравится то, что написал. Понимаете, надо выйти, курнуть, взглянуть на Дон, подумать о

чем-то. Не успел выйти (это в четыре часа утра, летом, до восхода солнца), через забор вижу бричку, распряженную пару быков, две бочки из-под бензина. Идет казачка-колхозница. «Я, говорит, к тебе с нуждой, к депутату». Спрашиваю: «Какая нужда?» Выяснилось, что шесть соток огорода отрезали. Неправильно отрезали. Но дело не в этом. Тихо, сдержанно говорю: «Что ты, милая, в четыре часа утра? Ты бы в два часа ночи пришла». Она говорит: «Так я ж тебя не будила. Я вижу — ты вышел...» Спрашиваю: «Ты в райисполком пойдешь в семь утра, если там с девяти начинается работа?» А она говорит: «Так ты же не учреждение». Что тут можно возразить? Конечно, не «учреждение». Ну, давай, говори свою нужду...

Упрямый характер у русских людей.

Помнится мне один фронтовой эпизод. Под Харьковом в 1942 году громили итальянскую дивизию «Виктория». В бою я был с полком. Захватили пленного командира батареи. В прошлом архитектор, римлянин. У него аккуратно подстриженная лопаточкой бородка. Этот командир был ранен в шею. Начальник разведки ведет с ним военный разговор. Кто — сосед справа, кто — слева. А меня как писателя интересует и другое. Что куришь, какие сигареты? Ага! Болгарские... Как едят твои солдаты? Смотрю на него: почему он только в ботинках? Итальянские офицеры носили краги. Он говорит: «Вот странный народ вы, русские».— «Чем?» — спрашиваю. «Как же, раненный, я упал, лежит ваш автоматчик-солдат. Я в него стрелял из пистолета. Три раза стрелял и не попал. Этот парень подбежал ко мне, ударил прикладом автомата, снял краги, встряхнул меня, посадил на завалинку. У меня дрожали руки. Он свернул свой крепкий табак-махорку, послюнявил, сунул мне в зубы, потом закурил сам, побежал сражаться опять».

Слушайте, это здорово: ударить, снять краги, дать покурить пленному и опять в бой. Вот он, русский человек! Русский солдат. Черт его знает, сумеем ли мы раскрыть его душу?

1958

ЧИТАТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ГАЗЕТЫ «ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ»

Вместе с вами радуюсь выходу первого номера газеты, которую все мы давно ждем. Выражаю уверенность, что «Литература и жизнь» станет боевым органом русских писателей, их толковым помощником, пропагандистом и принципиальным критиком их творчества.

В названии газеты — программа ее деятельности. Поверяйте литературу жизнью.

1958

ГОРДОСТЬ МОЕЙ СТРАНЫ

Родные мои, комсомольцы и комсомолки, моя ушедшая молодость, оправданная надежда родины и партии, накануне вашего съезда разрешите мне поклониться вам, обнять вас и пожелать вам — гордости моей страны — успехов и счастья в труде, учебе, личной жизни.

1958

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ПО САДОВОДСТВУ И ВИНОГРАДАРСТВУ

В нашу эпоху — когда в печати, по радио, телевидению почти ежедневно общественность всего мира слышит разговоры об атомных взрывах, готовящейся войне, — особенно приятно присутствовать на вашем сугубо мирном и благородном совещании. Мне думается, что пройдет время, и наши потомки, листая пожелтевшие страницы «Молота», скажут: и до чего героические люди были в 1958 году! Англичане, французы вели малые войны и готовились к большой войне, а в это время наша родина заботилась о том, чтобы увеличить на Дону площади садов и виноградников, готовила нам, строителям коммунизма, хорошую, счастливую, радостную жизнь.

Усилиями областной партийной организации, всех тружеников Дона наша область добилась немалых успехов в сельском хозяйстве и получила орден Ленина. Давайте помечтаем, чтобы спустя некоторое время получить орден Ленина и за садоводство и виноградарство. От всей души приветствую присутствующих на этом совещании и желаю успеха не только в работе совещания, но и там, в садах и на виноградниках, в институтах и лабораториях, где куется высокий урожай и наше будущее богатство.

1958

ЗДОРОВЬЕ—ВСЕМУ ГОЛОВА

Оговорюсь сразу — я не специалист в спорте, но коль меня попросили сказать в первые дни наступающего замечательного семилетия несколько слов нашим физкультурникам, отказать не смею.

В таких случаях обычно принято говорить что-нибудь приятное, но я не буду курить фимиам ни спортсменам, ни их руководителям. Вам, товарищи, и без меня воздали достаточно похвал, порой и с некоторым авансом.

Еще раз признаюсь, что я не знаток спорта и не берусь строго судить, где вы сильнее — в легкой или тяжелой атлетике, в боксе или велосипеде. Из моих литературных героев, пожалуй, только один — дед Щукарь — был в какой-то мере спортсменом. Как вы помните, он неплохо плавал под водой, пока не потерпел аварию — попал на крючок. Кстати, нынешние любители спортивного подводного плавания рады бы попасть на крючок внимания физкультурных руководителей, да что-то не получается. А жаль! Ведь подводный спорт интересен, полезен и нужен не меньше, а может быть, и больше, чем, например, стоклеточные шашки.

На мой взгляд, не так уж справедливо делят руководители свое внимание и силы между рядовыми физкультурниками и мастерами. Тем, кто ставит рекорды, привозит призы и медали,— всё: и тренеры, и лучшие стадионы, и отдых на курорте. А на долю рядовых — полное самообслуживание да изредка теплые слова в докладах. Нам нужны рекорды и рекордсмены. А все

же еще важнее растить миллионы жизнерадостных, бодрых, сильных, ловких парней и девчат.

Не могу понять, почему спортивные деятели не хотят признавать народный опыт и традиции. Всё что-то изобретают, заимствуют где-то, а свое, отечественное, веками проверенное, полезное отвергают. Не по-хозяйски это. Теперь, как ни странно, все реже удается увидеть даже у нас на Дону состязания в джигитовке или русской борьбе. А уж об играх на льду, катаниях с гор, штурмах снежных городков молодежь знает только из рассказов своих отцов и дедов, хотя все это, насколько я разбираюсь, тоже физкультура.

И уж совсем неясно, почему такие полезные для здоровья дела, как охота, туризм, рыбалка, физкультурные организации перекладывают на плечи других. Может быть, потому, что здесь рекорды не научились учитывать?

Сейчас лучшие тренеры, специалисты, целые институты порой тратят свои силы на поиски секрета, как пробежать сто метров на одну десятую секунды быстрее. Может быть, и эта десятая важна — специалистам виднее. Но все же, думаю, полезнее было бы искать, исследовать, в полную силу работать прежде всего над тем, как средствами спорта укрепить здоровье всех людей, помочь им хотя бы на одну десятую «сверх положенного» прожить дольше. Убежден, любой скажет спасибо за это.

И еще об одном. Я за здоровье всех людей — молодых и старых. А вот если о молодых, о тех, кто может блистать в спорте, заботятся, то уж о нас, пожилых, и вовсе не вспоминают. Но где же сказано, что физкультура и спорт нужны только молодым!

«Здоровье — всему голова». Так говорит русский человек. Нельзя забывать, что коммунизм будет построен не десятком силачей, а миллионами рук всего народа.

Так пусть будет больше сильных, ловких, смелых!

Как хотите,— но я за здоровье, силу, красоту и выносливость миллионов, тех, кто обязан умножить и красоту и силу нашей многонациональной родины!

1959

ПИСЬМО УЧЕНИКАМ ШКОЛЫ № 2 СЕЛА БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ НА КИЕВЩИНЕ

Дорогие ребятки Виталий и Александр!

Я только недавно приехал из Москвы и, следовательно, не мог вовремя послать вам свои пожелания. Но ваше письмо так меня развеселило, что я решил, хотя и с опозданием, ответить вам.

В начале письма вы желаете мне многих лет жизни и новых успехов в творческой работе. За это спасибо. А в следующем абзаце письма вы пишете: «Недавно многие из нас подписались на собрание ваших произведений, и мы жалеем только о том, что оно не является полным».

Но ведь полное собрание сочинений издается только после смерти автора! Стало быть, вы, окаянные ребята, жалеете о том, что я еще не умер? Вот это удружили! Жалко, что Белая Церковь далеко от Вешенской, а то бы я с вами поскандалил за такое «доброе» пожелание... А вот я не такой зловредный, как вы, и от души желаю всем ученикам 10-го «А» класса больших успехов в учебе, здоровья, личного счастья и дальнейшего движения вперед после окончания школы.

Обнимаю вас, дорогие ребятки, ваш *М. Шолохов.*

Вот видите, какое доброе дело сделали вы вашим письмом: пошутил я с вами, а теперь легче будет работать.

1959

О МАЛЕНЬКОМ МАЛЬЧИКЕ ГАРРИ И БОЛЬШОМ МИСТЕРЕ СОЛСБЕРИ

Обыкновенная история заурядной человеческой жизни, в меру грустная, чуточку смешная... В американской семье, из тех, которые называются порядочными, когда-то давно жил, рос, учился и воспитывался благонамеренный и честный маленький мальчик по имени Гарри. Был он, наверное, в меру способен, прилежен в учении, благовоспитан. Словом, жил-был типичный мальчик, без особых примет, ничем не отличавшийся от своих сверстников. Но что касается его тогдашней честности, я готов биться о любой заклад, что маленький Гарри в этом отношении был безупречен. Я глубочайше убежден в том, что он не стащил из пенала своего школьного товарища ни одного пера, не взял без разрешения мамы ни одного цента из сдачи, которую получал в магазине, совершая какую-либо мелкую покупку. Он, несомненно, был благонадежным и, возможно, даже примерным мальчиком.

Но жизнь шла, и со временем из маленького мальчика, как и положено, Гарри превратился в юношу, а затем в оборотистого малого, знающего цену доллару, и постепенно докатился до того, что стал мистером Солсбери, довольно известным журналистом, подвизающимся на страницах не менее известной в США газеты «Нью-Йорк таймс».

Маленький Гарри меня не интересует. Его жизнь для меня, как для писателя, не находка. Я — не Марк

Твен, а Гарри, конечно, не Том Сойер. Но вот теперешний мистер Солсбери мне интересен с чисто психологической стороны, и то лишь потому, что его самого интересует мое творчество, и отнюдь не с психологической или художественной стороны, а чисто с политической.

Еще в прошлом году мистер Солсбери выступил в «Нью-Йорк таймс» со статьей, в которой, ссылаясь на слухи, якобы ходившие в «московских литературных кругах», писал, будто бы я давно уже закончил «Поднятую целину», но закончил смертью Давыдова в советской тюрьме, и будто бы именно поэтому книга так долго не печаталась. Мало этого, мистер Солсбери даже приезд в Вешенскую Н. С. Хрущева ставит в прямую связь с концом книги... Далеко шагает мистер Солсбери, ведомый своей злой, но неумной фантазией, да и дорожку для сенсации и заработка выбрал он грязную и нечестную.

Будучи в прошлом году в Америке и ознакомившись с его статьей, я шутливо заметил представителям американской прессы, что в США набивается ко мне в соавторы небезызвестный в журналистских кругах мистер Солсбери и что мне надо поторапливаться с окончанием работы над романом, так как Солсбери уже придумал конец для романа, причем такой конец, который, очевидно, больше всего устраивает непрошеного соавтора или его хозяев, а именно: уничтожить героев романа, коммунистов, руками представителей Советской власти. Я полагал, что после этого в мистере Солсбери проснется честный мальчик Гарри. Однако ожидания мои не оправдались: беспробудным сном спит в бизнесмене Солсбери маленький Гарри, удушил его нечистыми руками матерый, ничем не брезгающий журналист мистер Солсбери...

И вот 19 февраля в «Нью-Йорк таймс» появляется новая статья Солсбери под броским заголовком: «Герой Шолохова умирает новой смертью». Статья новая, но в ней повторяются прежние досужие домыслы, хотя с некоторыми добавлениями. Так, например, Солсбери пишет: «...Давыдов был злонамеренно обвинен советской полицией, арестован и заключен в тюрьму, где, как рассказывают, застрелился».

Что мистеру Солсбери до того, что сообщаемое им выглядит явной нелепицей? Он знай гонит строку! А хотелось бы у него спросить: где он видел такую тюрьму, в которой заключенные расхаживали бы с пистолетами и сами чинили бы над собой суд и расправу?

Все остальное в статье Солсбери на таком же уровне, и не поймешь, где у него кончается подлость и начинается глупость.

Под конец, касаясь заключительной главы, Солсбери пишет: «Вместо цельного финала даны пять эпизодов, едва связанных между собой. Во втором эпизоде о смерти Давыдова рассказывается как бы мимоходом, случайным языком».

Это — уже прямое вторжение в область искусства, и тут я должен прямо сказать мистеру Солсбери: «Посторонитесь. Здесь, мягко выражаясь, не ваша сфера деятельности. Если, по вашему мнению, язык у меня в последней главе случайный, то в вашей статье и язык, и само содержание далеко не случайны!»

Всерьез спорить с мистером Солсбери по вопросам искусства — значит не уважать само искусство, и не об этом идет речь. У меня возникает законный вопрос: если м-ра Солсбери действительно интересовал конец книги, то почему он не обратился с таким вопросом ко мне, так сказать, к первоисточнику, хотя бы в 30-х годах, после выхода первой книги? Или почему он не спросил у меня об этом, когда я был в Америке? Ведь у него были все возможности увидеться со мной. Я в нескольких фразах сообщил бы ему о развязке. А эта развязка как была задумана в ходе работы еще над первой книгой, так и завершена теперь безо всяких изменений и переделок. Секрета из этого я никогда не делал. Но м-р Солсбери предпочитает ссылаться на разговоры в «московских литературных кругах». Любопытно, где он нашел эти «круги»: в редакции «Нью-Йорк таймс», у себя на квартире или в Москве на Тишинском рынке?

Нечестный путь избрал м-р Солсбери, но это уже дело его совести, разумеется, если она есть у него в наличии хотя бы в микроскопическом размере.

В начале своей статьи Солсбери пишет:

«После смерти маленькой Нелли в романе Чарльза Диккенса «Лавка древностей», опубликованном в 1841 году, очень редко случалось, чтобы судьба литературного героя возбуждала такой широко распространенный интерес».

И я невольно подумал о том, что если бы в добрые диккенсовские времена школьник Гарри Солсбери совершил какой-нибудь неблаговидный поступок, то учитель непременно его высек бы. Подумал я и пожалел о том, что нельзя сейчас взрослого м-ра Солсбери высечь, а надо бы! Более сурового наказания он, пожалуй, не заслуживает, но розги заслужил, безусловно! И на что уж я мягкий по характеру человек, но и то стоял бы сбоку доброго американского учителя и подбадривал бы его возгласами: «А ну, прибавь этому блудливому парню еще горяченьких!»

Если же телесные наказания, применявшиеся всюду в школах в прошлом веке, покажутся мистеру Солсбери слишком жестокими, то я поступил бы как чеховский Игнат из рассказа «Белолобый»: вздохнув, я сказал бы в адрес Солсбери: «Пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых!» И, поручив наказывать мистера Солсбери какому-нибудь плечистому американскому учителю, я бы лишь мягко, но назидательно говорил:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!

1960

ЧИТАТЕЛИ ЖДУТ ОТ ПИСАТЕЛЕЙ НОВОГО СЛОВА О СОВРЕМЕННОСТИ

Можно только порадоваться тому, что время от времени страницы и целые номера газеты «Литература и жизнь» будут посвящаться творчеству писателей областей, краев и автономных республик Российской Федерации.

Взглянем на литературную карту Советской России. Не только в Москве и Ленинграде — на Дальнем Востоке, на Урале, в Сибири, на Дону и Кубани, на Волге, на Тереке живут писатели, чьи книги известны читателям всей страны. Оружием правдивого художественного слова они служат партии, своему народу. И не по штампу прописки в паспорте оценивают читатели вклад того или иного писателя в литературу. Не может быть деления на писателей столичных и областных.

Пусть газета окидывает хозяйским взором творческое поле литературной России, не пропуская ни одной борозды. Пусть увидит и живые всходы, молодую поросль, не оставит без сурового внимания и авторов, допускающих огрехи.

Я, разумеется, не могу остаться равнодушным к тому, что сегодня газета отдает свои страницы донским писателям, моим землякам. Они заработали это право. В их книгах есть дыхание жизни. Донскую роту в нашей литературе можно узнать по хорошему, мужественному шагу.

Но это же и обязывает. Мои земляки не обидятся на меня, если я напомню, что читатели ждут от писателей нового слова о современности. Не должны же обидеться они на меня и за совет совершенствовать мастерство. Слово, добываемое писателем из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя.

Мой сердечный привет донским собратьям по перу!

1960

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Горячо благодарю и обнимаю моих правдистов, работников редакции и типографии за теплую телеграмму. Как вы справедливо отметили, я уже тридцать лет выступаю на страницах родной «Правды». Срок для человеческой жизни немалый, и это дает мне право просить вас передать через посредство газеты «Правда» мое сердечное спасибо всем друзьям — читателям, товарищам по войне и миру, поздравившим меня с присуждением Ленинской премии.

1960

МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

Прибыв на родную землю, рад сообщить дорогим станичникам, что строительство новой школы в станице Каргинской по решению Совета Министров РСФСР начнется в этом году. Полученная мною Ленинская премия целиком передана на строительство новой школы взамен той, в которой когда-то я учился грамоте.

Крепко обнимаю всех каргинцев.

1960

БОЛЬШАЯ, СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

(Из речи в Кремле при вручении Ленинской премии за роман «Поднятая целина»)

За присужденную мне Ленинскую премию с этой высокой трибуны я хочу поблагодарить прежде всего советский народ, вооруживший меня писательским пером, дававший и ныне дающий мне неисчерпаемый материал для создания художественных произведений.

Мне хочется также поблагодарить моих многочисленных друзей — читателей, выдвинувших меня на соискание Ленинской премии.

Большое, сердечное спасибо Центральному Комитету партии, Советскому правительству, высоко оценившим мой труд. Само собой разумеется, спасибо и Комитету по Ленинским премиям, прошу прощения, что благодарю вас в самом конце.

Я знаю, что когда получают награду, то принято обещать и на будущее трудиться. Но особенности моего возраста и специфика моей профессии заставляют меня быть в этом отношении осторожным.

Не могу же я на самом деле, как школьник, сказать, что и в будущем году буду писать только на пять. Но могу по-мужски сказать твердо и с абсолютной уверенностью в своих возможностях и силах, что и впредь я буду своим пером верой и правдой служить своей партии и своему народу!

Должен сказать, что с читателями у меня добропорядочные, хорошие отношения. Постоянная связь с читателями укрепляет и уверенность в своих силах и способствует успеху в работе. Но с некоторыми из них я нахожусь в отношениях не то что неприязненных, но в отношениях,— как бы это одним словом охарактеризовать? — в отношениях с холодком. Требования к писателю предъявляются часто непомерные. Так, например, один читатель после выхода второй книги всерьез упрекал меня в том, что в «Юрии Милославском» автор сохранил героев, а Шолохов убил Нагульнова и Давыдова. «Что здесь общего с социалистическим реализмом?» — спрашивал он. Но слушаться таких советов нельзя. Я и впредь буду писать, как на душу положено.

Другой пример. Из района получаю гневное письмо от сотрудников конторы Лестехсырье, подписанное директором конторы и тремя девушками. Они пишут, что в «Поднятой целине» я пишу о многих других, но не отразил работы по сбору лесотехнических трав. Это тоже невозможно. Таких обид довольно много. Но я не могу потрафить всем.

Для меня получение Ленинской премии можно считать пройденным этапом. Мне хотелось бы, чтобы в будущем году стоял бы на этом месте молодой писатель (а если будет он не один, то тем лучше).

В начале литературной деятельности нас, писателей старшего поколения, не очень баловали своим вниманием — ни наградами, ни поощрениями. Я не хочу сказать, что путь в литературу облегчен, но происходит закономерный процесс смены старых молодыми. Я за то, чтобы молодые выходили на эту трибуну.

Могу сказать, что Ленинской премии я больше не получу, но из этого не следует, что я без боя уступлю одно из первых мест в литературе!

Среди присутствующих я вижу моих товарищей — писателей, представителей старшего поколения, и думаю, что негоже нам, обремененным житейским и литературным опытом, без боя сдавать свои позиции.

Я за то, чтобы молодые сменили нас, но пусть они попотеют, чтобы стать в одну шеренгу с нами.

Я здесь вижу уже получивших Ленинскую премию, и было бы неплохо, чтобы это стало традицией. В будущем году я буду присутствовать и сидеть здесь, когда будет получать премию один из молодых писателей, заслуженно получивший ее. Было бы неплохо, чтобы это было традицией в области литературы и искусства — символически передавать из рук в руки неугасающий факел социалистического искусства.

1960

О СЕМЕНЕ ДАВЫДОВЕ

(Из выступления на Кировском заводе в Ленинграде)

Дорогие друзья кировцы! Меня часто спрашивают, почему герой «Поднятой целины» Семен Давыдов — путиловец-кировец, в прошлом балтийский моряк?

Более тридцати лет назад я, тогда еще молодой писатель, хотел таким образом выразить мое глубокое уважение к передовому рабочему классу Питера, к его славным революционным делам и традициям. Это мой первый нижайший поклон ленинградским рабочим, кировцам в особенности.

Второй мой поклон — славным морякам Балтийского флота, мое такое же глубокое уважение к его делам и революционным традициям.

Я горжусь тем, что Семен Давыдов, герой «Поднятой целины»,— организатор и председатель колхоза на нашей донской земле, что он вышел из вашей среды, что он ваш сын...

И как хорошо видеть сейчас новое поколение, обязанное Семену Давыдову и его сверстникам опытом, выучкой и ставшее наследником их лучших традиций.

Я и мои земляки приехали к вам, дорогие кировцы, не только рассказать о своих делах, но и пригласить вас к себе на Дон. Приезжайте, посмотрите на жизнь, что цветет на землях, где погиб путиловец Семен Давыдов.

1961

ВОСХИЩЕНИЕ И ГОРДОСТЬ

(О полете первого космонавта Юрия Гагарина)

Вот это да!..

И тут уже больше ничего не скажешь, немея от восхищения и гордости перед фантастическим успехом родной отечественной науки.

12 апреля 1961 г.

ВОТ ЧТО СВЕТИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Каждый, кому дорого будущее человечества, с огромным вниманием читал проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, каждый из нас говорит теперь об этом историческом документе своими словами.

Мне, как писателю, который обязан мыслить образами, хотелось бы сказать: «В прошлом было так: если тебя — пешехода — застигает ночь в пути и далеко, далеко, где-то на горизонте, замерцает огонек пастушьего костра, то идти до́ него надо так долго, что устанешь до смерти...»

А вот проект Программы светит всем нам так ярко, что только — тверже шаг, а путь уже не так далек... Конечно, придется трудновато, но когда же легкий путь вел к заветной цели?.

Станица Вешенская
4 августа 1961 г.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОДВИГ

(О полете второго космонавта Германа Титова)

Наверное, как и каждый советский гражданин, делю свое глубочайшее восхищение подвигом Титова на две равные доли: и Герману Титову низкий поклон, и всем тем, кто создал космический корабль.

А разве можно не склонить еще ниже голову перед партией, которая вырастила и растит столь блистательную плеяду космонавтов, ученых, конструкторов и рабочих, чья творческая мысль, чьи золотые руки умельцев поистине дороже любого золота!

И как же хорошо, что в эту минуту страна, правительство, Москва торжественно чествуют верного сына родины, а вечером родная Армия как бы подчеркнет это чествование громовыми раскатами своих прославленных орудий!..

9 августа 1961 г.

РЕЧЬ НА XXII СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дорогие товарищи делегаты! Мне думается, я выражу общее мнение, если скажу, что в эти знаменательные дни съезда, когда мы принимаем новую Программу нашей ленинской партии, сама жизнь наша, жизнь всего советского народа стала исполненной как бы особого и нового звучания. Будто бы свежий, бодрящий ветер пахну́л нам в лицо, открыл перед взором далекие, синеющие, зовущие к себе дали, и легко и глубоко, всей грудью дышится, и явственно видны контуры того желанного будущего, к которому мы, безусловно, придем через двадцать лет.

Уж больно величественна и благородна Программа, всем своим содержанием и существом направленная на счастье и радость трудового человечества!

Как же тут не сказать идущее от всего сердца спасибо тем, кто работал над созданием этой Программы, тем, кто мечты и долгие чаяния народа воплотил в четко поставленную задачу, по-ленински провидя наше близкое и далекое, но такое заветное будущее.

Как подумаешь, что преодолела, что свершила наша могучая партия и что еще предстоит ей свершить, честное слово, даже ко́мок подкатывается к горлу: до чего же все-таки здорово! И если по совести говорить, то иной раз нет-нет да и возгордишься втихомолку своей партией, своим советским народом и с невольным восторгом и с грубоватой ласковостью, употребляемой в

обращении с близкими, скажешь про себя: «Ну и талантливы же вы, милые мои люди! Ну и сильны же, черти! Во всех отношениях сильны!»

Все мы знаем, что крутую высоту по пути к коммунизму уготовано взять нам историей. Отлично знаем и то, что временами и тяжело будет в дороге, и трудно, и не раз пересохнет во рту от напряжения. Но зато какие невиданные доселе горизонты откроются с вершины этой высоты и из какого живительного и врачующего источника придется испить усталым, но, как всегда, бодрым путникам!

А что касается нелегкого пути, то он не только труден, но и почетен и велик по своему подлинно мировому значению, как велика цель, к которой идем. Но ведь великому народу — и великий путь, как большому кораблю — большое плавание!

И никакие невзгоды и трудности не устрашат наших мужественных людей, ведомых бесстрашной и мудрой партией коммунистов. Мы придем к коммунизму, несмотря ни на какие происки врагов, вопреки тоскливому нытью маловеров. Порукой этому то, что дорогу в будущее прокладывает десятимиллионный коммунистический авангард нашего великолепного в труде и ратном деле народа!

Что египетские пирамиды, что другие памятники старины — жалкие потуги людей прошлого оставить о себе память в истории человечества! Все это — прах и тлен, все со временем исчезнет. А вот те, кто построит на земле коммунизм, тем самым воистину создадут нерушимый памятник, не подвластный ни времени, ни силам природы, такой же вечный в веках, как и священное для нас имя Ленин. И при жизни слава всем строителям коммунистического общества! Слава и тем зарубежным братьям, друзьям и товарищам, которые делом и словом, не колеблясь и не кривя душою, помогают нам, идущим впереди и вперед смотрящим!

Когда думаешь о партии, о друзьях и товарищах по партии, невольно приходят на память слова Гоголя. Помните, в повести «Тарас Бульба» старый Тарас перед боем под городом Дубно так говорит, обращаясь к запорожцам: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое

дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек».

Ей-богу же, хорошие слова! Нас, коммунистов, породнила идея Маркса — Энгельса — Ленина, идея, за которую не на жизнь, а на смерть борется Коммунистическая партия, и для нас нет святее уз этого партийного товарищества! Мы тоже любим и детей наших, и жен, но, как сказал Тарас: «Это не то, братцы!» И пусть на нас не обижаются ни дети наши, ни жены. Ничего не поделаешь, придется им просто примириться с этим обстоятельством, только и всего. Но вот тут-то и получается у меня заминка... Ясное дело, в первую очередь обидятся наши жены за то, что узы партийного товарищества для нас святее, нежели узы, соединяющие с ними. Наверное, я допустил некоторую опрометчивость, а возможно, даже и оплошность, произвольно упомянув про жен. Ведь у Тараса-то про них ничего не сказано. И теперь мне, как раскопавшему эту цитату из бессмертного творения Гоголя, очевидно, первому придется сегодня принять на себя семейный удар. Но, однако, я не робею, потому что крепко верю в ваше высокое сочувствие, дорогие женатые браты и товарищи, и — воодушевленный им — готов на все самые тяжкие испытания, предстоящие мне возле семейного очага. Только не забудьте нынче помянуть меня добрым словом, а больше мне ничего не надо!

Но по-разному понимаем чувства товарищества мы и капиталисты. Живой иллюстрацией этому служит рассказ американского писателя О'Генри «Дороги, которые мы выбираем». Сюжет рассказа несложен: три бандита грабят почтовый вагон американского экспресса. Одного из них проводник вагона убивает, двое с награбленными долларами спасаются бегством. В пути у одного из оставшихся в живых падает лошадь, сломавшая во время бешеной скачки переднюю ногу. На двух всадников остается одна лошадь по кличке «Боливар». Эта сильная лошадь могла бы увезти на себе двоих, но владелец ее, с примечательным прозвищем «Акула Додсон», решает по-своему. «Боливар двоих не снесет»,— спокойно гово-

рит он и столь же спокойно разряжает в товарища револьвер.

Разбогатев на награбленном, Акула Додсон становится почтенным буржуа и открывает маклерскую контору. Когда его другу, тоже финансовому воротиле, в результате какой-то аферы грозит крах,— Додсон так же спокойно, как некогда устукал друга, разоряет и этого приятеля, повторяя уже знакомую нам фразу: «Боливар двоих не снесет».

Вот он, волчий закон бандитского, то есть капиталистического, товарищества.

Впрочем, в нашем понимании это ведь одно и то же: тут никак не проведешь разграничительной линии и не поймешь, где кончается бандитизм и начинается капитализм. И бандитское и капиталистическое товарищество — попросту два сиамских близнеца, достаточно отвратительных по внешности и нутру для здорового человеческого общества.

Выступавшие на съезде много говорили о фракционерах, о тех, кто беззастенчиво попрал святые узы партийного товарищества. Теперь на съезде нам стали известны новые подробности их преступной деятельности. И само собой возникает вопрос: до каких же пор мы будем стоять в партийных рядах рука об руку с теми, кто причинил партии так много непоправимого зла? Не слишком ли мы терпимы к тем, на чьей совести тысячи погибших верных сынов родины и партии, тысячи загубленных жизней их близких?

Съезд — верховный орган партии. Пусть он вынесет в отношении фракционеров и отщепенцев свое суровое, но справедливое решение!

И, чтобы закончить неприятный разговор о неприятных людях, разрешите мне в заключение привести еще одну выдержку из речи Тараса Бульбы, из той же речи, где он говорил о товариществе.

Оказывается, старый Тарас тоже в свое время боролся с фракционерами, а по-тогдашнему — с отступниками. И вот что он говорил: «Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он,

горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело».

Но ведь это говорилось об отступниках-запорожцах, а вот хватит ли мужества у нынешних отступников «громко проклясть подлую жизнь свою», хватит ли у них решимости «муками искупить позорное дело»? Что-то не очень верится в это: не такие они люди! Как говорится: «Федот, да не тот». Впрочем, будущее покажет.

Можно предвидеть, что буржуазная печать поднимет вой: вот, дескать, каковы писатели-коммунисты, вместо того чтобы проявлять обязательный по духу их профессии гуманизм, они взывают об отмщении. Что-нибудь в этом роде будет написано всегда готовыми к услугам буржуазными борзописцами. На это могу заранее ответить в адрес продажных писак: «Успокойтесь, господа нехорошие, никто не помышляет о мести, никто не жаждет отравленной интригами крови фракционеров, но отвечать за содеянные преступления против народа и партии они должны и будут. Таков общечеловеческий закон».

Гуманизм, как и товарищество, мы и капиталисты или люди их мировоззрения тоже понимаем по-разному: мы, подобно врачу, удаляем гнилой зуб, мешающий здоровому, сильному организму, и тем самым совершаем акт человечности, а для сопоставления разрешите привести другой пример «человечности»: в Италии, в окрестностях Рима, проездом я видел роскошное здание. Там помещается санаторий для кошек. Разумеется, не для тех худых и облезлых кошек, с которыми играется голодная, истощенная вечным недоеданием детвора столичных окраин, дети итальянских низкооплачиваемых рабочих и безработных, а для кошек итальянских и иных миллионеров и миллионерш.

Там этих больных от ожирения и безделья кошек лечат опытные врачи, холят, купают, причесывают и опрыскивают духами квалифицированные санитарки, кормят этих проклятых больных изысканными кушаньями, водят на прогулки и ублажают всячески предупредительные няни. А рядом, на помойках, роются голодные детишки и смотрят на тебя ввалившимися глазами

с недетской тяжелой тоской. Это тоже гуманизм? А на нашем языке это называется низостью самых растленных душ! И пусть господа капиталисты выбросят из своего лексикона высокое слово «гуманизм», оно существует не для зверей в человеческом облике!

Мне — писателю по профессии — надо бы говорить о литературе, но я, как и все вы, прежде всего коммунист, а потом уже писатель, потому и начал с того, что больше волнует, хотя отлично помню о том, что литература — тоже часть общепартийного дела. Одним словом, прошу извинить меня за длинное предисловие и перехожу к вопросам литературы.

Мне мало что остается добавить к тому, о чем говорила в своем выступлении тов. Фурцева. Она, так сказать, предвосхитила мое выступление, но все же кое на чем считаю необходимым остановиться. Прежде всего хочу сказать, что мы давно мечтали о министре типа товарища Фурцевой. И такого министра мы наконец-то получили. Всем взяла наша дорогая Екатерина Алексеевна: и дело свое отлично поставила, потому что знает и любит его, и внешностью обаятельна, и в обхождении с деятелями культуры — то же самое — обаятельна. А встречаться и беседовать, да еще руководить деятельностью деятелей культуры и особенно искусства,— дело далеко не легкое, потому что все это люди тончайших эмоций, а попросту говоря, набалованные и капризные люди. Одному не так улыбнешься, с другой не так поздороваешься, на третьего не так взглянешь — вот тебе и обида, да не просто обида, а кровная! Все же справляется наш министр со всеми этими делами, и справляется, как видите, неплохо. А тут еще все новые таланты у нее открываются, ну, мы и диву даемся, и руками разводим от удовольствия и изумления. Сейчас я об этом скажу. Когда наш министр говорила о количестве киноустановок в стране, о количестве новых самодеятельных коллективов, все у нее шло без сучка и задоринки, а как только заговорила о драматургии, тут-то и проявились ее недюжинные дипломатические дарования. Смотрите, какой великолепный ход конем она сделала, прибегнув к способу дипломатического умалчивания.

Я не министр и начисто лишен дипломатических способностей, а потому мне и хочется запросто, без умолчаний поговорить с Екатериной Алексеевной. Ну, хорошо, Вы сказали, что из тысячи ста четырнадцати пьес, поставленных в театрах страны, семьсот восемьдесят посвящены современной теме. Вы и проценты подсчитали — мол, семьдесят процентов. Вот мне и хочется спросить: а сколько процентов из этих семидесяти процентов останется на театральных подмостках? Оставим, пожалуй, проценты в покое и перейдем к абсолютным цифрам. Дай бог, чтобы из семисот восьмидесяти осталось десятка два-три, а то и меньше. И второй вопрос: а сколько из этих двух-трех десятков пьес запомнится зрителям? Я уже не говорю выспренних слов о том, что, дескать, оставят на душе неизгладимый след, а просто: сколько запомнится и понудит зрителя задуматься? И того меньше! За творческое бессилие драматургов приходится расплачиваться бедным зрителям. Вот в чем беда!

Лукавая вещь цифры и проценты, тов. Фурцева, того и гляди, подведут. Лучше уж им, этим цифрам, жить где-нибудь в ЦСУ, там им уютнее будет, нежели в искусстве.

Примерно то же самое творится и в прозе. Появляется очень много книг, вскоре идущих, так сказать, в «переплав». Причина? Она известна всем вам. Совершается закономерный разрыв: низкое качество продукции — и высокая требовательность читателя. Но не так уж все обстоит мрачно на литературном фронте, как может показаться на первый и поверхностный взгляд. Происходит малозаметное для читателя, но очень отрадное явление: целая плеяда молодых и подлинно талантливых писателей, ранее известных по рассказам в периодической печати, становится зрелыми и очень обещающими мастерами слова. Это характерно не только для русской, но и для всех национальных литератур. Я не стану перечислять фамилий, они достаточно известны читателям, но хочу сказать вот о чем: этим писателям надо всячески помочь, чтобы у них была возможность поработать года два-три, не думая о завтрашнем дне, не отрываясь от работы над большими полотнами,

которые у многих давно задуманы и для которых этими писателями уже заготовлен настоящий, со знанием дела материал.

Число таких писателей значительно умножится, если мы поможем не только столичным писателям, но и провинциальным, которых насчитывается по Союзу писателей весьма значительное число. Все это народ, крепко знающий жизнь, много поездивший на своем веку и много повидавший, а главное — талантливый народ, но, к сожалению, лишенный ныне возможности засесть без отрыва за создание крупных не только по объему произведений. Вот на кого надо делать ставку! Во всяком случае, большинство из них не подведет, а это — уже много.

Выходят хорошие книги за последнее время, но их до обидного мало, можно бы выдавать больше, и от этого становится грустно, прежде всего, конечно, нам, а не вам, товарищи делегаты и читатели.

Одной из главных причин отставания от жизни нашей литературы и одной из главнейших причин появления посредственных произведений я по-прежнему считаю укоренившийся отрыв от этой жизни в писательской среде, поверхностные знания стремительно текущей и постоянно меняющей свой облик действительности.

Тов. Фурцева привела в своем выступлении поистине страшные цифры. Подумать только, из 2700 писателей РСФСР 1700 — постоянные жители только двух городов — Москвы и Ленинграда. А если к этому добавить постоянно живущих в Воронеже, Ростове, Свердловске и других областных городах, то что же остается для сельской местности?

Писатель, пишущий о колхозниках или людях совхоза, по-моему, должен обладать знаниями в области сельского хозяйства не ниже уровня хотя бы участкового агронома. Тот, кто пишет о металлургическом заводе, о заводских рабочих, инженерах и техниках, обязан знать производство, по крайней мере, не хуже рабочего высокой квалификации. Посвятивший свой труд нашей армии всенепременно должен знать военное дело не хуже Куприна и Льва Толстого, иначе появле-

ние «развесистой клюквы» и дешевки обеспечено. А зачастую именно так и бывает. Что касается любви и любовных переживаний героя либо героини, то об этом можно писать всюду,— дело ясное и не требующее специальных познаний.

Наш министр с этакой чисто женской вежливостью говорила о том, что, дескать, неплохо было бы обратиться к молодым художникам с призывом поехать по примеру нашей настоящей молодежи на стройки коммунизма. А вы спросите ее: что, она сама-то верит в то, что на такой призыв горячо откликнутся? Ей-ей, не верит! Кто-то из призываемых поедет на недельку проветриться, подышать озоном, а потом соскучится по теплой уборной, по другим благам городской жизни и снова мигом очутится в Москве.

Молодым творцам «непреходящих ценностей», тем, которые живут в провинции, не запретишь въезд ни в Москву, ни в другие крупные центры. Они слышат, с каким триумфом проходят в Москве литературные вечера наших нынешних модных, будуарных поэтов, непременно с конным нарядом милиции и с истерическими криками молодых стиляжных кликуш. Им тоже хочется покрасоваться перед нетребовательными девицами в невероятно узких штанишках и в неоправданно широкоплечих сюртуках. Им тоже хочется вкусить от плодов славы. Вот они и прут в Москву, как правоверные в Мекку. И никакими уговорами и карантинами их не удержишь. Как говорится: «Идут и едут, ползут и лезут»,— а своей цели достигают.

Что, допустим, Федину, Леонову, Максиму Рыльскому или мне от того, что какая-нибудь молодка бросит на ходу: «Посмотри, душка, это идет такой-то!» Для нас это уже «не тот нарзан», как говорят старые пенсионеры. А молодому это лестно, ты морщишься от бесцеремонного упоминания твоего имени, а иной молодой тает. К этому можно относиться без снисходительности, но понимать младость все-таки надо.

Многие из вас, наверное, видели в прошлом, как крестьяне подсевали на грохоте, этаком большом подвесном решете, зерно, очищали его перед севом. Мякина, пыль, охвостье летит по ветру, а полновесное зерно

остается. Так будет и в литературе: зерно останется, мякина улетит. Сама жизнь вращает литературный грохот, и произойдет необходимый процесс очищения.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с молодыми. С пожилыми писателями тоже не лучше. Ну, куда его, городского жителя, на старости лет звать на страшную для него периферию? Да и зачем он там нужен и кому? Лично я давно уже отказался от мысли передвинуть писателей поближе к тем, о ком они пишут. Безнадежное дело! И пусть на этом благородном поприще наживает шишки тов. Фурцева, а с меня хватит!

Здесь на съезде была выражена надежда, что мы, писатели и деятели искусства, будем и впредь добрыми и умными советчиками советского народа. Однако трудно быть советчиком тому, кто сам не знает жизни. Тут можно насоветовать такого, что и сам черт не разберется. Да и на самом деле, как может писатель — типичный горожанин, видевший деревню по-настоящему тридцать — сорок лет назад и давно утративший с землей всякую связь, а иной и вовсе не имевший такой связи,— что-либо посоветовать в производственном вопросе, скажем, опытному председателю колхоза или директору совхоза, которые в своем деле, что называется, собаку съели? Ну, а насчет морально-этических проблем некоторые из этих, с виду скромных ребяток, могут и вовсе кое-кого из писателей, что называется, «и разуть и раздеть». Такому писателю, который не различит всходы яровой пшеницы от озимой, а овес путает с ячменем, лучше не выступать в роли непрошеного советчика, а всячески стараться унести ноги подобру-поздорову от тех, кому он вздумает, по неразумию своему, советовать.

Сам понимаю, что выступление мое носит несколько мрачноватый характер, но ничего с собой не могу поделать: одолела какая-то проклятущая жадность — все хочется, чтобы добрых книг было больше, а их мало. Вот и злишься и на себя и на других, да толку от этого мало. Такие вопросы надо решать прежде всего коллективно и без особой торопливости.

Спешка в таком деле едва ли будет верным помощником. А тут еще одна беда — ведь беды, как известно,

не ходят в одиночку. В очень хорошей, содержательной речи секретарь ЦК Коммунистической партии Украины тов. Подгорный упустил, на мой взгляд, одну весьма выгодную возможность: что бы ему упомянуть о том, что писателей-украинцев выбирали делегатами не только во граде Киеве. Ну, и сказал бы, что так, мол, и так, дорогие товарищи писатели, выбрали вас делегатами на съезд КПСС в областных центрах Украины, и перебирайтесь туда потихоньку, и живите себе на здоровье, и пишите о тех тружениках областей, где вас выбирали: на Полтавщине — так о полтавчанах, в Чернигове — так о черниговцах. А вот не сказал он этого. И снова писатели возвратятся в стольный град Киев, и снова все пойдет по-старому. То же самое можно сказать и в отношении секретарей других областей, где писатели водятся в изобилии. Надо бы и им писателей пригорнуть, как говорят украинцы, пригласить к себе в далеко не тихие провинциальные города и села и отнюдь не на мирное, а на боевое житье, на глубокое, проникновенное познание жизни и на подлинно творческий труд. Думается все же, что это дело поправимое.

Но что бы то ни было, а наша литература является передовой, и не только по идейному содержанию. Крепнут наши связи с зарубежными издательствами. Книги наших писателей издаются повсюду за границей. Они читаются, увлекая, скорее, содержанием, а не формой, потому что очень велик интерес в зарубежных странах к нашей жизни, к нашей нынешней действительности.

Но к зарубежным критикам у нас, советских писателей, пожалуй, больше претензий, чем к своим. Если наши критики в большинстве своем не знают жизни, то иностранные не только не знают, но и плохо ее осмысливают. Зачастую у них к нам возникают совершенно необоснованные претензии. Они утверждают, что пишем мы предвзято. А как бы им хотелось?

Допустим, я пишу о нашем солдате, о человеке, бесконечно родном мне и близком. Как же я напишу о нем худо? Он мой, весь мой, от пилотки до портянок, и я стараюсь не замечать, допустим, рябинок на его лице или некоторых изъянов в его характере.

А если и замечу, то уж постараюсь написать так, чтобы читатель тоже полюбил его вместе и с этими милыми рябинками, и с небольшими изъянами в характере.

Здесь передо мной сидят люди, в основном обремененные житейским и иным опытом. Вы знаете, что бывает так, что веснушки на лице курносой и неприметной женщины становятся для тебя дороже любого безупречно чистого, атласной свежести лица; и что иногда усталые морщинки в уголках глаз любимой женщины для тебя желаннее белозубой и бездумной улыбки молодой хохотуньи. А бывает и так, что невзрачная с виду женщина поведет за собой такого парня, что глянешь — и закачаешься. Всяко бывает в жизни, и все вы это знаете не хуже меня. Так как же может писатель, если он не «холодный сапожник», с равнодушным безразличием писать о людях, которых он любит?!

Говорят, что Чехову принадлежит фраза о писательском творчестве: «Когда садишься писать, будь холоден, как лед». Неправда! Не может быть художник холодным, когда он творит! С рыбьей кровью и лежачим от ожирения сердцем настоящего произведения не создашь и никогда не найдешь путей к сердцу читателя.

Я за то, чтобы у писателя клокотала горячая кровь, когда он пишет, я за то, чтобы лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем, и чтобы писатель смеялся и плакал вместе с героем, которого он любит и который ему дорог.

Только при этих условиях будет создано настоящее произведение подлинного искусства, а не подделка под него.

Но это уже творческая лаборатория или попросту кухня, пожалуй, неинтересная для вас. Я перехожу к задачам советской литературы, на которых хочу кратко остановиться.

Нам предстоит за многое бороться, и, как мне кажется, прежде всего за влияние на нашу молодежь. Отличная у нас молодежь. Страна многим обязана ее молодому энтузиазму, ее героическому труду. Но очень незначительная часть молодежи мятется духом, ищет

романтики в наших героических буднях и не находит ее. А она под руками, стоит только протянуть их и внимательнее присмотреться к жизни. Мы обязаны увести эту молодежь от чуждых влияний и приобщить к труду и подвигу в наше нелегкое время.

И не только эта проблема стоит перед писателями сегодня и будет стоять завтра. Советская семья, моральный облик нового человека, титанический труд нашего народа — все это требует воплощения в художественные образы, все это повелительно требует от нас создания полноценных, больших произведений. Мы, люди искусства, все это хорошо понимаем и сознаем всю тяжесть лежащей на нас ответственности перед народом и партией.

В заключение мне хочется сказать: среди присутствующих много делегатов, которых ласково называют «маяками». Хорошее это слово, емкое. Я попрошу тех, кто светит своим трудом, не забывать о том, что светят они не только людям своей профессии или специальности. Маяки науки, техники, промышленности, сельского хозяйства светят и нам, людям искусства. И мы взираем на них не без некоторой зависти, потому что в своем творчестве еще не достигли того, чего достигли они. Но свет их огня падает и на нас, и согревает нас, и, пожалуй, просвечивает в сумеречные часы.

Большое, душевное спасибо тем, кто светит!

Такое же спасибо и тем, кто аккумулирует энергию носителей света, спасибо за теплую заботу о нас, которую мы, может быть, не в полной мере заслужили, но я твердо верю в то, что еще заслужим.

1961

ВСЕНАРОДНЫЙ ПРИВЕТ ТЕБЕ, «ПРАВДА»!

Родную «Правду» сердечно поздравляю со славным пятидесятилетием. С гордостью и радостью думаю сегодня, что нашей взаимной любви, ничем не омраченной на протяжении тридцати с лишним лет, может позавидовать не одна супружеская пара. Горячо обнимаю весь коллектив.

5 мая 1962 г.

СПЛОЧЕНИЕ, И ЕЩЕ РАЗ СПЛОЧЕНИЕ!

В это тревожное время сплочение борцов за мир — и еще раз сплочение — самая насущная наша задача.

Мне кажется, что особенно большая ответственность в эти дни падает на людей умственного труда — тружеников человеческой культуры.

Тот, кто изобрел атомную бомбу, в первую очередь должен сказать ей «нет». А подлинные носители культуры никогда не пропагандировали и не будут пропагандировать применение атома в разрушительных целях против человечества.

Мы не раз убеждались в том, что гневно сказанное «нет» разбивало планы желающих развязать термоядерную войну.

Повторим же это «нет» с утроенной силой на нашем конгрессе.

1962

СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ СЕГОДНЯ — ЗНАЧИТ ЗАВТРА ИМЕТЬ БОЛЬШЕ

У нас в Ростове грешат чрезмерным количеством всяческих совещаний. Совещаются, очевидно, для того, чтобы выполнить план по совещаниям. Будь моя власть, я сократил бы эти совещания на три четверти.

Но ваше сегодняшнее совещание я ото всей души приветствую и желаю полного успеха.

Ваш благородный почин в работе, ваше подлинное коммунистическое отношение к труду служит заразительным примером для тех, кто еще работает по старинке, а иногда не столько работает, сколько отбывает часы.

Я не говорю уже о том, какую огромную пользу вы приносите родине. Но есть и другая сторона, о которой вы не должны забывать.

Первое время после возникновения бригад коммунистического труда буржуазная печать заявила: «Очередной пропагандистский трюк коммунистов». Однако теперь и за рубежом убедились в том, что существование бригад коммунистического труда — новая и опаснейшая для капитализма форма и существо труда, вызванные к жизни вашим разумом, вашими золотыми руками!

Вы своим существованием, тем, что идете в авангарде трудящихся нашей страны, нанесли сокрушительный удар буржуазной идеологии и гнилым теориям о содружестве капиталиста-предпринимателя и рабочего. И вы должны этим гордиться так же, как мы гордимся вами.

Обнимаю вас и желаю всем вам счастья и дальнейших успехов в работе на благо нашей великой родины.

1962

ЮНЫМ ПИОНЕРАМ

Дорогих пионеров от души поздравляю со славным 40-летием пионерской организации и одновременно с высокой правительственной наградой. Растите здоровыми, учитесь старательно, а станете большими, будьте настоящими ленинцами.

1962

ВЕРНОСТЬ ИДЕАЛАМ КОММУНИЗМА

Пожалуй, ни в одной области искусства идеологическое размежевание не проходит так резко, как в литературе... В художественном произведении, где речь идет о духовном и политическом облике героев, автор не в состоянии скрыть или даже завуалировать свои симпатии и антипатии, не может утаить от читателя свое идеологическое кредо.

Говорить об отдельном писателе — это значит говорить о литературе, так мы все связаны и преемственностью художественного мышления, и литературными традициями. Мы, писатели, являем собой как бы единую цепь, состоящую из отдельных звеньев.

В наше время жизнь со всей наглядностью показала, что в народных массах живет и сохраняет право на дальнейшую жизнь только то искусство, которое служит интересам народа. И естественно, обречено на забвение, на смерть то, что удовлетворяет духовные потребности лишь одного уходящего с исторической сцены класса поработителей, паразитического класса.

Со всей очевидностью это можно проследить и на истории современной литературы. Как бы ни был талантлив и в прозе и в поэзии Бунин, он почти забыт, малоизвестен нашим широким читателям, особенно молодым. И не потому, что Бунина не переиздают у нас... А Горького и Серафимовича не забудут. А ведь они — современники с Буниным, в одно время, вместе пришли в литературу, но служили народу по-разному. По-разному ценят и их произведения. Бунину была присуждена Нобелевская премия за «Жизнь Арсеньева», а

такое произведение Горького, как «Жизнь Клима Самгина», великолепно отделанное и являющееся энциклопедическим по широте охвата и показу всех предреволюционных слоев и прослоек царской России,— не было отмечено Шведской академией.

Точно так же выпал из поля зрения шведских ценителей искусства и отличный горьковский роман «Дело Артамоновых». То же самое произошло и с «Железным потоком» Серафимовича, и со многими другими значительными произведениями советской прозы.

Как видите, и на международной арене оценки диктуются классовыми интересами. И даже в этом свете, свете оценок, лживо звучат утверждения буржуазных теоретиков о том, что искусство по самой природе своей, дескать, бесклассовое...

Советские люди всюду широко отмечают столетие со дня рождения выдающегося писателя нашей родины Александра Серафи́мовича Серафимо́вича. Его творчество наряду с творчеством Горького, Маяковского, Алексея Толстого, Есенина, Сергеева-Ценского и других писателей не будет забыто в нашей стране и за ее рубежами и станет культурным достоянием грядущих поколений.

«Железный поток» Серафимовича навсегда вошел в железный фонд советской литературы. Из всего, что написано нашим дорогим земляком, этот роман особенно дорог нам. Дорог тем, что наряду с фурмановским «Мятежом» в «Железном потоке» впервые блистательно описаны первые люди революции, и описаны они «изнутри», с любовью и благодарностью к тем героям, которые шагали в первых рядах бойцов за Советскую власть, за великое дело коммунизма.

Вся жизнь Александра Серафимовича, точно так же, как и его творчество, была глубоко революционна. Он честно служил прогрессу, революции, нашей Коммунистической партии до конца своих дней.

Мы, жители Дона, испытываем к Серафимовичу особые чувства признательности и родственной теплоты не только потому, что он наш земляк, но и потому, что с отцовской любовью, не знающей различия, он относился ко всем трудящимся — и к донским казакам, и к иного-

роднимм, и к кубанским казакам, и к крестьянам Ставрополья, взявшим в свои руки оружие, чтобы кровью своей спаять, поставить и утвердить на юге России Советскую власть.

Мне посчастливилось близко узнать товарища Серафимовича тридцать с лишним лет назад. В 1925 году издательство «Московский рабочий» решило издать сборник моих рассказов. Когда книга была набрана и сверстана, ее показали Александру Серафимовичу, и тот решил познакомиться с тогда еще молодым автором. После этого мы неоднократно встречались. Бывал он и у меня в Вешенской, бывал и частенько, наезжая в Москву, я у него. Одно время, в 1930 году, он недели полторы гостил в Вешенской. Мы вместе с ним рыбачили, ездили по Дону, и никогда не уставал этот далеко не молодой человек интересоваться всем происходившим в то время на Дону.

Это было в начале 30-х годов. И вот длительное знакомство переросло в чувство взаимной дружбы, несмотря на то что нас разделяла довольно значительная возрастная разница. Я вынес глубоко запавшие мне в душу впечатления о Серафимовиче как о милом, скромном и немножко с какой-то казачьей лукавинкой человеке — великом писателе, который много помогал молодым, в том числе и мне.

Мне думается, что лучшим памятником этому замечательному, знаменитому писателю и нашему земляку будет то, что творится сейчас у нас на Дону.

Когда-то в Вешенской, глядя на Дон, Александр Серафимович увидел маленький такой пароходик, который, шлепая плицами, шел против течения и дал гудок, чтобы разводили наплавной мост. Он сказал тогда: «Ну вот, этот чудесный пароходик оживляет как бы сонные берега тихого Дона».

А если бы посмотрел сейчас Серафимович, во что превратились берега его тихого Дона, мне думается, старику было бы очень приятно. Мы, читатели, и нынешние и будущие, навсегда сохраним в памяти светлый облик этого милого человека и его произведения, которые служат делу коммунизма.

1963

АНГЛИЙСКОМУ ПИСАТЕЛЮ ЧАРЛЬЗУ ПЕРСИ СНОУ

Сердечно поздравляю дорогого друга с присвоением ему высокого, почетного звания доктора филологических наук Ростовского-на-Дону государственного университета.

Общественность Советского Союза, в том числе Ростовской области, горячо поздравляет Вас, выдающегося писателя Англии, активного борца за дело мира и дружественных отношений между Англией и СССР, с присвоением Вам почетной степени доктора филологических наук Ростовского-на-Дону государственного университета.

Приглашаем Вас, Вашу супругу Памелу Хенсфорд-Джонсон, членов Вашей семьи прибыть по возможности в мае этого года в Ростов-на-Дону для вручения Вам диплома почетного доктора филологических наук Ростовского-на-Дону государственного университета, одного из старейших университетов России.

Давние любители побивать международные рекорды, надеемся, что то высокое и теплое гостеприимство, которое было оказано мне в Сент-Эндрюсе, будет побито на Дону.

Сердечно Ваш

Михаил Шолохов.

1963

ПО-ОТЦОВСКИ КРЕПКО ОБНИМАЮ

(О полете в космос Валентины Терешковой и Валерия Быковского)

Понимаю, что мое высказывание в этот торжественный день будет звучать диссонансом. Но что я с собой могу поделать: мой пожилой возраст и несколько консервативный склад ума до последних дней заставляли меня думать, что мы, мужчины, являлись и «властителями дум», и воинами и что мы вообще в этом подлунном мире — соль земли.

А что же получается сейчас? Женщина в космосе! Ну, как хотите, это непостижимо. Это противоречит всем моим устоявшимся воззрениям на мир и его возможности. Я с радостью бы обнял Валерия Быковского за его подвиг — на то он и мужчина, чтобы совершать подвиги. Но совершенно иначе дело обстоит с Валентиной Владимировной Терешковой...

Теперь ей посылаются тысячи предложений руки и сердца, но я, несущий крест супружеской жизни сорок лет, не смогу ей предложить ни руки, ни сердца, а по-отцовски крепко обнимаю ее и желаю всего самого доброго в жизни. И, само собой разумеется, обнимаю и целую дорогого Валерия Федоровича Быковского.

1963

С ЧЕСТЬЮ ПОСЛУЖИТЬ НАРОДУ

(Выступление на совещании писателей Европейского сообщества)

Мне выпала высокая честь приветствовать вас, знаменитых писателей Европы, от имени Союза советских писателей и пожелать вам успеха в работе совещания.

Здесь, за исключением дам, я вижу по преимуществу пожилых мужчин — писателей, критиков, безусловно обремененных и житейским и литературным опытом. Так не будем же наивными: этой высокой чести — первому приветствовать вас — я удостоен не из уважения к моим сединам, не из признания моих литературных заслуг, а потому, что мой друг Алеша Сурков и остальные руководящие деятели из Союза советских писателей знают меня как задиристого полемиста, вот они и решили: «Дадим Шолохову слово первому из советских писателей — он поприветствует дорогих гостей, а потом ему будет неудобно выступать с критическими замечаниями по их выступлениям...»

Дипломатия сработала и тут! Но это отвечает и моим настроениям: гораздо легче говорить человеку приятные вещи, чем неприятные.

Но все же я хотел бы оставить за собой право выступить, если на этом совещании начнут строгать доски и готовить гроб для того, чтобы похоронить роман.

Лично для меня вопрос о том, «быть или не быть роману», не стоит, так же как перед крестьянином не может встать вопрос — сеять или не сеять хлеб.

Вопрос может быть поставлен в такой плоскости: «Как сеять и как вырастить урожай получше?»

Точно так же и для меня, как романиста, может возникнуть вопрос: как получше сделать роман, чтобы он с честью послужил моему народу, моим читателям?

Но об этом мы начнем разговор уже в деловой части совещания.

Мы начинаем совещание в знаменательный день. Сегодня в Москве будет подписан Договор о запрещении ядерных испытаний. И мне думается: «Большие политические деятели и дипломаты договорились. Неужели же мы, писатели, не договоримся, как лучше служить своим искусством человеку, делу мира? Нам будет просто стыдно перед нашими читателями. Надо найти общий язык, и он наверняка будет найден!»

Мы, советские писатели, встречаем Вас, дорогих гостей, с открытой душой и широким русским гостеприимством.

Для нашей работы созданы все условия. Хорошо, что совещание проходит в Ленинграде. Здесь прохладнее, чем в Москве. Но если полемика примет слишком пылкий характер, то мы можем перенести совещание, скажем, в Архангельск или Мурманск. Словом, в любое место, лишь бы наш разговор о романе был степенным, рассудительным и дал хорошие результаты.

Мы надеемся, что совещание будет полезным, а Ваше пребывание в нашей стране приятным.

1963

УДАРНИКАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Дорогие товарищи!

Разрешите пожелать вашему слету успешной и плодотворной работы. Но это официальное начало, потому оно звучит официально и суховато.

Можно успешно и плодотворно поработать языками в Ростове, а дома завалить дело. Что касается вашей прямой работы дома, в колхозах и совхозах, во всех отраслях сельского хозяйства, тут уж я не могу говорить сухо, а от всего сердца желаю вам успехов и от всей души прошу:

Дорогие мои, родные земляки и землячки, не подведите! Потрудитесь так, чтобы никому из нас стыдно за нашу славную область не было!

С надеждой и уверенностью в ваших будущих успехах обнимаю вас.

1964

ЮНЫМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ

На то и молодость дана, чтобы быть кипучей, активной, жизнеутверждающей. На то и зрелый возраст дан человеку, чтобы любоваться вашим трудовым порывом — искренне, с огоньком трудиться во славу родины и желать вам от всей души успехов в вашем благородном почине. Что я и делаю с удовольствием, отцовской любовью к вам и полной уверенностью в том, что вы в силах совершить то, что хорошо задумали.

1964

С РАДОСТЬЮ ПРИНЯЛ ПРИГЛАШЕНИЕ

Я с радостью принял приглашение посетить Германскую Демократическую Республику. Я был в Германии давно, более тридцати лет назад, в 1930 году. Тогда я ехал к А. М. Горькому в Сорренто, но не смог доехать до места в связи с тем, что итальянские власти мне отказали в визе. Ожидая визу, я совершил поездку по Германии.

На земле Германской Демократической Республики мне предстоит увидеть обновленные города и селения, встретиться с рабочими и крестьянами. Само собой разумеется, что меня ожидают встречи и беседы со старыми и молодыми немецкими писателями, за творчеством которых я по возможности внимательно слежу. В одном из северных районов ГДР находится кооператив, который удостоил меня чести носить мое имя. Я переписываюсь с членами кооператива и постараюсь побывать в нем, чтобы поглядеть, как они хозяйствуют.

Я очень огорчен тем, что не смогу принять участие в шевченковских торжествах на Украине. Прошу моих украинских друзей принять самые добрые пожелания успехов, здоровья и счастья.

1964

ЖДУ КИРОВЦЕВ В ВЕШЕНСКОЙ

С великой радостью готов встретиться с ветеранами завода в Вешенской в июле. Это время — лучшее в том смысле, что старики могут и порыбачить на Дону, и погреть старые кости на жарком песочке, и уху стерляжью мы заварим на славу! Сейчас к тому же неуютно на Дону: разлив, погода холодная, серые дни. Всего этого вам хватит и в Ленинграде. А мне хочется показать вам Вешенскую в полном и южном блеске.

Убедительно прошу согласиться с моим предложением, а что касается точных чисел, можно списаться в начале июня.

И вы, и директор, и ветераны будете желанными гостями. Самое широкое гостеприимство будет вам оказано на Дону. Всему могучему коллективу кировцев мой сердечный привет и наилучшие пожелания.

Согласие с моим планом прошу подтвердить телеграммой, чтобы знать о вашем решении заранее.

Ваш *М. Шолохов.*

P. S. Было бы очень желательно, чтобы в числе пятнадцати — шестнадцати ваших товарищей приехали и три автора «Истории завода». Прошу учесть это мое пожелание.

1964

ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, КАК ГОВОРИТ РАБОЧИЙ КЛАСС...

Прислушайтесь, как говорит рабочий класс... Сегодня можно много хорошего сказать. Тридцать четыре года тому назад, а точнее — тридцать пять, в «Поднятой целине» Семен Давыдов был не просто двадцатипятитысячником, а рабочим бывшего Путиловского, ныне Кировского завода.

Начавшееся когда-то духовное родство закрепляется сейчас материально. Здесь хорошо говорили о нашей дружбе, дружбе писателей со своими героями. Это здорово, когда писатель роднится с рабочими, когда литературный герой возвращается к тебе в живом виде. Крайне полезны такие встречи.

Все эти замечательные ребята, дорогой Савич и не менее дорогой Леонов, были на Ростсельмаше. Их показ, их методы, их работа над собственными изобретениями, над собственными фрезами вызвали восторг у наиболее квалифицированных фрезеровщиков города Ростова. Если мы продолжим взаимные встречи и кировцы пригласят, в частности, Илью Косоножкина и еще кого-нибудь из наших рабочих, то это уже будет, так сказать, настоящий обмен опытом квалифицированных людей города и деревни. У кировцев можно еще многому поучиться, ну, а мы всегда, не только в этом году, будем рады вас видеть у себя.

1964

НУЖНЫ КНИГИ О СЛАВЕ И ДОБЛЕСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Приезд в станицу Вешенскую рабочих и инженеров ленинградского Кировского завода оставил глубокий след. Мы вели весьма полезные беседы о литературе. Они были особенно интересны тем, что и сами гости занимаются творчеством — создают историю своего завода.

Кировцы попросили меня написать предисловие к их книге, что я и делаю с удовольствием.

История Путиловского (Кировского) завода — это старейший пушкарь Михаил Гаврилович Алексеев, проработавший в цехах шестьдесят лет; это Николай Васильевич Скворцов, бывший балтийский моряк, путиловский двадцатипятитысячник, председатель колхоза и снова рабочий; новаторы — фрезеровщики Евгений Савич и Иван Леонов; Герой Советского Союза снайпер Федор Дьяченко и сотни, тысячи таких, как они. История завода — летопись рабочих поколений, свершивших революцию, отстоявших в тяжелую годину честь и свободу родины и ныне строящих коммунизм.

К пятидесятилетию родной Советской власти хотелось бы видеть исторические книги не только о четырежды орденоносном ленинградском гиганте, но и о многих других заводах и фабриках страны.

Через «Правду» и массовую, рабочую газету «Труд» обращаюсь к рабкорам: создавайте истории предприятий. Это очень нужные книги о славе и доблести рабочего класса. Писатели и журналисты помогут вам в этом благородном деле.

1964

ПУСТЬ КРЕПНЕТ СОЮЗ ЛЮДЕЙ ТРУДА И ИСКУССТВА

Дорогие вешенцы, дорогие товарищи и друзья кировцы! Любезные нашему сердцу гости! На исходе последний день вашего пребывания в станице Вешенской, на донской земле. Завтра вы поедете на Средний Дон, оттуда — в низовья реки. Я знаю, что вы всюду будете дорогими и желанными гостями, потому что в вашем лице Дон чествует посланцев великого города Ленина, славных представителей знаменитого Кировского завода. Однако мы убеждены в том, что ни в одной станице и ни в одном городе на Дону вас не встречали и не встретят с такой сердечностью, с какой мы вас встретили здесь, в Вешенской. На это есть много причин. Вешенцы были у вас в гостях в начале 1961 года. Но дружба наша с кировцами началась не три и не четыре года тому назад, а тридцать четыре, когда со страниц книги в жизнь сошел ваш товарищ по заводу, по труду Семен Давыдов и стал помогать партии в проведении коллективизации на селе.

Я лишний раз говорю об этом не из литературного тщеславия, а для того, чтобы именно лишний раз подчеркнуть преимущественное право вешенцев на высокую дружбу с вами, с кировцами. Потому что на ваше гостеприимство и радушие, оказанное нам в 1961 году, теперь мы платим вам удвоенным гостеприимством и удвоенным радушием.

За последние годы много гостей переступало порог моего дома. Кроме соотечественников, были и иностранцы. Кто только не хаживал по вешенской земле: и немцы, и англичане, и норвежцы, и шведы, и датчане,

и финны, и другие. По роду своей писательской деятельности мне приходится встречать и принимать у себя представителей литературного и издательского мира многих стран. С некоторыми из них, близкими по политическим воззрениям, у меня установились подлинно дружеские отношения. Но одно дело принимать человека по долгу вежливости — другое дело принимать от сердца. Вот так, от всего сердца мы вас и принимаем, дорогие товарищи кировцы.

Посмотрите, товарищи вешенцы, какой замечательный отряд рабочего класса прислали нам кировцы. Здесь люди трех поколений. И все молодцы, как на подбор. Здесь их вам представляли, но всех ли вы их запомнили? Взять хотя бы товарища Скворцова Николая Васильевича. Ну чем вам не Давыдов? Даже биографии сходятся: рабочий-путиловец, в прошлом моряк Балтийского флота, в тридцатом году — двадцатипятитысячник, председатель колхоза, только не на Азово-Черноморье, а в Калининской области.

Правда, за тридцать четыре года и автор книги, и второй Давыдов немного постарели, так сказать, слегка тронуты заморозком. Но если понадобится родине, мы вновь готовы служить ей и в рядах армии, и оборонным трудом. Это и есть подлинное единение труда и искусства в нашем понимании. Мне хотелось бы остановиться еще на одном моем дорогом госте — Михаиле Гавриловиче Алексееве. Как видите, он уже не молодой человек. Но что значит представитель рабочего класса, проработавший шестьдесят лет на производстве! По секрету мне сказали, что он еще ухаживает за девушками.

Одновременно с кировцами моими гостями были писатели — москвичи и ростовчане. Надо сказать, что мы не только купались, рыбачили, поднимали дружеские тосты, но и говорили о больших делах. Кировцы на законном основании предъявили к нам, писателям, свои рабочие требования: мало произведений о современности, пишите о нас, о рабочем классе.

Писатели поначалу заняли круговую оборону, держались довольно стойко. Но под давлением превосходящих сил кировцев, как пишется в военных реляциях, а вернее, под давлением их правильных мыслей — вы-

нуждены были отойти. Действительно, мы мало пишем о рабочем классе. Но не простое это дело, как кажется непосвященному человеку. Эта встреча, мне думается, принесет большую пользу в нашем литературном деле. Я глубочайше убежден, что такие дружеские встречи, когда мы ближе познаем друг друга, когда мы делимся своими соображениями с рабочими и в области искусства, и в области того, как осуществить замыслы, чтобы написать такое произведение, которое было бы долговечно, высокохудожественно и политически зрело,— крайне необходимы и важны. Думается, что этот почин будет подхвачен и продолжен не только нашими писателями-ростовчанами, но и москвичами, и ленинградцами, а может быть, и всеми литераторами. Я не слишком самоуверен, но думаю, что это — доброе дело и что в результате нашего обоюдного желания и совместных творческих усилий представителей рабочего класса и работников искусства в области литературы такие книги будут созданы. Порукой этому — наше общее единство людей искусства и людей труда, наше политическое единство, а также единство моральное и духовное. Так что прошу вас заверить рабочих Кировского завода, что такие книги будут действительно созданы!

Самые дорогие подарки из тех, что мне вручили кировцы, это, конечно, звание ударника коммунистического труда и вот эта книжечка — почетный пропуск на Кировский завод. Но прошу вас учесть, что кировцы — народ довольно хитрый. Пропуск этот вручен мне с таким расчетом: приезжай, мол, приходи в любое время и в любой час, знакомься с производством, знакомься с нами, а потом ты, конечно, увлечешься и будешь писать. Так ведь, товарищи дорогие, я никогда не давал подписки, никогда не давал зарока, что я привязан только к сельскохозяйственной теме или к теме войны. Мы еще, так сказать, можем тряхнуть стариной.

Пожелаем же нашим дорогим гостям доброго, счастливого пути, и от вашего имени, вешенцы, разрешите заверить их, что на этой территории, на территории Вешенской, впрочем, как и везде на Дону, они будут и впредь самыми дорогими и самыми желанными гостями.

1964

ВОИНАМ-ПОГРАНИЧНИКАМ

Дорогие товарищи!

Если вы писали мне с хорошим волнением, то с неменьшим волнением я читал ваши теплые, дружеские строчки. Сердечное спасибо вам за добрые слова, сказанные в мой адрес, и за высокую оценку моего писательского труда. Пожалуй, я больше, чем кто-либо другой, представляю всю тяжесть, всю сложность вашей службы. Мой зять — тоже пограничник — служил тоже в тех же краях, и отсюда мое высокое уважение к вам, самые душевные чувства.

Поляки говорят: «Как надо — так надо!» Родине действительно надо, чтобы кто-то из ее надежных и крепких духом и телом сынов был на том месте, и вот вам пришлось «трубить» в далеком краю. Что ж, высокое доверие! Хочешь не хочешь, а оправдывай!

Крепко обнимаю всех вас вместе и каждого в отдельности и от всего сердца желаю бодрости духа, здоровья, успехов по службе и счастья, независимо от того, когда, как и где оно к вам придет. А в том, что к таким ребятам оно самолично явится, я не сомневаюсь! Вы честью его заслужили!

1964

ЛЕНИНСКИМ ВНУКАМ

Дорогие юные товарищи — комсомольцы и комсомолки Вешенского района!

Желаю вам больших успехов в работе и в учебе в наступившем году! Партия ставит перед всеми нами, в том числе, разумеется, и перед вами, новую задачу: качество! Давайте понимать эту задачу не только как призыв к повышению качества продукции, но и как призыв к повышению наиболее нужных качеств комсомольцам: и в учебе, и в творчестве, и в поисках нового, и в отношениях друг к другу, и в дружбе. Словом, во всем, что определяет облик советского человека...

1965

КОМСОМОЛЬЦАМ ДОНА

Дорогие товарищи комсомольцы и комсомолки!

Мы, старшее поколение коммунистов, крепко любим вас, и потому, что видим в вас нашу милую, но уже ушедшую боевую революционную молодость, и потому, что рядом с нами живете и созидаете в настоящем, а главное, потому, что вы — наша негаснущая надежда в грядущем светлом будущем.

Как видите, любим мы вас в трех измерениях, очевидно, поэтому и любовь наша к вам и ревнива и требовательна.

Вы очень много дали в построении социализма, а мы уверены, что можете дать еще больше.

Поддержите же эту нашу уверенность делом, где бы вы ни находились, на любом участке, будь это работа, учеба, служба в родной армии,— всюду, где витает непобедимый комсомольский дух!

Обнимаю вас и от всего сердца желаю успехов, дерзаний, счастья!

1965

ТАЛАНТ—НА СЛУЖБУ НАРОДУ

(Вступительное слово на II съезде писателей Российской Федерации)

Товарищи!

Мне поручено дело очень почетное и ответственное — открыть Второй съезд писателей земли Российской.

Я делаю это с чувством радости и даже некоторого волнения, понимая, что сегодня к этому залу, где собрались представители великой русской и многих других замечательных литератур, развивающихся на просторах России, приковано внимание миллионов людей и в нашей стране, и за ее пределами.

Я твердо уверен в том, что работа нашего съезда не останется не замеченной мировой общественностью и, в частности, печатью. Конечно, нам надо быть готовыми к тому, что откликнутся не только друзья, от души радующиеся нашим успехам и болеющие нашими болями, но наверняка захотят прокомментировать нашу работу и недруги. Я имею в виду тех господ, которых хлебом не корми, а дай посплетничать о наших делах.

Ну, да бог с ними, с нашими зарубежными комментаторами. У нас непочатый край своих дел, о которых мы должны на этом съезде потолковать откровенно и по-деловому. Чтобы наш народ, наш многомиллионный читатель не удивлялся: зачем это писатели оставили свои рабочие места — письменные столы — и занимаются несвойственным им делом — заседаниями, когда у нас в стране и без этого чрезмерно много заседаний?

А мнение народа — это то, чем мы, писатели, должны дорожить больше всего на свете. Потому что чем же еще может быть оправдана жизнь и работа каждого из нас, если не доверием народа, не признанием того, что ты отдаешь народу, партии, родине все свои силы и способности.

Я думаю, именно здесь и надо искать ключ к проблеме творческой интеллигенции в жизни нашего общества, если, правда, такая проблема вообще существует... Грешным делом, мне иногда сдается, что мы слишком уж раздуваем эту проблему. Конечно, приятно, когда к тебе относятся бережно, помогают тебе, находят для тебя доброе слово, но разве каждый из нас, советских интеллигентов, вспоенных и вскормленных партией и народом, не обязан в свою очередь с глубокой любовью и сыновьей бережностью относиться ко всему, что завоевано в труднейшей полувековой борьбе всеми нами — нашим народом, нашей партией, нашей родной Советской властью.

Если бы спросили мое личное мнение, то я сказал бы, что проблема интеллигенции решается у нас довольно-таки просто: будь верным солдатом ленинской партии — все равно, коммунист ты или беспартийный, отдавай всего себя, все свои силы, всю душу народу, живи с ним одной жизнью, делись с ним и радостью и трудностями — вот и вся «проблема»!

Нам с вами предстоит провести здесь, в Москве, вместе несколько дней. И не просто провести, а поработать, и поработать напряженно. И чтобы эти дни прошли с наибольшей пользой для нашего общего дела, для советской литературы, давайте договоримся заранее: будем работать дружно, как и подобает однополчанам, у которых одна цель, одна забота, попробуем отбросить все мелкие обиды и недоразумения. Пусть на переднем плане будет то, что всех нас объединяет,— забота о новых успехах великой советской литературы. Этого очень ждет от нас партия, очень ждет и весь народ.

Думаю, вы поймете меня правильно: я не призываю к всепрощению и к всеобщему лобызанию. Дружба дружбой, но есть в нашем литературном, нашем идеологическом деле такие принципы, отступления от которых

нельзя прощать и самому близкому другу. Тогда только наше единство будет прочным, когда мы не станем закрывать глаза на ошибки друг друга и научимся называть вещи своими именами. Если есть еще у нас что-то такое, что мешает нормально работать, нормально развиваться литературе, давайте безжалостно отметем это. Если есть еще среди нас такие, кто не прочь иногда пококетничать своим либерализмом, сыграть в поддавки в идеологической борьбе, давайте скажем им в глаза, что мы думаем об этом.

Слишком большая ответственность лежит на наших с вами плечах, слишком большое и дорогое дело доверено нам, чтобы мы могли уходить от партийного разговора начистоту.

Конечно, у каждого из нас есть свои наболевшие вопросы, каждому из выступающих наверняка захочется коснуться их, рассказать о делах и заботах своих товарищей по литературной организации. Но как важно нам — и позвольте мне специально подчеркнуть это — все время видеть перед собой главный ориентир, главную нашу тему — литература и жизнь народа, литература и строительство коммунизма. Если мы с вами сумеем удержаться на этой высокой ноте, то и песня получится, и наш съезд станет не просто очередным литературным мероприятием, а высоким и плодотворным собранием людей, всерьез думающих и о жизни, и о нашем искусстве.

За рубежом нередко просят нас — кто с ехидством, кто с искренним желанием понять — растолковать, так сказать, популярно разъяснить, что такое социалистический реализм. Я не рискую отбивать хлеб у наших теоретиков и, как всякий практик, не очень силен в научных формулировках. Но я на эти вопросы обычно отвечаю так: социалистический реализм — это искусство правды жизни, правды, понятой и осмысленной художником с позиций ленинской партийности. А если сказать еще проще, то, по-моему, искусство, которое активно помогает людям в строительстве нового мира, и есть искусство социалистического реализма.

Тот, кто хочет понять, что такое социалистический реализм, должен пристально присмотреться к громад-

ному опыту советской литературы почти за полвека ее существования. История этой литературы — это и есть социалистический реализм, воплощенный в живых образах героев и зримых картинах народной борьбы.

Пусть величественный путь, пройденный за полстолетия советской литературой и, в частности, одним из головных ее отрядов — литературой русской, предстанет перед нашими глазами сегодня, когда мы сообща думаем о завтрашнем дне искусства. У нас за плечами огромное богатство. У нас есть чем гордиться, есть что противопоставить крикливому, но бесплодному абстракционизму. И хотя мы видим, как много еще предстоит нам сделать, чтобы оправдать доверие народа, хотя по большому счету мы еще недовольны своей работой, нам все же никогда не следует забывать, сколько внесено нашей литературой в духовную сокровищницу человечества, как велик и неоспорим ее авторитет во всем мире.

Дорогие товарищи! Писатели Российской Федерации первыми в стране собрались на свой съезд. Это, так сказать, первая ласточка среди республиканских съездов. Нам, россиянам, было бы хорошо провести наш большой разговор о литературе принципиально, деловито и требовательно. Я думаю, что мы с вами сможем этого добиться.

С этой надеждой и разрешите мне объявить открытым Второй съезд писателей Российской Федерации.

1965

ЭТОГО ЖЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Всемирный Конгресс Сторонников Мира, который состоится нынешним летом в Хельсинки, явится важным событием для дальнейшей судьбы человечества. Это уже ясно сейчас, хотя нас отделяет от Конгресса более трех месяцев. Последние политические события, особенно агрессивные действия американской военщины в Индокитае, свидетельствуют о том, что в этом году человечество должно принять ряд серьезных решений для укрепления дела мира. И оно примет их! Конгресс сплотит миролюбивые силы всех стран и народов.

Путь, по которому человечество пойдет в 1965 году, прежде всего будет зависеть от того, насколько решительно прозвучит голос народов в защиту мира. Всемирный Конгресс в Хельсинки — одна из таких акций в защиту мира. Волна протестов, прокатившихся по всей планете, против пиратских действий американских разбойников во Вьетнаме не оставляет сомнения в том, чего желает человечество. Мне верится, что в 1965 году миролюбивые силы смогут добиться решительных успехов. В этом и будет великий вклад Хельсинкского конгресса в дело мира.

1965

КОММУНИСТЫ «ТИХОГО ДОНА» НАМЕЧАЮТ РУБЕЖИ

(Выступление на партийном собрании в колхозе)

Мартовский Пленум Центрального Комитета партии открывает широчайшие возможности перед колхозами, перед совхозами нашими. Наиболее пожилые из вас, наверное, помнят 30-е годы. Как сдавали хлебец, как на быках возили семенное зерно из Миллерова, калечили быков, ломали им ноги в весеннюю распутицу, а потом на этих же быках в основном надо было пахать и сеять. Это ушло в далекое прошлое. Было немало неудобств в сельском хозяйстве, немало нерешенных вопросов, немало ошибок. Теперь как будто все ясно. Нам даны, как говорится, и книги в руки.

В прошлом году по приглашению правительства ГДР я был в Германской Демократической Республике, осмотрел там два хозяйства. Оба эти хозяйства стоят на высоком уровне, причем то, которым руководит член Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии тов. Вульф,— очень крупное, механизированное хозяйство, там есть чему поучиться, а второе — более слабое хозяйство, расположенное на малоудобных землях. Там такие же пески, как у нас под Вешенской. Хозяйство преимущественно занимается животноводством.

В этом году немецкие друзья побывают у нас в Вешенском районе. Приедет тов. Вульф — председатель этого самого крупного колхоза в ГДР, приедет и Лотар

Кох — председатель другого кооператива. Видимо, они привезут с собой лучших производственников.

Ну, мы люди хлебосольные, примем их с открытым сердцем. Вы говорите, что ваша партийная организация насчитывает добрую роту. У вас здесь около ста коммунистов, с кандидатами — сто тридцать человек. Это огромная сила. А если приплюсовать сюда еще к вам и комсомольцев, так это ж, слушайте, с таким народом, что называется, можно горы свернуть!

Перспектива ясна. Задачи у нас ясные. Оснащены вы техникой. Ну, что ж, это не проблема — две-три машины, о которых говорил тов. Максаев, я думаю, как-нибудь объединенными усилиями добудем. Речь идет не только об этих машинах. В помощи, во всяком случае, вам никогда не отказывалось. Думаю, что этот год будет переломным годом и для района, и для многих хозяйств, для всех хозяйств Советского Союза. Потому что решения Пленума ЦК сугубо правильные, продуманные, с учетом: с необходимым учетом и наших возможностей, и нашей потребности. Замечателен, к примеру, вот этот раздел — увеличить закупочные цены. Совершенно естественно, что нужно постараться прежде всего выполнить план, который, очевидно, не будет особенно обременительным. В целях пополнения кассы колхоза надо как-то постараться и по линии животноводства сдавать лишнюю продукцию, и по линии хлеба тоже...

Разрешите выразить уверенность и добрые пожелания вам: чтоб вы успешно справились со всем циклом сельскохозяйственных работ,— и пожелать вам успешного, прежде всего успешного сева. Весна поджимает, сроки остаются короткие. Думаю, что вы это понимаете лучше меня, потому что вы непосредственно связаны с землей. Ну, придется, как говорится, и попотеть и недоспать. Но надо делать так, чтоб сев завершить в кратчайший срок и на высоком уровне.

1965

ЗЕМЛЕ НУЖНЫ МОЛОДЫЕ РУКИ

(Беседа с молодежью)

...Воспитание у сельской молодежи любви и уважения к крестьянскому труду, к работе в сельскохозяйственном производстве. Дело это — бесспорно нужное: у нас — и не только у нас — молодежь уходит от земли, уходит по ряду причин. Мне приходилось бывать за рубежом во многих странах. Это характерно и для Швеции, и для Норвегии, и для Дании — всюду и везде наблюдается стремление в город. Ну, я понимаю то, что тяготеют к городским условиям жизни в Финляндии, в Швеции, где, по сути дела, столыпинские хутора. Понятно и объяснимо, больших сел там нет, живут далеко друг от друга, дом от дома километра за четыре. Чтобы там девушка или парень могли сходить в кино, им нужно преодолеть километров двенадцать — пятнадцать. Встречи с молодежью, сверстниками в клубах — там все это исключается.

У нас же такое стремление не оправдано. У нас большие коллективы в колхозах и совхозах, и кино и клубы — все к услугам молодежи. И не думаю, чтобы девушки в Ростове чаще, чем вы, ходили бы в театр. Стало быть, не в этом причина. Скудность впечатлений в сельской местности восполняется и накалом работы, и общением со сверстниками, единомышленниками.

Если говорить по-серьезному, земле нужны молодые руки. А сейчас, в свете решений мартовского Пленума ЦК КПСС, развертываются огромные мероприятия,

открываются хорошие перспективы перед рабочими совхозов, перед колхозниками, материально они будут жить лучше, и, видимо, это будет стимулировать. Так что те, кто в городе не обеспечен достаточно приличной квартирой, недостаточно благоустроился, будут возвращаться. Я надеюсь на этот обратный процесс.

Вы понимаете, что правительство и партия не могут ставить преград тяготению молодежи, уходу молодежи в промышленность. Надо самим решать, кому ехать в Таганрог или в Ростов, кому оставаться в Вешенской.

Нам думается, что сейчас намечается правильное стремление — оставаться у земли. Здесь в Вешенской был Терентий Семенович Мальцев. К нему обратились школьники, выпускники арбузовской школы, из подмосковного села. Они приняли единодушное решение — выпускникам-комсомольцам всем остаться на селе. Они говорят, движущим стимулом к этому послужил мартовский Пленум ЦК КПСС.

Не так уж мало культурных развлечений на селе. Правда, не столько, как в городе. Но к нам приезжают сюда если не все театры полностью, то артистические группы. И филармония Ростовская работает неплохо. Бывают у нас здесь артисты.

То же можно наблюдать у соседей — волгоградцев и воронежцев. Воронежский хор обслуживает свою область очень хорошо. У волгоградцев есть театр в Урюпинске. Это театр на колесах, передвижной. Он начинает свои гастроли с поездок по району в самом начале года и завершает их, объехав почти все районы области, примерно к концу года.

Как видите, условия меняются.

Я вот не считаю (может, специфика работы у меня такая), что живу где-то вдали от культуры. По крайней мере, никогда этого не ощущал.

Словом, надо еще и еще раз сказать: сельскохозяйственная профессия очень важная, очень полезная стране, и, думается, вы сами должны решить, как поступить.

Теперь о вопросах творческих. Мои планы: думаю закончить роман «Они сражались за Родину». После этого думаю попробовать свои силы в драматургии.

Кстати сказать, в этом жанре у нас еще далеко не все в порядке. Мало у нас хороших пьес о современнике, о молодом современнике-труженике, на которых можно было бы воспитывать нашу молодежь.

О кино. Самой удачной экранизацией я считаю фильм по рассказу «Судьба человека», созданный известным киноактером и режиссером Сергеем Бондарчуком. Что касается фильмов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», то здесь допущены некоторые погрешности и сценаристами и режиссерами. В частности, в фильме «Тихий Дон» отдельные яркие моменты совсем выпущены, а они должны были бы войти в кинороман. И в то же время есть кадры, без которых можно было обойтись, фильм от этого нисколько не пострадал бы. Но сценарий-то писал Сергей Герасимов. Это уж его чисто творческое дело. Не совсем удачно, я считаю, были подобраны и актеры для исполнения ролей.

Сейчас Малый театр пробует поставить на сцене спектакль «Тихий Дон». А вот те театры, которые думают инсценировать роман «Они сражались за Родину», проявляют, на мой взгляд, излишнюю поспешность, потому что из неоконченного произведения создать что-то единое, цельное в драматургии очень трудно.

Вот, в частности, коллектив Драматического театра имени Горького в Ростове пытается поставить инсценировку «Полк идет». Но что это будет за постановка, если в ней нет ни единой женщины-героини?

Мою работу над романом «Они сражались за Родину» несколько подзадержало одно обстоятельство. Я встретился в Ростове с генералом в отставке Лукиным. Это человек трагической судьбы. Он в бессознательном состоянии попал в плен к гитлеровцам и проявил мужество и стойкость, до конца остался патриотом своей великой родины. К нему подсылали изменника Власова, который предал родину и пытался перетащить его на свою сторону. Но из этого ничего не вышло. Лукин мне рассказал очень много интересного, и часть из этого я думаю использовать в своем романе.

В связи с двадцатой годовщиной победы советского народа над гитлеровской Германией в печати много публикуется материалов о днях прошедших. Молодежь

должна взять шефство над памятниками и могилами погибших в годы Великой Отечественной войны.

Воспитание молодежи — важнейшая задача. Трудовые навыки необходимо воспитывать с детских лет. Вот был я в Германской Демократической Республике и видел, как там работают. На свекловичной плантации буквально на коленях ползают на прополке растений и мать, и бабушка, и внучок лет девяти. А у нас молодежь подчас трудновато бывает заставить трудиться. Вот уж тут комсомол и должен повести свою работу так, чтобы трудовое воспитание в семье, в школе было поставлено у нас в свете требований сегодняшнего дня.

1965

БЫТЬ ВСЕГДА ПАТРИОТОМ

(Из беседы с девушками-горянками Дагестана)

Директор школы-интерната У. М. Мурдузалиева: Многие женщины Дагестана активно работают в общественных организациях, среди них учителя, специалисты разных профессий, ученые. Но еще не полностью изжиты предрассудки, живучи пережитки прошлого...

М. А. Шолохов: Это действительно очень сложная проблема, несмотря на то что общее культурное развитие страны идет большими, широкими шагами. Сидеть сложа руки или идти на поводу у отсталых настроений нельзя, нужно бороться с пережитками тонкими и умными методами, путем разъяснения, пропаганды антирелигиозных идей. Помогать людям познавать, где же истина, где правда и где зло.

Школьница Асият Алакова: Есть ли в жизни место подвигам в наше время?

М. А. Шолохов: Хорошо прожить жизнь, с пользой для общества — это также подвиг. Быть хорошим комсомольцем — это, правда, маленький, но героический повседневный подвиг. Дорогие ребятишки! Не только на военных подвигах строится мощь державы Советов. А честная работа на полях, в колхозах, совхозах, на предприятиях, в шахтах? Из миллионов ежедневных, обыденных трудовых дел слагаются величие, экономическая мощь, идейная крепость родины. С точки зрения героики, военные подвиги, конечно, выглядели внушительнее. Но надо вам сказать, что никакие войны ничего

не созидали. Война — это разрушительница. А вот труд — это подвиг созидания. Если бы не было героического труда рабочих, крестьян, интеллигенции после Великой Отечественной войны — в нашей стране еще было бы много руин.

Хорошо учиться — это тоже подвиг.

Старикам свойственно утверждать, что в их время все было лучше. Но нельзя все это принимать за чистую монету, хотя кое с чем и приходится соглашаться. У людей старшего поколения, вероятно, есть какие-то свои мерила. Я, в частности, не против причесок стожком или, как их там называют— копной. Наша молодежь в основном хорошая. Вот тут девочка говорила о подвигах. Это главное, а не прически. В мое время, в годы гражданской войны, молодежь была героическая. Героической будет и сейчас в случае тяжелых испытаний. Но есть среди молодежи люди, подвергающиеся влиянию западной пропаганды. Зарубежным идеологам хотелось бы посеять среди вас чувство неверия, чувства скепсиса, равнодушия к действительности. А ведь вам придется отвечать за будущее страны и за все то, что добыто старшими поколениями.

Мы твердо знаем, что «ничьей» молодежи не может быть. И не в наших интересах отдавать вас, таких хороших девчонок и ребят, в чьи-то чужие и грязные руки. Мы боремся весьма активно с влиянием капитализма. Буржуазные идеологи пытаются вас растлевать и дурными картинами, которые просачиваются к нам, и вредными произведениями, которые наши издательства почему-то печатают. Мы, советские писатели, стремимся воспитать молодежь в духе нашей идеологии, наших партийных взглядов на жизнь, искусство.

Независимо от того, махачкалинская ли это школа, песчанокопская, вешенская или какая-либо другая, воспитывать молодежь нужно всесторонне: тут и методы художественного воздействия — кино, литература, театр, и, конечно, основное — это учеба в школе.

Огромная страна наша требует рачительных, трудолюбивых, умных хозяев. В гражданскую и Отечественную войны миллионы передовых людей погибли за то, чтобы вы могли в такой вот обстановке, без воющих над

нами бомбардировщиков обсуждать проблемы и быта, и хозяйства, и наши судьбы, вернее, ваши судьбы и ваше будущее. Слишком дорогой ценой достались завоевания Советской власти. Поэтому мы должны готовить из вас таких людей, которые могли бы взять на свои плечи дальнейшее владение страной и ее неоценимыми богатствами, духовными и материальными.

Чувство патриотизма надо воспитывать с ползункового возраста, с детского сада. Тогда это чувство войдет глубоко в сознание, и человек станет непоколебимым в любых испытаниях, пронесет через всю жизнь преданность родине и партии и великую убежденность в том, что ничего мудрее, ничего новее, ничего человечнее идей коммунизма на свете нет.

1965

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Несмотря на мою упорную сопротивляемость лестным словам, я просто ослабел и чувствую себя за три дня постаревшим на десять лет. Так что смело можно было праздновать не шестидесятилетний юбилей, а мое семидесятилетие...

Но если говорить по-серьезному, то разрешите мне передать сердечное спасибо всем присутствующим в этом зале, всем, почтившим меня своим присутствием, и всем тем многочисленным читателям, которые находятся вне пределов этого зала.

Разрешите поблагодарить всех тех, тепло чьих сердец согревало меня во время этого довольно долгого шестидесятилетнего пути. Я приношу мою глубокую благодарность родному Советскому правительству за высокую награду.

Спасибо вам всем и низкий поклон!

1965

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ»

Уважаемый товарищ редактор!

Не откажите в любезности опубликовать следующее:

Целиком и полностью разделяю гнев и душевную боль, высказанные в открытом письме академиков, общественных деятелей, адресованном президенту США Л.-Б. Джонсону.

Разрешите добавить единственное: не могу понять, как ЧЕЛОВЕК, облеченный высшей властью США, но по профессии, а стало быть, и по призванию, УЧИТЕЛЬ, мог санкционировать и осуществлять все то изуверство, которое творится в Лос-Анжелосе, Доминиканской республике и Вьетнаме руками американских парней.

Господин Джонсон в своих выступлениях часто вспоминает бога... Ну, что же, и мне придется воскликнуть: «Дивны дела твои, господи, неисповедимы пути, по которым ведешь ты своего лицемерного раба Линдона Б. Джонсона!»

Станица Вешенская
22 августа 1965 г.

ШВЕДСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

Сердечно благодарю за высокую оценку моего литературного творчества и присуждение Нобелевской премии. Также с благодарностью принимаю ваше любезное приглашение прибыть в Стокгольм на нобелевский праздник.

1965

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Приношу глубокую благодарность всем моим советским и зарубежным друзьям читателям, всем организациям и отдельным лицам, поздравившим меня с присуждением Нобелевской премии.

1965

ЖИВАЯ СИЛА РЕАЛИЗМА

На этом торжественном собрании считаю своим приятным долгом еще раз выразить благодарность Шведской королевской академии, присудившей мне Нобелевскую премию.

Я уже имел возможность публично свидетельствовать, что это вызывает у меня чувство удовлетворения не только как международное признание моих профессиональных заслуг и особенностей, присущих мне как литератору. Я горжусь тем, что эта премия присуждена писателю русскому, советскому. Я представляю здесь большой отряд писателей моей родины.

Я уже высказал также удовлетворение и тем, что эта премия является косвенно еще одним утверждением жанра романа. Нередко за последнее время приходилось слышать и читать, по совести говоря, удивлявшие меня выступления, в которых форма романа объявлялась устаревшей, не отвечающей требованиям современности. Между тем именно роман дает возможность наиболее полно охватить мир действительности и спроецировать на изображении свое отношение к ней, к ее жгучим проблемам, отношение своих единомышленников.

Роман, так сказать, наиболее предрасполагает к глубокому познанию окружающей нас огромной жизни, а не к попыткам представить свое маленькое «я» центром мироздания. Этот жанр по природе своей представляет самый широкий плацдарм для художника-реалиста. Многие молодые течения в искусстве отвергают реализм,

исходя из того, что он будто бы отслужил свое. Не боясь упреков в консерватизме, заявляю, что придерживаюсь противоположных взглядов, будучи убежденным приверженцем реалистического искусства.

Сейчас часто говорят о так называемом литературном авангарде, понимая под этим моднейшие опыты преимущественно в области формы. На мой взгляд, подлинным авангардом являются те художники, которые в своих произведениях раскрывают новое содержание, определяющее черты жизни нашего века. И реализм в целом, и реалистический роман опираются на художественный опыт великих мастеров прошлого. Но в своем развитии приобрели существенно новые, глубоко современные черты.

Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем сейчас социалистическим. Его своеобразие в том, что он выражает мировоззрение, не приемлющее ни созерцательности, ни ухода от действительности, зовущее к борьбе за прогресс человечества, дающее возможность постигнуть цели, близкие миллионам людей, осветить им пути борьбы.

Человечество не раздроблено на сонм одиночек, индивидуумов, плавающих как бы в состоянии невесомости, подобно космонавтам, вышедшим за пределы земного притяжения. Мы живем на земле, подчиняемся земным законам, и, как говорится в Евангелии, дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра. Гигантские слои населения земли движимы едиными стремлениями, живут общими интересами, в гораздо большей степени объединяющими их, нежели разъединяющими.

Это люди труда, те, кто своими руками и мозгом создает все. Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу.

Отсюда проистекает все. Отсюда следуют выводы о том, каким мыслится мне, как советскому писателю, место художника в современном мире.

Мы живем в неспокойные годы. Но нет на земле народа, который хотел бы войны. Есть силы, которые бросают целые народы в ее огонь. Может ли не стучать пепел ее в сердце писателя, пепел необозримых пожарищ второй мировой войны? Может ли честный писатель не выступать против тех, кто хотел бы обречь человечество на самоуничтожение?

В чем же состоит призвание, каковы задачи художника, считающего себя не подобием безучастного к людским страданиям божества, вознесенного на Олимп над схваткой противоборствующих сил, а сыном своего народа, малой частицей человечества?

Говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее. Быть борцом за мир во всем мире и воспитывать своим словом таких борцов повсюду, куда это слово доходит. Объединять людей в их естественном и благородном стремлении к прогрессу. Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. Думаю, что художником имеет право называться тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества.

Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору.

Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив.

Благодарю всех, кто находится в этом зале, всех, кто прислал мне приветствия и поздравления в связи с Нобелевской премией.

1965

МОЛОДЦЫ НАШИ!

Услышал по радио о новой победе нашей науки, о мягком прилунении, и по-доброму сжалось сердце: до чего же молодцы наши!

Но есть и иная радость: опять опередили американцев! Ведь тех власть имущих зазнаек за океаном, которые еще не отучились класть ноги на стол, надо время от времени потихоньку класть на лопатки и тихо говорить: «Не надо кричать о своих возможностях, не надо думать, что вы одни все умеете... Жизнь и не таких переучивала и не таким рога ломала!»

Но размышления об американцах — между прочим, а вообще-то страшно здорово!

1966

РЕЧЬ НА XXIII СЪЕЗДЕ КПСС

Товарищи!

Как по отдельным притокам, исполненным и своеобразной прелести, и русского очарования, нельзя судить о всем покоряющем величии Волги, так и по отдельным, разрозненным сообщениям печати о наших трудовых буднях и о достижениях трудно представить грандиозность размаха строительства и свершений родины.

Но вот когда мы собираемся на наш съезд партии, когда слушаешь доклад и вдумываешься в цифры, суммированное количество того, что сделали за истекшие годы народ и партия,— тут-то и встает перед тобой результат титанической работы, тут-то и ощущаешь всю мощь того, что творит народ во имя своего будущего.

Но если после лирического вступления сразу перейти к прозе, то со всей откровенностью должен заявить — я завидую тем, кто с трибуны съезда может сказать о больших успехах в той или иной области промышленности, науки, образования. Я выступаю здесь как представитель советской литературы и должен с горечью сказать о том, что успехи у нас, литераторов, не так велики, как того хотелось вам, читателям, и самим нам, писателям.

Я не разделяю оптимизма того тульского секретаря из анекдота, который на вопрос, как обстоит дело с ростом литературных кадров, ответил: «Нормально, даже хорошо! Если раньше в Тульской губернии был всего лишь один писатель — Лев Толстой, то сейчас у нас

двадцать три члена Тульского отделения Союза писателей».

Количеством мы растем, но, как говорят кооператоры, «предлагаемая продукция не совсем отвечает иногда желаемой кондиции».

Слов нет, появились за последние годы и хорошие книги. Они есть — и в поэзии и в прозе, но их мало. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что обсуждаемый сейчас список произведений, выдвинутых на соискание Ленинской премии, явно бедноват, и за исключением двух-трех книг остальные едва ли выдерживают те требования, которые должны быть предъявлены даже при первоначальном обсуждении. Это не застой. Писатели работают. Но значительные произведения появляются не ежегодно, да было бы неоправданно ожидать частого их появления. Даже в таком благодатном крае, как Краснодарский, и то бывают неурожайные годы и недороды. А что же вы хотите от литературы?

Что касается, например, литературы о войне, то медленное продвижение ее объясняется, на мой взгляд, сложностью самой тематики. Военная мемуарная литература только за последние годы получила у нас широкое развитие. Не высказались еще многие наши признанные полководцы и военные деятели, а ведь написать воспоминания значительно легче, чем объемное художественное произведение. Не думайте, что ищу здесь оправдание себе: ведь о войне пишу я не один и будут писать многие после нас. Я просто констатирую факт.

Не хочу обременять вас подробным анализом литературных дел, да это и не под силу одному человеку. Об этом предстоит большой разговор на нашем писательском съезде, который будет в этом году.

Хотелось бы сказать несколько слов о том, что принято называть местом писателя в общественной жизни. Какими явлениями характеризуется жизнь современного нам общества и какова должна быть позиция писателя как деятеля культуры по отношению к этим явлениям?

Всякому непредубежденному человеку, по-моему, ясно, что в жизни мира происходят процессы, которые

не позволяют честному писателю или художнику оставаться в позиции стороннего наблюдателя. Казалось бы, простая истина, но порою приходится о ней напоминать. Современное человечество переживает события, течение которых никак не назовешь плавным. Продолжается американская агрессия во Вьетнаме. Испытываются разрушительные средства чудовищной силы. Западногерманские милитаристы и реваншисты стремятся получить это оружие в свои руки. Реакционное буржуазное искусство всячески разжигает в людях самые низменные страсти, выступает как злые силы из древнейших сказок и преданий народов всех стран, стараясь обратить человека в его противоположность, лишить его человеческого образа и человеческой души. Разные симптомы, но говорят они о явлениях одного порядка.

Наша страна, другие страны социализма стали в глазах миллионов людей труда различных наций, различных политических взглядов, различного цвета кожи оплотом надежды, оплотом веры в доброе и светлое будущее. Все, что мы строим, создаем, над чем работают наши рабочие, крестьяне, ученые, художники, на что вдохновляет нас наша партия,— все это строится и создается для мира на земле, для торжества свободного труда, во имя идеалов демократии, социализма, братской дружбы и сотрудничества народов. Для человека. Для человечества.

И сегодня с прежней актуальностью звучит для художников всего мира вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Подавляющее большинство советских писателей и прогрессивных писателей других стран ясно отвечает на этот вопрос своими произведениями.

О роли художника в общественной жизни мне приходилось беседовать с писателями, с корреспондентами газет и журналов на больших, представительных собраниях не раз. В частности, это заняло немалое место в моей речи в Стокгольмской ратуше во время нобелевских торжеств прошлого года. Аудитория там значительно отличалась от сегодняшней. И форма изложения

моих мыслей была соответственно иной. Форма! Не содержание.

Где бы, на каком бы языке ни выступали коммунисты, мы говорим как коммунисты. Кому-то это может прийтись не по вкусу, но с этим уже привыкли считаться. Более того, именно это и уважают всюду. Где бы ни выступал советский человек, он должен выступать как советский патриот. Место писателя в общественной жизни мы, советские литераторы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество, как выразители революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека.

Совсем другая картина получается, когда объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того, чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом — осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято.

Я принадлежу к тем писателям, которые, как и все советские люди, гордятся, что они малая частица народа великого и благородного. Гордятся тем, что они являются сынами могучей и прекрасной родины. Она создала нас, дала нам все, что могла, безмерно много дала. Мы обязаны ей всем. Мы называем нашу Советскую родину матерью. Мы все — члены одной огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: «В семье не без урода». Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку!

Мне стыдно не за тех, кто оболгал родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается взять их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась.

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев.

Слишком дорогой ценой досталось всем нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее.

Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из их подразделений появились предатели? Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм — это отнюдь не слюнтяйство.

И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора.

Мне хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквилянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем. Она остро звучит и на нынешнем съезде. Но клевета — не критика, а грязь из лужи — не краски с палитры художника!

Товарищи! Я достаточно занял ваше внимание вопросами литературного порядка. Не подумайте, что мы, писатели, живем только делами литературы. Нас волнует и многое другое. Например, писатель Леонид Леонов долгие годы посвятил упорной борьбе за сохранение красоты и богатства нашей природы — лесов. Волнуют нас и иные проблемы. Вот тут пойдет речь о проблемах совершенно другого порядка. Давайте решим проблему Байкала! И позвольте хоть немного поговорить о вопросах нашего планирования.

В «Правде» за 5 марта был напечатан фельетон В. Титова «Административные лирики». Коротко о содержании этого фельетона. Некогда Министерство промышленности продовольственных товаров РСФСР решило построить в городе Калязине овощесушильный завод. Завод построили. Но сырьем он обеспечен не мог быть. Решили завод переоборудовать для изготовления соусов из сои. Переоборудовали. Но оказалось, что мо-

сковский и серпуховский заводы в достатке снабжают этим соусом жителей столицы и окрестностей. Завод пытались переоборудовать на молочный, закупили дорогое импортное оборудование, но не успели установить это оборудование, как решили переделать завод — под боенскую обработку птицы. Банк отпустил крупную ссуду. А в результате оказалось, что мощность завода во много раз превышает наличие и этого сырья. Завод существует десяток лет, на все переделки израсходовано около миллиона новых рублей. Может быть, этот факт и не так уж велик по своей значимости, но позволительно спросить: какое же это планирование?

В прошлом году в Волгограде в результате халатности, а может быть, и недосмотра в планировании и постройке защитного сооружения упустили в Волгу с одного из заводов неочищенные воды. Погибшая рыба плыла на расстоянии четырехсот километров от места отравления. Учтено контрольными постами: восемьсот сорок две тысячи штук красной рыбы (то есть осетровых), семьсот тридцать пять тысяч частиковой, не учтена погибшая молодь, личинки и икра. По приблизительным подсчетам, ущерб, нанесенный народному хозяйству страны, составляет одиннадцать миллионов рублей. Но если принять во внимание, что добрая половина осетровых рыб тонет и не всплывает, то убытки можно по меньшей мере удвоить.

Вернемся к Байкалу. О нем говорилось и писалось много. Но у нас не очень-то иной раз прислушиваются к серьезным сигналам печати. И не получится ли на Байкале так же, как и на Волге? А может быть, мы найдем в себе мужество и откажемся от вырубки лесов вокруг Байкала, от строительства там целлюлозных предприятий, а взамен их построим такие, которые не будут угрожать гибелью сокровищнице русской природы — Байкалу? Во всяком случае, надо принять все необходимые меры, чтобы спасти Байкал. Боюсь, что не простят нам потомки, если мы не сохраним «славное море, священный Байкал»!

Есть, товарищи, вопрос личного порядка. Пропадает тихий Дон. Ежегодно промышленные предприятия сбрасывают в него, как утверждают специалисты, до семи

миллионов кубометров сточных вод. Азовский бассейн стоит перед реальной угрозой полного истощения рыбных запасов уже в ближайшее время. Если уловы только ценных рыб в нем достигали прежде свыше полутора миллионов центнеров в год, то в настоящее время они не превышают ста пятидесяти тысяч центнеров, то есть уменьшились в десять раз.

Сброс сточных вод промышленных предприятий, зарегулирование вод Дона Цимлянской плотиной, а тут еще не совсем продуманное хозяйствование министра рыбного хозяйства СССР тов. Ишкова уже поставили Азовский бассейн на грань катастрофы. После долгого молчания в ответ на законные нападки «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» тов. Ишков выступил с невразумительной статьей, озаглавленной «Азовское море сегодня и завтра». У Азовского моря «завтра» может не быть, если тов. Ишков будет хозяйствовать так же, как и сегодня. Это с его соизволения почти весь год, за исключением двух летних месяцев, в море находится около двухсот судов, занятых ловом бычка и тюльки. Это по его указанию только механизированными драгами ежегодно уничтожается свыше десяти миллионов молоди судака, то есть сводится на нет работа всех нерестово-выростных хозяйств Азовского бассейна.

Ссылаясь на совещание работников научных и рыбодобывающих организаций, тов. Ишков утверждает, что и теперь можно ежегодно отлавливать по четыреста — пятьсот тысяч центнеров тюльки. Но не упоминает о том, что вместе с тюлькой вылавливаются и мальки ценных рыб.

Признаться, вчера, 31 марта, хотелось мне выдать тов. Ишкову по первое число, 1 апреля, но вечером встретился с фронтовыми друзьями, с давними товарищами, и черт меня дернул показать им выступление! Они обвинили меня в грубоватости, сказали, что тов. Ишков неплохой человек и работник, и я дал им слово смягчить выступление. Поймите меня правильно, ведь чего только не сделаешь для фронтовых друзей! Хотелось бы мне покритиковать осетра, то есть министра. А тюльку — какой-нибудь Ростовский рыбвод —

какой же смысл критиковать? Это выше моих возможностей. Дал слово — держись, и поэтому я умолкаю. Могу только торжественно воскликнуть в адрес тов. Ишкова: «Хай вин живе и пасется ...на тюльке!»

Должен сказать и о том, что вклад наших ученых-ихтиологов в науку очень незначителен и крайне далек от нужд народного хозяйства. В таких странах, как Япония, Румыния и многие другие, с одного гектара пруда берется улов в несколько раз больше, чем у нас. Как видите, сопоставление далеко не в нашу пользу, и об этом стоит подумать тем, кому думать в этой области надлежит. И думать надо поживее, так как при стремительном оскудении наших рек вопрос о прудовом хозяйстве встанет перед нами в ближайшее время со всей остротой.

В своем выступлении я уделил рыбному вопросу не меньше внимания, чем литературе. Вы думаете, это спроста? Я за то, чтобы у нас в изобилии была рыба — тарань, рыбец, селедка, а не морская капуста. Пусть морскую капусту ест тот, кто хочет. Я ратую за сохранение рыбы потому, что в ней много фосфора. Также утверждают, что фосфор благотворно действует на человеческий мозг, усиливает его деятельность. А ведь эта штука нужна не только писателям!

Разрешите еще несколько слов о планировании. Сошлюсь на такой пример. Вообще-то я за планирование, но и за изобилие тоже. Колхозам и совхозам Ростовской области не хватает сейчас двух тысяч тракторов. Я за такое планирование, чтобы министр сельского хозяйства тов. Мацкевич сам предложил эти тракторы, чтобы мы не посылали областных работников добывать их всеми правдами и неправдами. А что получается? Вот наши областные работники едут в Москву, добывают то то, то другое. Глядя на них, еду и я. Но у меня масштабы, естественно, поменьше: то школу выхлопотать, то шифера для колхозного строительства достать или леса. И вот прихожу я к министру: «Товарищ министр, дайте, пожалуйста, три тысячи листов шифера для колхозных коровников и телятников!» А министр отвечает: «Ты же понимаешь, что у нас плановое хозяйство! По плану вы уже все получили, что вам полага-

ется». Я ему говорю: «Я-то понимаю, но коровы, не говоря уже о телятах, не понимают, почему они должны осенью мокнуть под дождем, а зимой мерзнуть». Шифером покрывают не для фасона, не для красоты, а из хозяйственных соображений. Кроме того, если покрыть коровники соломой, то не будет стимула для усердной заготовки кормов: в случае бескормицы всегда соломенную крышу можно стравить на корм, а шифер не стравишь...

И вот, постоянно этак побираясь, замечаешь за собой неприятные изменения и в характере, и даже в фигуре. Куда только девается гордая писательская осанка и былая солдатская выправка! Замечаешь, что у тебя и спина как-то просительно согнута, и ты уже обращаешься к министру не «товарищ министр», официально, а этак заискивающе: «Дорогой Иван Иванович!» Постепенно поправки в наше планирование, которые заставляет вносить сама жизнь, вырабатывают у тебя некие хищнические наклонности. В перерывах даже здесь, на съезде, ходишь по кулуарам и ястребиным взглядом ищешь кого-нибудь из министров и думаешь: «Что бы у него раздобыть?» А если по телефону добиваешься аудиенции у министра, то говоришь, что просит не депутат Верховного Совета, а писатель. К писателям у министров более чуткое отношение. Словом, ловчишь по-всякому. Так что, как видите, писательская доля тоже не без издержек.

Прошу прощения за то, что я разрешил себе улыбнуться на этой высокой трибуне. Но если говорить серьезно, то все мы крепко верим в могучий разум нашей партии, в осуществление всех задач, на решение которых она позовет нас.

И можете быть уверены, дорогие товарищи делегаты, что многотысячный отряд писателей, по-настоящему преданных родине и партии, целиком разделяет взгляды на искусство и литературу, выраженные в Отчетном докладе нашего Центрального Комитета, полностью подтверждает политику нашей ленинской партии.

1966

ГУМАНИСТ ТОТ, КТО БОРЕТСЯ

Дорогие друзья, сотоварищи по профессии!

Примите добрые пожелания успеха в том благородном деле, ради которого вы собрались.

Хочу обратиться со словом сердечного привета и к гостям, коллегам из других стран, откликнувшимся на наше приглашение и преодолевшим немалые трудности долгого пути, чтобы присутствовать на этой встрече, принять в ней участие.

Это не обычная встреча писателей, где иногда может происходить обмен мнениями только по вопросам сугубо литературного порядка. Здесь, по сути дела, пойдет речь о самом призвании писателя, о смысле нашего труда, об ответственности писателя перед человечеством.

По своей форме писательская профессия одна из самых индивидуалистических. Она требует многих часов аскетического уединения за письменным столом. И не знаю, есть ли что-нибудь более плачевное для каждого из нас, чем быть похожим на другого. По своему содержанию, целям и направленности эта профессия — одна из самых гражданственных. В этом ни один из настоящих художников не отличается от другого. Каждый из нас пишет для того, чтобы его слово дошло до возможно большего числа людей, которые захотят его услышать. И счастье приходит к нам тогда, когда мы выражаем не маленький мирок своего «я», а когда нам удается выразить то, что волнует миллионы.

Бывают в жизни мира такие события, приходят такие дни, которые настоятельно требуют от нас общения друг с другом, чтобы мы сообща решили неотложные проблемы, ответили на вопросы, затрагивающие самую заветную сущность нашего труда, совесть писателей — совесть гуманистов.

Речь идет о том, какова должна быть позиция писателя, когда встает вопрос о борьбе и страданиях целого народа.

Гуманизм, любовь к человеку, к человечеству... Как по-разному склонны разные люди толковать это понятие, применительно к тому, какие силы человеческого общества они представляют!

Мы, советские писатели, согласно своим коммунистическим убеждениям, считаем: если убийца, грабитель занес руку над жертвой, не тот гуманист, кто только жалеет бедную жертву и сокрушается по поводу того, что убийство существует на земле. Гуманист — тот, кто борется, кто помогает отвести руку убийцы, обезвредить ее злую волю.

Во сколько же раз возрастает мера обязанностей и ответственности гуманиста, если варварские убийства и грабеж совершают империалисты сильной, большой страны, а их жертвой оказывается гордый, мужественный народ маленькой страны, стойко борющийся за свою независимость.

Извечная тема художников — противоборство света и тьмы. В наше время эта борьба имеет определенный, классовый смысл. Черные силы американского империализма пытаются сломить, поработить трудовой народ Вьетнама, пожелавший вступить на путь свободы, на путь социализма.

Во Вьетнаме льется кровь. Империалистические варвары, ведя грязную войну, убивают женщин, стариков и детей, выжигают селения, нивы земледельца, разрушают города. В чьем сердце — я говорю о честных людях — не кровоточат раны вьетнамского народа? В чьем сердце не стучит пепел сожженных напалмом мирных жилищ?

Священно, неприкасаемо право любого народа отстаивать свою независимость и честь, самому строить

свою жизнь, свое будущее. Советский народ на жестоком опыте познал, что такое война с озверелым врагом, покушающимся на его свободу, на его жизнь. Мы всегда на стороне тех, кто ведет борьбу за национальное освобождение, против империалистических угнетателей.

Война против вьетнамского народа — едва ли не самая позорная страница в биографии американского империализма. Совершается явное преступление против человечности. Справедливый суд истории свершится над фашиствующими убийцами. Этот суд уже идет. Его творит вьетнамский народ. Его шаги — нарастающий гнев народов мира.

Голос советского парламента, членом которого я имею честь состоять, еще раз заявил во всеуслышание о нашей солидарности с борющимся народом Вьетнама, о всемерной поддержке его справедливой борьбы.

Писатели, собравшиеся за «круглым столом» сегодняшней встречи, стоят перед необходимостью сделать для себя ясные выводы. Советские писатели определили свой выбор давно. Я думаю, что и нашим гостям, представляющим свои литературы, также близки побуждения, которые руководят нами. Братскому народу Вьетнама, национально-освободительному движению во всем мире нужна действенная помощь и поддержка.

И не кажется ли вам, что события, которые сегодня так тревожат народы, напоминают события тридцатилетней давности, когда фашизм начал пробовать свои силы в Испании, а потом это привело к мировому военному конфликту? Есть такая поговорка, внушающая уверенность в себе: «Не боги горшки обжигают». Мне кажется, что если бы в древности боги снизошли до такой трудовой профессии, как изготовление и обжиг горшков, человечество от этого не пострадало бы. Но когда теперешние политические горшечники, возомнив себя богами, начинают всюду навязывать свой «новый порядок» силой оружия, это уже совсем другое дело! Это должно насторожить всех нас, и прежде всего — писателей. Это не может не вызвать у мыслящего человечества закономерного гнева и возмущения. Давайте не забывать вещих слов покойного Фучика: «Люди, будьте

бдительны!» А в применении к писателям можно сказать: пора действовать!

Наша сила, сила писателей — страстное слово, овладевающее умами и сердцами, пробуждающее энергию, умножающее волю, поднимающее на борьбу за человека, за человечность, за свет свободы и братства народов, против мрака империалистического варварства.

Поэтому мы, советские писатели, высказывая свою точку зрения на события, происходящие в мире, обращаемся к писателям Азии и Африки, писателям всех стран и континентов с призывом к солидарности, к единству. Это наш писательский долг, долг гуманистов, долг интернационалистов.

Каждый шаг вперед приближает цель. Пусть сегодняшняя встреча станет таким шагом.

1966

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ИСТОРИЯ КИРОВСКОГО ЗАВОДА»

Огромной важности дело — создание истории Кировского завода — успешно завершено.

Никакое художественное произведение не сможет вобрать в себя весь сложнейший процесс возникновения, становления и многолетнего существования завода с судьбами и жизнью нескольких поколений, многих тысяч рабочих и инженерно-технических работников.

Но художественное произведение и история завода — книги не взаимоисключающие, а взаимодополняющие друг друга, и если кировцам на материале их замечательных и незаурядных судеб будут посвящены романы и повести, то эти создания историков и писателей пойдут в жизнь рука об руку.

Читая историю завода, невольно думаешь и о том, что для будущих поколений (и не только для будущих кировцев) эта книга будет неоценимым пособием в области познания того, как героический рабочий класс Питера — Петрограда — Ленинграда страдал, яростно боролся, побеждал и победил!

1966

«ЗОЛОТОЙ КОЛОС» МНЕ ДОРОГ ВДВОЙНЕ

(Выступление в посольстве Польской Народной Республики в Москве)

Товарищ посол, я высоко ценю присуждение мне премии «Золотой колос». Она вдвойне мне дорога, потому что я получаю ее от читателей страны, подарившей миру много великих мужей в области литературы, искусства, науки. Я благодарен также всем организаторам конкурса и прошу передать глубокую признательность читателям в Польше.

1967

НЕ ТРОНЬТЕ ГЛЕЗОСА!

Мне, как писателю, глубоко чтящему греческий народ, хочется сказать правящей военной хунте в Греции: «Не троньте Манолиса Глезоса. Вам же в будущем будет хуже. Одумайтесь!»

29 апреля 1967 г.

РЕЧЬ НА IV СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Дорогие товарищи делегаты! Уважаемые гости нашего съезда!

Судя по прошедшим дням съезда, все идет у нас, как у добрых людей: тихо, мирно, спокойно, без резких выступлений, без излишних треволнений,— словом, тишь, да гладь, да божья благодать, а отсюда дыхание у всех ритмичное, улыбки благодушные и такая в зале господствует умиротворенность, что кое-кого уже в дремоту клонит...

Видно, основательно поработало руководство союза по подготовке к съезду, за что ему от нас, разумеется, и честь, и великая хвала!

Помнится, на прошедших съездах было несколько иначе: образно говоря, скрещивались мечи в выступлениях рыцарей пера, звенели латы, в воинственном задоре мы не щадили друг друга и разъезжались после съезда, потирая ушибленные места и придирчиво ощупывая полученные шишки, потому что в те «достославные года» мы были скупы на похвалы и неохотно раздавали индульгенции, пироги и пышки,— во всяком случае, не так щедро, как на этом съезде одаривали нас Марков и Дудин. А шишки в прошлом наставляли мы друг другу с превеликим усердием. Да иной раз и поделом.

Ваш покорный слуга тоже не раз выходил на ристалище, бил и сам был бит. Но не подумайте, что я

скорблю о бурных днях минувших съездов и снова рвусь в бой. Наоборот, меня радует мирная обстановка, я, как и все вы, за мир и за мирное сосуществование, в пределах Союза советских писателей и дальше.

Понятно, что съезд, проходящий в год 50-летия Советской власти, и для нас в какой-то мере итоговый. Естественно, что большинство выступающих невольно касаются наших свершений в прошлом.

Однако не надо забывать одну мудрую восточную поговорку: «В пути реже оглядывайся назад, смотри вперед, если не хочешь споткнуться». Давайте подумаем и о будущем, чтобы поменьше спотыкаться.

Меня радует обстановка спокойной деловитости на съезде и в то же время несколько смущает неприкрытое желание нашего писательского руководства во что бы то ни стало провести съезд, минуя острые углы. Думается, что это не совсем оправданно. Конец так или иначе будет благополучный, но мы не виделись семь лет, и нам есть о чем поговорить, помимо чисто творческих задач и проблем.

Я не стою у руля правления союза, и мне, как рядовому писателю, не умеющему давать руководящие указания, разрешите коснуться некоторых вопросов, которые тревожат, надеюсь, не меня одного.

Вначале несколько слов по ходу съезда. Всем нам приятно видеть среди гостей наших друзей, почтивших съезд своим присутствием и заинтересованностью в его работе. Приятно ощущать близость Ярослава Ивашкевича, Анны Зегерс, Георгия Джагарова и других наших братьев из социалистических стран, а также таких крупнейших писателей, как Пабло Неруда, Чарльз Сноу и Памела Джонсон, Артур Лундквист и Мария Вине, дорогих соседей и друзей — Мартти Ларни и Вайне Линда, а также Марии Тересы Леон и всех наших уважаемых зарубежных гостей.

Не знаю, что испытывают другие делегаты съезда, но меня лично крайне огорчает отсутствие моего дорогого старого друга Ильи Григорьевича Эренбурга. Посмотришь, посмотришь вокруг — нет Ильи Григорьевича, и вроде чего-то тебе не хватает, становится как-то не по себе, сосет под ложечкой, и явная грусть черной

тенью ложится на мое в общем-то безоблачное настроение. Где Эренбург? Оказывается, он накануне съезда отбыл к берегам италийским. Нехорошо как-то получилось у моего друга.

У мастеров любого цеха есть свое не только цеховое, но и человеческое достоинство и, если хотите,— гордость за свое ремесло. И не надо бы Илье Григорьевичу обижать всех нас. Ни к чему это в коллективе ставить самого себя над всеми и действовать по принципу сварливой свекрови: «Как хочу, так и верчу».

Плохо и то во всем этом, что дурной пример заразителен, и вот уже, глядя на этакую самостоятельность и пренебрежение к нормам общественной жизни Эренбурга, некоторые великовозрастные молодые писатели начинают откалывать такие коленца, за которые им впоследствии самим будет стыдно, когда по-настоящему повзрослеют.

Если уже говорить о молодых, то давайте, вспомнив прошлое, прикинем на будущее. Когда-то, в начале 30-х годов, Фадеев после посещения одного бывшего губернского городка в Средней России рассказал мне такой эпизод: «Знаешь, захотелось посмотреть один старинный монастырь. Походил, посмотрел. В монастыре еще действовала старенькая, полуразрушенная церквушка. На обратном пути к городу вижу: на скате окружающего монастырь рва резвится, играет шумная стайка ребятишек, а вдали от них один мальчик с завистью смотрит на сверстников, но не подходит к ним, рвет чахлую травку, копает ножонкой землю,— словом, пытается развлекаться сам. Думаю, чем-то проштрафился хлопец. Подхожу, спрашиваю: «Ты почему один? Почему с ребятами не играешь? Чем провинился?» А он снизу вверх посмотрел на меня по-взрослому грустными глазами и говорит: «Я сын священника. Мой папа вот в этой церкви служит. Поэтому мальчики со мной не водятся, и я играю один». Фадеев помолчал, а потом както решительно сказал: «И знаешь, старик, я заплакал. Отвернулся и заплакал. Вот, думаю, какое страшное детство!» Но закончил он рассказ так, как надо: «Впрочем, ты знаешь, старик, все разбойники немного сентиментальны».

Наши «трудные» молодые чем-то напоминают мне этого маленького поповича: играют в одиночку, локтя коллектива не чувствуют, а мы, старые, «сентиментальные разбойники», и не плачем над их судьбой, и не пытаемся по-настоящему сблизиться с ними, а в некотором роде учим их и обращаемся с ними примерно так, как старый фельдфебель с новобранцами.

Думается, пора с этим кончать! И нечего искать в случившемся одного виновного. Давайте по чести скажем, что в сложившихся ненормальных взаимоотношениях с частью молодых все мы виноваты: и комсомол, и руководство союза, и мы — старые писатели. Само собой разумеется, что и с себя лично я не могу и не хочу снимать вины. Вот так-то обстоит дело, если говорить начистоту. Младости присуща и некоторая заносчивость, и ранимое самолюбие. Что ж, если мы признаем за собой часть вины, то первые и должны пойти на сближение. От этого мы не слиняем, и так, мне кажется, будет разумнее и, если хотите, дальновиднее.

Я не могу умолчать о том, что кое в чем повинны и эти молодые: этакая фронда, непризнание общепринятых норм поведения и кое-что другое есть на их совести. Но давайте пока спишем это на возраст, ну, а с годами и претензии наши будем вести уже по более крупному счету.

Если же говорить о всех молодых в целом, то нечего в кулак шептать — великолепная у нас растет смена! Особенно радует появление огромного числа подлинно молодых талантов — тех, которые сейчас говорят еще мальчишескими тенорами, у которых от юности ломаются голоса и кое-кто из них еще нет-нет да и кукарекнет. Но все же это подлинное богатство, и без законной гордости и радостного волнения об этом никак не скажешь! Ведь это же здорово, по-настоящему здорово, когда благодатная земля нашей родины так щедра на таланты.

Но и тут есть над чем поразмыслить и попытаться заглянуть в будущее. Я хочу привести некоторые цифры, заставляющие призадуматься и пораскинуть умом.

На первом съезде писателей делегатов до сорока лет было 71 проц., на втором — уже только 20,6 проц., на

третьем — 13,9 проц. и, наконец, из общего числа на нынешнем съезде — всего лишь 12,2 проц. Стареем, братцы писатели! И не пора ли подумать о том, чтобы смелее привлекать молодых и на съезды, и в правящие органы отделений и союзов писателей. А то что-то у нас запохаживается на армейские порядки, где продвижение по службе идет до того туговато, что пока дослужишься до генеральского звания, будешь выглядеть, как явно траченный молью. Седина, конечно, вещь почтенная, но только ли она должна служить пропуском к руководству? Немного грустновато выглядит средний возраст делегатов нынешнего съезда, приближающийся к шестидесяти годам. Но ведь это — нынешний день литературы, а хороший хозяин живет не одним нынешним днем. А мы вправе считать себя хорошими хозяевами, а не пустодомами.

Так что, как видите, вопрос о всяческом продвижении молодых уже стоит перед нами со всей остротой и неотложностью, и его надо решать, не откладывая в долгий ящик.

За последнее время на Западе раздается немало голосов, которые ратуют за «свободу» творчества для нас, советских писателей. Эти непрошеные болельщики, в числе которых и ЦРУ Соединенных Штатов Америки, и некоторые господа сенаторы, и отъявленные белогвардейцы, и перебежчица Аллилуева, и небезызвестный Керенский, давно уже ставший политическим трупом. Вот в какое удивительное сообщество попадают наши ревнители свободы печати.

В 1921 году Ленин, отвечая Мясникову, который предлагал ввести свободу печати для всех — от монархистов до анархистов включительно,— писал:

«Очень хорошо! Но, извините, все марксисты и все думавшие над четырехлетним опытом нашей революции рабочие скажут: разберемся в том, *какую* свободу печати? для *чего?* для *какого класса?* Мы в «абсолюты» не верим. Мы над «чистой демократией» смеемся».

Что же скажут теперь марксисты и умудренные пятидесятилетним опытом нашей революции рабочие, услышав о домогательствах тех, кто мечтает об абсолютной «свободе» печати?

Вьетнам заливают кровью американские агрессоры. В Западной Германии возрождается фашизм. В Греции к власти приходит фашистского типа военная хунта. Мир охвачен тревогой и беспокойством. А кое-кому хочется «свободы» печати для всех — «от монархистов до анархистов». Что это — святая наивность или откровенная наглость?

Эти алчущие «свободы» пытаются вести свою тлетворную работу среди наших молодых. Нет, господа, ничего не выйдет у вас! И «трудные» и нетрудные молодые писатели с вами не пойдут. Они с нами делили и будут делить и горе и радость родины. И никого из них мы вам не отдадим.

Здесь хорошо говорили о работе писателей в годы Отечественной войны. Неспроста Политуправление Советской Армии держит нас в запасе первой очереди. И если отчизна будет в опасности, мы снова наденем шинели и снова пойдем в ряды нашей родной армии, и старые и молодые, и «трудные» и нетрудные. Потому что мы плоть от плоти своего народа, и все, что он выстрадал и чего достиг, нам бесконечно дорого.

И в заключение еще немного о будущем. Я целиком разделяю точку зрения Константина Федина на то, что единственным жанром в прозе — таким, какой в состоянии охватить огромные социальные сдвиги в нашем обществе,— все же был и останется роман. Он дает и будет давать возможность писателю развернуть широкое полотно с изображением происходящих в нашей стране событий, показать огромные изменения в психологии и мировоззрении людей, проследить за судьбами героев на протяжении длительного времени.

И пора бы уже признанным мастерам рассказа и повести, которых у нас в достатке, перейти к крупным полотнам. У этих писателей хватит и таланта и умения создать значительные произведения, которые еще больше обогатят нашу литературу.

По инициативе Горького, у нас издавались и издаются истории фабрик и заводов. Сейчас уже пишутся истории отдельных колхозов и совхозов. Все это ни в

коей мере не может заменить художественного произведения. Это ясно. Но вот послужить отправным материалом для создания эпического произведения они смогут. Это неоценимое подспорье для писателя.

Мне думается, что богатство замыслов соответствует нашим возможностям. И работать придется ведь не только в юбилейном году. Я крепко верю в то, что советская литература подарит своей стране и миру немало новых блистательных произведений. К этому у нас есть все условия и возможности.

От души желаю всем вам дерзаний в поисках и больших творческих успехов.

1967

ПРИМЕЧАНИЯ

Восьмой том сочинений М. А. Шолохова состоит из двух разделов: первый — «Рассказы» и второй — «Очерки, статьи, выступления».

Собранные в первом разделе произведения созданы в разное время.

«Народ и война» — эта тема, намеченная уже в первых рассказах Шолохова, а затем с особой силой отразившаяся в романе «Тихий Дон», продолжает волновать писателя на протяжении всего творческого пути.

Но если участие в войне несправедливой, антинародной приводит к моральному падению человека, то участие в войне освободительной, ведущейся в интересах народных масс, наоборот, распрямляет ее бойцов, обогащает их характеры, делает их героями. Образы подлинных народных героев показаны в рассказах М. А. Шолохова «Наука ненависти» и «Судьба человека». В этих произведениях писатель выступает как гуманист и страстный борец за мир.

Написанный в период временных неудач нашей армии — летом 1942 года, рассказ «Наука ненависти» воспринимался миллионами его читателей, как пламенный призыв держаться, стоять до конца, он до предела обнажал звериную сущность фашизма. Чтение этого рассказа, как свидетельствуют многие участники Великой Отечественной войны, вдохновляло на героические подвиги защитников кавказских перевалов и сталинградских рубежей, бойцов, сражавшихся в то время под Ленинградом, Воронежем и Ржевом.

Послевоенный рассказ «Судьба человека» (1956) раскрыл во всей глубине и полноте характер рядового советского человека —

защитника отчизны, показал несокрушимую силу его духа и стойкость, человечность и готовность к любым испытаниям. Это произведение по справедливости считается одной из наиболее значительных творческих высот, взятых М. А. Шолоховым.

Во втором разделе книги публикуются статьи, очерки, выступления и письма писателя. Взятое каждое в отдельности, они интересны как совершенные образцы боевой, злободневной, художественной публицистики; собранные вместе, они составляют своеобразную летопись жизни советского народа.

Роль публицистики в советской литературе чрезвычайно велика. Еще в 1905 году В. И. Ленин указывал: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий,— писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 208). Этим требованиям в полной мере отвечает боевая и целенаправленная публицистическая деятельность советских писателей, отвечает им и творчество М. А. Шолохова.

Находясь и работая постоянно в самой гуще трудящихся масс, М. А. Шолохов прекрасно знает их интересы, остро чувствует их настроения и умеет своевременно и полно выразить в художественном слове их тревоги, волнения, радости и надежды. Уже в первый период творческой деятельности, создавая свой цикл «Донские рассказы», он нередко вводил в повествование элементы публицистики.

В последующие годы, уделяя главное внимание созданию крупных эпических полотен, писатель не раз прерывал свою основную работу для злободневных выступлений.

В 1931—1932 годах, в то самое время, когда писатель по свежим следам событий создавал первую книгу «Поднятой целины», он находил время выступить в местной вешенской газете «Большевистский Дон», в ростовской газете «Молот», в «Правде» и других изданиях. Такие очерки и статьи, как «По правобережью Дона», «Преступная бесхозяйственность», «Жить в колхозе культурно», свидетельствуют о том, как тесно связан писатель с трудящимися своей станицы, своего района, своего края. Вместе с тем в этих заметках и статьях проявляется умение сказать нуж-

ное слово ярко, придать каждому факту характер широкого обобщения.

О тесной связи М. А. Шолохова с окружающими его людьми, об интересе к насущным колхозным делам свидетельствуют и публикуемые в настоящем томе выступления писателя «Коммунисты «Тихого Дона» намечают рубежи», «Земле нужны молодые руки», его речь на XXIII съезде КПСС и другие материалы последних лет. Острые проблемы современности, каков бы масштаб их ни был, всегда в центре его внимания, и он высказывает свое мнение откровенно, по-писательски ярко, вкладывая в каждое выступление частичку своего сердца.

Особого расцвета дарование Шолохова-публициста достигло в годы Великой Отечественной войны. Являясь постоянным корреспондентом «Правды», М. А. Шолохов уже в самые первые дни войны в своих очерках и памфлетах вступил в активную борьбу с идеологией фашизма, показал, как советский народ — и в частности, трудящиеся Дона — поднялся на смертельный бой с фашистскими насильниками. «На Дону», «В станице Вешенской», «В казачьих колхозах», «На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные», «На юге»,— во всех этих очерках и корреспонденциях М. А. Шолохов — прямой участник бурно развивающихся событий — набрасывает зримые картины происходящего. Страницы этих зарисовок густо заселены большим количеством действующих лиц, взволнованных, гневных, смело вступающих в борьбу с ненавистным врагом. В этих свидетельствах писателя-очевидца перед читателями рельефно вырисовывается образ советского народа — борца против темных сил реакции. На страницах этих произведений возникает и образ самого писателя: он неизменно находится в самом круговороте, в самой гуще событий; в центре его внимания непременно самые интересные, самые характерные лица; и он нередко передает свои беседы с ними. Не раз вступает он в прямой разговор и с читателем: обращает наше внимание на главнейшее, существенное, кратко комментирует происходящее, пламенным словом увлекает нас в мир глубоких переживаний и чувств. Борьба с презренным фашистским отребьем, неумолимая борьба до полной победы — вот основная мысль этих боевых выступлений.

Значение их трудно переоценить. На Втором Всесоюзном съезде советских писателей М. А. Шолохов указывал на то, что в годы Великой Отечественной войны «...слово художника было

на вооружении армии и народа, и писателям некогда было придавать своим произведениям совершенную форму. Была у них одна задача: лишь бы слово их разило врага, лишь бы оно держало под локоть нашего бойца, зажигало и не давало угаснуть в сердцах советских людей жгучей ненависти к врагам и любви к родине».

Вместе со всеми советскими писателями, вместе со всем советским народом М. А. Шолохов с первых же дней войны вносил свой вклад в великое дело победы. Работа писателя в газете была высоко оценена общественностью. «Во время Великой Отечественной войны голос писателя-публициста был слышен всему советскому народу. Теперь, когда прошлое уже принадлежит истории, мы с гордостью можем пересматривать эти многочисленные свидетельства высокого патриотизма советских писателей,— писал Николай Тихонов.— От дивизионной газеты до больших статей в центральной прессе, от памфлета до листовки, от воззвания до краткого отклика на всех фронтах и в тылу — все разнообразие публицистического жанра взяли на вооружение писатели. Многие из этих статей станут документами эпохи. Мы никогда не забудем прекрасных статей Алексея Толстого, Михаила Шолохова» (Н. Тихонов, Перед новым подъемом, М. 1945, стр. 37—38). 23 сентября 1945 года, в связи с выходом в свет десятитысячного номера «Правды», М. А. Шолохов был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

В послевоенное время публицистическая деятельность М. А. Шолохова не ослабевает. Важнейшей темой его выступлений становится борьба за мир. Эта тема получает многообразное выражение и в его крупных очерках-памфлетах, и в многочисленных выступлениях на съездах, предвыборных собраниях и конференциях, и в новогодних поздравлениях, с которыми он обращается к советскому народу.

Особенно значимы в политическом и художественном отношении крупные очерки-памфлеты писателя. В этих произведениях М. А. Шолохову удалось создать совершенно новый жанр публицистики, обогатить публицистику элементами художественной прозы. Появившиеся в «Правде» очерки-памфлеты «Слово о родине», «Борьба продолжается», «Свет и мрак», «Не уйти палачам от суда народов!», «С родным правительством — за мир!», «Вечно здравствуй, родная партия!», «Солдаты моей родины», направленные своим острием против империалистических провокаторов, балансирующих на грани большой войны, в то же

время в ярких картинах показали созидательный труд советского народа, раскрыли его мирные устремления. Образ народа — главный образ всего творчества, всей публицистики М. А. Шолохова — пополнился в этих произведениях новыми чертами.

Целый ряд выступлений М. А. Шолохова посвящен насущным проблемам развития советской литературы. Еще в преддверии Первого Всесоюзного съезда советских писателей, в марте 1934 года, включаясь в начатую А. М. Горьким «Дискуссию о языке», он пишет свою статью «За честную работу писателя и критика». Хорошо знать то, о чем пишешь, бережно, вдумчиво относиться к слову, постоянно думать об интересах читателя — таковы основные положения этой статьи. Место советского писателя — в рядах активных строителей коммунизма, необходимо постоянно находиться в самой гуще жизни — такова мысль, которую М. А. Шолохов не устает повторять и развивать в своих выступлениях.

Отстаивая идейную чистоту родной литературы, он с гордостью говорит о высокой миссии советского писателя. «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которому мы служим своим искусством. Иногда мы бываем излишне резки в отношении друг с другом, иногда нетерпимы в творческих оценках, но вызвано это, разумеется, не нашим дурным характером, не честолюбием и не корыстью, а единственным желанием сделать нашу литературу еще более могучей помощницей партии в деле коммунистического воспитания масс, еще более достойной нашего великого народа и того великого литературного прошлого нашей страны, прямыми наследниками которого мы являемся». Эти слова, произнесенные М. А. Шолоховым на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, нередко и сейчас повторяют советские литераторы, определяя свою идейную позицию, давая отпор проискам буржуазных фальсификаторов и клеветников.

В заметках, посвященных А. М. Горькому, А. С. Серафимовичу, А. Н. Толстому, Н. А. Островскому, Сулейману Стальскому, Ивану Франко, дается лаконичная, но емкая оценка деятельности этих замечательных писателей. Этот материал помогает составить суждение об эстетических взглядах автора «Тихого

Дона», подкрепляет многими ценными мыслями основные положения теории социалистического реализма.

Рассказы и публицистические произведения М. А. Шолохова, собранные в настоящем томе, значительно пополняют наше представление о творческой деятельности выдающегося советского писателя, вносят значительный вклад в многообразную советскую литературу.

Внутри каждого из разделов настоящего тома произведения М. А. Шолохова располагаются в хронологическом порядке.

РАССКАЗЫ

Наука ненависти. Рассказ.— Впервые опубликован[1] в газете «Правда», 22 июня 1942 года, № 173. Перепечатан газетой «Красная звезда», 23 июня 1942 года, № 145, и журналом «Политпросветработа», 1942, № 21—22. Неоднократно выходил отдельными изданиями — общим тиражом свыше миллиона экземпляров.

Первую оценку рассказ получил в передовой статье «Правды», озаглавленной «Лицо врага»: «Как рождается в сердце бойца Красной Армии неугасимая ненависть к врагу, недавно рассказал в замечательной художественной повести «Наука ненависти» писатель Михаил Шолохов» («Правда», 28 июня 1942 г., № 179).

Развернутый анализ этого рассказа дал О. Резник в статье «Художественная публицистика в годы войны». Он писал: «Публицистичность книжки Шолохова сочетается с поэтическим проникновением в характер и психологию героя ее — лейтенанта Герасимова, в котором воплощены лучшие черты советского человека. Не случайно автор — тонкий и вдумчивый художник — начинает повествование поэтической метафорой: «На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу...» Найденный художником образ могучей жизни, спаянной десятками корней с родной землей, вросшей в нее навеки, олицетворяет крепость народной души, русского характера. К этому образу писатель не раз возвращается, обдумывая и переживая историю жизни и военной судьбы лейтенанта Герасимова... Шолохову удалось по-

[1] Во избежание повторений слова «Впервые опубликован» в дальнейшем опускаются.— Ред.

казать, что испытаниям не сломить дух советского воина. Они лишь закалили его, ибо если народ наш может быть уподоблен тому могучему дубу, который, пережив все грозы и ураганы, остается несокрушимым и глубокими корнями вновь черпает соки земли, продолжая расти, то справедливая ненависть не убивает человеческое, а невидимой нитью скрепляет воедино все лучшее, сильное и светлое в людях, обращая их волю к победному бессмертию» («Новый мир», 1945, № 11—12, стр. 293, 295).

О значении этого рассказа писал в статье «Ненависть и мужество» и А. Мясников: «Такие произведения воспитывают в советских людях чувство горячей любви к своей отчизне и лютой ненависти к ее врагам. Они зовут наших воинов биться за советскую землю до последней возможности, до последней капли крови, до последнего дыхания, не отдавать врагу ни одного вершка советской земли» («Пропагандист», № 13—14, М. 1942, стр. 60).

Судьба человека. Рассказ.— Газета «Правда», 31 декабря 1956 года, № 366, и 1 января 1957 года, № 1; журнал «Дон», 1957, № 1. Рассказ неоднократно переиздавался.

О том, как создавалось это произведение, сообщил журналист М. Кокта в очерке «В станице Вешенской»: «А знает ли читатель о том, что Шолохов повстречался с героем рассказа «Судьба человека» Андреем Соколовым именно на охоте? В первый послевоенный год поехал он поохотиться ранней весной на большой, образовавшийся от талых вод степной лиман поблизости от хутора Моховского. На том лимане безбоязненно садились пернатые — дикие гуси и казарки. Присев на плетень отдохнуть у разлившейся степной речушки Еланки, он заметил мужчину, который вел за руку мальчика по направлению к речной переправе. Усталые путники подошли к нему и, приняв его за шофера, запросто сели отдохнуть. Тогда-то, на этом плетне, и поведал Андрей Соколов «своему брату — шоферу» о своей судьбе. Путник собирался было уже уходить, но в это время подъехала к писателю его жена и выдала его, что называется, с головой. Путник ахнул от такой неожиданности, но уже было поздно — все успел рассказать о себе, и быстро распрощался. А писатель жалел, что не успел узнать его фамилию». Рассказ случайного знакомого сильно захватил М. А. Шолохова. «Возвратился тогда писатель с охоты необычно взволнованным и все еще находился под впечатлением от встречи с неизвестным шофером и мальчиком.

— Напишу рассказ об этом, обязательно напишу.— И Михаил Александрович в райкоме партии поделился с партийными работниками своим творческим замыслом.

Прошло десять лет. И вот однажды, находясь в Москве, читая и перечитывая рассказы зарубежных мастеров — Хемингуэя, Ремарка и других,— рисующих человека обреченным и бессильным, писатель вновь вернулся к прежней теме. Перед глазами снова воскресла, ожила картина незабываемой встречи с шофером у речной переправы. Тем мыслям и образам, которые у него зрели, вынашивались, был дан новый толчок и придана конкретная форма и направленность. Не отрываясь от письменного стола, напряженно работал писатель семь дней. А на восьмой — из-под его волшебного пера вышел замечательный рассказ «Судьба человека»...» («Советская Украина», 1959, № 3, стр. 96—97.)

Опубликование рассказа вызвало огромное количество критических и читательских откликов. Его огромную популярность отмечал писатель Ефим Пермитин: «Непрекращающийся поток писем в адрес автора, редакций газет, опубликовавших рассказ, радиостанциям, несколько раз передавшим его в эфир, говорит об исключительной силе воздействия этого произведения на читателей и слушателей. ...В дни трансляций рассказа по радио,— продолжает Е. Пермитин,— мне случилось жить в станице Вешенской. Стол писателя был завален письмами. Писали люди, пережившие ужасы фашистского плена, семьи погибших фронтовиков, рабочие, колхозники, врачи, педагоги, ученые, советские и зарубежные писатели, такие, как Николай Задорнов, Федор Кравченко, Борис Полевой, Эрих Мария Ремарк, Эрнест Хемингуэй, и многие, многие другие. С каждым днем поток писем все увеличивался. Ни автор, ни окружающие его люди не в состоянии были ответить и на сотую их часть. Все их не приведешь и не перескажешь» («Литературная газета», 21 марта 1957 г., № 35). Сила этого произведения определяется его народностью: М. А. Шолохову удалось чрезвычайно глубоко раскрыть национальный, русский характер своих героев и в то же время запечатлеть в них типические черты, присущие людям, воспитанным социалистическим обществом.

Переходя от общих оценок произведения к более конкретному анализу мастерства писателя, член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Благой следующими словами определяет его основную идею: «Показать «несгибаемую волю», мужество, героизм и вместе с тем большое, щедрое сердце простого рус-

ского человека, который в годину тягчайших испытаний, выпавших на долю его родины, и непоправимых личных утрат, не будучи в состоянии вернуть потерянного, смог внутренне восторжествовать над своей исполненной глубочайшего трагизма личной судьбой, подняться над нею, сумел жизнью и во имя жизни «попрать», одолеть смерть — таков пафос этого произведения, его творческая мысль. И эта мысль в рассказе Шолохова, все основные элементы которого поставлены автором в нерасторжимую, органическую с нею связь, обрела полноценную художественную жизнь. Именно сочетание высокой идейности и подлинного художественного мастерства придает «Судьбе человека» всю ее огромную впечатляющую силу, делает этот небольшой рассказ поистине «томов премногих тяжелей» («Литература и жизнь», 28 ноября 1958 г., № 100).

По мотивам этого произведения Ю. Лукиным и Ф. Шахмагоновым создан киносценарий, опубликованный в «Литературной газете» 1, 3, 8, 10 и 12 сентября 1957 года, по которому режиссер (он же исполнитель главной роли) С. Бондарчук поставил кинофильм «Судьба человека».

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

По правобережью Дона. Очерк.— Газета «Правда», 25 мая 1931 года, № 142.

Преступная бесхозяйственность. Статья.— Газета «Правда», 22 марта 1932 года, № 81.

За честную работу писателя и критика. Статья.— «Литературная газета», 18 марта 1934 года, № 33; перепечатана в журнале «Поволжье», 1934, № 2.

Статья является откликом М. А. Шолохова на дискуссию о языке, начатую выступлениями А. М. Горького («По поводу одной дискуссии», «Открытое письмо А. С. Серафимовичу»). М. А. Шолохов чрезвычайно высоко ценил литературную деятельность А. С. Серафимовича, считал себя многим обязанным ему и, однако, оставаясь на позициях высокой принципиальности, прямо высказал свое несогласие с его ошибочной оценкой не доработанного в то время художественного произведения Ф. Панферова. Подвергшаяся критике М. А. Шолохова статья Г. Васильковского «О третьей книге «Брусков» Федора Панферова» была напечатна в журнале «Литературный критик», 1933, № 4.

Английским читателям *(Предисловие для английского издания «Тихого Дона»).* Статья.— Подпись: «М. Шолохов. Ст. Вешенская. 10 июня 1934 г.». Публикация этой статьи на английском языке неизвестна, на русском впервые опубликована по рукописи, хранящейся в архиве Института мировой литературы имени А. М. Горького, литературоведом В. Гура в сборнике «Михаил Шолохов», Л. 1956, стр. 264—265.

«Вскоре после выхода первых изданий «Тихого Дона» в Англии,— указывает В. Гура,— десятки английских газет поместили на своих страницах отзывы об этом романе. Критики различных направлений единодушно признавали роман Шолохова «необычным», «оригинальным и поучительным», «резко выделяющимся из массы книг, затопляющих книжные витрины». Лейбористская газета «Дейли геральд» писала: «Роман может считаться классическим по своей ясности и реалистичности сцен и жизненной правде портретов. Описания жизни даны с толстовской простотой и непосредственностью». Оценивая «Тихий Дон» как значительное явление современной мировой литературы, английская печать вместе с тем приглушала идейный смысл романа, обращала внимание своих читателей лишь на картину «незнакомой и любопытной для англичан жизни казачьей станицы в период мира, войны и революции». Увлекаясь чисто внешним эффектом, одно из лондонских издательств решило даже выпустить в свет роман Шолохова под названием «Любовь казака». Неудовлетворенные суровой правдой картин войны и революции на Дону, английские критики особенно назойливо твердили о грубости нравов героев «Тихого Дона». Один из критиков заявлял, что если бы не «жестокость, то книга Шолохова была бы шедевром шедевров». Публикуемая статья «Английским читателям» написана Шолоховым 10 июня 1934 года после изучения отзывов английской прессы и рассматривалась автором как предисловие к английскому изданию «Тихого Дона». Шолохов не только ответил на упреки английской критики, но и разъяснил идейный смысл своего романа» (сборник «Михаил Шолохов», Л. 1956, стр. 266—267).

Литература — часть общепролетарского дела *(Из речи на собрании ударников Лензавода и железнодорожного узла в Ростове-на-Дону).* Речь.— Газета «Молот», Ростов-на-Дону, 8 сентября 1934 года, № 4004. В сокращенном виде под заголовком «Произведения наши должны зазвучать набатом (Из речи М. Шолохова на собрании ударников Лензавода и

железнодорожного узла в Ростове-на-Дону)» напечатана в газете «Правда», 16 октября 1934 года, № 286.

Публикации этой речи в «Молоте» сопутствовала заметка «Шолохов в Ростове». В ней сообщалось: «6 октября по приглашению рабочих Ленинского завода в Ростов приехал тов. М. Шолохов. В тот же день во Дворце имени Ленина состоялась дружеская встреча писателя со старыми рабочими Ленинского завода. Вечером на широком собрании ударников Лензавода и Ростовского железнодорожного узла тов. Шолохов выступил с докладом. Железнодорожники задали писателю несколько десятков вопросов, касающихся работы Всесоюзного съезда писателей, творческого пути автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины», помощи начинающим писателям и т. д. ...7 октября Михаил Шолохов провел большую беседу с начинающими писателями Лензавода и подробно ознакомился с работой всех цехов».

Жить в колхозе культурно. Статья.— Газета «Большевистский Дон», 7 ноября 1934 года, № 122.

Героическая Подкущевка. Заметка.— Газета «Комсомольская правда», 21 июля 1935 года, № 166. Заметка возникла в результате поездки М. А. Шолохова в июле 1935 года на Кубань. «Я сейчас возвращаюсь с Кубани, из хутора Подкущевского, Кущевского района, где я пробыл несколько дней... Два дня я провел в хуторе Подкущевка, где в дружеской беседе с красными партизанами мы намечали пути создания будущей книги о прошлом и настоящем героической Подкущевки» («Героическая эпопея хутора Подкущевского. Беседа с писателем Михаилом Шолоховым».— «Молот», 20 июля 1935 г., № 4238). «Недавно я возвратился из хутора Подкущевского. Там встретил прекрасных людей. Если сам не напишу о них, то помогу им написать книгу по типу «Были горы Высокой» или «Беломорстрой» («В гостях у Шолохова».— «Молот», 4 августа 1935 г., № 4251). Этот замысел писателем реализован не был.

Из речи о М. Горьком.— Газета «Молот», 23 июня 1936 года, № 4519.

Речь была произнесена М. А. Шолоховым на собрании студентов Вешенского педагогического техникума и слушателей межрайонных курсов учителей, посвященном памяти А. М. Горького. Вечер проходил в станице Вешенской, М. А. Шолохов призывал студентов и учителей к изучению творчества А. М. Горького, к упорству в овладении культурой.

Автор «Тихого Дона» неоднократно говорил о своей любви к А. М. Горькому. 21 июня 1936 года на страницах «Правды» была опубликована телеграмма М. А. Шолохова, посланная в связи с кончиной великого пролетарского писателя: «Скорблю об огромной утрате, понесенной страной и советской литературой».

Посетив музей А. М. Горького в Москве, М. А. Шолохов оставил в книге посетителей музея следующую запись: «Покидаешь музей с чувством глубокой благодарности к тем, кто так по-настоящему хорошо и заботливо собрал все относящееся к жизни и деятельности Алексея Максимовича. Спасибо скажут миллионы людей, любящих Горького» («Литературная газета», 14 июня 1947 г., № 24).

На его примере будут учиться побеждать миллионы. Заметка.— Газеты «Молот», 24 декабря 1936 года, № 4671; «Большевистский Дон», 24 декабря 1936 года, № 130.

М. А. Шолохов с интересом следил за литературной деятельностью Николая Островского. В конце октября 1936 года в Москве, на квартире Н. А. Островского, состоялась единственная встреча двух писателей. Три письма Шолохова к Островскому хранятся в Музее Н. А. Островского в Москве. Они опубликованы в сборнике «Михаил Шолохов», Л. 1956, стр. 269—270.

О советском писателе. Статья.— Полностью опубликована в газете «Молот», 20 мая 1937 года, № 4789, и «Литературной газете», 30 мая 1937 года, № 29.

Выразитель народных дум. Заметка.— Газеты «Правда», 24 ноября 1937 года, № 323; «Литературная газета», 26 ноября 1937 года, № 64, и под заголовком «Талантливый выразитель народных дум» — «Большевистский Дон», 28 ноября 1937 года, № 134.

Из речи перед избирателями Новочеркасского избирательного округа.— Газеты «Правда», 1 декабря 1937 года, № 330; «Литературная газета», 1 декабря 1937 года, № 65. С незначительными изменениями в тексте — в сборнике «Мастера искусств — депутаты Верховного Совета СССР», изд. «Искусство», М.—Л. 1938, стр. 40—42.

Речь была произнесена 29 ноября 1937 года на митинге избирателей в помещении Новочеркасского индустриального института имени Серго Орджоникидзе, на котором присутствовало две тысячи человек. Незадолго перед этим М. А. Шолохов, зарегистрированный кандидатом в депутаты Совета Союза по Новочеркасскому избирательному округу, обратился к избирателям

со следующим письмом: «Дорогие товарищи! Выдвижение Вами моей кандидатуры в депутаты Верховного Совета, Ваше доверие, оказанное мне, я воспринимаю как высшую награду за мою партийно-общественную и литературную работу. Излишне говорить о том, что это обязывает меня отдать все творческие возможности, всю жизнь делу служения партии и народу. С приветом М. Шолохов, 17 ноября 1937 г. Станица Вешенская» («Литературная газета», 20 ноября 1937 г., № 63).

На следующий день, 30 ноября 1937 года, М. А. Шолохов выступал в Новочеркасске перед бойцами, командирами и политработниками частей местного гарнизона. На этой встрече он сказал: «Товарищи бойцы, командиры и политработники, вы стоите на страже мирного, созидательного труда стосемидесятимиллионного народа. Вы окружены любовью и заботой всех трудящихся нашей прекрасной родины. Нигде, ни в какой стране мира армия не пользовалась такой безграничной любовью своего народа, как наша славная Красная Армия. И это понятно почему. Наша доблестная Красная Армия защищала и в нужный момент будет защищать интересы трудящихся. Вам больше, чем кому-либо, понятно, что наша страна представляет из себя единый, могучий, чугунный кулак, который готов в любую минуту обрушиться на головы тех, кто посмеет посягнуть на наше счастье, на нашу радость. И какой бы крепости ни были головы этих врагов, мечтающих о закабалении свободолюбивого советского народа, мы разобьем эти головы. Наш народ непобедим!» («Знамя коммуны», Новочеркасск, 3 декабря 1937 г., № 276.)

Из речи перед избирателями.— Газеты «Знамя коммуны», 3 декабря 1937 года, № 276; «Социалистическая связь», 5 декабря 1937 года, № 165. Речь была произнесена 30 ноября 1937 года в здании паровозного цеха Новочеркасского локомотивостроительного завода имени С. М. Буденного.

М. А. Шолохов был избран в депутаты Совета Союза и участвовал в заседаниях первой сессии Верховного Совета СССР. Своими впечатлениями о работе сессии писатель поделился с земляками на пленуме Вешенского станичного Совета (29 января 1938 г.): «Первое, что бросается в глаза,— это состав депутатов нашего советского парламента. Рядом с академиком Бахом можно было видеть ткачиху-орденоноску Дусю Виноградову...» Продолжая свое выступление, М. А. Шолохов говорил о том, что депутаты Верховного Совета СССР с большевистской прямотой указали на недостатки в работе некоторых наркоматов, о том,

что самый демократический в мире парламент с первых же своих шагов взялся за дело («Большевистский Дон», 2 февраля 1938 г., № 16).

Писатель-большевик. Заметка.— Газета «Известия», 18 января 1938 года, № 16; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 84—85. Приветствие к 75-летию А. С. Серафимовича.

В связи с 85-летием А. С. Серафимовича в Центральном Доме литераторов в Москве состоялось чествование писателя. Среди других была зачитана приветственная телеграмма и от М. А. Шолохова: «Дорогой Александр Серафимович! По-сыновьи крепко обнимаю Вас. Как и миллионы Ваших читателей, всегда думаю о Вашей жизни с любовью, теплотой, благодарностью» («Литературная газета», 17 января 1948 г., № 5).

Всем сердцем с вами. Заметка.— Газета «Комсомольская правда», 29 октября 1938 года, № 250. Приветствие советской молодежи в связи с двадцатилетием ВЛКСМ.

Речь по поводу двухлетия Вешенского казачьего театра.— Газета «Советское искусство», 26 января 1939 года, № 13.

М. А. Шолохов принимал активное участие в создании Вешенского театра колхозной казачьей молодежи, внимательно следил за его работой. В первую годовщину существования театра он писал: «За год существования Вешенский театр колхозной казачьей молодежи, его творческий коллектив достигли значительных успехов. Год учебы не прошел даром, и о результатах этой учебы можно судить по последним постановкам: спектакли стали слаженней, крепче, артисты заметно возмужали, стали зрелее в мастерстве. Но это — только небольшая часть того, что может дать театр при условии, если коллектив его не успокоится на достигнутом, если не будет зазнайства, если в театр не проникнет мертвящее самодовольство. Надо еще крепче учиться, еще упорнее овладевать сценическим мастерством, необходимо взять еще много подступов к истинным вершинам искусства. Осуществления всего этого я и желаю молодым работникам театра колхозной казачьей молодежи, театра, которым все мы законно гордимся» («Большевистский Дон», 16 декабря 1937 г., № 142).

Из речи на XVIII съезде ВКП(б).— Газеты «Правда», 20 марта 1939 года, № 78; «Литературная газета», 20 марта 1939 года, № 17; «Большевистский Дон», 16 апреля 1939 года, № 54; «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии боль-

шевиков. 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет», Госполитиздат, М. 1939, стр. 474—477; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 78—83.

Двадцать первого марта 1939 года XVIII съезд ВКП(б) закончил свою работу, а уже 23 марта, вернувшись в Вешенскую, на митинге, посвященном итогам съезда, М. А. Шолохов поделился своими впечатлениями с земляками-вешенцами: «Правильность и мудрая дальновидность политики нашей партии подтверждены временем. Если бы мы не создали за две пятилетки мощную тяжелую промышленность, если бы мы не укрепили обороноспособность нашей страны, то, несомненно, мы уже были бы втянуты в войну и, уже во всяком случае, с нами не считались бы так, как считаются сейчас. А теперь мы уверенно смотрим в будущее... Наши общие задачи ясны и кратки: каждый гражданин великой социалистической страны должен твердо помнить о том, что выполнение плана третьей пятилетки обеспечит невиданный расцвет культуры и материального благополучия трудящихся, а следовательно, все мы, на какой бы участок работы ни поставила нас родина, должны трудиться добросовестно, честно, отдавая все наши силы и знания на благо матери-родины. При этом условии мы успешно справимся с любыми задачами, которые поставят перед нами наша партия и правительство» («Большевистский Дон», 26 марта 1939 г., № 44).

На Дону. Очерк.— Газета «Правда», 4 июля 1941 года, № 183; сборник «Великая Отечественная война», т. 1, М. 1942, стр. 421—424. Под заголовком «Казаки» опубликован отдельной брошюрой Орджоникидзевским краевым издательством, Пятигорск, 1941; под заголовком «На Дону» опубликован отдельной брошюрой Ростиздатом, Ростов-на-Дону, 1941.

Очерк «На Дону» — первый печатный отклик писателя на события Великой Отечественной войны. Уже на третий день войны — 24 июня 1941 года,— выступая на проводах мобилизованных в Красную Армию казаков, писатель говорил: «Со времен татарского ига русский народ никогда не был побежденным, и в этой Отечественной войне он непременно выйдет победителем». Призывая колхозное казачество выполнить свой долг перед родиной, М. А. Шолохов сообщил о своей телеграмме на имя маршала Советского Союза т. Тимошенко следующего содержания: «Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-

Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую родину... Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов». Обращаясь к мобилизованным, он сказал: «Мы ждем от вас сообщений только о победе. Донское казачество всегда было в передовых рядах защитников священных рубежей родной страны. Мы уверены, что вы продолжите славные боевые традиции предков и будете бить врага так, как ваши прадеды бивали Наполеона, как отцы ваши громили кайзеровские войска» («Большевистский Дон», 26 июня 1941 г., № 77).

В казачьих колхозах. Очерк.— Газеты «Красная звезда», 31 июля 1941 года, № 178; «Молот», 3 августа 1941 года, № 181.

На Смоленском направлении. Очерк.— Газета «Красная звезда», 29 августа 1941 года, № 203.

Гнусность. Заметка.— Газета «Красная звезда», 6 сентября 1941 года, № 210.

По пути к фронту. Очерк.— «Литературное наследство», т. 78, книга первая, М. 1966, «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны».

Очерк «По пути к фронту», так же как и очерки «Первые встречи» и «Люди Красной Армии», написан на основе впечатлений, полученных писателем от пребывания в войсках 19-й армии Западного фронта (которыми командовал в то время генерал-лейтенант И. С. Конев). Все три очерка предназначались для зарубежной печати и оригиналы их хранятся в архиве Совинформбюро. На тексте очерка проставлена дата поступления его в Совинформбюро — 17 сентября 1941 года.

Первые встречи. Очерк.— «Литературное наследство», т. 78, книга первая, М. 1966, «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны».

На тексте очерка рукой редактора проставлено заглавие «Первые встречи» вместо первоначального — «Люди Красной Армии», этой же рукой проставлена дата поступления очерка в Совинформбюро — 22 сентября 1941 года.

Люди Красной Армии. Очерк.— «Литературное наследство», т. 78, книга первая, М. 1966, «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны».

Военнопленные. Очерк.— Газета «Правда», 2 ноября 1941 года, № 304; сборник «Великая Отечественная война», т. 1, М. 1942, стр. 495—503.

На юге. Очерк.— Газета «Правда», 28 февраля 1942 года, № 59; отдельные издания: Воениздат, М. 1942; Пятигорск, 1942; Ташкент, 1942; сборники: «К мщению», Куйбышев, 1942; «Огонь по врагу», Челябинск, 1944.

Письмо американским друзьям.— Опубликовано впервые в Собрании сочинений М. А. Шолохова в восьми томах, т. 8, Гослитиздат, М. 1960, стр. 173—175. Рукопись письма хранится в архиве Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Там же хранится запись беседы М. А. Шолохова с представителем ВОКСа, обратившимся к писателю с просьбой Американского общества помощи России написать письмо американским друзьям. Приводим с некоторыми сокращениями текст этой беседы.

«Я спрашиваю Шолохова, над чем он работает.

— Сейчас я пишу роман «Они сражались за Родину». В нем мне хочется показать наших людей, наш народ, источники его героизма. Я знаю — многие из наших заграничных друзей хвалят советских писателей за то, что в дни Отечественной войны они активно участвуют в войне, пишут короткие статьи и очерки, зажигающие ненависть в сердцах советских людей и в тылу и на фронте. Но не в этом только дело. Я считаю, что мой долг, долг русского писателя,— это идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества и создать произведения искусства такого же исторического значения, как и сама борьба. Конечно, против врага надо стрелять и статьями и очерками, но если уж нам, русским писателям, выйти на поле боя, то мы должны ударить тяжелой артиллерией нашего искусства. Я знаю, создание такого крупного произведения потребует времени, и тяжелая артиллерия может прийти к огню, когда враг уже будет разбит, но я тороплюсь, работаю напряженно и много...

— Комитет американской помощи России в войне обратился к Вам с просьбой,— говорю я Шолохову,— написать письмо к американским друзьям в связи с приближением второй годовщины войны.

— Что писать? Да и для чего? — возбужденно возражает Шолохов.— Вчера я встретился с одним американцем, и в разговоре он сказал мне, что если в моем романе будут рассуждать о необходимости более активного участия союзников в войне, чем оказание материальной помощи, то это может обидеть американцев. Более чем странное толкование настроения американцев,

на мой взгляд. Я могу допустить, что американец центральной полосы или Запада, живущий несколько в стороне от больших мировых событий, может не понять, что его судьба и судьба Америки зависит прежде всего от разгрома гитлеровской Германии и что эту судьбу русский народ решает пока один. Ему — среднему американцу,— возможно, следует разъяснить это положение вещей, но мой собеседник не нуждался в подобных объяснениях. Он много видел, хорошо знает мир, и от него можно было бы ожидать большего понимания. Будем откровенны: я полностью отдаю себе отчет о значении американской помощи России. Я с благодарностью вспоминаю об этом всякий раз, когда по фронтовым дорогам проезжает «додж» или «форд», когда беседуешь с летчиком, сошедшим с американского истребителя, или с больным в госпитале, где благодаря применению американских медикаментов и инструментов возвращаются к жизни и к борьбе раненые советские бойцы и командиры. Советский народ ощущает эту помощь и благодарен, но настоящая боевая дружба между двумя бойцами не может быть основана на том, что один сражается и идет в смертельный бой, а другой, подбрасывая ему патроны, хлопает в ладоши и кричит: «Браво, ты хорошо дерешься!»

Со стороны даже другу трудно судить о том, какое напряжение сил духовных и материальных требуется русскому народу, чтобы при отсутствии второго фронта в Европе вести борьбу с врагом человечества. Я был на Южном, Западном, Юго-Западном фронтах и видел, какое бедствие несет с собой гитлеровская армия. Я долго был в разлуке с семьей. В июле 1942 года в станице Вешенской погибла от немецкой бомбы моя семидесятилетняя мать. Это была настоящая русская женщина, крепкая, стойкая, большой нравственной силы. Мне помнится, как во время гражданской войны, когда мне было четырнадцать лет, в нашу станицу ворвались белые казаки. Они искали меня, как большевика. «Я не знаю, где сын»,— твердила мать. Тогда казак, привстав на стременах, с силой ударил ее плетью по спине. Она застонала, но все повторяла, падая: «Ничего не знаю, сыночек, ничего не знаю...»

Шолохов закурил и, несколько раз с горечью повторив «сыночек», замолчал. Потом продолжал снова:

— В конце концов это только личное горе — наше горе. И трудно требовать от человека, у которого враг еще не отнял жизнь его родных, друзей, чтобы он так же яростно ненавидел

гитлеровцев, как ненавидим мы их. Но если я призываю американцев вступить в бой и открыть второй фронт в Европе, то не только ненависть к врагам диктует мне это. Мы, русские, слишком уверены в силах своего народа, чтобы истерически кричать на весь мир: «Бей гитлеровцев!» Мы и так их убьем. Мной руководит чувство ответственности перед человечеством, в том числе и перед американским народом. Я убежден, что жизнь миллионов молодых американцев, свобода и независимость каждого из них прежде всего зависят от разгрома гитлеровской Германии, и я призываю американский народ вступить в бой вместе с нами и на основе этой солдатской дружбы создать прочный и справедливый послевоенный мир.

— Так напишите же об этом! — воскликнул я.— Напишите все, что Вы только что мне сказали...»

Могучий художник. Заметка.— Газета «Правда», 25 февраля 1945 года, № 48; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 86—87.

Из речи на похоронах А. Н. Толстого.— Газета «Правда», 28 февраля 1945 года, № 50.

Свою речь М. А. Шолохов произнес на траурном митинге на Ново-Девичьем кладбище в Москве. Подробный отчет об этом митинге напечатан в «Известиях», 27 февраля 1945 года, № 48.

Победа, какой не знала история *(Из статьи)*.— Газета «Правда», 13 мая 1945 года, № 114.

Дню Победы было посвящено также приветствие М. А. Шолохова — «Гордость, любовь, признательность». В нем говорилось: «Гордость за родную Красную Армию, за наш великий народ — вот чувства, нераздельно владеющие нашими сердцами в День Победы» («Известия», 10 мая 1945 г., № 108), подпись: «Михаил Шолохов. Станица Вешенская, 9 мая (По телефону)». То же приветствие под названием «В День Победы» было опубликовано в газете «Большевистский Дон», 13 мая 1945 года, № 38.

Речь перед избирателями в станице Вешенской.— Газеты «Правда», 20 января 1946 года, № 17; «Известия», 20 января 1946 года, № 18.

Великий друг литературы. Статья.— Газета «Правда», 6 июня 1946 года, № 134; журнал «Октябрь», 1946, № 6, стр. 8—10; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 88—91; сборник «М. И. Калинин об искусстве и литературе», М. 1957, стр. 234.

М. И. Калинин любил и хорошо знал творчество М. А. Шолохова, нередко упоминал о писателе как о признанном мастере советской литературы. В статье «Писатель должен быть мастером своего дела» (1934) он писал: «Смотрите — Шолохов. Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. Отдельные места написаны с исключительной силой. А писал человек в провинции, в станице. Но по языку чувствуется, что он много и упорно учился и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Я не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками. Шолохов с виду очень простой, незаметный человек, а чувствуется, он прошел большую школу, да, вероятно, и сейчас очень много над собой работает» (сборник «М. И. Калинин об искусстве и литературе», М. 1957, стр. 209—210).

Слово о родине. Очерк.— Газета «Правда», 23 и 24 января 1948 года, №№ 23 и 24; отдельное издание — «Библиотека «Огонька», № 4, М. 1948; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 17—40.

Борьба продолжается. Статья.— «Литературная газета», 4 сентября 1948 года, № 71; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 41—42.

Выступление на чествовании в связи с двадцатипятилетием литературной деятельности.— Сокращенная стенограмма выступления приведена в корреспонденции «Чествование писателя М. А. Шолохова».— Газета «Большевистский Дон», 30 сентября 1948 года, № 80.

Свет и мрак. Памфлет.— Газета «Правда», 24 и 31 мая 1949 года, №№ 144 и 151; отдельное издание — Ростов-на-Дону, 1949; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 43—60.

Из выступления на Всесоюзной конференции сторонников мира.— Речь была произнесена 29 августа 1949 года и опубликована в «Правде», 30 августа 1949 года, № 242; в «Известиях», 31 августа 1949 года, № 205; в газете «Большевистский Дон», 4 сентября 1949 года, № 71; в журнале «Новое время», 1949, № 37, приложение; в сборнике «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 61—62.

Выступление на совещании передовиков сельского хозяйства.— Под заголовком «За сжатые сроки и высокое качество полевых работ!» — газета «Большевистский Дон», 2 апреля 1950 года, № 29.

Не уйти палачам от суда народов! Памфлет.—

Газета «Правда», 24 сентября 1950 года, № 267; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 63—75.

С Новым годом, родные люди! Заметка.— Газета «Правда», 1 января 1951 года, № 1; сборник «Слово о Родине», Ростов-на-Дону, 1951, стр. 76—77.

С родным правительством — за мир! Статья.— Газеты «Правда», 30 августа 1951 года, № 242; «Литературная газета», 30 августа 1951 года, № 103.

Любимая мать-отчизна. Очерк.— Газета «Правда», 1 января 1952 года, № 1. Новогоднее обращение.

Выступление по радио 5 апреля 1952 года.— Опубликовано впервые в Собрании сочинений М. А. Шолохова в восьми томах, т. 8, Гослитиздат, М. 1960, стр. 265—267. Текст выступления хранится в архиве Всесоюзного комитета радиоинформации при Совете Министров СССР.

Ваш верный спутник. Заметка.— Газета «Пионерская правда», 28 марта 1952 года, № 26. Напечатана в ряду других заметок под общим заголовком «Любишь ли ты читать? Книга — источник знания».

Первенец великих строек. Очерк.— Газета «Правда», 30 июля 1952 года, № 212.

В связи с окончанием строительства Волго-Донского канала М. А. Шолохов обратился к строителям с приветствием, в котором говорилось: «Закончено строительство Волго-Донского канала — одного из крупнейших сооружений нашей эпохи построения коммунизма в нашей стране. Это светлые умы строителей Волго-Дона, их пламенные сердца советских патриотов и золотые руки рабочих-умельцев в исторически кратчайший срок свершили чудо и создали в техническом отношении совершеннейшее произведение современной инженерной мысли. И в этот день, как в дни великих праздников, хочется от всего сердца горячо поздравить и строителей Волго-Дона с завершением их грандиозного труда, бессмертного в веках, и наш народ с новой победой вступления в строй великой водной магистрали, навсегда по-братски соединяющей две великие русские реки. М. Шолохов» (альманах «Дон», Ростов-на-Дону, 1952, № 2, стр. 3).

Крепить дело мира *(Из речи на Четвертой Всесоюзной конференции сторонников мира)*.— Газеты «Правда», 5 декабря 1952 года, № 340; «Известия», 5 декабря 1952 года, № 287; «Комсомольская правда», 5 декабря 1952 года, № 287; «Литературная газета», 5 декабря 1952 года, № 146.

Вечно здравствуй, родная партия! Статья.— Газета «Правда», 30 июля 1953 года, № 211, напечатана в номере газеты, посвященном пятидесятилетию Коммунистической партии Советского Союза.

Из выступления на Третьем съезде писателей Казахстана.— Газета «Правда», 17 сентября 1954 года, № 260 (в статье «На новые высоты»); под заголовком «В обстановке смелой, деловой критики» — «Литературная газета», 18 сентября 1954 года, № 112; в сокращении — журнал «Советский Казахстан», 1954, № 10, стр. 108.

В выступлении М. А. Шолохова речь идет о статье К. М. Симонова «Новая повесть Ильи Эренбурга» («Литературная газета», 17 июля 1954 г., № 85, и 20 июля 1954 г., № 86).

Выступление на Третьем съезде писателей Украины.— «Литературная газета», 2 ноября 1954 года, № 131 (в отчете «Третий съезд писателей Украины»); на украинском языке—газета «Радянська Украïна», 31 октября 1954 года, № 257.

Счастья тебе, украинский народ! Статья.— Газета «Радянська Украïна», 6 ноября 1954 года, № 262, на украинском языке.

Перевод этой статьи на русский язык был опубликован впервые в Собрании сочинений М. А. Шолохова в восьми томах, т. 8, Гослитиздат, М. 1960, стр. 386—388.

Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей.— «Литературная газета», 26 декабря 1954 года, № 159; «Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15—26 декабря 1954 года. Стенографический отчет», М. 1954, стр. 374—378.

Говоря о «последней книге» К. М. Симонова, М. А. Шолохов имел в виду роман «Товарищи по оружию» (1953).

Страстно, правдиво.— Газета «Известия», 31 декабря 1954 года, № 310. Новогоднее пожелание.

От всего сердца.— Журнал «Советский Союз», 1955, № 1. Новогоднее приветствие.

Высокая честь — творить для народа *(Выступление на творческом семинаре молодых писателей Ростовской и Каменской областей)*. Заметка.— «Литературная газета», 29 марта 1955 года, № 38; альманах «Дон», Ростов-на-Дону, 1955, № 2, стр. 255 (в статье «Семинар молодых писателей Дона»). М. А. Шолохов выступил на творческом семинаре молодых писателей Ростовской и Каменской областей 28 марта 1955 года.

Письмо в редакцию журнала «Иностранная литература».— Журнал «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 223—224; под заголовком «Благородные задачи» — газета «Правда», 21 августа 1955 года, № 233.

На призыв М. А. Шолохова обменяться мнениями за «круглым столом» откликнулись многие крупные зарубежные писатели и деятели культуры: Мария Майерова, Лион Фейхтвангер, Поль Робсон, Ляо Шэ, Жан-Поль Сартр, Димитр Димов, Арнольд Цвейг, Хан Сер Я, Мульк Радж Ананд, Назым Хикмет, Хироси Нома, Сиро Хаэсэгава, Карло Леви, Франко Фортини, Пабло Неруда, Катарина Сусанна Причард, Джек Линдсей, Лоуренс Хаусмен, Андре Моруа и многие другие («Иностранная литература», 1955, № 5; 1956, №№ 1 и 7).

В редакционной статье этого журнала указывалось: «Письмо М. Шолохова вызвало большой интерес. Перевод этого письма и подробное изложение его опубликованы на страницах многих печатных органов самых различных стран: японской газеты «Нихонто-Совиэто», французской газеты «Юманите» и еженедельника «Летр франсез», венгерской газеты «Мадьяр немзет», чехословацкого журнала «Литерарни новины», румынской «Газете литерарэ», итальянской газеты «Унита», польских журналов «Твурчощ» и «Нова культура», китайских журналов «Вэньибао» и «Ивэнь», норвежской газеты «Фрихетен» и др. Первые отклики на письмо М. Шолохова позволяют сделать вывод: призыв к «круглому столу» воспринят деятелями культуры всего мира как призыв к более широкому общению между представителями интеллигенции разных стран» («Иностранная литература», 1956, № 1, стр. 198).

В апреле 1958 года состоялась беседа М. А. Шолохова с редактором газеты «Руде право».

«Редактор:

— Вы в свое время высказались за созыв конференции писателей Востока и Запада. Что Вас побудило к этому?

— Я высказался за созыв конференции лично от себя. Побудило меня к этому несколько соображений. Прежде всего, я считаю, что решить все те проблемы, которые сейчас поставлены перед интеллигенцией всего мира, один человек (каким бы авторитетом он ни пользовался) не может. Тут необходимы коллективные усилия.

— Чем, по Вашему мнению, должна заниматься конференция писателей?

— Программу работы конференции также необходимо подготовить коллективно. А когда встретятся люди разных политических взглядов, я убежден, что они смогут найти общий язык и договориться о порядке и программе встречи. По моему мнению, эта конференция должна заниматься вопросами творчества, вопросами борьбы за честную, непродажную литературу.

Я имею в виду, например, борьбу с порнографической литературой, со всякими «комиксами», которые портят молодежь и прививают ей нелепые, вредные взгляды. В то же время должны быть осуждены люди, которые, профессионально владея пером, пишут сценарии гангстерских человеконенавистнических фильмов, получивших такое широкое распространение во многих странах. Борьба против шовинизма, расизма, милитаризма — эти серьезные вопросы тоже должны занимать нас. Ведь творчество — это прежде всего дело морали, нравственности, гуманизма! Необходимо сломать эту отравленную черную стрелу и обезоружить преступного стрелка.

— Вы не думали более конкретно о средствах борьбы?

— Я знаком с одним очень одаренным и по-настоящему талантливым европейским писателем; его произведения не находили справедливой оценки на родине. Критика его замалчивала, издатели не печатали. Жил он в нужде. Но вот он написал порнографический роман и сразу стал богатым. Я думаю, что эта достойная сожаления история — не только печальная участь одного человека. Это больше, чем личное дело одного писателя, которого я имею в виду. Человечество потеряло одаренного художника. Из литературы ушел человек и стал талантливым профессиональным отравителем. Я считаю, что таких вещей допускать нельзя. Среди писателей должны найтись люди, которые протянули бы ему дружескую руку помощи. Обсудим также вопросы о содружестве между людьми творческого труда.

— А что нужно делать сейчас?

— Я по-прежнему призываю всех встретиться. В эпоху лихорадочной военной подготовки не только в Западной Германии, где фашизму вручают атомное оружие, но и всюду, во всем мире — необходимо коллективное выступление против войны. Литература, разумеется,— дело совести. Однако будущие поколения не простят нам, если мы не поднимем свой голос против убийства. Когда читатели увидят, «с кем вы, мастера культуры?»,— станет ясно, кто и во имя чего выступает. Это будет иметь огромное психологическое значение. Карты будут открыты.

Сказать войне «НЕТ!» должны прежде всего люди творческого труда, чтобы кто-нибудь не сказал ей вдруг «ДА!».

— Как Вы представляете себе организацию такой встречи?

— Вероятно, имело бы смысл начать с региональных конференций писателей родственных литератур, например, литератур славянских, романских, скандинавских и т. д. Потом создать организационный комитет по созыву всемирной конференции» («Руде право», 6 апреля 1958 г.).

К новым замечательным свершениям! — Газета «Советская культура», 1 января 1956 года, № 1. Новогоднее пожелание.

Выступление на Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей. — «Литературная газета», 12 января 1956 года, № 5. М. А. Шолохов выступил на совещании 11 января 1956 года.

Речь на XX съезде КПСС. — Газеты «Правда», 24 февраля 1956 года, № 52; «Литературная газета», 21 февраля 1956 года, № 22; «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет», т. 1, М. 1956, стр. 580—590.

Сурков А. А. — в то время первый секретарь правления Союза советских писателей — выступал на съезде 17 февраля 1956 года.

Гафуров Б. Г. — делегат съезда от Таджикской партийной организации — в своей речи (16 февраля 1956 г.) сказал: «Некоторые наши крупные писатели за последние годы ничего не дали для народа, а некоторые из них плетутся в хвосте событий. Поэтому недаром говорят, что если наша страна двигается вперед на самолете, то некоторые писатели спешат за нею на арбе» («Стенографический отчет», т. 1, стр. 333).

Весной 1958 года М. А. Шолохов имел беседу с редактором газеты «Руде право». В этой беседе были снова затронуты вопросы, поднятые писателем в его выступлении на XX съезде КПСС.

«Редактор:

— На Двадцатом съезде КПСС Вы довольно подробно остановились на вопросах связи литературы с жизнью, с народом. Что Вы могли бы добавить к этому сегодня?

— Я полагаю, что писателя не спасет никакой компромисс. Литературу нельзя растить в теплице. Не понимаю, почему некоторые писатели предпочитают жить в столице, в замкнутой

обстановке, в узком кругу знакомых. Но я понимаю, почему литераторам, работающим в тепличных условиях, не хватает не только знания жизни, но и тем.

— У сторонников «удобного» стиля работы есть свои защитники. Они утверждают, что их подопечные создают свои произведения на основе «накопленных ранее наблюдений», что в тихом уединении они глубже могут изобразить «волнующийся горизонт жизни».

— Я знаю. Но это смешная точка зрения. Это напоминает мне чеховского трагикомического героя, который жил воспоминаниями о молодости, проведенной в кадетском корпусе, и все разговоры сводил к этой теме. Но ведь было бы нелепым писать о второй мировой войне, основываясь лишь на воспоминаниях о первой. Жизнь бежит, ее нельзя удержать, не прилагая к этому непрестанных усилий...» («Руде право», 6 апреля 1958 г.)

Великий сын Украины. Заметка.— Газета «Правда Украины», 27 августа 1956 года, № 202. Приветствие в связи со 100-летием со дня рождения великого украинского писателя И. Я. Франко (1856—1916).

В добрый час! Заметка.— Газета «Советская Россия», 1 июля 1956 года, № 1. Приветствие газете «Советская Россия» в связи с выходом в свет ее первого номера. «Гордостью за родную русскую землю проникнуто выступление Михаила Шолохова. Писатель отмечает, что в промышленности и сельском хозяйстве Советской России ныне происходят поистине колоссальные сдвиги и изменения, каких не было в истории человечества, что все это «служит и будет вечно служить на пользу и процветание всем народам великого Советского Союза, на осуществление непобедимых идей коммунизма!» («Правда», 2 июля 1956 г., № 184.)

К венгерским писателям. Заявление московскому корреспонденту венгерской газеты «Непсабадшаг». Под заголовком «Я всем сердцем верю в светлый разум мужественного и трудолюбивого венгерского народа».— Газеты «Правда», 27 декабря 1956 года, № 362; «Советская Россия», 26 декабря 1956 года, № 150; «Советская культура», 27 декабря 1956 года, № 153.

Выровнять шаг с партией, с народом. Заметка.— Газета «Правда», 19 мая 1957 года, № 139.

Не забывать о дружбе.— Газета «Правда», 28 июля 1957 года, № 209. Приветствие в связи с открывшимся в Москве VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов.

Сокровищница народной мудрости. Преди-

словие к сборнику пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем.— Газета «Советская Россия», 2 июня 1957 года, № 129; в книге: В. Даль, Пословицы русского народа, Гослитиздат, М. 1957, стр. III—IV.

Украинским братьям.— «Рабочая газета», 24 декабря 1957 года, № 300. Приветствие в связи с 40-летием Советской власти на Украине.

Письмо военным морякам.— Журнал «Советский моряк», 1958, № 3. Послано в связи с 40-летием Советской Армии.

Труден и славен ваш подвиг. Статья.— Газета «Красная звезда», 21 февраля 1958 года, № 44. Написана к 40-летию Советской Армии.

Солдаты моей родины. Статья.— Газета «Правда», 23 февраля 1958 года, № 54. Написана к 40-летию Советской Армии.

Речь на встрече с избирателями в Ростове.— «Литературная газета», 8 марта 1958 года, № 29, в корреспонденции «М. А. Шолохов у избирателей».

Из речи на встрече с избирателями города Таганрога.— Газета «Таганрогская правда», 8 марта 1958 года, № 50; в сокращении — газета «Молот», Ростов-на-Дону, 9 марта 1958 года, № 58.

«Кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР — М. А. Шолохов и Н. В. Киселев накануне встречи с избирателями во Дворце культуры комбайнового завода побывали на металлургическом заводе, посетили Домик-музей А. П. Чехова, а также побывали у памятника Петру Первому и у братской могилы жертв фашистского террора» («Таганрогская правда», 8 марта 1958 г., № 50).

Читателям и сотрудникам газеты «Литература и жизнь».— Газета «Литература и жизнь», 6 апреля 1958 года, № 1. Приветствие в связи с выходом в свет первого номера газеты «Литература и жизнь». В 1963 году газета «Литература и жизнь» была преобразована в еженедельник «Литературная Россия».

Гордость моей страны.— Газета «Комсомольская правда», 15 апреля 1958 года, № 89. Приветствие советской молодежи в связи с открытием XIII съезда ВЛКСМ.

Выступление на совещании по садоводству и виноградарству.— Газета «Молот», Ростов-на-Дону, 15 октября 1958 года, № 224.

Здоровье — всему голова. Статья.— Журнал «Спортивная жизнь России», 1959, № 1; газета «Комсомольская правда», 21 января 1959 года, № 17.

Письмо ученикам школы № 2 села Белая Церковь на Киевщине.— Журнал «Что читать?», 1959, № 6, стр. 26.

О маленьком мальчике Гарри и большом мистере Солсбери. Статья.— Газета «Правда», 1 марта 1960 года, № 61.

Читатели ждут от писателей нового слова о современности. Заметка.— Газета «Литература и жизнь», 8 апреля 1960 года, № 43.

Под заголовком «Моим землякам» открывала полосу газеты, посвященную произведениям писателей Дона.

В редакцию газеты «Правда». Письмо.— Газета «Правда», 26 апреля 1960 года, № 117.

Ленинская премия была присуждена М. А. Шолохову за роман «Поднятая целина», книги первая и вторая, 22 апреля 1960 года.

Моим землякам. Письмо.— Газета «Литература и жизнь», 12 июня 1960 года, № 69.

Большая, сердечная благодарность *(Из речи в Кремле при вручении Ленинской премии за роман «Поднятая целина»).*— Газеты «Правда», 17 июля 1960 года, № 199 (под заголовком «Высоко держать факел социалистической культуры»); «Литературная газета», 19 июля 1960 года, № 85 (под заголовком «Признательность народа»).

О Семене Давыдове *(Из выступления на Кировском заводе в Ленинграде).*— Впервые — в Собрании сочинений М. А. Шолохова («Библиотека «Огонек», т. 8, М. 1962, стр. 506).

Восхищение и гордость *(О полете первого космонавта Юрия Гагарина).*— Газета «Правда», 13 апреля 1961 года, № 103.

Вот что светит человечеству. Заметка.— Газета «Правда», 5 августа 1961 года, № 217.

Заметка опубликована в номере газеты, посвященном обсуждению проекта нового Устава Коммунистической партии Советского Союза.

Величайший подвиг *(О полете второго космонавта Германа Титова).* Заметка.— Газета «Правда», 10 августа 1961 года, № 233.

Двадцатипятичасовой полет вокруг Земли был осуществлен Г. С. Титовым 6 августа 1961 года.

Речь на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза.— Газеты «Правда», 25 октября 1961 года, № 290; «Литературная газета», 26 октября 1961 года, № 128; «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», т. 2, М. 1962, стр. 161—172.

Всенародный привет тебе, «Правда»! — Газета «Правда», 5 мая 1962 года, № 125.

Сплочение, и еще раз сплочение! Заметка.— Газета «Литература и жизнь», 18 мая 1962 года, № 58.

Сделать больше сегодня — значит завтра иметь больше. Письмо в адрес Третьего областного слета передовиков соревнования за коммунистический труд, состоявшегося в Ростове-на-Дону 22 мая 1962 года во Дворце культуры завода Ростсельмаш.— Газета «Правда», 23 мая 1962 года, № 143.

Юным пионерам. Приветствие.— Газета «Правда», 20 мая 1962 года, № 140.

Послано в связи с 40-летием Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина маленьким землякам писателя. В редакционной заметке, следующей за публикацией этого приветствия, сказано: «Эти теплые слова привета относятся ко всей нашей пионерии».

Верность идеалам коммунизма. Речь.— Газета «Правда», 22 января 1963 года, № 22. Опубликована под заголовком «Интересы народа — превыше всего».

Речь была произнесена на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения А. С. Серафимовича, состоявшемся в Ростове-на-Дону 19 января 1963 года.

Английскому писателю Чарльзу Перси Сноу. Телеграмма.— Газета «Правда», 27 марта 1963 года, № 86.

В редакционной заметке, предшествовавшей тексту телеграммы, говорилось: «Вчера в Ростовском государственном университете состоялось расширенное заседание Ученого совета. Слово предоставляется писателю-академику М. А. Шолохову... М. А. Шолохов отмечает большие заслуги известного английского писателя и ученого сэра Чарльза Сноу. На протяжении долголетней научной и писательской деятельности он активно участвует в борьбе за дело мира, помогает укреплению куль-

турных связей между английским и советским народами. Михаил Александрович вносит предложение о присвоении Чарльзу Сноу почетной степени доктора филологических наук, которое принимается единогласно».

По-отцовски крепко обнимаю. Заметка.— Газета «Правда», 21 июня 1963 года, № 172.

Космический корабль с космонавтом Валерием Быковским на борту был выведен на орбиту 14 июня 1963 года; 16 июня на орбиту спутника Земли был выведен и второй корабль — «Восток-6», впервые в истории космонавтики пилотируемый женщиной — Валентиной Терешковой. Между обоими кораблями была установлена двухсторонняя радиосвязь. 19 июня 1963 года оба корабля успешно приземлились в заданных районах.

С честью послужить народу *(Выступление на совещании писателей Европейского сообщества)*.— Газеты «Правда», 6 августа 1963 года, № 218 (под общим заголовком «Встреча писателей Европы»); «Литературная газета», 6 августа 1963 года, № 95; в сокращении — журнал «Иностранная литература», 1963, № 11, стр. 205.

Совещание, организованное Европейским сообществом писателей, было посвящено судьбам современного романа. На совещании выступили советские писатели М. А. Шолохов, К. А. Федин, Л. М. Леонов, К. М. Симонов, Д. А. Гранин, И. Г. Эренбург, В. А. Аксенов, А. А. Сурков, а также Джузеппе Унгаретти, Джанкарло Вигорелли (Италия), Душан Матич (Югославия), Рене Майо, Ален Роб-Грийе, Натали Саррот (Франция), Тибор Дери (Венгрия), Ганс Магнус Энценсбергер (ФРГ) и многие другие европейские писатели. Их выступления получили широчайший отклик в советской и зарубежной прессе. Глубокий анализ прошедшей дискуссии содержится в статье советского литературоведа И. И. Анисимова «Ленинградский диалог о современном романе» («Иностранная литература», 1963, № 11, стр. 246—252).

Ударникам коммунистического труда. Телеграмма.— Газета «Правда», 17 марта 1964 года, № 77.

Телеграмма послана участникам съезда ударников коммунистического труда колхозов и совхозов Ростовской области. Съезд открылся в Ростове-на-Дону 16 марта 1964 года.

Юным земледельцам. Приветствие слету передовиков ученических производственных бригад Ростовской области.— Газета «Правда», 27 марта 1964 года, № 87.

С радостью принял приглашение. Интервью.— «Литературная газета», 26 мая 1964 года, № 62.

Интервью дано корреспонденту «Литературной газеты» в Москве перед отлетом в Берлин, куда М. А. Шолохов был приглашен Председателем Государственного Совета ГДР Вальтером Ульбрихтом и Союзом немецких писателей.

Жду кировцев в Вешенской. Письмо ветеранам Кировского завода в г. Ленинграде.— «Литературная газета», 9 июня 1964 года, № 68.

М. А. Шолохов был гостем коллектива Кировского завода весной 1961 года. Тогда же писатель пригласил ветеранов-кировцев и руководителей завода приехать к нему в гости, в Вешенскую. Публикуемое письмо уточняет сроки предстоящей встречи.

Прислушайтесь, как говорит рабочий класс... Выступление на встрече с ветеранами Кировского завода и писателями в станице Вешенской.— «Литературная газета», 25 июля 1964 года, № 88.

На встрече, кроме ветеранов-кировцев, присутствовали писатели Михаил Алексеев, Илья Котенко, Виталий Закруткин, Евгений Поповкин, Анатолий Софронов.

Нужны книги о славе и доблести рабочего класса. Заметка.— Газета «Правда», 28 июля 1964 года, № 210.

Пусть крепнет союз людей труда и искусства. Выступление на встрече делегации ленинградского Кировского завода с трудящимися станицы Вешенской.— Журнал «Дон», 1964, № 8, стр. 3—5.

В том же номере журнала «Дон» помещен редакционный очерк-корреспонденция «Встречи на донской земле», содержащий ряд интересных подробностей этой знаменательной встречи. Автор очерка делился своими наблюдениями:

«Отвечая кировцам, Шолохов говорил, поблескивая светлосерыми глазами:

— Вы прекрасно знаете, как создаются сложные машины. Ваш трактор К-700 не сразу появился на свет. Нужны были поиски, проекты, усилия конструкторской и инженерной мысли, всего рабочего коллектива. В литературе происходит то же самое. Только вся эта большая работа падает на плечи одного человека. Он и конструктор, и проектировщик, и фрезеровщик, и шлифовщик. Но каким бы он ни был, все равно работа над произведением начинается с познания жизни. Ведь не всегда

бывает так: если писатель пришел на завод, то он сразу напишет книгу. Нужно длительное изучение, терпение, время, а главное — тесное общение с людьми, героями будущих произведений. Поэтому я придаю большое значение нашей встрече. Как при ударе кресалом о кремень появляются искры, так должны появиться искры творчества.

Говоря об особенностях советской литературы, ее коллективном характере, Михаил Александрович напомнил:

— Литератор пишет отдельные произведения, литературу же создают все писатели. В связи с этим на одном собрании я назвал ростовскую организацию донской литературной ротой, имея в виду, что она — подразделение нашей большой советской литературной дивизии. Донская рота шагает добре, у нее много хороших произведений, известных у нас и в других странах.

...В ходе встречи Михаил Александрович не раз возвращался к мыслям о дальнейшем укреплении дружеского союза людей труда и литературы.

— Я верю в творческий разум ваш и наш,— говорил он.— А коль мы найдем решение большой идейно-художественной задачи, значит, будут у нас настоящие произведения о рабочем классе. Но нужно время, нужна настойчивая, взыскательная работа.

Мы, писатели, ясно видим свой путь. У нас нет иных желаний, как жить нераздельной жизнью с партией и народом, в общем строю сражаться за процветание родной земли. Пусть нелегок наш труд — паруса творчества наполнены свежим ветром. Литература — это широкая, могучая река, подобная Дону. Тот, кто идет в плавание, должен иметь в запасе волю, умение, смелость. Донцы — люди отважные. Они сознают свой великий долг перед народом и постараются оплатить его сполна, в меру своих творческих сил и своего дарования.

Когда художник верен своему призванию, он не может быть вне потока большой, глубоко осмысленной жизни» («Дон», 1964, № 8, стр. 9—12).

Воинам-пограничникам.— Фрагменты письма публиковались в газетах: «Правда», 2 сентября 1964 года, № 246; «Красная звезда», 3 июля 1964 года, № 155; «Литературная газета», 28 ноября 1964 года, № 141.

Публикации фрагмента письма в «Литературной газете» предшествовало следующее редакционное введение: «Газета «Камчатский комсомолец» опубликовала письмо Михаила Шо-

лохова пограничникам Камчатки. Воины одной из застав написали М. А. Шолохову: «В суровом труде нам помогают герои Ваших произведений. Семен Давыдов учит нас преданно любить свою родину, Макар Нагульнов — защищать ее решительно и смело, а дед Щукарь не дает нам вешать носа даже в самые тяжелые минуты». Ответом на послание пограничников и явилось настоящее письмо М. А. Шолохова.

Ленинским внукам. Приветствие комсомольской конференции Вешенского района Ростовской области.— Газета «Правда», 24 января 1965 года, № 24.

Комсомольцам Дона. Приветствие XIV Ростовской областной конференции ВЛКСМ.— Газета «Комсомольская правда», 11 февраля 1965 года, № 34.

Талант — на службу народу *(Вступительное слово на Втором съезде писателей Российской Федерации)*.— Газеты «Правда», 4 марта 1965 года, № 63; «Литературная газета», 4 марта 1965 года, № 27; «Литературная Россия», 4 марта 1965 года, № 10; журнал «Огонек», 1965, март, № 10, стр. 4—5.

Вступительное слово было произнесено М. А. Шолоховым на открытии Второго съезда писателей Российской Федерации в Большом Кремлевском дворце 3 марта 1965 года.

Этого желает человечество. Интервью.— Газета «Правда», 17 марта 1965 года, № 76.

Интервью было дано М. А. Шолоховым корреспонденту Агентства печати «Новости» А. Огнивцеву в городе Хельсинки.

Коммунисты «Тихого Дона» намечают рубежи *(Выступление на партийном собрании в колхозе)*.— Газета «Правда», 16 апреля 1965 года, № 106.

Выступление на открытом партийном собрании колхоза «Тихий Дон» (станица Вешенская), посвященном итогам мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС.

Земле нужны молодые руки *(Беседа с молодежью)*.— Газета «Правда», 17 апреля 1965 года, № 107.

Беседа, в которой приняли участие представители молодежи городов Ростова-на-Дону, Таганрога, колхозов и совхозов Ростовской области, состоялась в станице Вешенской 16 апреля 1965 года.

Быть всегда патриотом *(Из беседы с девушками-горянками Дагестана)*.— Газета «Комсомольская правда», 23 апреля 1965 года, № 95.

Беседа с девушками-горянками из Дагестана проходила во

Дворце пионеров станицы Вешенской в начале апреля 1965 года. Запись беседы вел секретарь Ростовского обкома ВЛКСМ В. Хожало.

Слово благодарности. Выступление на торжественном вечере, посвященном 60-летию М. А. Шолохова.— Газета «Правда», 25 мая 1965 года, № 145 (приведено в отчете, опубликованном под заголовком «Художник революции, ее певец и летописец»).

Вечер состоялся в день 60-летия М. А. Шолохова — 24 мая 1965 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. Вечер открыл К. А. Федин. С докладом «Большое сердце художника» выступил критик Ю. Б. Лукин. М. А. Шолохова приветствовали многие писатели и общественные деятели Советского Союза, а также зарубежные литераторы. Выступление М. А. Шолохова и явилось ответом на эти приветствия.

Письмо в редакцию «Правды».— Газета «Правда», 23 августа 1965 года, № 235.

Двадцать первого августа 1965 года в «Правде» было опубликовано открытое письмо двадцати девяти выдающихся деятелей науки и искусства Советского Союза, адресованное президенту Соединенных Штатов Америки Линдону Б. Джонсону, выражающее протест против преследования негритянского населения в США. В письме, озаглавленном «Мы обвиняем!», говорилось: «Потрясенные до глубины души чудовищной расправой над населением негритянского гетто Лос-Анжелоса, мы обращаемся с этими словами, чтобы выразить чувство негодования, горечи и боли... Надругательства над принципами гуманности, справедливости и морали, где бы они ни совершались — во Вьетнаме, Доминиканской Республике или Лос-Анжелосе,— должны быть прекращены. Мы, как и все советские люди, решительно требуем положить конец бесчинствам. С этим требованием единодушно выступают все народы. С позорными действиями расистов и агрессоров не могут мириться разум, честь и совесть человечества». К этому протесту и присоединился М. А. Шолохов в своем письме, направленном в редакцию «Правды».

Шведской королевской академии. Телеграмма.— Газета «Правда», 19 октября 1965 года, № 292.

Шведская королевская академия присудила М. А. Шолохову Нобелевскую премию по литературе за 1965 год в знак признания художественной силы и честности создателя эпохальных произведений об исторических годах в жизни русского народа.

Подборка откликов мировой печати на это событие под общим заголовком «Один из величайших русских прозаиков» была помещена в том же номере «Правды», что и телеграмма М. А. Шолохова.

В редакцию газеты «Правда». Письмо.— Газета «Правда», 23 октября 1965 года.

Поток поздравлений, шедших в адрес М. А. Шолохова, не иссякал очень долго. С присуждением Нобелевской премии поздравили писателя Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР. Вот текст этого поздравления: «Ростовская область, Станица Вешенская. Товарищу ШОЛОХОВУ Михаилу Александровичу. Дорогой Михаил Александрович! Сердечно поздравляем Вас с присуждением Нобелевской премии. Расцениваем это как еще одно свидетельство мирового признания Вашего выдающегося таланта, неоспоримых достижений литературы социалистического реализма. От души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов. ЦК КПСС. Совет Министров СССР» («Правда», 30 октября 1965 г., № 303; «Литературная газета», 30 октября 1965 г., № 129).

Живая сила реализма. Речь при вручении Нобелевской премии.— Газета «Правда», 12 декабря 1965 года, № 346.

Нобелевская премия по литературе была вручена М. А. Шолохову в Стокгольме 10 декабря 1965 года.

Молодцы наши! Заметка.— Газета «Правда», 5 февраля 1966 года, № 36.

Отклик на одно из важнейших событий в истории завоевания космического пространства. В этом же номере «Правды» было помещено сообщение Телеграфного Агентства Советского Союза: «3 февраля 1966 года в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени автоматическая станция «Луна-9», запущенная 31 января, осуществила мягкую посадку на поверхность Луны в районе Океана Бурь, западнее кратеров Райнер и Марий... По команде с Земли 4 февраля в 4 часа 50 минут по московскому времени станция «Луна-9» начала обзор лунного ландшафта и передачу его изображения на Землю».

Речь на XXIII съезде КПСС.— Газеты «Правда», 2 апреля 1966 года, № 92, «Литературная газета», 2 апреля 1966 года, № 40, «Литературная Россия», 8 апреля 1966 года, № 15; «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет», т. 1, М. 1966, стр. 354—362.

Гуманист тот, кто борется.— Письмо участникам бакинской встречи писателей.— Газета «Труд», 31 августа 1966 года, № 200; под заголовком «Во имя свободы и братства народов» — газета «Правда», 31 августа 1966 года, № 243, в корреспонденции из Баку И. Голика и Л. Таирова; под заголовком «Гуманист тот, кто борется» — «Литературная газета», 1 сентября 1966 года, № 103.

В Баку, на расширенное заседание Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки, прибыли многие советские и зарубежные писатели. Участники бакинской встречи резко выступили против происков неоколониалистов и поджигателей новой войны.

Предисловие к книге «История Кировского завода».— С. Костюченко, И. Хренов, Ю. Федоров, «История Кировского завода. 1917—1945», изд. «Мысль», М. 1966, стр. 5.

«Золотой колос» мне дорог вдвойне *(Выступление в посольстве Польской Народной Республики в Москве)*.— «Литературная газета», 18 января 1967 года, № 3.

Заявление сделано М. А. Шолоховым после получения приза «Золотой колос» и почетной грамоты. «Золотой колос» — приз польских читателей, учрежденный в 1962 году газетой «Дзенник людовы», Министерством культуры и искусства Польской Народной Республики и Союзом сельской молодежи ПНР. Претендент на получение этого приза устанавливается путем опроса читателей с помощью анкет, проводимого библиотеками всей страны. М. А. Шолохов — первый иностранный писатель, награжденный этим почетным призом.

Не троньте Глезоса! Заявление.— Газета «Правда», 29 апреля 1967 года, № 119.

Двадцать первого апреля 1967 года в Греции произошел военно-фашистский переворот. Началась полоса террора. Среди многих прогрессивных деятелей, арестованных хунтой, оказался и национальный герой Греции Манолис Глезос. Заявление М. А. Шолохова выражает мнение советской общественности.

Речь на IV съезде писателей СССР.— Газеты «Правда», 27 мая 1967 года, № 147; «Известия», 27 мая 1967 года, № 123; «Литературная газета», 31 мая 1967 года, № 22; в сокращении — «Литературная Россия», 2 июня 1967 года, № 23.

Речь М. А. Шолохова была произнесена на вечернем заседании съезда 25 мая 1967 года.

Л. Вольпе

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

К ПОДПИСЧИКАМ

По условиям подписки в восьмой том собрания сочинений М. Шолохова должен был войти роман «Они сражались за Родину». Однако работа писателя над этим произведением находится в стадии завершения. В связи с этим произведения, подготовленные, согласно проспекта, для публикации в девятом томе, включены в данный том, который выдается подписчикам в счет внесенного задатка.

Роман «Они сражались за Родину» будет опубликован в девятом томе.

Издательство
«Художественная литература»

Михаил Александрович Шолохов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ 8

*

Редактор *И. Дарманов*

Художественный редактор
Ю. Боярский

Технический редактор
М. Позднякова

Корректоры
Г. Асланянц и *Г. Сурис*

*

Сдано в набор 29/VII 1968 г. Подписано к печати 27/XI 1968 г. Бумага № 1. 84 × 108 1/32. 15,0 печ. л. = 25,2 усл. печ. л. 19,893 уч.-изд. л. Тираж 315 000 (150 001—315 000) экз. Заказ № 2480. Цена 95 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

